

- 1989

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/89

Качество, уровень
и образ жизни

Безопасность в АТР:
концепции и реальность

К 100-летию Ли Дачжао

Предатель Власов:
ступени карьеры

Год Лошади

Путь самурая

Читатели о нашем
журнале

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/89

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

Издается с марта 1972 г.
Москва
Издательство «Прогресс»

СОДЕРЖАНИЕ

Благородные цели науки. Токийская декларация 3
М. Л. ТИТАРЕНКО. 40 лет КНР: достижения и уроки 5

ДИАЛОГИ И ДИСКУССИИ

В. Б. ВОРОНЦОВ, А. А. МУРАДЯН. Безопасность в АТР: концепции и реальность 15

ПУЛЬС РЕГИОНА

Е. Р. БОГАТОВА, А. Ф. КОВАЛЕВ. Новый вектор внешнеэкономической политики
Вьетнама 28
В. В. МИХЕЕВ. Новые индустриальные страны: уроки приватизации 39

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПДВ»

Уровень, качество и образ жизни в условиях социализма 50

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

Л. Д. БОНИ. Чрезвычайные меры и реформа 68
Э. З. ИМАМОВ. Китайское право — единство традиции и законодательной нормы 76
Е. А. КОНОВАЛОВ. Перед лицом экологической угрозы 87

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

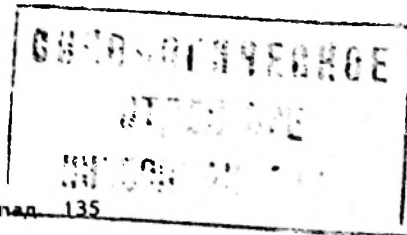
Н. Г. СЕНИН. Борец, мыслитель, гуманист 92
СЮЙ ВАНЬМИНЬ (КНР). Ли Дачжао о китайско-советских отношениях (окончание) 99
М. С. ТАРТАКОВСКИЙ. На весах столетий (Предисловие Б. Я. Ставиского) 106

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» истории

А. Н. КОЛЕСНИК. Каинном не рождаются 124

ГРАНИ СОТРУДНИЧЕСТВА

А. А. ЧИЧКИН. На трансконтинентальных магистралях Восток — Запад 135

ПРОФИЛИ

М. В. БАНЬКОВСКАЯ. Китаем очарованный 143
Сердцем зрячий (Новое о В. Я. Ерошенко. Предисловие Р. С. Белоусова) 151

ПО ГОРОДАМ И СТРАНАМ

Н. Х. АХМЕТШИН. На «Великом шелковом пути»: прошлое и настоящее Дуньхуана 161

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Е. Ю. БОНДАРЕНКО. Сострадание — чувство общечеловеческое 171
В. Ф. СОРОКИН. Встречное движение 174

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

В. Я. СИДИХМЕНОВ. Год Лошади 179
Н. П. НИКОЛАЕНКО. Как встречают Новый год японцы 189
А. А. ДОЛИН. Путь самурая (часть 1) 191

ВОСТОК ГЛАЗАМИ ЗАПАДА

В. Э. МОЛОДЯКОВ. В поисках «корней солнца» (Борис Пильняк о Японии) 201

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Р. Ф. ИТС. Этнические процессы в Камбодже 208
Ю. С. СТОЛЯРОВ. Совместный труд советских и американских исследователей 209
А. А. МАКАРОВ. Романы Н. Задорова в Японии 211
Ю. Е. БУГАЕВ. XXI век — эпоха азиатско-тихоокеанского региона 212

«ПДВ» И ЕГО ЧИТАТЕЛИ

Итоги опроса 217

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

70-летие Л. Н. Кутова 219

СОДЕРЖАНИЕ «ПДВ» ЗА 1989 Г. 221

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале, не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН,
А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИЦ,
И. И. КОВАЛЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ,
С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРЯКОВ,
С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИЦ, Г. С. САДВАКАСОВ,
А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора),
В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО,
Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1989

Благородные цели науки. Токийская декларация

Мы, ректоры университетов и директора исследовательских институтов 60 организаций из 20 стран азиатско-тихоокеанского региона, участвовали во Второй конференции ректоров университетов АТР, проходившей в Токио с 7 по 9 августа 1989 г. Главной темой была роль ректоров университетов и директоров исследовательских институтов в содействии миру и процветанию АТР. Все участники провели активный обмен мнениями в следующих пяти областях:

- а) международное сотрудничество в охране окружающей среды;
- б) пути установления междууниверситетского обмена информацией;
- в) проведение университетами и исследовательскими институтами совместных исследований на двусторонней или многосторонней основе;
- г) обмен программами и обмен учеными;
- д) значение образования для экономического развития.

Мы пришли к следующим выводам и предложили конкретные рекомендации, направленные на то, чтобы эти вопросы получили в мире более широкое признание:

1. Считаю, что повсюду в мире растет осознание необходимости улучшить защиту баланса экологической системы нашей планеты. Как преподаватели и ученые мы несем ответственность за обучение и исследования, направленные на достижение нашей общей цели — сохранение экологической системы Земли посредством сотрудничества во многих областях, включая действия, способствующие предотвращению разрушения окружающей среды в регионе, анализ нынешнего состояния загрязнения, сбор данных, а также изучение фактов такого рода. Мы не должны допустить, чтобы неясность по некоторым из этих вопросов задержала принятие мер по предотвращению дестабилизации мирового климата. В этих целях участники договорились об обмене информацией между университетами и исследовательскими институтами. Было предложено, чтобы рабочие группы ученых по естественным и общественным наукам от стран АТР совместно участвовали в развитии технического сотрудничества, направленного на защиту окружающей среды и дальнейшее распространение технологии.

2. Участники рекомендуют, чтобы обмен информацией между университетами в АТР совершенствовался путем расширения личных контактов и использования появляющихся новшеств в области средств связи и технологии. На конференции было предложено, чтобы конкретные планы осуществления обмена информацией были обсуждены соответствующими университетами.

3. Было предложено, чтобы в интересах поддержания мира во всем мире эта тема была включена в университетские программы с целью показать молодому поколению угрозу ядерного оружия и ознакомить с историей войн.

4. Было предложено шире осуществлять интернационализацию университетских программ и учебных материалов, включая обмен и передачу технологий, а также обмен преподавателями и исследователями, в особен-

ности между академическими институтами стран с различными политическими, экономическими и социальными системами.

5. Наиболее острой для всех стран проблемой является развитие людских ресурсов. Экономическое развитие и развитие людских ресурсов не могут быть отделены друг от друга.

6. Было также предложено, чтобы более значительные ассигнования из источников нынешней экономической и технологической помощи передовых стран развивающимся странам направлялись на подготовку специалистов и целевые исследования. Мы осознаем тот факт, что развитие инфраструктуры является необходимым для развивающихся стран. Тем не менее как в передовых, так и в развивающихся странах отмечают, что без значительных вложений в людские ресурсы затраты на технику не будут использоваться эффективно.

7. В заключение рабочим группам исследователей было предложено подготовить доклады о результатах своей деятельности и представить их III азиатско-тихоокеанской конференции, которая будет проводиться в Дальневосточном государственном университете СССР во Владивостоке в 1991 г.

Бюро связи университетской группы АТР продолжит работу при университете Токай.

40 лет КНР: достижения и уроки

5—7 сентября с. г. в Киеве состоялась научная конференция Всесоюзной ассоциации китаеведов, посвященная 40-летию образования КНР. Свыше 40 китаеведов выступили на ней с докладами и сообщениями, охватывающими самые разнообразные стороны истории, экономики, культуры и политики Китая. Основной доклад на конференции сделал президент ВАКИТ, директор ИДВ АН СССР, доктор философских наук М. Л. Титаренко. Ниже мы публикуем его доклад с некоторыми сокращениями.

Сорок лет назад, 1 октября 1949 года, было провозглашено образование Китайской Народной Республики. Это великое историческое событие явилось результатом длительной самоотверженной революционной борьбы китайского народа под руководством Компартии Китая за национальное и социальное освобождение. Китайская революция, национально-демократический этап которой протекал под сильным влиянием русской революции, стала одной из величайших социальных революций во всемирной истории в одном ряду с Французской революцией и Октябрьской революцией 1917 года. Достижения, опыт и уроки этой революции имеют непреходящее значение. Без углубленного осмысления китайской революции и ее влияния на ход человеческой истории середины XX века и последующий период научный социализм не может дать цельной картины развития ни социализма, ни общечеловеческой цивилизации нашего столетия, ни тем более прогнозировать дальнейшие судьбы мира. Советское общество и наша наука в ходе перестройки переживают процесс освобождения научного сознания от устаревших форм и стереотипов и настройки его на новое прочтение многих исторических явлений и событий. Это в полной мере относится и к Китаю, и к китайской революции.

К 4-й годовщине Октябрьской революции В. И. Ленин написал статью под знаменательным названием: «О значении золота теперь и после полной победы социализма». В ней содержится ряд принципиальных положений, значение которых для судеб социализма не только не уменьшилось со временем, но — многократно возросло. «Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции, — пишет В. И. Ленин, — это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее». И далее: «Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к «реформистскому», постепеновскому, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства»¹. «Нет ли тут «сдачи позиций», «признания краха» или чего-либо подобного?» — спрашивает Владимир Ильич. Эти слова написаны после того, как Ленин сформировал и провозгласил НЭП или, говоря его словами, политику перехода «к правильным хозяйственным взаимоотношениям пролетариата и крестьянства», показал значение и условия «допустимости капитализма и концессий Советской властью»².

В той же статье содержится и такая чрезвычайно поучительная мысль: «Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности,

забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов»³.

Ленин своевременно предупреждал революционеров об опасности самообольщения, революционного романтизма, призывал к самокритике, умению быстро исправлять ошибки и просчеты. Он писал: «Теоретически: во время революции делаются глупости, как и во всякое другое время,— говорил Энгельс,— и говорил правду. Надо стараться поменьше их делать и поскорее исправлять сделанные, учитывая как можно трезвее, какие задачи и когда можно и какие нельзя решать приемами революционными»⁴.

Опыт китайской революции и строительства нового общества в этой огромной стране, так же, как и опыт нашей революции и социалистического строительства, убедительно показал актуальность этих ленинских заветов. Печальный опыт и тяжелые последствия отката от «реформистской» политики НЭПа, террор 30—40-х годов в СССР, равно как и тяжелые последствия политики «трех красных знамен», «культурной революции», теории Мао Цзэдуна о классовой борьбе и «продолжении революции в условиях диктатуры пролетариата» — серьезный урок для коммунистов.

В 1949 году в индустриальном развитии Китай минимум на 100—150 лет отставал от экономически развитых стран. За 40 лет, прошедших после образования республики, экономика страны, преодолевая многовековую отсталость и полуколониальную зависимость, получила значительное развитие. Ныне КНР занимает одно из ведущих мест в мире: по производству угля, цемента, хлопчатобумажных тканей, зерна; по поголовью свиней — первое место в мире; по производству химических удобрений — третье место в мире; по добыче нефти, производству бумаги, выплавке стали — четвертое место в мире; по производству электроэнергии — пятое место в мире. В стоимостном выражении валовая продукция промышленности возросла по сравнению с 1949 годом более чем в 39 раз.

Для сравнения можно отметить, что в 1949 г. страна занимала 9-е место в мире по добыче угля, 23-е — по выплавке чугуна, 26-е — по выплавке стали, 25-е — по производству электроэнергии.

За 40 лет после победы народной революции в КНР построено более 370 тыс. промышленных предприятий, в том числе 4 тыс. крупных и средних. Выпуск основных видов продукции возрос по сравнению с наивысшим дореволюционным уровнем: по тканям — в 5,9 раза, углю — в 14,5 раза, выработке электроэнергии — в 75 раз, стали — в 57, цементу — 73, металлообрабатывающим станкам — более чем в 30 раз. Нынешняя отраслевая структура промышленности представлена более чем 360 отраслями. По количеству промышленных предприятий и числу занятых на них КНР занимает первое место в мире.

Комплексным выражением экономических и научно-технических возможностей КНР являются достижения в развитии космонавтики, термоядерных исследований, создание супер-ЭВМ пятого поколения, синтез элементов белка, достижения в области медицины, изучении сверхпроводимости в условиях высоких температур и т. д.

За годы народной власти резко возросли расходы на народное образование и науку. В 1952 г. на народное образование расходовалось 1,1 млрд. юаней, а в 1985 г. — 31,2 млрд. юаней. Расходы на науку в 1953 г. составляли 560 млн. юаней, а в 1985 г. — 10,2 млрд. юаней. Количество специалистов негуманитарного профиля выросло с 425 тыс. человек в 1952 г. до 8,8 млн. человек в 1987 г.

Большие изменения произошли в сельском хозяйстве. В 1988 г. в валовом общественном продукте КНР на продукцию сельского хозяйства приходи-

лось 21 % (в 1949 г.— 70 %), промышленности — 59 %, строительства — 11 %, на транспорт — 3 % и на торговлю — 6 %. Из отсталой аграрной страны Китай превратился в аграрно-индустриальную страну.

В настоящее время производство основных видов продукции составляет: угля — 920 млн. т, нефти — 134 млн. т, электроэнергии — 496 млрд. кВт·ч, стали — 65 млн. т.

По прогнозам китайских экономистов, к началу XXI века на КНР будет приходиться 30 % сборов важнейших сельскохозяйственных культур, 15 % добычи первичных энергоносителей, 15—18 % промышленного производства и 5 % мирового товарооборота.

Победа революции и образование Народной республики при всей их первостепенной важности явились лишь первыми шагами на пути строительства нового общества. Придя к власти, Коммунистическая партия Китая столкнулась с комплексом новых крупных социально-экономических и политических проблем. Главными из них были низкий уровень развития производительных сил, крайняя бедность, культурная отсталость и неграмотность большинства населения, весьма скудные экономические ресурсы, сильное влияние традиционной патриархально-феодалной идеологии и обычаев. Все это, накладывая свой отпечаток на ход социалистического строительства, и составило специфику Китая.

Вместе с тем наличествовали важные факторы, облегчавшие начало этого строительства. Ко времени победы революции государственный сектор в промышленности был преобладающим. В деревне и до, и после аграрных преобразований, давших крестьянам землю, мелкобуржуазные элементы не усилились в сколько-нибудь серьезной степени, что позволило сравнительно легко перейти к различным формам кооперирования сельского хозяйства.

На стороне победившего китайского народа был Советский Союз и другие социалистические страны Европы и Азии, первыми признавшие КНР и оказывавшие Китаю посильную всестороннюю помощь в создании материально-технической базы социализма, повышении обороноспособности страны и укреплении ее международных позиций. В соответствии с подписанным в феврале 1950 г. Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, а также рядом других двусторонних соглашений, советская сторона взяла на себя обязательство оказывать Китаю помощь в строительстве и реконструкции крупных промышленных предприятий, поставлять необходимые товары и ресурсы. Многообразная помощь СССР и стран народной демократии помогла добиться быстрого восстановления народного хозяйства страны, укрепления ее оборонного потенциала, подъема культуры. Достигнутые успехи в деле возрождения страны послужили основой для провозглашения перехода к постепенному планомерному строительству социализма.

Намеченная генеральной линией КПК в переходный период (1953) долгосрочная стратегия социально-экономического развития Китая была реалистичной. Она предусматривала поэтапное создание материально-технической базы, развитие производительных сил, создание духовных предпосылок строительства нового общества в условиях развития и совершенствования системы «нового демократизма» — политического союза рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и патриотически настроенной буржуазии при широком развитии дружественных связей с миром социализма.

Однако быстрое развитие экономики в восстановительный период и годы первой пятилетки, реальное улучшение жизни населения, успехи в строительстве нового общества породили левацкие представления о возмож-

ности еще более быстрого движения вперед. Противоречие между потребностями ускоренной индустриализации и возможностями сельского хозяйства как источника накоплений, поставщика продовольствия и сырья для легкой промышленности вели к напряженному положению в экономике. Выход был найден на путях резкого ускорения темпов кооперирования деревни на отсталой материальной базе, а также сплошного преобразования частнокапиталистической промышленности и торговли.

Анализ успехов и ошибок, обобщение опыта первых лет социалистического строительства были по ряду принципиальных направлений осуществлены на VIII съезде КПК, который состоялся в сентябре 1956 г. Съезд одобрил генеральную линию партии и отверг попытки ее ревизии, вызвавшиеся в форсировании преобразований и темпов развития. Принятые съездом предложения по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства в целом более реалистично оценивали возможности Китая, и с экономической точки зрения были хотя и завышенными, но не чрезмерно.

Следует подчеркнуть, что VIII съезд КПК закрепил внешнеполитический курс КНР, который предусматривал укрепление дружбы и сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами; борьбу за мир, против угрозы новой войны; установление и развитие дипломатических, экономических и культурных связей со всеми странами; поддержку антиколониальной борьбы народов, социалистического движения рабочего класса и трудящихся всего мира. Следуя этому курсу, Китайская Народная Республика успешно расширяла свои международные связи, завоевывая все больший авторитет на мировой арене.

VIII съезд Компартии Китая сыграл исключительно важную роль в развитии политической системы страны и самой партии. Отход от духа и буквы решений VIII съезда, как показали последующие события, был чреват серьезными ошибками и упущениями в социалистическом строительстве, что отразилось не только на жизни китайского народа, но и на развитии мирового социализма в целом.

Как представляется, роковую роль сыграла динамика идеологической ситуации в КПК, которая характеризовалась усилением левацких, авангардистских тенденций, стремлением «перескочить» необходимые этапы развития, подменить повседневную кропотливую работу в сфере экономики и культуры массовыми кампаниями и командно-административными методами.

Уже в начале шестидесятых годов начинается идейно-теоретическое обоснование, раздувание классово-борьбы и политическая подготовка будущих репрессий периода «культурной революции», нагнетание в стране и партии атмосферы культа личности.

О «культурной революции» много написано. Можно лишь еще раз присоединиться к оценке этого мрачного периода китайской истории как величайшего бедствия, ввергнувшего страну в хаос, поставившего ее на грань социально-экономической и политической катастрофы. В Китае названы и подлинники виновники случившегося. Для коммунистов и всех строителей социализма эти события — тяжелый и крайне поучительный урок.

Конец 50-х — первая половина 60-х годов являются, пожалуй, наиболее драматичной страницей истории советско-китайских отношений. Именно в это время тесные союзнические отношения и атмосфера «великой дружбы» сменились отчуждением и конфронтацией. Сейчас, когда отношениям двух наших стран и партий дан новый старт, важно разобраться в истоках и причинах того, что произошло, извлечь необходимые уроки на будущее.

Вопрос этот исключительно сложен, требует глубокого осмысления и

теоретического обобщения, — причем, силами не только советских и китайских, но и всех обществоведов-марксистов. /

Сама по себе полемика по актуальным вопросам теории — проявление диалектического процесса рождения истины и должна рассматриваться как явление нормальное. Однако почему все же полемика переросла в конфронтацию, и кто несет ответственность за такой исход?

Видимо, каждая из сторон несет свою долю ответственности — за нетерпимость, перехлесты, стремление политизировать дискуссию, перенести идеологические споры в сферу межгосударственных отношений. В ходе майской встречи М. С. Горбачева и Дэн Сяопина стороны пришли к выводу о том, чтобы ветер истории унес все наносное в советско-китайских отношениях и открыл будущее.

* * *

Осмысливая 40-летний путь развития Китая, необходимо вновь подчеркнуть историческую оправданность выбранного китайским народом пути развития своей страны.

В горниле суровых испытаний и потрясений произошло подлинное духовное раскрепощение китайской нации. Китай превратился в полноправного члена мирового сообщества, великую державу, к голосу которой прислушиваются повсюду в мире.

Тем не менее, Китай продолжает оставаться пока экономически отсталой страной, поскольку по основному сопоставимому показателю, определяющему уровень экономического развития любой страны — национальному доходу на душу населения — КНР заметно отстает не только от экономически развитых стран мира, таких, как США, Япония, ФРГ, Франция, Великобритания, но и от многих развивающихся стран — Индонезии, Малайзии, Индии.

Можно с уверенностью сказать, что Китай добился бы несравненно больших успехов в развитии, если бы не два «потерянных десятилетия» (1958—1977), когда в стране проводились «большой скачок» и «культурная революция», в значительной степени нарушившие нормальное социалистическое развитие китайского общества. Однако история не имеет снисходительного наклона, поэтому продуктивным представляется не смакование самих трудностей и ошибок, допущенных в ходе выработки стратегии и тактики социалистического строительства, а осмысление уроков этих ошибок, обобщение исторического опыта развития и углубления теории научного социализма.

Это крайне важная задача, стоящая перед всем марксистско-ленинским обществоведением, включая китаеведение. Дело в том, что после известной работы Энгельса о переходе социализма от утопии к науке марксисты решили, что с возникновением марксизма-ленинизма утопический социализм сошел с исторической арены, а представления Маркса, Энгельса, Ленина и их выдающихся учеников априори рассматривались как научно обоснованные и абсолютно истинные. Но, как гласит принцип марксистской гносеологии, критерием истины является практика, а 70-летняя практика построения социализма в СССР и 40-летний опыт Китая показывают, что в теоретических разработках, которые мы первоначально рассматривали как научно обоснованные, содержалось немало элементов утопизма, революционного романтизма, революционной нетерпимости, порой переходящих в леваческий революционаризм. Опыт нашей страны и нашей партии, так

же как и практика Китайской Народной Республики и Коммунистической партии Китая, наглядно подтверждают этот тезис.

Опыт Китая, вступившего на путь некапиталистического, социалистического развития и модернизации, — важнейшая составная часть теории и практики мирового социализма. Сорок лет движения по новому пути были временем успехов и неудач, поиска специфических форм и методов строительства социализма с учетом конкретно-исторических условий одной из крупнейших, многонаселенных и отсталых стран Востока.

Соотношение общих закономерностей и специфически китайских особенностей строительства социализма определило не только конкретный ход построения нового общества под руководством КПК, но и уникальность опыта Китая и вместе с тем его мировую значимость.

Наряду с многими историческими достижениями китайская революция и 40-летняя практика строительства социализма преподнесли и целый ряд весьма поучительных уроков.

Первое. Идеализация насилия, революционного террора и культ вождей, идеализация тех революционных сил, которые были авангардом движения, приводили порой к искажению идеала революции и таким драматическим явлениям, как «культурная революция», гонениям на интеллигенцию. Идеализация и самой революции, и противопоставление ее другим неотъемлемым элементам человеческого прогресса — эволюции, реформам, научно-техническому прогрессу, нравственному и гуманитарному воспитанию и просвещению. Китайская революция, так же как и Октябрьская революция в России, испытала огромное влияние примера Французской революции. Это сказалось в том числе и в идеализации роли революционного насилия, террора, как средства не только пресечения происков контрреволюции, но и как способ форсировать социально-экономические процессы создания нового общества, что порождало революционаризм.

Вместе с тем, выступая против идеализации и абсолютизации насилия как единственно возможного способа прогресса в истории, было бы, видимо, проявлением романтизма и утопизма уже сейчас списывать насилие как способ самозащиты революции и ее завоеваний, к которому в определенных конкретно-исторических условиях новый строй вынужден прибегать для отражения вооруженных происков контрреволюции. Как указывал В. И. Ленин, серьезной можно считать только ту революцию, которая умеет и способна защищаться.

Второе. Поскольку в мировой практике было недостаточно реального практического опыта строительства социализма или он отсутствовал вовсе, сами представления о социалистическом строительстве и темпах его развития были далеки от реальных возможностей. Коммунистам думалось, что социализм можно построить за несколько пятилеток, и сами критерии строительства социализма были также весьма, как показывает нынешняя практика, упрощены.

Понятное стремление показать преимущества нового социалистического строя, нового светлого будущего человечества нередко приводило к подмене научного анализа пропагандистскими подходами и схемами, что выразилось в крайней идеализации социалистического общества и порой чрезмерном необъективном очернении общества, предшествовавшего социализму, — капиталистического. В результате вместо реального трезвого анализа капитализма во всей его сложности и многообразности, противоречивости был создан образ неуклонно загнивающего общества, которое, согласно этой пропагандистской концепции, держится лишь на штыках аппарата насилия. Марксистская мысль о преемственности развития, ленинское указание о

необходимости коммунистов учиться у капиталистов хозяйствованию, современным методам управления экономикой были фактически отброшены. Они становились ненужными в рамках той мифологической схемы капитализма, которая утвердилась в нашей пропаганде.

Третье. Сложившиеся ко времени победы китайской революции представления о социализме и существовавший в то время реальный опыт такого строительства в Советском Союзе особое значение придавали обобществлению всех средств производства, огосударствлению земли, богатств недр, средств производства и полной ликвидации частной собственности на крупные орудия труда; сфера индивидуальной собственности резко сужалась. Считалось, что, чем больше, шире и глубже степень обобществления, тем социалистичнее общество. Однако эта практика противоречила марксистскому же тезису о реальном эффективном обобществлении.

Четвертое. Во многом упрощенными оказались схемы перевода на социалистический путь сельского хозяйства и крестьянства. Поспешность, проявленная в ходе коллективизации сельского хозяйства, раздувание негативных черт крестьянина как собственника и нагнетание угрозы контрреволюции со стороны крестьянства породили целый ряд крайне негативных для социализма явлений, привели к отрыву крестьянства от земли, раскрестьяниванию, в результате чего земля была объявлена общенародной собственностью, а на деле оказалась как бы ничейной, что привело к резкому падению производительности труда в аграрном секторе, научно-техническому отставанию этого сектора. В итоге социалистическое общество получало хроническую продовольственную проблему.

Пятое. Преувеличение и абсолютизация роли субъективного фактора в строительстве социализма приводили нередко к засилью в политике откровенного волюнтаризма, игнорированию объективных экономических законов, социальному прожектерству.

Шестое. Сложным, порой драматическим путем шло и идет осознание реального исторического места и социальных рамок действия диктатуры пролетариата или диктатуры союза демократических классов (породивших такое странное словосочетание, как «демократическая диктатура»). Не менее сложным является процесс реализации на практике положения об ограниченной взаимосвязи социализма и демократии при осуществлении руководящей роли коммунистической партии.

Партия выступает и как авангард всех трудящихся, и как интегрирующая политическая сила, позволяющая в рамках демократической системы находить баланс интересов различных классов, социальных групп и отдельных граждан, равноправных членов социалистического общества. Уроки «культурной революции» и недавние трагические события на площади Тяньаньмэнь показывают, какие высокие требования предъявляет практика к политике компартии, ее способности к суровой самокритике, преодолению бюрократизма и явлений загнивания и разложения, к ее идеологической целеустремленности и цельности. Вместе с тем жизнь показывает, что ослабление интегрирующей роли компартии, появление идеологического разброда в ее рядах опасны не только для самой партии, но и для общества в целом, так как ведут к подрыву политической стабильности общества, социальному кризису.

Разумеется, сказанное отнюдь не означает неизбежности ограничения демократии при проведении реформы социализма. Вообще альтернатива «демократия — авторитаризм» представляется в данном случае упрощенной. Партия, выступающая застрельщиком реформы и перестройки и несущая ответственность за судьбу социализма, естественно, не может действовать

вопреки своей программе и против интересов тех классов, чьи интересы она призвана представлять и защищать. Именно поэтому компария — за расширение рамок демократии в общем контексте политических и социально-экономических преобразований.

Драматическое развитие событий в Китае весной и в начале июня 1989 года показало, сколь сложным является путь реформ и одновременного развития демократии. Полагая, что эти процессы являются внутренним делом Китая, мы надеемся, как это подчеркивалось на Съезде народных депутатов СССР и в заявлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета М. С. Горбачева, что китайский народ под руководством КПК преодолет возникшие трудности и продолжит свое поступательное движение по пути социалистического строительства и модернизации.

Иногда на научных конференциях и в выступлениях печати можно встретить утверждение о том, что трудности, возникшие в развитии социализма в Китае, вызваны не сложностью определения политики и выбора путей решения стоящих проблем, а якобы predetermined ошибочностью первоначального выбора. Китай, дескать, не созрел для социализма, и выбор социалистического пути Китая был не оправдан, преждевременен. Китаю нужно было пройти, утверждают эти авторы, еще длительный путь капиталистического развития, прежде чем мог быть поставлен вопрос о переходе к строительству социализма. Таким образом нас возвращают к той самой проблеме, которая стояла в России перед и после Октябрьской революции и которая получила, на мой взгляд, глубокое освещение в работах В. И. Ленина, и, в частности, в его политическом завещании.

Вспомним хотя бы это провидческое рассуждение: «Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»⁵ И далее: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»⁶.

А вот и прямой ответ нашим скептикам: «...Дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»⁷.

Нет сомнения в том, что победа китайской революции и образование Народной Республики, выбор социалистического пути развития этой страной во многом стали возможны благодаря сочетанию ряда благоприятных внутренних и внешних факторов. Героическая борьба широких революционных масс под руководством коммунистов завершилась разгромом сил реакции в условиях победы антифашистской коалиции во второй мировой войне и при непосредственной поддержке и решающем вкладе СССР и других прогрессивных сил. «Если бы не существовало Советского Союза,— отмечал

в свое время Мао Цзэдун, — если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский милитаризм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии, если бы не было усиливающейся борьбы угнетенных стран Востока, если бы не было борьбы народных масс в Соединенных Штатах, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и других капиталистических странах против правящей реакционной клики, если бы не было всех этих факторов, то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы гораздо сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет. Точно так же невозможно было бы закрепить победу после ее достижения»⁸.

Углубленное изучение опыта социалистического строительства Китая во всей его сложности и многогранности является важным моментом, звеном самопознания социализма, позволит уточнить на основании практического опыта целый ряд принципиальных положений общей теории научного социализма, включая такие, как соотношение базиса и надстройки, концепция общенародной, кооперативной, групповой и индивидуальной собственности, уточнить общую схему развития капитализма и диалектику взаимовлияния, взаимозависимости социализма и капитализма, выработать более реалистичную политику в области культуры, межнациональных отношений, баланса интересов социалистических и капиталистических государств.

В свете вышесказанного, перед учеными, перед китаеведением стоит задача по-новому осмыслить ход китайской революции и опыт строительства социализма в этой стране. Советские китаеведы развертывают изучение опыта китайской революции и социалистического строительства в рамках общеакадемической программы «Китай и социализм: история, современность и перспективы».

Юбилейный для Китая год отмечен событием исключительной важности, поистине мирового значения. Речь идет о визите в КНР М. С. Горбачева, ознаменовавшем нормализацию межгосударственных отношений между Советским Союзом и Китаем, а также восстановление связей двух крупнейших коммунистических партий — КПСС и КПК. Это отвечает коренным интересам и чаяниям народов двух стран, способствует сохранению мира и стабильности во всем мире. Советско-китайская встреча на высшем уровне оказала благотворное воздействие на консолидацию мира социализма, оздоровление ситуации в международном коммунистическом движении.

Глубокие структурные преобразования в СССР и КНР, что также было отмечено в ходе визита, обуславливают полезность взаимного обмена информацией и опытом в области социалистического строительства, перестройки и реформы, а также мнениями по вопросам двусторонних отношений и международной обстановки, представляющим взаимный интерес. Хороший, конструктивный настрой содержится и во взаимосогласованной формулировке о том, что разногласия по тем или иным вопросам не должны препятствовать развитию отношения между двумя государствами. Воистину должный урок из прошлого извлечен обеими сторонами.

Обнадеживает совпадение или близость точек зрения сторон по широкому спектру международных вопросов. Это дает основание говорить о концептуальной близости нового политического мышления и стремления КНР к установлению нового международного политического порядка на основе принципов мирного сосуществования.

Восстановлены, наконец, отношения двух крупнейших и влиятельнейших коммунистических партий мира — КПСС и КПК. Отныне они будут осуществлять контакты и обмены в соответствии с принципами независимости и само-

стоятельности, полного равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела.

Визит в КНР на высшем уровне был победой нового мышления, прорывом к новому уровню сотрудничества и взаимопонимания в азиатско-тихоокеанском регионе и во всем мире. Это событие становится в ряд с заключением Договора о ликвидации РСМД и выводом наших войск из Афганистана. Визит стал общей победой, общим достижением советского и китайского народов. Есть все основания быть уверенными в том, что в советско-китайских отношениях наступает период подлинного добрососедства и длительного стабильного сотрудничества.

История КНР и ее сегодняшней день убедительно доказывают, что росток социализма прижился на азиатской почве и пустил крепкие корни. Попытки некоторых буржуазных теоретиков истолковать нынешние трудности в Советском Союзе и Китае как «безысходный кризис», который якобы «приведет к полному краху коммунизма» как политического движения и реально существующей в мире социально-экономической системы,— есть не что иное, как стремление выдать желаемое за действительное, проявление замшелого антикоммунизма.

Опыт и уроки 40-летнего развития Китайской Народной Республики свидетельствуют еще об одном — о жизненной силе научного социализма, его способности критически переоценивать самое себя и, отвечая на вызов времени, радикально обновляться и двигаться вперед. В этом залог дальнейшего прогресса социализма — и китайского, и мирового.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч.— Т. 44.— С. 221.

² Там же.— С. 221, 7, 8.

³ Там же.— С. 223.

⁴ Там же.— С. 223—224.

⁵ Там же.— Т. 45.— С. 380.

⁶ Там же.— С. 381.

⁷ Там же.

⁸ Мао Цзэдун. О диктатуре народной демократии.— М., 1949.— С. 9.

Проблемы безопасности в АТР, от решения которых во многом зависят судьбы мира в целом, приобретают с каждым днем все большую актуальность, становятся в центре дискуссий на встречах различного уровня. В прошедшем году на страницах ПДВ со статьями по актуальной международно-политической тематике выступил среди других авторов доктор исторических наук Мурдян Артур Андраникович¹. Ниже мы предлагаем читателю познакомиться с проблемами, которые нашли отражение в диалоге редакции с А. А. Мурадяном. Со стороны журнала беседу провел главный редактор Воронцов Владилен Борисович.

В. В.: Артур Андраникович, в прошлом году вышла из печати Ваша книга «Буржуазные теории международной политики. Критический анализ», и в настоящее время готовится к изданию работа, посвященная основным категориям международно-политической теории. Не столь уж часто приходится встречать китаеведа, имеющего столь широкий круг научных интересов. Поэтому нам хотелось бы воспользоваться встречей с Вами для обсуждения проблем безопасности, главным образом ее регионального аспекта, касающегося АТР. Прежде чем перейти непосредственно к теме, не лишне, видимо, возвратиться к вопросу о существующих дефинициях безопасности. Каково Ваше представление о понятии «безопасность»?

О дефинициях, или слово о словах

А. М.: И в нашей, и в зарубежной теоретической литературе наиболее употребительно определение национальной безопасности как способности государства «защитить себя от внешних источников угрозы своему существованию». Национальная безопасность, согласно «Британской энциклопедии», означает «безопасность нации от угрозы подчинения внешней силе», а международная безопасность — это «общая цель государств, сотрудничающих во имя поддержания их национальной безопасности». Традиционно основными типами политики безопасности считалось укрепление собственных вооруженных сил, создание военных союзов, уравнивающих друг друга («баланс сил»), и поддержание коллективной безопасности, которая трактовалась как система, обеспечивающая защиту жертвы агрессии со стороны группы государств.

В. В.: Появление такого рода дефиниций было, как представляется, исторически оправдано, поскольку в международных отношениях времен, скажем, классического колониализма господствовало кулачное право, а основная цель дипломатии как средства международной политики сводилась главным образом к тому, чтобы подготовить наиболее благоприятные внешнеполитические условия для ведения очередной войны с целью передела сфер влияния. И поскольку Вы склонны рассматривать понятие «международная политика» в качестве фундаментальной категории международно-политической теории, то дипломатия, безопасность, война, внешнеполитическая пропаганда и т. д. выступали как инструменты этой политики. Теперь, на наших глазах, претерпевают изменения содержание, формы международной политики. В чем вы усматриваете подобные изменения? Сохраняется ли и ныне инерция военно-силового мышления в области международно-политической теории.

А. М.: В последние десятилетия в международно-политической науке все более авторитетной становится точка зрения, что безопасность — это прежде всего безопасность от войны, а главная функция дипломатии, политики безопасности, — предотвращение вооруженного конфликта. Война как одна из основных форм внешней

политики фактически полностью утратила качества рационального ее средства. Внешне-политическая пропаганда из инструмента дезинформации противника, его «одурачивания» превращается в свою противоположность — в канал объективной информации мирового общественного мнения, в орудие укрепления доверия между государствами. Меняется и содержание политики безопасности, утрачивающей «силовой» характер.

Исторически традиционно все формы политики безопасности обеспечивались прежде всего военной силой. Отсюда в бытовом и научном сознании — устойчивое представление о некоей самостоятельной сущности и роли «силы» в международных отношениях, так сказать, «военно-силовой фетишизм». Инерция «силового» мышления в области международно-политической теории сохраняется до сих пор, хотя социальные условия в мире изменились весьма существенно. Буквально на глазах обеспечение и защита социальных интересов, а следовательно, и всех форм безопасности, смещается из чисто военной области в сферы техники, технологии, науки, экономики. Соответственно, претерпевают изменения и концепции безопасности — национальной, региональной, всеобщей. Концепция азиатско-тихоокеанской безопасности в этом смысле не исключение.

В. В. Итак, проблемы безопасности азиатско-тихоокеанского региона. Но каковы границы этого региона? Можно ли считать аксиоматичным определение АТР, географические рамки которого имеют тенденцию к изменению как в официальных документах, так и в научных статьях? Выступавший на страницах нашего журнала Алиев Р. Ш. А. полагает, что АТР нельзя рассматривать в качестве целостного региона, поскольку географический принцип не может лечь в основу методики определения его границ. Некоторые специалисты склонны отдать в данном случае предпочтение показателю степени экономической интеграции и наличию общих международно-политических проблем.

А. М. Да, действительно, в нашей и зарубежной литературе мы встречаемся сегодня при обсуждении этой темы с большим разнобоем во мнениях.

В. В. Целесообразно, видимо, признать определенную условность термина АТР, к тому же для нашей беседы этот вопрос вряд ли следует считать в высшей степени актуальным. Разве принципы международной политики безопасности по своей сущности можно делить на европейские, азиатские, тихоокеанские и т. д.? Но все же, имея в виду известные условности, какая же трактовка географических рамок региона с международно-политической точки зрения предпочтительней?

А. М.: Высказывается, например, мнение о целесообразности ограничить этот регион на западе странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, на юге — Австралией, Новой Зеландией и островными государствами южной части Тихого океана, исключив из его пределов тихоокеанское побережье Северной и Южной Америки, страны Южной Азии, в том числе и Индию. Согласно другим критериям, в АТР включают на западе Индию, Пакистан и Афганистан, на востоке — тихоокеанское побережье обеих Америк, но в качестве стержневых государств выделяют так называемое «тихоокеанское кольцо», которое объединяет Японию, Южную Корею, Тайвань, Сингапур, Гонконг, Индонезию, Малайзию, Таиланд, Филиппины и КНР. Есть еще более «узкая» трактовка «тихоокеанского кольца»: Япония, «четыре дракона» и АСЕАН. в этом случае чаще говорят о «восточно-азиатском кольце».

В политическом плане мне представляется целесообразной расширительная трактовка границ региона с тем, чтобы включить в него крупнейшие по площади и численности населения страны — Советский Союз, КНР, США, Индию, Японию, Индонезию и др. В этом случае территория региона составит почти половину земного шара, в его пределах окажется большая часть человечества. На страны АТР в таком случае придется до 60 % промышленного производства капиталистического мира и половина мировой торговли.

С точки зрения экономического анализа такой подход не очень удобен.

Как известно, в капиталистическом мире сейчас сформировались три крупных интеграционных массива: западноевропейский, североамериканский и восточноазиатский. Западноевропейский центр, включающий 12 государств (их население 332 млн. человек, ВВП 3,4 триллиона долл., доля в мировом экспорте — 40,9 %, импорте — 39,6 %), предполагает к 1992 г. еще больше упрочить свое единство, создав единый внутренний рынок товаров, капиталов и рабочей силы. Североамериканский центр (населе-

ние 267 млн. человек, ВВП — 4,5 триллиона долл., доля в мировом экспорте — 14,9 %, импорте — 21,4 %) формально возник после 1 января 1989 г., когда было подписано соглашение о свободной торговле между США и Канадой, но фактически существует уже не один год. Возможно, со временем к нему подключатся Мексика и страны Карибского бассейна. Согласно американо-канадскому соглашению, тарифы в торговле между двумя странами будут ликвидированы в три приема, чтобы к январю 1998 г. торговля стала беспощинной. Кроме того, будут устранены ограничения на движение рабочей силы и капиталов между США и Канадой.

Восточноазиатский центр (население 481 млн. чел., ВВП — 2,4 триллиона долл., доля в мировом экспорте 19,6 %, импорте — 14,6 %) * — это неформальная экономическая группа государств (Япония, страны АСЕАН и «малые драконы» — Южная Корея, Тайвань, Гонконг), которые не связаны в отличие от первых двух центров какими-либо официальными межгосударственными соглашениями интеграционного характера. Их объединяет крупная взаимная торговля, взаимные инвестиции, влияние японской иены и японского рынка. В перспективе возможно более глубокое вовлечение Китая в сферу влияния восточноазиатского центра.

Есть и четвертый интеграционный массив, объединенный Советом Экономической Взаимопомощи. По формальным показателям (население, ВВП, торговля) он вполне сопоставим с тремя вышеупомянутыми интеграционными группами не социалистического мира. Хуже дело обстоит с качеством внутренних интеграционных связей в рамках СЭВ. И совсем плохо с участием социалистических стран в наращивании взаимодействия с другими интеграционными центрами. Сейчас наблюдаются процессы расширения и углубления связей между указанными «центрами», например между североамериканским и восточноазиатским интеграционными массивами. Образуется гигантское азиатско-тихоокеанское интеграционное экономическое поле. К примеру, торговля США со странами АТР в конце 80-х годов достигла 271 млрд. долл. (с Европой — 170 млрд. долл.). По прогнозам к 2000 г. транстихоокеанская торговля превысит трансатлантическую вдвое. Важно отметить, что страны региона все глубже вовлекаются во взаимную экономическую деятельность, в частности, в торговлю. Так, в США на них приходится более 50 % внешнеторгового оборота, в Японии — 60, в КНР — более 60 %.

Во внешнеторговом обороте Советского Союза на АТР приходится менее 10 %. Еще более красноречива наша доля во внешней торговле Японии — всего 1,3 %, и столь же низка доля Японии в советской внешней торговле — 2 %. Все это — результат и следствие неудовлетворительного положения в нашей экономике. Принятые решения по Долгосрочной государственной программе комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период до 2000 г. не выполняются. Степень вовлеченности советской экономики в международное разделение труда в АТР, ее участие в набирающих здесь силу интеграционных процессах неудовлетворительны и вызывают тревогу. О причинах создавшегося положения и рекомендации по его исправлению говорилось во время дискуссии в журнале ПДВ*.

В. В.: Приведенные Вами аргументы еще раз подтверждают условность принятых в нашей и в зарубежной литературе границ АТР. В докладе Государственного секретаря Дж. Бэйкера на встрече Азиатского общества «Новое Тихоокеанское партнерство — программа на будущее» (26 июня 1989 г.) говорится, например, о районе Восточная Азия, тихоокеанском регионе, внутриазиатской торговле, тихоокеанском бассейне и т. д. В западной литературе все же большее распространение получила трактовка АТР как региона, включающего Японию, «четыре дракона», АСЕАН и КНР. При этом подчеркивается тенденция к возрастанию его роли в мировой экономике и углублению и расширению взаимодействия с североамериканским экономическим регионом. Так, в одном из исследований, осуществленных научно-исследовательскими службами конгресса США, делается следующий вывод: «Если нынешние тенденции сохранятся, то к 2000 г. на экономикку азиатско-тихоокеанских стран будет приходиться 25 % мирового производства, а на страны Северной Америки около 30. Обладая более чем половиной мирового производства и взаимодействуя друг с другом, эти два региона станут доминирующей силой в мировой торговле и движении финан-

* Статистические данные на 1986 г.

сов. Хотя связи Северной Америки с Европой останутся крепкими, радикальное изменение азиатско-тихоокеанского региона заложит основы для новой эпохи международного экономического соперничества*. Стоит отметить, что будущее региона и его роль в мировом развитии рассматривается в этом и других исследованиях в целом сквозь призму нарастающего экономического соперничества АТР с другими регионами и интеграционными образованиями. Такой подход отнюдь не случаен, он органически вытекает из общей концепции мировой политики и международной безопасности, являющейся основой официального курса США, других западных держав.

Американские аналитики, признавая условность географических рамок АТР, придают особое значение формированию и претворению здесь на практике собственных региональных концепций безопасности. На это вновь было указано в отмеченном выше выступлении Дж. Бэйкера. Цели, сущность американской концепции тихоокеанской безопасности остаются в принципе те же — сохранение и упрочение здесь своих экономических и политических позиций. Но в то же время изменения в соотношении сил в рамках союзнических отношений между США и их тихоокеанскими партнерами неизбежно вносили коррективы в американское мышление на доктринальном уровне. По мере роста экономической мощи и влияния Японии в американской концепции безопасности АТР все большая роль предназначалась партнеру по американо-японскому союзу. В 1950 г. ВВП Японии составлял всего лишь 3,8 % от американского, а к 1987 г. он достиг 60 % (в долларах США). По доле ВВП на душу населения Япония превзошла США. Разве не показывает рост экономической мощи Японии — а теперь и Южной Кореи — повышение роли экономических факторов в деле формирования концепций безопасности как национальной, так и региональной?

Новое измерение безопасности

А. М.: Уместно в связи с этим привести слова японского политолога Т. Яно: «Сила, стимулирующая развитие японской цивилизации, — это уже не военная сила, присущая статичной цивилизации, а сила экономическая. Достижения цивилизации, которые Япония может донести до других стран в ходе общения с ними, символизируются в экспортируемых ею товарах»*.

Таким образом, внушительный прогресс в наукоемком производстве, высокой технологии, международной инвестиционной деятельности вывел Японию в число самых влиятельных держав в современном мире, позволил в известном смысле бросить вызов «самой Америке». Это влияние, которое никак не корреспондируется с ее в общем-то относительно небольшими вооруженными силами, — выразительный пример все большего истощения значения прежней формулы баланса военных сил как единственной основы международной политики в целом, политики безопасности в частности.

В. В.: Все большее давление Японии на своего американского партнера в сфере торгово-экономической вызывает ответную реакцию Вашингтона, который рассматривает американо-японские отношения в свете «глобального» партнерства (см. упомянутый доклад Дж. Бэйкера), все большей роли союзника в своих военно-политических планах. Доля Японии в расходах, связанных с размещением в стране американских вооруженных сил, составляет 40 %*. Токио участвует в сотрудничестве с Вашингтоном по разработке новых военных технологий, берет на себя значительное бремя забот по осуществлению социальной стратегии Запада в зоне развивающихся стран и т. д. и т. п. Такого рода партнерство, согласно позиции американских архитекторов системы тихоокеанской безопасности, отвлекает у японской стороны значительную долю материальных технологических ресурсов, несколько компенсируя таким образом ослабление американских позиций в соревно-

* См.: ПДВ.— 1989.— № 3.— С. 16—34.

* Economic Changes in The Asian Pacific Rim. Wash., 1986, p. 2.

* Цитирую эту мысль японского теоретика по статье В. В. Поспелова в (ПДВ.— 1988.— № 5.— С. 29). Отрицая возможность японо-американского конфликта с применением ядерного оружия многие японские политологи предсказывают обострение противоречий и противостояния в сфере экономики и технологии в обозримой перспективе: «Япония и США все больше будут втягиваться в смертельную схватку за выживание». (См. там же.— С. 30).

вании с дальневосточным союзником в экономической сфере. В данном случае американские стратеги тесно связывают военные и социально-экономические аспекты безопасности в рамках союза с Японией, а это также указывает и на то, что чисто военный фактор перестает играть решающую роль в процессе обеспечения социальных интересов, да при этом претерпевают изменения и сами социальные и политические интересы.

Повышение роли экономических факторов, более тесное взаимодействие их на национальном и глобальном уровнях, осознание губительных для всего человечества последствий ядерного конфликта приводят к переоценке концепций безопасности современного мира. Во внешнеполитической доктрине Советского Союза тезис «баланс сил» был вытеснен сочетанием «баланс интересов» в современной международной политике. Как известно, на протяжении столетий основой международной безопасности являлся «баланс сил», т. е. равновесие военных потенциалов государств, их коалиций. Увеличение потенциала одной стороны влекло за собой наращивание потенциала соседей и конкурентов, т. к. только этим оценивали собственную безопасность. Ядерное оружие внесло принципиальную коррективу в формулу «баланса сил» как основу национальной и международной безопасности.

В послевоенный период утвердилось новая концепция безопасности — ядерное «сдерживание», фактически подрывавшую формулу всестороннего «баланса» вооруженных сил, т. к. теперь для обеспечения надежной безопасности стало не обязательным уравнивать военный потенциал соперника по всем компонентам. Достаточно иметь определенный потенциал ядерного оружия, способный причинить противнику неприемлемый ущерб, чтобы предотвратить («сдержать») развязывание им войны. Указанная посылка и легла в основу принципа «разумной достаточности», ставшим по существу сердцевиной современного подхода к проблемам национальной безопасности. Уже имеющаяся разоруженческая практика подтверждает жизнеспособность указанного принципа. Скажем, договор по ликвидации РСМД способствовал укреплению, а не ослаблению безопасности как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях. Или другой пример. КНР сократила свои вооруженные силы на один миллион человек, урезаны военные расходы, их доля в бюджете страны снизилась с 17 до 10 %. Но разве ее безопасность пострадала от этого?

Стало быть, налицо закономерный процесс смены одной формулы безопасности другой; не «баланс сил», а «баланс интересов». А это должно указывать на готовность заинтересованных сторон к политическому сотрудничеству во имя общих целей.

Политические противоречия: миф или реальность?

А. М.: Я согласен принять логику указанных рассуждений с учетом двух дополнений. Во-первых, «баланс сил» никогда ни в отдаленном, ни в более близком прошлом не был глубинным основанием международной политики, таковым всегда был «баланс интересов», социальных интересов, участвовавших в международных отношениях государств, а еще точнее — господствующих в них классов. «Военная сила» — это инструмент, а не базис, и не самоцель политики. Но функциональная роль силы в прошлом была исключительно велика, а ближайшим (а не глубинным) основанием внешней политики и международно-политических ситуаций в регионах и в мире в целом действительно оказывалось соотношение военных потенциалов государств. Дело, наверно, прежде всего в том, что в прошлом «балансирование интересов» осуществлялось путем откровенного и демонстративного ущемления интересов слабых, создавая «дисбаланс» в пользу сильных в военном отношении государств.

Второе дополнение сводится к следующему: политические интересы, их столкновение на международной арене — реальный факт современной жизни. В нашей литературе стал порой встречаться тезис об отсутствии объективной почвы для столкновения политических интересов СССР и США, других западных держав. Иногда встречаемся с утверждениями, будто между ними нет политического соперничества, т. е. нет объективных оснований для него в виде политических противоречий. Некоторые наши международники призывают «покончить с самой вызывающей, с самой дорогостоящей глупостью нашего века — с советско-американским соперничеством».

Эмоциональность и политический смысл этого подхода вызывают в памяти бессмертные образы. В частности, склонного к идеализму карася, который полагал, что достаточно как следует объясниться со щукой, «выложить ей всю правду», «прошибить ее правдой до седьмого пота», и порядок в реке с позиций, как мы бы сейчас сказали «общих интересов», будет упрочен. Удивительно актуально воспринимается сегодня понимание щедринским карасем исторического процесса: «История — это повесть освобождения, это рассказ о торжестве добра и разума над злом и безумием».

В. В.: Иными словами, подход к международной политике, с Вашей точки зрения, с позиций «завышенных ожиданий» имеет свои исторические традиции?

А. М.: Именно это я и хотел сказать. Дело в том, что тезис «давайте пойдем, давайте объясним» имеет не только своих сатириков, но и своих теоретиков. Корни этой традиции — в античности. В средние века и в новое время она стала обретать более стройные формы. В 1494 г. вышла в свет поэма немецкого писателя Себастьяна Брандта «Корабль дураков», в которой объяснение «нелепостей» и «несуразностей» общественной жизни сводилось к врожденной человеческой глупости. В наши дни эти идеи стали составной частью идеологии иррационализма, получившей значительное распространение в западном общественном сознании, в частности и в международно-политической науке.

В. В.: Конечно, любые, даже самые искусные переговоры, консультации, «разъяснения» о добрых намерениях не могут гарантировать безопасность при иррациональности внешней политики в условиях ядерного века. Действие, однако, международно-политического механизма — возможно, в рамках ООН наподобие, скажем, хельсинкского в Европе, а в перспективе и в АТР, — оказывая позитивное воздействие на политический климат, должно все же уменьшить риск возникновения военных конфликтов, содействовать созданию благоприятных условий для сокращения ядерного потенциала до размера, продиктованного потребностями стратегии «минимального сдерживания». И в этом смысле призыв к пониманию мотивов контрагента на международной арене содержит, как представляется, рациональное зерно.

А. М.: Конечно, содержит. Важно, однако, определить направление поисков. Я считаю, что понять нам надо иное: столкновение политических интересов США и СССР на международной арене — вещь совершенно реальная и объективная. Почти в любом региональном конфликте современности содержатся элементы наших политических разногласий с США. При этом особую важность приобретают усилия по убеждению партнеров-соперников в целесообразности и возможности разрешать наши политические противоречия политическими средствами, методами дипломатического, переговорного урегулирования — словом, исключить «силовые» приемы убеждения в собственной правоте.

В. В.: А разве в данном случае, если следовать Вашей логике, не проявляется идеализм щедринского карася?

А. М.: Отнюдь нет. Скорее здесь проявляют себя трудности восприятия сложнейшей диалектики развития международных отношений. Особую важность приобретает сегодня расширение сфер межгосударственного сотрудничества, сужая области «силового» соперничества. Последние же пока еще достаточно обширны.

Возьмем в качестве примера такую глобальную проблему, как СОИ. Как, например, оценить эту программу с точки зрения политической теории? Разве это не материализованная «силовая» политика? Это материализованные в особой форме политические противоречия США, причем не только с Советским Союзом, но и с развивающимся миром. США хотят приобрести качественное превосходство в системах оружия.

В. В.: Могу согласиться с тем, что СОИ нацелена не только против государств иной системы. Одна из задач этой программы — путем мобилизации крупных финансовых и материальных ресурсов страны совершить рывок в области научных исследований и технологии. Расчеты строятся на том, что в процессе масштабных исследований и экспериментов будут обнаружены существенные закономерности природы, открыты новые принципы их гражданского и военного применения, а, следовательно, и усилятся американские позиции в этой сфере, в том числе и за счет интересов их западных партнеров и конкурентов. СОИ, конечно, отражает и стремление Вашингтона к консолидации творческих сил на соперничество с противниками и партнерами — соперничество, которое может в условиях мирного

развития стать (и в этом иная сторона диалектики взаимодействия различных полюсов современного мира) одним из катализаторов прогресса мировой науки и техники.

Но все же, если я Вас понял правильно, Вы за более трезвую оценку ситуации, способную предохранить нас от необоснованной эйфории и вместе с тем не лишит «исторического оптимизма»?

А. М.: Вот именно. Такой подход приемлем и для западной аудитории, для которой конкуренция — естественная норма общественной жизни, «выбраковывающая» негодные идеи, институты, формы политики и хозяйства.

В. В.: Нельзя ли проиллюстрировать последнюю мысль?

А. М.: Хорошо. Сошлюсь на мнение американского теоретика международной политики Роберта Мэрфи, который считает, что конкуренция в международной жизни оправдана и позитивна, хотя она и вызывает политическую напряженность. «Напряженность,— пишет Р. Мэрфи,— подобно конкуренции, есть здоровый и конструктивный аспект современной жизни, если она не ведет к катастрофическому столкновению. Напряженность до известной степени есть синоним демократии». Даже так! Здесь нужна существенная оговорка: признание факта политического соперничества ни в коей мере не отрицает, а необходимо подразумевает, что СССР и США перестают быть только соперниками, все более превращаясь в партнеров, в конкурирующих партнеров. Такова тенденция международного развития в условиях современности. Напрягая творческие силы, обе системы, оба государства «работают» на социальный прогресс, они как бы «обрекаются» силой обстоятельств на социальное, технологическое и экономическое новаторство, которое становится императивом и условием выживания и самоусовершенствования каждой из систем.

В. В.: Как это общетеоретическое положение трансформируется в международной жизни АТР? Я полагаю, сказанное в отношении США верно и применительно к Японии?

А. М.: Конечно. Нелепо отрицать, что у нас нет политических противоречий с Японией. А что такое «проблема северных территорий», с точки зрения политических интересов обеих стран? В прежние времена, когда военно-силовой фактор был самым авторитетным судьей в подобных спорах, глубинный смысл внешней политики, дипломатии, военной политики, внешнеполитической пропаганды обеих государств свелся бы к подготовке вооруженного столкновения между ними. Между тем наших современников впечатляют усилия дипломатии обоих государств разрешить указанную проблему путем переговоров, даже не пытаясь апеллировать к военной силе.

Для современной японской внешнеполитической идеологии характерно акцентировать значимость невоенных инструментов международной политики.

В. В.: Если я правильно понял, сказанное Вами можно суммировать следующим образом: во-первых, современное мировое развитие ведет к изменению самого понятия международной безопасности, все более делая его ключевым компонентом внутреннее экономическое и технологическое развитие страны, уменьшая значение фактора вооруженной силы. Во-вторых, меняется отношение к самым острым спорным межгосударственным проблемам, включая и такие «безнадежные» в прошлом случаи, как внешние территориальные притязания, появляется возможность их разрешения путем переговоров. В-третьих, фактором национальной и международной безопасности становится открытость экономики стран для прогрессивных внешних экономических влияний, конструктивное включение их народного хозяйства в международное разделение труда, в региональные и глобальные интегральные процессы. Первое положение более или менее ясно. Нельзя ли пояснить два последующих, причем на каких-либо конкретных фактах из международной жизни региона.

А. М.: В 1973 г. в США была издана книга известного публициста, одного из редакторов газеты «Нью-Йорк таймс» Гаррисона Солсбери о причинах, природе и перспективах китайско-советского конфликта*. Американский автор утверждал, что это

была одна из тех «кровавых враждебностей», которая управляет взаимоотношениями великих держав и должна будет продолжать управлять отношениями Китая и России в течение долгого, долгого времени. Словом, Г. Солсбери исключал восстановление советско-китайских отношений даже в отдаленной перспективе¹. Впрочем, и многим из нас тогда казалось, что конфликт с Китаем — это всерьез и надолго. Указанные прогнозы не приняли во внимание темпов и глубины динамики базисных процессов интернационализации экономической и всей общественной жизни региона и мира в целом в последней трети XX столетия. Мистические плотины «кровавых враждебностей» рухнули под напором интеграционных процессов хозяйственной взаимозависимости регионального и общемирового масштаба. Императивы экономического и технологического развития современного общества продиктовали политикам формулу откладывания «на усмотрение будущих поколений» спорных территориальных вопросов между Китаем и Японией (по вопросу об островах Сэнкаку), детерминировали курс на «подведение черты» под прошлым в советско-китайских отношениях, выводя их на новый конструктивный уровень после визита в КНР М. С. Горбачева (май 1989 г.).

В китайской научной и политической литературе ощущается ясное понимание того, что новый этап технологической революции в конечном счете приведет к «сдвигу в статусе крупнейших мировых держав». Отмечается, в частности, что «гонка за внушительной национальной силой будет вытеснять гонку вооружений как главную форму международной конфронтации. Это соперничество будет концентрироваться главным образом в сфере экономики и технологии, но будет включать также военные, политические и культурные факторы». Китайские специалисты-международники отмечают, что этот процесс уже начался и «все страны настраивают свои экономические структуры, заменяют изношенные элементы и намечают новые пути экономического развития». Нет, сегодня нельзя не заметить развития новых фундаментальных процессов, в свете которых иначе воспринимаются и все международно-политические проблемы. Государственные лидеры начинают смотреть на них под новым углом зрения: в какой мере их разрешение (или сохранение) будет способствовать выводу экономики страны на современный уровень, соответствующий фундаментальным тенденциям мирового развития.

В. В.: Стоит, видимо, добавить, что сохранение межгосударственных двусторонних, а тем более многосторонних конфликтов сдерживает внутреннее социально-экономическое развитие современных государств, негативно влияет не только на непосредственных участников этих конфликтов, но и на те страны, которые втянуты в них косвенно, и на общий политический климат как на региональном, так и глобальном уровне. Думается, что сейчас время вернуться к самому содержанию концепции безопасности в АТР.

Концепция тихоокеанской безопасности

А. М.: Вряд ли есть необходимость перечислять здесь многочисленные инициативы СССР, КНР, СРВ, МНР, КНДР, декларировавшие шаги по направлению к созданию в АТР гарантированной системы безопасности.

Полагаю, что подлинным стержнем концепции азиатско-тихоокеанской безопасности является положение о неприемлемости военной силы как инструмента международной политики в регионе. Не только ядерное, но и обычное оружие не должно применяться в политических целях. Поднимается вопрос о становлении ненасильственных, «бессильных» международных отношений. Это общетеоретическое положение высказывалось на различных форумах и в документах. Достаточно в связи с этим упомянуть красноярскую программу советской стороны, предложения МНР. В практическом плане на эту идею были призваны сработать предложения не увеличивать в регионе количество ядерного оружия, не наращивать здесь военно-морские силы, снизить на многосторонней основе военное противостояние в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи и т. д. В этом же русле находятся совместные усилия по демилитаризации советско-китайской границы. В восточной части СССР, согласно советско-американской договоренности, уничтожаются 436 ракет средней и меньшей дальности. Размещенная там группировка советских вооруженных сил в 1989—1990 гг. будет уменьшена на 200 тыс. человек, в том

числе на 120 тыс. на Дальнем Востоке. Сухопутные войска сокращаются на 12 дивизий, расформируются 11 авиаполков, из состава Тихоокеанского флота исключаются 16 боевых кораблей. В течение того же периода из МНР выводятся три дивизии, включая две танковые, а также вся авиационная группировка. Словом, в советских войсках, расположенных вдоль советско-китайской границы, началась перестройка в духе принципа оборонной достаточности. Это пример для всего региона.

Следующим важным компонентом концепции азиатско-тихоокеанской безопасности служит идея интернационализации диалога и переговоров. Среди инициатив, сформулированных в красноярском выступлении М. С. Горбачева, есть предложение обсудить вопрос о «создании переговорного механизма».

В. В.: О необходимости создания нового механизма для многостороннего сотрудничества стран тихоокеанского бассейна говорилось и в программном по существу выступлении Дж. Бэйкера. Главной целью такого механизма, судя по словам госсекретаря, становится содействие «развитию и интеграции рыночных экономик в рамках международной системы».

Австралия в 1989 г. приложила большие усилия, пытаясь активизировать усилия своих тихоокеанских соседей по созданию свободной ассоциации государств, объединенных общностью целей, важнейшие из которых — расширение промышленного сотрудничества, интенсификация капиталовложений, ослабление таможенных барьеров. У инициаторов создания подобной ассоциации отсутствуют, если верить заявлениям официальных лиц Австралии, какие-либо идеологические возражения против участия Советского Союза в предполагаемой ассоциации. Сомнения же у них по этому поводу связаны с отсутствием достаточного уровня деловых связей советской стороны со странами региона. Мы, представители ПДВ, находясь в апреле — мае с. г. в Сеуле, задали вопрос тамошним официальным лицам: почему в австрало-южнокорейских переговорах о проектах ассоциации нет упоминания относительно возможности участия в новой организации советской стороны? Ассоциация объединит, последовал ответ, как предполагается, лишь государства с «рыночной экономикой».

Представляется, что в данном случае не может не работать инерция старого мышления, хотя по мере утраты прежней роли в мировой политике «военно-силовых факторов» и возрастает значение политических и экономических инструментов как главных регуляторов современной международной жизни. Новые механизмы регионального сотрудничества, если они направлены на изоляцию стран с «нерыночной экономикой», вряд ли могут служить оздоровлению международно-политического климата, поскольку в них заранее заложено преобладание элемента соперничества с «инородными» обществами, исключаящего равноправное сотрудничество с ними. Сомнительно, что региональный механизм, нацеленный на изоляцию хотя бы некоторых государств АТР, будет служить делу перестройки международных отношений в регионе в духе нового мышления. С этой точки зрения вопрос об углублении и расширении экономического и научно-технического сотрудничества между всеми государствами региона занимает в концепции безопасности в АТР одно из приоритетных мест.

И сегодня, как, возможно, никогда ранее, становится все более очевидной взаимозависимость перестроечных процессов в Советском Союзе (прежде всего в области экономической реформы, в сфере развития экономических связей) с претворением в жизнь концепций региональной безопасности. Практика активного вовлечения ряда дальневосточных государств в международное разделение труда показала, например, что улучшение валютного положения Японии, дальневосточных НИС произошло за счет увеличения экспорта трудоемких, ресурсоемких товаров, что позволяло начать отраслевую перестройку экономики. За этим следовала модернизация экспортных, как правило более современных, отраслей на основе привлечения иностранного капитала и технологий при сохранении сравнительно скромных, заметим, затрат.

А разве уровень национальной безопасности Советского Союза не находится сегодня в

* In: H. E. Salisbury, *To Peking and Beyond*, N. Y. 1973.

прямой зависимости от развития советской экономики, экономических и научно-технических связей с различными государствами?

А. М.: Действительно, вопрос о нашем отставании в сфере международного экономического сотрудничества в АТР носит отнюдь не только хозяйственный характер, это вопрос международно-политический. Он затрагивает и проблему нашей национальной безопасности. Мы выдвинули новаторскую, конструктивную концепцию азиатско-тихоокеанской безопасности. Однако нельзя не признать, что для ее реализации необходимо чтобы все ее компоненты — и военно-технические, и политические, и технологическо-экономические гармонично сочетались, дополняли друг друга, находились на соответствующем уровне. Пока этого нет. Я бы сказал так: структурно концепция выглядит несколько «разбалансированной».

С учетом перспектив экономического и технологического прогресса в АТР особую актуальность приобрели рассчитанные на длительный период политические и хозяйственные меры по включению советских дальневосточных районов в интеграционные процессы в восточноазиатской зоне и в АТР в целом. В отрыве от этих центров общерегионального технологического и экономического прогресса советскому Дальнему Востоку и азиатским социалистическим странам в обозримой перспективе будет практически невозможно осуществить структурную перестройку и технологическую модернизацию экономики. Вопрос о подкреплении позитивных международно-политических процессов в АТР полнокровным и широким экономическим сотрудничеством исключительно важен. Если он не будет конструктивно решен в самое ближайшее время, все международно-политические инициативы дипломатии повиснут в воздухе.

В. В.: Можно ли сегодня говорить о том, что разработка концепции безопасности в АТР привела к реальным результатам? В какой мере воплощаются в жизнь положения концепции?

«Эйфория нам не грозит»

А. М.: В значительной мере она уже стала реальной внешнеполитической практикой. Вместе с тем следует отдавать себе отчет в том, что рассматриваемая концепция опирается не только на уже сформировавшиеся, но и на подспудные, в полной мере еще не обнаружившиеся, хотя потенциально весьма мощные закономерности. А это значит, что в современной международной жизни региона проявляют себя, и достаточно выразительно, контртенденции. Их устойчивость и влияние нельзя игнорировать. Поэтому «эйфория нам пока не грозит». Эту мысль относительно итогов официального визита в Японию высказал Э. А. Шеварднадзе в докладе, с которым он выступил в Японском институте по изучению международных проблем в декабре 1988 г. Мне кажется, что она верна применительно к международной обстановке в АТР в целом: хотя доминирующая линия международного развития здесь, безусловно, позитивная, не будем закрывать глаза и на тревожные тенденции.

В связи с вышеизложенным, можно указать на существующую пока общую тенденцию — попытку сохранить и упрочить «силовой» стиль международного поведения в регионе, дать новые импульсы гонке вооружений. Прежде всего сказанное относится к нынешней внешнеполитической идеологии Вашингтона, которая исходит из тезиса о том, что в обозримом будущем нет альтернативы стратегии сдерживания, краеугольным камнем которой остается ставка на ядерное оружие. Здесь не место говорить об этом подробно, но и в специальной «научной» литературе, и в докладах для высших институтов государственной власти США, принадлежащих перу официальных советников и экспертов Пентагона и Госдепартамента по военным и стратегическим вопросам, продолжают разрабатываться сценарии ядерных войн. Верстаются планы «локальных», «хирургических» ядерных ударов по советской территории, разумеется в ответ на «советскую агрессию».

Сохраняется высокая доля военных расходов в бюджетах США, Японии, Южной Кореи, некоторых других стран. Отнюдь не снижается уровень американского военного присутствия в регионе. Ничего бы тревожного в этом не было, если бы американское руководство приняло идею замораживания здесь вооруженных сил и вооружений с последующим их сокращением на взаимной основе. Однако пока никакого прогресса в этом отношении не наблюдается.

Возникает вопрос: что делать дальше в свете выжидательной, чтобы не сказать безразличной реакции со стороны США и их союзников на наши разоруженческие шаги? В нашей политической публицистике высказывается соображение о целесообразности продолжения одностороннего процесса разоружения вплоть до двадцатикратного сокращения советских стратегических ядерных сил и перехода к стратегии так называемого «минимального сдерживания». В частности, утверждается, что такой курс нанесет удар по американской программе СОИ.

В. В.: Сегодня многие недоумевают, зачем практичным американцам в условиях совершенно недвусмысленного разоруженческого курса Советского Союза тратить огромные финансовые средства на проблематичные проекты будущего, когда многие насущные проблемы сегодняшнего дня стучатся в дверь. Кстати сказать, программа СОИ и другие военные дорогостоящие проекты все больше сталкиваются в конгрессе США с растущей оппозицией.

А. М.: Я не сторонник преувеличивать, несмотря на новую, уникальную обстановку в сфере разоружения, оппозицию конгресса: ни одну крупную военную программу конгресс не «зарубил», он лишь «подрезал» ассигнования. Руководящие круги США смотрят в будущее и готовятся к нему «по-своему», а не «по-нашему». В этом будущем Америка собирается соперничать отнюдь не только, а возможно и не столько с Советским Союзом, сколько с тенденциями и угрозами, носящими прежде всего глобальный именно технологический и производственный, а не военный характер.

В то же время обозримое будущее международной жизни нередко воспринимается влиятельными кругами в США как однозначно «силовое», как будущее, в котором военно-силовой фактор сохраняет существенную роль инструмента внешней политики. И очевидным для них становится то, что политический итог набирающих темп и глубину интеграционных процессов в АТР будет во многом зависеть от курса США в области технологии и экономики. Иначе Америке уготована роль «полицейского», «вышибалы», например при богатом японском клиенте. Обсуждаются различные варианты решения этой проблемы. Один из них — создание огромного экономического и политического комплекса «Пакс-Японика» или «Пакс-Америпония», т. е. объединения Японии и США, в котором роль той или иной составляющей будет зависеть от ее экономического и технологического потенциала. Конечно, все это пока не более чем абстрактные планы, но они в своеобразной форме свидетельствуют о сегодняшнем беспокойстве в различных кругах США вполне осязаемыми общественными процессами в АТР. Я говорю здесь об этом для того, чтобы указать на те формы, в которых американская политическая мысль склонна разрешать нарастающие противоречия экономической и политической жизни в АТР, чтобы показать, с какими трудностями будет сталкиваться в обозримом будущем наша концепция безопасности в этом регионе.

В. В.: Представляется, что Вы подвергаете сомнению концепцию «минимального сдерживания», а мне все же хотелось подчеркнуть ее рациональность. Всего лишь года два тому назад мне довелось вести диалог со специалистами по вопросам разоружения. Для подтверждения мысли о целесообразности ограничения военной мощи разумными пределами мне казалось уместным обратиться к собеседникам с вопросом: Разве Китай, используя богатый арсенал политических средств и ограничив ракетно-ядерный потенциал десятью ракетами стратегического значения, не обеспечивает свою безопасность? В ответ было заявлено: наша великая держава не может следовать этому опыту. Понадобилось, конечно, время, чтобы как можно более широкие круги общественности нашей страны, ее руководители и, особенно, военные осознали серьезный разрыв между бытовавшими у нас на различных уровнях великодержавными амбициями и реальным положением дел.

Может ли стратегия «минимального сдерживания» работать на нашу безопасность? На мой взгляд, может, если она будет обеспечена целым комплексом мер внешнеполитического и экономического характера. Уже сегодня реализация принципов «разумной достаточности» повысила авторитет нашей страны, пополнила ряды сторонников идеи развития всестороннего сотрудничества с Советским Союзом, ослабила стимул к упрочению различного рода коалиций на антисоветской основе. Можно, как представляется, сегодня говорить о такого рода явлении как о неотъемлемой черте развития современной международно-политической обстановки, которая в свою очередь неизбежно ока-

зывает непосредственное воздействие на внутривосточную ситуацию в различных странах, в том числе в государствах АТР. Разве не в духе новых международно-политических тенденций эволюционирует политическая обстановка в Японии, где усиливает свои позиции СПЯ, выступая за большую самостоятельность во внешней политике страны? Мне в целом понятны Ваши сомнения, Артур Андраникович. Но трудно не заметить, какой значительный политический эффект произвела наша основанная на новом мышлении политика, в том числе и военная, на зарубежную общественность. Именно это впечатление мы, представители ПДВ, вынесли из весенней 1989 г. поездки в Южную Корею. И не военные усилия по поддержанию имиджа статуса «сверхдержавы», а целеустремленные действия по оживлению нашей экономики, использованию созидательного потенциала партнеров с более высоким уровнем индустриального развития теперь, как никогда ранее, работают на всеобъемлющую безопасность.

И мне представляется, что в этом смысле приобретает все большее значение пример развития общеевропейского процесса, несмотря на его уникальную специфику. Естественно, что становление европейской и азиатской безопасности находится в разных фазах. В Европе заложено, можно сказать, фундамент безопасности и возводятся стены « общеевропейского дома». В АТР идет пока лишь подготовка площадки под строительство, в лучшем случае только-только закончен «нулевой цикл» в виде восстановления и полной нормализации межгосударственных отношений между СССР и Китаем, Китаем и Японией и т. д. Однако некоторые двусторонние и региональные проблемы еще пока не решены. Попытки «потропить историю», механически перенести элементы дипломатического процесса строительства региональной безопасности более позднего этапа в Европе на более ранние стадии становления азиатско-тихоокеанской структуры безопасности вряд ли могут быть продуктивными.

Канун «европейского» или «тихоокеанского» века?

А. М.: Если уж Вы затронули вопрос о взаимодействии процессов становления европейской и азиатской безопасности, то было бы уместным указать на все возрастающее — а в перспективе особенно — значение этого взаимодействия для международно-политической стабилизации в целом. Общеевропейский процесс может фактически рассматриваться как невиданный гигантский социально-политический эксперимент по воплощению в международной политике принципов нового политического мышления. На Европейском континенте в силу целого ряда причин этот эксперимент оказался более продвинутым, чем в АТР. Но принципы и цели построения систем безопасности в Европе и Азии едины.

В. В.: Вместе с тем не будем забывать о специфике АТР — политической, социальной, культурной. Европейский регион, включая и территорию нашей страны до Урала, — это при существующих всех национальных различиях, все-таки во многом единый культурно-исторический массив. Традиции хозяйственного, духовного и интеллектуального общения в рамках европейского региона неизмеримо более глубоки и разносторонни, их история измеряется столетиями. Иное дело АТР — сколь своеобразны, например, японская, китайская и индийская цивилизации с их многовековыми культурами и религиозными традициями, включая и длительные периоды самоизоляции от внешнего мира. Впечатляет и многонаселенность азиатских стран. Если к этому добавить международно-политические коллизии недавнего и более отдаленного прошлого, то становится понятнее специфика общей ситуации в регионе по сравнению с европейской, свидетельствующая вроде бы в пользу преимуществ европейского региона с точки зрения интеграционных возможностей.

А. М.: Парадоксальность ситуации в том и состоит, что в ближайшей перспективе Европа будет, безусловно, лидировать в плане налаживания всестороннего сотрудничества. Однако с точки зрения долгосрочной перспективы АТР имеет более солидный потенциал для становления «тихоокеанского века». И в пользу такого прогноза говорят именно те факторы, которые сейчас выглядят вроде бы как «негативные». Ну, например, многочисленность населения в таких странах, как Китай или Индия. В самом деле, если понятие «человеческий фактор» — не пустая литературная метафора, то в перспективе упомянутые государства потенциально окажутся гигантскими резервуарами интеллектуальных и трудовых ресурсов, позитивное значение которых мы пока даже не можем правильно оценить. Кстати сказать, некоторые аналитики уже задумыва-

лись над этой проблемой. В упоминавшейся выше книге Г. Солсбери есть такой небезынтересный пассаж: «Объединение китайских масс населения и японской технологии, миллиарда китайцев и самого крупного в мире ВВП... создали бы безграничный потенциал. Если бы Япония и Китай смогли работать вместе, если бы технические знания и производственные возможности Японии могли быть подключены к огромному резервуару человеческих талантов и энергии Китая, разве возникли бы какие-либо цели, которых не смогло бы достичь это содружество?» Понятно, что, когда в начале 70-х годов писалась книга, перспектива такой тенденции оценивалась автором в целом с конфронтационных позиций. Но на нее можно взглянуть и с позиций общерегионального (включая и Советский Союз, и североамериканский интеграционный центр, и другие тихоокеанские субрегионы) конструктивного сотрудничества, вышедшего за пределы «силовой» системы координат. В таком случае творческие и экономические возможности тихоокеанского интеграционного массива выглядят действительно почти безграничными.

В. В.: Следует, видимо, к этому добавить, что разноплановость, уникальность культурного и исторического наследия народов и цивилизаций региона может сыграть роль позитивного фактора в процессе цементирования здесь гигантского очага общемировой культуры. Разве Сингапур, где Вам довелось работать, не стал небольшим островком, где удивительно переплелись, взаимно обогатив друг друга, яркие ответвления некогда противостоящих цивилизаций?

А. М.: Конечно. И я имею в виду не только огромные масштабы экономического потенциала объединенных североамериканского и восточноазиатского интеграционных центров. Здесь возможно образование полюсов, аккумулирующих различные, своеобразные формы хозяйственной, политической и культурной жизни, которые, взаимно оплодотворяя друг друга, неизбежно возникнут в уникальном тихоокеанском «плавильном тигле».

Еще в середине прошлого столетия К. Маркс и Ф. Энгельс предсказывали, что Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в средние века Средиземное море — роль великого водного пути для мировых сношений. Практика современной международной жизни красноречиво сигнализирует, что Тихий океан — это уже не только великий водный путь, соединяющий народы. «Мировые сношения» на его берегах получают реальную возможность подняться на качественно новую ступень, ведущую по пути все более глубокого «обобществления человечества».

В. В.: Нет сомнений, что вопрос о том, как, какими темпами и в каких формах эта возможность будет превращаться в действительность, зависит во многом от решения проблем безопасности в регионе в ближайшее время. Думается, сейчас самый подходящий момент силами наших и зарубежных специалистов активизировать поиск неординарных и смелых путей укрепления международной безопасности в АТР. Таков однозначный вывод из нашей беседы.

¹ Нравственность и политика. Ко второй годовщине Делийской декларации // ПДВ.— 1988.— № 6; Приоритет — общечеловеческому («Панча шила» — 35 лет) // ПДВ.— 1989.— № 2.

Е. БОГАТОВА,
А. КОВАЛЕВ

В последние годы, особенно после состоявшегося в декабре 1986 года VI съезда КПВ и по мере изменения политического климата в результате появления перспектив решения камбоджийской проблемы, заметна активизация торгово-экономических связей СРВ с несоциалистическими странами, прежде всего в азиатско-тихоокеанском регионе. При этом первое место по объему товарооборота с Вьетнамом среди несоциалистических партнеров занимает Япония, на которую приходится около трети его общей стоимости. По темпам роста торговых связей с Вьетнамом лидируют государства АСЕАН, причем наиболее динамично по сравнению с другими крупными партнерами растут его отношения с Сингапуром (за последнее десятилетие темпы роста торговли СРВ с несоциалистическими странами составляли около 3 %, а с Сингапуром — свыше 20 %). В самое последнее время отчетливо прослеживается рост заинтересованности в связях с Вьетнамом деловых кругов Австралии, Таиланда, Индонезии, Филиппин, проявляют интерес к СРВ южнокорейские и тайваньские фирмы.

Эта тенденция стала особенно заметна после принятия в декабре 1987 года на второй сессии Национального собрания СРВ восьмого созыва Закона об иностранных капиталовложениях. В 1988 — первой половине 1989 г. для изучения условий инвестирования капитала Вьетнам посетили более 2000 иностранных делегаций, главным образом из АТР; заключено около 60 контрактов на инвестиции с общей суммой инвестированного капитала 640 млн. долл.; 27 контрактов уже реализуются¹. Во Вьетнаме считают, что эффективному развитию политики «открытых дверей» будет содействовать начавшееся претворение в жизнь планов организации специальных экспортных зон².

Такая ситуация вполне естественна: в основе экономических связей с соседями лежат географическая близость, позволяющая дешевле и оперативнее решать многие вопросы, определенные традиции сотрудничества, надежды на получение экономической выгоды — как для Вьетнама, так и для его партнеров. И также естественно поэтому, что задачей данной статьи является исследование основного содержания этих связей, их конкретного механизма. Однако, на наш взгляд, предварить такой анализ необходимо обсуждением следующего принципиального вопроса: насколько объективно обусловлена новая тенденция во внешнеэкономических связях Вьетнама, насколько она подготовлена прежним развитием страны, особенно после объединения, насколько глубоко связана с другими основополагающими принципами политики обновления, в результате которой ныне прослеживаются перспективы выхода из сложной ситуации застоя, сложившейся в экономике Вьетнама в 70-е годы и в некоторых чертах сохраняющейся и сегодня.

Выяснение этого вопроса тем более важно, что оно позволяет на примере конкретной страны проследить сложный, противоречивый процесс постепенного устранения искусственных, ведущих к автаркии границ, воздвигнутых некогда между мировым социалистическим хозяйством и мировым хозяйством в целом. Не секрет,

Богатова Евгения Роменовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭМСС АН СССР.

Ковалев Андрей Феликсович — научный сотрудник ИЭМСС АН СССР.

что (часто бессознательно, а порой и сознательно) и в самом Вьетнаме, и в других странах в применявшееся к СРВ образное выражение «форпост социализма в Юго-Восточной Азии» вкладывался определенный смысл, подразумевающий противопоставление Вьетнама другим, несоциалистическим государствам региона. Создавалось впечатление, что провозглашенные на IV съезде КПВ (декабрь 1976 года) цели строительства социализма в масштабах всей страны как бы оттесняют формировавшиеся в течение десятилетий связи Вьетнама с соседями по региону, полностью переориентируют страну на социалистический рынок и позволяют с чистого листа писать историю ее внешнеэкономических связей.

В последующие годы по мере изменения «романтических представлений о социализме»³ ситуация менялась, и Вьетнам все больше осознавал себя частью азиатско-тихоокеанского региона в целом и Юго-Восточной Азии в особенности. То, что раньше считалось нежелательным, отрывающим кусок от «пирога», предназначавшегося мировой социалистической системе (расширение экспорта в несоциалистические страны, активизация других, неторговых форм сотрудничества с капиталистическими и развивающимися государствами), сейчас все больше рассматривается с точки зрения экономического развития, подъема самого Вьетнама как существенный фактор роста, без которого сам «пирог» будет довольно черствым.

Если проанализировать концепцию обновления СРВ, начавшую формироваться во Вьетнаме в ходе подготовки VI съезда КПВ, то правомерно сделать вывод о том, что ее движущей пружиной является преодоление двух крупных догматов прошлого периода. Первый связан с представлениями о необходимости существования жестко централизованной системы управления народным хозяйством на базе создания однотипной системы собственности — государственной и фактически совпадавшей с ней кооперативной, охваченной директивным планированием. Второй — с исключительной ориентацией во внешнеэкономической сфере на социалистические страны, на их помощь и экспортно-импортные операции с ними.

Между этими постулатами существовала глубокая внутренняя связь. Модель развития с жесткой централизованной системой управления формировалась на основе выделения ключевого звена — ускоренной индустриализации «классического» для социалистических стран типа — на базе преимущественного развития тяжелой промышленности. Дать возможность такого развития с капиталоемкой, рассчитанной на достаточно длительный период внешней помощью объективно могли только социалистические страны, прежде всего Советский Союз. Надо подчеркнуть, что процесс «увязки» такой концепции шел с двух сторон: и СССР на основе своей структуры и механизма внешних связей мог предложить только такую модель содействия, и Вьетнам при устанавливаемом характере социально-экономического строя был готов к восприятию именно такой помощи. Но при этом следует иметь в виду, что процесс адаптации Севера и Юга Вьетнама к формально централизованной системе хозяйства шел по-разному. Если для северных районов проводимая политика являлась в целом логичным продолжением политики 60-х годов, то в южной части страны она была поворотом от прежних тенденций развития и была связана с применением принудительных мер.

В течение длительного времени Южный Вьетнам был органической частью мирового капиталистического хозяйства, составной частью АТР. Для него были характерны тесные связи не только с США (со всеми присущими этим связям противоречиями), но и с другими государствами региона — Японией, развивающимися странами ЮВА⁴. Изменение политического строя в Южном Вьетнаме не сломало полностью систему этих связей, достаточно легко произошло и признание правомочности объединенного Вьетнама как члена международных экономических организаций — Международного валютного фонда, Всемирного банка, Азиатского банка развития. Данные о внешней торговле СРВ в первые годы после освобождения Вьетнама (1976—1978) показывают готовность капиталистических и развивающихся государств АТР поддерживать экономические отношения с Вьетнамом, даже не получая сначала серьезной отдачи.

Однако уже с самых первых лет существования СРВ под влиянием мероприятий по преобразованиям в сельском хозяйстве, промышленности и торговле Юга начала исчезать экономическая ткань, на которой могли строиться отношения с несоциалистическим миром. Кооперирование крестьян по образцу северовьетнамской деревни, сопровождавшееся сокращением их заинтересованности в производстве, ликвидация

торговых посредников, проводников продукции между производителями и рынком без адекватной замены на основе государственной и кооперативной торговли, по сути, устраняли субъектов экономических связей с регионом. Объединение всей внешней торговли в руках Министерства внешней торговли поворачивало имеющиеся незначительные экспортные ресурсы исключительно на социалистические страны.

Таблица 1
Торговля СРВ с государствами АТР в 1976—1978
годах (млн. долл.)

	1976	1977	1978
импорт			
развивающиеся страны	80,8	126,5	160,6
развитые страны	224,4	210,2	250,2
экспорт			
развивающиеся страны	48,0	41,0	42,9
развитые страны	45,4	49,1	47,7

Источники. Statistical Yearbook for Asia and the Pacific. 1983.— UN.— Bangkok.— 1984.— P. 617.

Такая ситуация становилась одним из главных факторов ослабления заинтересованности несоциалистических партнеров, прежде всего из соседнего региона, в сотрудничестве. На наш взгляд, это обстоятельство нельзя упускать из виду при анализе причин кризиса в экономических связях Вьетнама с регионом в конце 70-х — начале 80-х годов. Нередко политику соседних стран (отказ от сотрудничества, от инвестиций, прекращение кредитования Вьетнама международными финансовыми организациями и на межправительственной основе) однозначно связывают лишь с возникновением в этот период политического отчуждения вследствие событий в Кампучии, с враждебностью государств региона правительству СРВ. Действительно, введение многими странами эмбарго на торговлю и предоставление кредитов Вьетнаму во многом определялось политическими факторами. Однако необходимо видеть и другую сторону взаимосвязи между политическим климатом и поведением отдельных корпораций и банков стран АТР. В условиях стагнирующей экономики Вьетнама, специфической структуры управления внешнеэкономическими связями возможности сотрудничества с деловыми кругами несоциалистических государств региона становились все более ограниченными и в чисто экономическом смысле.

Таким образом, объективно ситуация складывалась так, что Вьетнам все больше и больше замыкался на связи с СССР и другими социалистическими странами, прежде всего европейскими (экономические связи с Китаем, имевшие большое значение для развития Вьетнама в прежние годы, в силу известных причин были фактически полностью свернуты с 1978 года). В то же время односторонняя ориентация не приносила желаемых результатов. Затягивались сроки строительства объектов, что вызывало финансовое перенапряжение страны. Под влиянием сужения каналов получения товаров и малоэффективного внутреннего механизма в производстве и обращении быстро ухудшалось товарное наполнение рынка. На основе этих явлений развивалась инфляция, темпы которой ежегодно возрастали, причем этот процесс активно шел и в 80-е годы⁵.

В отношении СССР с Вьетнамом по линии торговли проецировались все пороки, свойственные формально организованной монополии внешней торговли в условиях импортзамещающего варианта развития. Главным из них является разрыв цепочки экспорт — импорт. Импорт и товарная помощь из СССР не доходили до экспортеров, терялась заинтересованность непосредственных производителей. Крайне медленно происходило технологическое обновление предприятий.

В такой ситуации необходимо было осуществлять две параллельные задачи: совершенствовать направления и формы сотрудничества с СССР и другими социалисти-

ческими странами и пытаться использовать возможные неправительственные каналы для связи с рынком соседних государств. Это становилось особо важной задачей ввиду того, что с начала 80-х годов во Вьетнаме началось постепенное переосмысление установок прошлых лет, формировался дух экономической реформы. Основной идеей реформы должно было стать, как многократно указывалось в партийно-правительственных документах, в работах вьетнамских ученых, повышение заинтересованности нижних хозяйственных звеньев, стимулирование их активности.

С 1980 года в СРВ началась частичная децентрализация внешнеторговой деятельности, ставшая частью общей децентрализации управления хозяйственной жизнью страны. Свободу экспортно-импортных операций получили некоторые провинциальные компании, а впоследствии и отраслевые внешнеторговые организации. В течение 80-х годов степень этой свободы постоянно изменялась и по-разному регламентировалась⁶. В результате стала расти заинтересованность провинций и отраслей в связях с несоциалистическим рынком. Такие связи были им выгодны, так как в распоряжении компаний и местных властей оставалась большая часть полученной валютной выручки, через непосредственные торговые связи с региональным рынком удавалось быстро и оперативно получать необходимые товары производственного и потребительского назначения. Это стало серьезным каналом обновления оборудования и насыщения рынка. Наиболее интенсивно процесс развивался на юге, в том числе через экспортно-импортную компанию Хошимина, деятельность экспортно-импортного объединения Министерства водного хозяйства «Сипродэкс» и др. О росте значения местных связей дает возможность судить тот факт, что доля экспорта и импорта по линии прямых связей через местные органы в общем экспорте и импорте СРВ в несоциалистические страны постоянно возрастала: по экспорту — с 2,4 % в 1980 году до 40 % в 1988 году, по импорту — с 0,4 % в 1980 году до 31 % в 1988 году⁷. Наиболее динамично развивались связи Вьетнама с Гонконгом, Сингапуром и Японией.

Результат предпринятых мер, если взять его положительные стороны, был двояким. Во-первых, возросла заинтересованность экспортеров, и повысилась внимание к эффективности импорта и уменьшению числа посредников. Во-вторых, что крайне важно, в ходе таких прямых связей формировались и укреплялись относительно самостоятельные субъекты хозяйственной деятельности, освобождавшиеся от мелочной регламентации «сверху». Один из примеров такого формирования — становление уже упоминавшейся компании «Сипродэкс».

В 1976—1980 годах государство вложило в деятельность компании 2 млрд. донгов, закупило для нее оборудование и топливо на внешнем рынке, однако результаты работы компании были явно неудовлетворительными. Производство продукции в этот период ежегодно снижалось в среднем на 7,2, экспорт — на 11,4 %. Компания несла постоянные убытки, возрастала ее задолженность, ухудшались условия жизни рыбаков и всех занятых в цепочке «производство — экспорт».

С 1981 года деятельность компании была переведена на иную основу. Государство не обеспечивает ее материалами и фондами, но и не доводит до компании обязательных для выполнения планов. В бюджет забирается около 30 % валютной выручки, а остальную ее часть компания использует по собственному усмотрению, то есть ей предоставлена значительная финансовая самостоятельность. Компания создала свой банк, и доля кредитов Госбанка в общем объеме привлеченных средств составляет ныне 10—20 %. В результате резко улучшились показатели ее хозяйственной деятельности. Так, объем экспорта в физическом выражении вырос в 1987 году в 10 раз по сравнению с 1981 годом.

Компания активно диверсифицирует свою деятельность. Осуществляется тесное сотрудничество с предприятиями других отраслей в производстве и экспорте (например, в швейной промышленности); в соответствии с планами капиталовложений до 1995 года пятая часть их общей суммы будет направлена компанией в отрасли, не связанные с производством рыбной продукции. «Сипродэкс» использует новые формы внешнеэкономического сотрудничества: существуют планы создания собственной сбытовой сети в странах — основных покупателях продукции компании, создаются совместные предприятия с участием иностранных фирм.

Можно привести еще ряд примеров формирования эффективно действующих компаний, важным звеном становления и развития которых являлись внешние связи, причем преимущественно с несоциалистическими странами. Это крайне существенно,

поскольку возникновение действующих субъектов хозяйственных отношений, укрепление их деловых контактов и завоевание ими доверия у зарубежных партнеров являются, на наш взгляд, одним из принципиальных моментов, подготавливающих базу для роста заинтересованности несоциалистических государств в связях с Вьетнамом. Именно новые хозяйствующие субъекты составили основу той экономической почвы, на которой в настоящее время разворачивается, как представляется, принципиально новый этап в экономических связях Вьетнама с АТР и несоциалистическим миром в целом. И новизна эта связана не только с активизацией традиционных торговых форм отношений, но и с принятием новых законодательных актов, поощряющих развитие интенсивных форм производственного сотрудничества, в частности Закона об иностранных капиталовложениях. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Анализ показывает, что в Законе 1987 года сделана попытка учесть опыт соответствующего законодательства других стран, в том числе социалистических, а также наметить пути решения конкретных проблем, возникших в работе уже действующих на других территориях предприятий с участием иностранного капитала. Например, в СРВ в 1989 г. (немного с запозданием) создан специальный единый государственный орган — Государственный комитет по сотрудничеству и инвестициям, ведающий новыми формами экономических связей, с участием представителей основных сводных министерств — для нейтрализации негативных явлений, возникающих, как показал опыт КНР, из-за постоянного вмешательства ведомственной бюрократии в деятельность совместных предприятий, а также для более оперативного решения вопросов их работы, проведения общегосударственной политики в отношении иностранного капитала.

Важные отличия видны и при сравнении нового закона с действовавшим в СРВ в соответствии с постановлением Совета Министров СРВ от 18 апреля 1977 года Положением об иностранных инвестициях. Существенно, что прежнее постановление в условиях неблагоприятного политического и экономического климата практически так и не вступило в силу, а новый закон был принят в то время, когда под влиянием изменений в мировой и региональной политической и экономической ситуации увеличился интерес к деловому сотрудничеству с СРВ со стороны предпринимателей несоциалистических государств. Важно и то, что в новом законе содержится отказ от таких нерациональных моментов, как ограничение на долю иностранного партнера в капитале, на состав руководящих органов совместного предприятия и пр.

В Законе 1987 года и постановлении, определяющих порядок его применения, обрисовывается достаточно четкая «структурная политика» страны в области привлечения иностранных инвестиций. К числу приоритетных направлений отнесены:

— осуществление крупных экономических программ, в том числе производство товаров на экспорт и импортзамещающих товаров;

— использование передовой технологии и квалифицированной рабочей силы, интенсификация производства для полного использования мощностей существующих промышленных предприятий;

— налаживание трудоемких производств, а также производств, использующих сырьевые ресурсы и природные богатства Вьетнама;

— сооружение объектов инфраструктуры;

— оказание услуг на иностранную валюту: туризм, обслуживание авиационной техники, портовое обслуживание, ремонт судов и др.

К приоритетным также отнесены проекты, требующие больших объемов инвестиций, с низкой нормой рентабельности, а также объекты, сооружаемые в удаленных и малоосвоенных районах.

Сопоставление выделенных приоритетов с особенностями Вьетнама (неразвитостью экспортной базы, излишком трудовых ресурсов, слаборазвитостью инфраструктуры, нехваткой валютных средств, незагруженностью имеющихся производственных мощностей) дает возможность увидеть попытку согласования направлений привлечения иностранных инвестиций с проблемами развития внутренней экономики и внутренних инвестиций. Как показывает опыт других социалистических стран, увязка внутренней структурной политики с привлечением иностранных капиталовложений позволяет, с одной стороны, избавиться от ненужного и неэффективного дублирования, преодолеть традиционную для большинства социалистических стран разделенность экономики на внутренний и внешний сектор и тем самым увеличить реальную степень «открытости»

экономики, а с другой стороны, повысить «абсорбционную» способность в отношении иностранных инвестиций, сократить сроки их освоения, увеличить их объемы. Так, опыт КНР достаточно ясно показал, что существуют определенные соотношения между внутренними и внешними капиталовложениями и в среднем на 1 долл. иностранных инвестиций необходимо 4—10 долл. внутренних вложений».

Безусловно, это соотношение зависит от ситуации в конкретной стране, отрасли, районе приложения инвестиций, а также уже накопленного их объема, однако понятно, что для любой страны попытки необоснованной минимизации внутренних затрат, связанных с привлечением средств из-за рубежа, приводят к нежелательному изменению структуры инвестиций, их средних размеров и т. п.

Обратим особое внимание также на тот факт, что к числу приоритетов в Законе 1987 года отнесено привлечение инвестиций в сферу услуг. Отставание этой сферы даже в более развитых социалистических странах стало узким местом в сотрудничестве с несоциалистическими государствами. Без создания необходимых условий для проживания иностранных специалистов, обеспечения совместных предприятий услугами связи, банков, транспорта, надежным энергоснабжением затрудняется или даже становится невозможным сдвиг инвестиций в науко- и капиталоемкие производства. С этой точки зрения для СРВ выигрышным представляется наличие у целого ряда соседей и наиболее перспективных партнеров по сотрудничеству (Япония, Сингапур, Таиланд) большого опыта в сфере услуг и инфраструктуры.

Вьетнамский закон об иностранных капиталовложениях представляет возможность выбора наиболее подходящей для данного проекта и партнера формы сотрудничества: создание совместного предприятия с ограниченной ответственностью; предприятия, полностью принадлежащего иностранному капиталу; договорных или контрактных предприятий. Фактически в тексте закона оговорена еще одна, особая форма сотрудничества по типу концессии — участие иностранных компаний в разработке нефти на шельфе Вьетнама. Есть основания говорить о том, что возможность выбора повышает привлекательность сотрудничества с СРВ для иностранного капитала, особенно в еще нестабильных условиях вьетнамской экономики, а заодно дает шанс для избежания налета кампанейщины, без которого не удалось обойтись на первых этапах создания совместных предприятий на территории СССР. Опыт КНР, где также применяются 4 основных формы сотрудничества с зарубежными фирмами, в частности, показал, что последние, осваиваясь на китайском рынке через сотрудничество в более простых формах (контрактные предприятия), постепенно переходили к созданию акционерных и полностью принадлежащих им предприятий, доля которых с середины 80-х годов до 1988 года выросла с 30 до более чем 50 % в общей величине инвестиций.

Сопоставление размеров ставок налогообложения совместных предприятий, создаваемых в соответствии с Законом 1987 года в СРВ, с действующими в других государствах региона показывает, что они, пожалуй, наиболее льготные. Это позволяет надеяться на привлечение инвестиций в условиях достаточно жесткой конкуренции за них, обострившейся в последние годы в связи с настойчивым проведением политики открытых дверей в КНР. Следующая таблица дает возможность сопоставить условия инвестиционной деятельности в СРВ, СССР и КНР.

Обратим внимание и на тот факт, что к числу оснований для предоставления льготных условий отнесено создание совместных предприятий в первые 5 лет после принятия Закона об иностранных инвестициях. Тем самым за счет создания «демонстрационного эффекта» в определенной мере используется фактор конкуренции между различными инвесторами капитала, что улучшает условия для выбора между отдельными предложениями.

За первое полугодие 1988 года в СРВ было дано разрешение на создание 12 совместных предприятий, а объем иностранных инвестиций в них составил 143 млн. долл. По имеющимся данным, во втором полугодии 1988 года и в начале 1989 года этот процесс несколько ускорился. На начало 1989 года число предприятий с участием иностранного капитала возросло до 60, а объем иностранных инвестиций до 640 млн долл.

Наибольшее число контрактов на сотрудничество (включая совместные предприятия и другие формы кооперации) к концу 1988 г. было подписано фирмами Гонконга (14), Южной Кореи (9), Австралии (9), Таиланда (8). В инвестициях принимают

Таблица 2

Основные условия создания совместных предприятий
с участием иностранного капитала на территории
СРВ, СССР и КНР

	СРВ	КНР	СССР
Доля иностранного партнера в капитале	не менее 30 %	не менее 25 %	по соглашению сторон
Налог на прибыль	21—25 %	33 % (17 % для СП в СЭЗ, приоритетных отраслях)	30 % (10 % — в ДВЭР)
Налоговые льготы	возможно снижение ставок до 15—20 % в особых случаях — до 10—14 %	10—20 % скидка для СП в выделенных районах, отраслях. Возвращение 40 % уплаченной суммы при реинвестировании	возможно снижение ставок по решению Минфина СССР
Срок освобождения от выплаты налога	2 года (возможно увеличение до 4)	3—5 лет	2 года (в ДВЭР—3 года)
Налог на перевод прибыли за рубеж	10 % (5 % — для СП с высокой долей иностранного капитала и крупными размерами инвестиций)	10 % (не уплачивается СП в СЭЗ и 14 прибрежных городах)	20 % (возможно освобождение от налога или снижение его размера для СП в приоритетных сферах и в ДВЭР)

участие компании из Франции (9), ФРГ (3), Сингапура (2), Канады (2) и других стран.

Наибольший интерес у иностранных предпринимателей вызвала программа освоения вьетнамского нефтяного шельфа: в этой области в 1988—1989 годах заключено пять крупных контрактов с участием бельгийско-нидерландского консорциума, индийской, французской и английских компаний. Только по этим контрактам сумма инвестиций составила свыше 150 млн. долл. Все контракты заключены по в целом близким схемам: иностранные компании берут на себя разведку запасов, а в случае успеха часть полученной нефти пойдет на покрытие понесенных расходов. Оставшаяся после вычета налогов прибыль будет делиться между вьетнамским и иностранным партнерами. Последние берут на себя поставку необходимого разведочного и эксплуатационного оборудования и подготовку вьетнамских специалистов.

Помимо разработок нефти и газа, привлекательными для иностранных вкладчиков являются сфера туризма (здесь уже создан ряд совместных предприятий с участием фирм из Гонконга); производство одежды (совместные предприятия с участием Гонконга и Сингапура); разведение креветок, рыболовство и производство рыбной продукции (действуют совместные предприятия с участием Сингапура, Австралии, Таиланда, СССР); производство и сборка электронных и электротехнических приборов и устройств (в этой сфере действуют несколько совместных предприятий с участием фирм из Южной Кореи и других стран).

Анализ отраслевой структуры, территориального расположения, особенностей вьетнамских и иностранных партнеров в уже созданных совместных предприятиях подтверждает первоначальные оценки тех, кто не ждал бума иностранных инвестиций. Иностранные инвесторы с осторожностью подходят к сотрудничеству с Вьетнамом. В среднем доля иностранных партнеров в контрактах на создание подоб-

ных предприятий (за исключением добычи нефти) не превышает 50 %⁹. Предпочтение в контрактах отдается относительно надежным вьетнамским предприятиям и компаниям, проявившим себя в прежние годы и сумевшим завоевать доверие зарубежных инвесторов. Так, тот же «Сипродэкс» стал партнером по организации нескольких совместных предприятий, в том числе с фирмами Сингапура и Австралии, в области разведения и лова креветок, рыбной продукции, производства оборудования.

Обращает на себя внимание тот вполне естественный факт, что наибольший интерес зарубежные фирмы проявляют к деятельности на территориях с относительно развитой инфраструктурой — в районе Хошимина и особого округа Вунгтау-Кондао. Здесь с самого начала стала формироваться и определенная система организаций, непосредственно обслуживающих процесс поиска партнеров и заключения контрактов. Например, в Хошимине в течение 1988 года были созданы две компании по оказанию услуг в сфере капиталовложений — одна центрального, другая городского подчинения. В сфере деятельности компаний — оказание помощи и консультаций в ведении переговоров между партнерами, в подготовке технико-экономических обоснований, в изучении конъюнктуры рынка, в найме рабочей силы, организации бухгалтерского учета и пр.¹⁰

Закон СРВ об иностранных капиталовложениях и расшифровывающее порядок его применения Постановление Совета Министров СРВ № 139 создают достаточно ясную основу для инвестирования средств в экономику страны. Однако при их практическом осуществлении необходимо принимать во внимание следующие особенности.

Ставки налогообложения для совместных предприятий устанавливаются по принципу «case-by-case», то есть имеются только минимальная и максимальная границы, конкретная же их величина устанавливается в каждом случае отдельно.

Тот же принцип применяется при установлении размеров оплаты труда на совместных предприятиях. В законе оговорено, что заработная плата будет определяться с учетом уровня оплаты рабочей силы в других странах региона. Однако поскольку этот уровень сильно различается (от примерно 50 долл. в месяц для рабочих на совместных предприятиях в КНР, до свыше 500 долл. на предприятиях Сингапура), в каждом отдельном случае принимается особое решение. Здесь надо заметить, что дешевизна рабочей силы (заработная плата на ряде текстильных предприятий СРВ составляет 5—7 долл. в месяц, и даже на процветающем частном предприятии с учетом всех выплат — около 25 долл.) рассматривалась западными инвесторами как наиболее привлекательная сторона создания совместных предприятий на территории СРВ и принятие данного положения вызвало у них определенные колебания.

В каждом отдельном случае решается и вопрос об освобождении продукции совместных предприятий от таможенных пошлин. Это также создает неуверенность в сбыте продукции и ограничивает возможности диверсификации производства.

Таким образом, в целом слишком большая зависимость деятельности совместных предприятий от решения вышестоящих органов СРВ, несомненно, будет серьезно настораживать иностранных партнеров. Эта проблема является достаточно актуальной и в связи с сохранением во вьетнамской экономической жизни наслоений прошлого, в частности, таких, как бюрократизм и связанная с ним коррупция.

Есть еще одна особенность развития иностранных инвестиций во Вьетнаме, заслуживающая отдельного разговора. Речь идет о поведении вьетнамских экономических организаций и внешних инвесторов в условиях инфляции и неконвертируемости донга.

Новым и интересным в современной жизни СРВ и особенно наиболее динамичных и развитых ее частей является перестройка работы банковской системы, сориентированной на максимально эффективное кредитно-денежное обслуживание клиентов и постепенно переходящей к деятельности на основе реального соотношения курса валют. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия по наращиванию экспорта, урегулированию курсовых соотношений, одной из наиболее серьезных проблем остается неконвертируемость донга, а также большая валютная задолженность страны, незначительные валютные запасы. По западным оценкам, общая сумма задолженности Вьетнама в свободно конвертируемой валюте составляет около 2,5 млрд. долл., причем сумма долгов, по которым наступил срок платежа, достигает 600 млн. долл., а ежегодный пассив платежного баланса — 150—200 млн. долл.

Валютные резервы страны явно недостаточны для осуществления этих первоочередных платежей, а без них затруднено получение новых кредитов, в том числе и от международных экономических организаций. Наглядным проявлением неблагополучия в валютно-финансовой сфере являются постоянные резкие колебания курса донга по отношению к доллару по котировке свободного рынка во Вьетнаме. В этих условиях большинство создаваемых совместных предприятий имеет экспортную направленность, в первую очередь — в страны со свободно конвертируемой валютой. Однако в условиях искусственного поддержания завышенного курса донга по отношению к доллару такое производство может быть убыточным, если не будет сопровождаться встречными продажами дефицитных на внутреннем рынке товаров.

Кроме того, следует иметь в виду и небеспредельность возможностей экспортной ориентации Вьетнама в современных условиях развития экономической конъюнктуры и рынка, прежде всего регионального. На первых порах возможен относительно быстрый рост числа экспортно-ориентированных предприятий при относительно небольших размерах каждого из них, однако в дальнейшем перспективы этого процесса будут зависеть от того, какую нишу найдет Вьетнам в системе разделения труда в мире и регионе, используя преимущества близости к Японии, динамично развивающимся новым индустриальным странам, государствам АСЕАН и учитывая происходящие в них структурные сдвиги.

В связи с новыми явлениями в развитии внешнеэкономических связей СРВ возникает и обсуждается следующая проблема. Нельзя не учитывать, что выдвижению концепции открытых дверей в немалой степени содействовало осмысление опыта сотрудничества Вьетнама с социалистическими странами, прежде всего с СССР. Трудности, кризисные явления в экономике и обществе, развившиеся в годы, когда сотрудничество с СССР было основным, а также опыт новых индустриальных стран подвели к мысли, что, опираясь только на социалистические страны, нельзя решить проблемы СРВ. На этой волне возникли настроения и другого рода — в пользу отказа от приоритетного сотрудничества с СССР, опоры в основном на капиталистические страны.

Обсуждение этих вопросов сопровождается в СРВ острыми дискуссиями. И хотя большинство их участников далеки от мысли об исключении сотрудничества с социалистическими государствами из приоритетов вьетнамской внешнеэкономической политики, однако все-таки вырисовывается ситуация, в которой СССР отводится роль основного донора капиталоемкой помощи в базовых отраслях, а перспективы взаимовыгодного сотрудничества, способного изменить технологический облик Вьетнама и внести вклад в улучшение социальной ситуации, связываются с взаимодействием с несоциалистическими государствами.

В рамках данной статьи нет возможности обсудить все стороны этой проблемы, остановимся лишь на одной из них, касающейся развития новых форм сотрудничества СРВ с социалистическими странами.

Одним из факторов, оказывающих серьезное отрицательное воздействие на сотрудничество СССР с СРВ, является отрыв от тенденций мирового рынка, от использования потенциала соседних стран. Очевидно, что эффективное задействование этого потенциала в процессе сотрудничества осуществимо лишь в формах, соответствующих «веку Тихого океана»: прежде всего за счет развития кооперации самостоятельных и независимых от ведомственного диктата предприятий, ориентированных на международные критерии качества и технологического уровня, на работу на основе мировых цен, на закупки и сбыт продукции на региональном и мировом рынках. В этом смысле представляет большой интерес использование в нашем сотрудничестве (например, при создании совместных предприятий) механизмов, которые начинают применяться в СРВ в экономических связях со странами АТР.

К сожалению, участие социалистических стран в создании совместных предприятий в соответствии с новым Законом об иностранных капиталовложениях остается очень ограниченным. К началу 1989 года было создано всего 4 компании (три — с участием СССР и одна — ЧССР), рассматриваются несколько предложений от предприятий из ВНР и ПНР. Между тем во Вьетнаме несколько раз обращали внимание на то, что программа привлечения иностранных инвестиций обращена как к капиталистическим, так и социалистическим странам.

Здесь хотелось бы отметить и наличие таких условий для сотрудничества социа-

листических стран (в первую очередь СССР) с Вьетнамом в создании совместных предприятий, которые облегчают его, делают в ряде случаев более выгодным, чем даже сотрудничество с компаниями развитых капиталистических государств. Во-первых, СССР имеет опыт сотрудничества с СРВ в рамках совместных предприятий, которые создавались еще до принятия Закона об иностранных капиталовложениях. Во-вторых, нарастание задолженности СРВ Советскому Союзу шло в последние годы такими темпами, что сейчас решение этой проблемы может быть достигнуто только путем частичного списания, частичного обращения накопленных средств на создание совместных компаний. Необходимо учитывать заинтересованность вьетнамской стороны в создании совместных компаний именно с СССР, а не с западными фирмами в некоторых сферах экономики, например в финансовом секторе. Рассматривается и вопрос о сокращении потерь в неэффективно работающем государственном секторе за счет превращения части его предприятий в акционерные, в том числе с участием иностранного капитала. В этой области инвесторы из социалистических государств также могли бы получить преимущество. Наконец, вызывает интерес и выдвижение западными фирмами ряда предложений о создании трехсторонних совместных компаний на территории СРВ, в которых участник из СССР выступал бы в качестве «гаранта» капиталовложений.

Вероятность реализации указанных возможностей зависит, на наш взгляд, от того, насколько оперативно будут приниматься решения (поскольку с течением времени их актуальность будет быстро уменьшаться), а также от глубокой проработки всех вопросов при создании совместных предприятий. В этом смысле представляется необходимым снабжение вкладчиков капитала информацией, оказание методологической, а также финансовой помощи, предоставление транспортных и сбытовых услуг через посредническую организацию, которой могла бы стать хозрасчетная ассоциация делового сотрудничества или торгово-промышленная компания СССР — Вьетнам, ориентирующая свою деятельность прежде всего на сотрудничество с новыми субъектами хозяйственной деятельности в СССР и Вьетнаме.

* * *

Процесс реинтеграции Вьетнама в экономическую жизнь азиатско-тихоокеанского региона разворачивается. Станет ли этот процесс общей составляющей экономического прогресса страны, покажет время. Важно видеть одно: такая реинтеграция — реальность сегодняшнего дня, и со стороны Вьетнама, и со стороны его партнеров она определяется не только краткосрочными, но и долгосрочными интересами.

Учет этой реальности мог бы стать важным фактором повышения эффективности отношений Советского Союза и Вьетнама, основой для согласования экономических мер, направленных на подъем народного хозяйства обеих стран.

Примечания

¹ Няп Зан.— 1989.— 8 июля.

² В начале 1989 года в экспериментальном порядке в Хошимине было принято решение об организации первой в стране экспортной производственной зоны — Saigon Export Processing Zone, или сокращенно Seprozone. Расположена она на площади 800 га в уезде Тхудык (напротив деловой части Хошимина), между берегами рек Сайгон и Донгнай, в удобном месте, где есть возможность построить порты для приема кораблей грузоподъемностью до 20 тыс. т. Генеральным директором зоны назначен Во Тхань Конг, работавший ранее заведующим промышленным отделом Хошиминского горкома КПВ. Предполагается, что на территории зоны будет расположено около 600 небольших предприятий, полностью финансируемых иностранным капиталом; первые из них смогут приступить к работе уже в 1990—1991 годах. Специализация предприятий в зоне практически ничем не ограничивается. Предполагается, что в экспортной зоне получают работу около 50 тыс. вьетнамских рабочих, продукция предприятий почти полностью будет реализовываться на внешнем рынке.

Открытие сайгонской зоны предшествовала дискуссия о целесообразности и возможных последствиях этого шага, высказывались различные оценки (см. подробнее: Правда.— 1989.— 6 февраля). В настоящее время идет проработка конкретных предложений и подготовка производственной и социальной инфраструктуры зоны. Обсуждаются и вопросы организации подобных зон в других районах Вьетнама.

³ Воспользуемся здесь выражением, употребленным министром иностранных дел СРВ Нгуен Ко Тхатем в интервью журналу «Штерн» в начале января 1989 года.

⁴ Так, в 1974 году оборот внешней торговли Южного Вьетнама с развитыми капиталистическими государствами АТР составлял 160 млн. долл., развивающимися — 350 млн. долл., в том числе с Сингапуром — 250 млн. долл.— Statistical Yearbook for Asia and the Pacific 1983. UN.— Bangkok, 1984.— P. 617.

⁵ Если судить об инфляционных процессах по данным официальной статистики СРВ, то среднегодовой индекс розничных цен на общественном рынке Вьетнама (включая государственную, кооперативную и частную торговлю) менялся следующим образом (по отношению к предыдущему году):

Годы	1980	1981	1982	1985	1986	1987	1988	январь— февраль 1989
Индекс цен организованного рынка	101,8	202,0	207,2	210,9	557,4	389,9	527,6	115,3
Индекс цен свободно-го рынка	143,8	147,4	165,0	154,7	682,3	437,3	413,6	123,6

По данным Международного Валютного фонда темпы инфляции в 1986 г. составили 487 %, в 1987 году — 300 %, в 1988 году — 200 % (The Nation.— 1989.— April 29).

Если в 80-е годы инфляция проявлялась преимущественно в ее открытых формах, то в конце 70-х ее влияние ощущалось как в открытых (через рост цен на свободном рынке) так и скрытых формах (острый товарный дефицит).

⁶ К концу 1987 года 22 провинции и города центрального подчинения имели право на самостоятельную экспортно-импортную деятельность. Доля некоторых отраслевых министерств в экспорте характеризовалась следующими данными: Министерство внешней торговли — 22,6 %, Министерство сельского хозяйства и пищевой промышленности — 20,7, Министерство легкой промышленности — 15,9, Министерство водного хозяйства — 8,5, Министерство лесного хозяйства — 4,4, Главное каучуковое управление — 4,9 %.— См.: Нгоай Тхьонг.— 1988.— 25 апреля.

В 1988—89 годах широкое распространение получили прямые экспортно-импортные операции предприятий. Всего к середине 1989 г. в стране насчитывалось 200 организаций, занимающихся внешней торговлей постоянно или эпизодически, причем это число систематически увеличивается.

⁷ Рассчитано по: Статистические данные СРВ, 1986.— Ханой, 1988.— С. 262—266; Нян Зан.— 1988.— 14—15 декабря.

⁸ Подобную оценку приводят и в СРВ. Осознание этой проблемы особенно важно в условиях, когда руководство страны вынуждено сдерживать рост государственных расходов, да и в негосударственном секторе низка норма накопления капитала.

⁹ В условиях, когда в Законе 1987 года оговорена только минимальная доля зарубежного партнера в капитале, это свидетельствует о стремлении сократить возможный риск от участия в деятельности на вьетнамском рынке.

¹⁰ Интересно, что девиз одной из компаний по содействию иностранным инвестициям Хошима — «контора с одной дверью», то есть использован термин, появившийся в КНР для обозначения возможности решения всех проблем совместных предприятий в рамках одной управленческой структуры.

Новые индустриальные страны: уроки приватизации

В. МИХЕЕВ

Обновление наших представлений о социализме и поиск эффективных практических решений в деле развития народного хозяйства побуждают исследователей обращаться к зарубежному опыту. Особый интерес вызывают наиболее динамичные районы мира, где находятся страны, которые еще не так давно были на низком уровне социально-экономического развития. Среди них выделяются две группы азиатских стран и территорий: «новые индустриальные страны» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань) и четыре из шести стран АСЕАН (Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины), постепенно подтягивающиеся к уровню НИС. Новым моментом в экономической политике обеих «четверок» в 80-е годы стала ставка на повышение за счет уменьшения директивного государственного вмешательства роли основных субъектов хозяйственной деятельности — предприятий. Отход от практики диктата со стороны государства объявлен здесь приоритетом хозяйственного развития. Частная инициатива, под которой понимается инициатива индивидуального, частного, кооперативного и акционерного предпринимательства, рассматривается в качестве «главного катализатора прогресса». Государственное регулирование направляется в русло стратегических задач, задач создания хозяйственных «правил игры» и стимулирования инвестиционной и технологической активности свободных от прямого государственного диктата производителей. На первое место выдвигаются косвенные экономические регуляторы (кредиты, налоги), тогда как прямой приказ и субсидирование отступают на задний план.

Переход к новой хозяйственной политике способствовал ускорению во второй половине 80-х годов экономического роста обеих «четверок». К сожалению, приходится отмечать, что, за исключением Китая, где с конца 70-х годов начался процесс хозяйственных реформ, этот рост происходил на фоне снижения динамизма развития азиатских социалистических стран. Большинство НИС превысили общемировой уровень экономического развития (исчисленный как отношение общемирового ВВП к населению планеты) или вплотную приблизились к нему. По этому показателю они превосходят социалистические страны Азии (см. табл. 1).

Факторы ускорения роста НИС, связанные с функционированием аппарата государственного регулирования и формированием полноценного рынка, имеют, на наш взгляд, общеэкономические корни. Их анализ и творческое осмысление приобретают поэтому важное значение для азиатских социалистических стран, вставших или встающих на путь реформ.

Корректировка концепции государственного регулирования

В 50—60-е годы преобладали идеи активного государственного вмешательства в индустриализацию азиатских стран. Централизованное планирование, прямой административный контроль, государственная собственность в основных отраслях промышленности представлялись тогда гарантией успеха. В те годы в правительственных кругах многих стран Азии стала популярной теория, согласно которой развивающиеся страны не

смогут обеспечить накоплений за счет экспорта и должны сконцентрировать усилия на развитии собственного «антиимпортного» индустриального сектора. Данная теория предполагала: обеспечение ведущей роли государства в формировании накоплений, мобилизацию внутренних источников накоплений путем директивного вмешательства административных органов, а также антиимпортную модель индустриализации с сильными протекционистскими барьерами. Предпочтение отдавалось методам натурального планирования.

Государственно-командный акцент в развитии, казалось бы, соответствовал неотложным нуждам молодых стран. Задачи создания промышленной инфраструктуры, систем медицинского обслуживания и образования, ликвидации безработицы и обеспечения «справедливого распределения» с очевидностью требовали активного государственного участия. Необходимо было преодолеть «эгоизм» и — потому — ограниченность частного сектора, предпочитавшего экономически прибыльные отрасли и «инфраструктурно освоенные» территории, не умевшего увидеть перспективные выгоды в социальных проектах и в освоении новых районов.

Для принятия концепций «государственного варианта» развития существовала благоприятная историческая и менталитетная почва — традиционно большая, привычная для людей роль государства в хозяйственной (поливное земледелие) и общественной (иерархическое построение общественных структур) жизни азиатских стран. Прямое государственного контроля за стратегическими отраслями (тяжелой и химической промышленностью, транспортом, связью) требовали задачи укрепления национальной безопасности, нередко получавшие приоритет в условиях глобальной и региональной конфронтации в АТР двух мировых систем.

В 80-е годы в странах Азии происходит пересмотр соотношения государственных и негосударственных регуляторов общественного прогресса, что отражает изменение внутренних и внешних факторов развития. Накапливаются и доходят до кризисных отметок трудности в деятельности государственного сектора, происходят крупные сдвиги в мировой экономике, больших размеров достигает дефицит государственного бюджета в НИС и в «четверке» АСЕАН.

Таблица 1
Сравнительные показатели экономического развития стран, входящих в две «четверки», и социалистических стран Азии

	Среднегодовые темпы прироста ВВП, %		ВВП в расчете на душу населения (долл.) 1988 г.
	1981—1985 гг.	1986—1988 гг.	
Гонконг	4,2	9,8	7800
Южная Корея	7,5	11,1	3800
Сингапур	6,0	6,9	8000
Тайвань	6,1	9,3	5600
Индонезия	3,6	3,0	550
Малайзия	5,1	4,0	2200
Филиппины	0,9	3,3	600
Таиланд	5,3	6,7	1400
Китай	9,8	9,5	350
Вьетнам*	7,1	4,0	150
Монголия*	6,5	4,4	1400
Лаос*	5,0	4,5	100
КНДР**	500
Среднемировой уровень			2300

* Национальный доход. К данным по Вьетнаму и Лаосу, где еще сохраняется значительное по масштабам натуральное хозяйство, надо относиться с оговорками.

** Данные по КНДР отсутствуют.

Источник: Asia-Pacific Report, 1987—1988.—Р. 72—84.

Под эгидой ООН в начале 80-х годов были проведены представительные обследования развивающихся стран на предмет выявления последствий вмешательства государства в экономику. Исследования, проведенные в 20 странах, позволили их авторам констатировать, что чем больше прямого государственного вмешательства в экономику, тем больше трудностей возникает в развитии. Однако эта зависимость не однозначно линейная: до определенного уровня государственное администрирование способствует хозяйственному росту¹. В качестве главных причин плохой работы госпредприятий авторы проведенных исследований выделяли «три отсутствия»: стимулов к снижению издержек производства, ориентации на прибыль и качество, прямой зависимости заработной платы рабочих от эффективности данного производства.

В международном плане к формированию «новой политики» развивающиеся страны побудили сильные протекционистские тенденции в развитых странах Запада. Ограничения на ввоз из НИС Азии и АСЕАН-4 текстиля, одежды, обуви, бытовой электроники стали негативно сказываться на их валютных поступлениях. Ведь большая часть экспорта «двух четверок» приходится на США (от 13 % у Малайзии и 20 % у Таиланда до 36 % у Южной Кореи и Филиппин, 48 % у Тайваня) и Японию (от 5—10 % у Гонконга и Сингапура до 25 % у Малайзии и 50 % у Индонезии)².

С другой стороны, обострилась проблема задолженности, наметилась тенденция к сокращению притока иностранных инвестиций в экономику «двух четверок». Протекционизм и сокращение притока средств из-за рубежа имели следствием введение этими странами режима экономии. В том же направлении подталкивал правительства и увеличивавшийся дефицит государственного бюджета. Ускорение инфляции требовало решительных действий по уменьшению государственных расходов. «Две четверки» взяли курс на сохранение на прежнем уровне либо сокращение бюджетных расходов и активизацию притока в экономику негосударственных инвестиционных ресурсов.

Общие моменты политики приватизации

В первоначальном значении приватизация означает повышение эффективности работы частного сектора или политику по его развитию. Существует и более узкое понимание приватизации как продажи государственных предприятий в частные руки, распространенное в развитых капиталистических странах³.

Однако в азиатских государствах приватизация не сводится к избавлению от государственной собственности, а рассматривается в контексте общеэкономических усилий по высвобождению хозяйственной и технологической инициативы непосредственных производителей. Политика приватизации имеет своей целью повышение эффективности экономики путем устранения бюрократического контроля над деятельностью государственных предприятий, предоставления последним «независимого руководства, финансовой автономии и оперативной свободы»⁴. Непосредственный переход предприятия в частные руки, коллективное либо ассоциированное владение трактуется как последняя фаза приватизации. Составной ее частью являются меры по дерегулированию экономики, предусматривающие устранение ограничений, которые защищали ту или иную отрасль от конкуренции независимых производителей и тем самым позволяли сохранять государственную монополию.

Главными целями или задачами приватизации, приоритетность которых варьируется по странам, являются: уменьшение финансового бремени правительства; развитие конкуренции и повышение эффективности госсектора; ускорение роста путем привлечения негосударственных инвестиций; устранение государственной монополии и дебиюкратизация; создание полноценного рынка — капитала, ценных бумаг, валюты; разделение «ответственности» за внешний долг между правительством и свободными производителями; привлечение независимых производителей в «традиционно правительственные» отрасли — инфраструктуру, образование и т. п.

Проводя политику приватизации, большинство НИС Азии и стран АСЕАН-4 первоочередное внимание уделяют развитию конкуренции, уменьшению бюджетного дефицита и государственного долга. При этом особо подчеркивается, что развитие рынка и устранение монополии государства не достигается только сменой формы собственности: экономика не выиграет, если вместо государственной монополии образуется частная. В этой связи в первую очередь делаются попытки поощрить соревновательность в «открываемых» отраслях экономики. Все большее понимание находит то обстоятельство,

что государственная страховка от банкротств, политическое вмешательство в народное хозяйство и протекционизм лишают экономику импульсов к саморазвитию и не стимулируют стремление и умение прибыльно работать.

На практике приватизация осуществляется по следующим направлениям;

Первое. Правительство создает предприятие и затем, сохраняя за собой право собственности, предоставляет частному сектору право руководства его работой. Такие действия предпочтительны в случаях, когда частный капитал не видит гарантий успеха и опасается риска.

Второе. Совместное предпринимательство посредством продажи акций государственного предприятия отдельным акционерам. Со временем государство может полностью отказаться от контрольного пакета в пользу независимых владельцев. Такой вариант применяется, как правило, в условиях уже достаточно развитого рынка ценных бумаг либо в тех случаях, когда правительство стремится, сохраняя свой контроль, например, над стратегически важными отраслями, повысить их эффективность.

Третье. Продажа предприятий либо части предприятия одному или нескольким юридическим лицам, например через аукцион.

Четвертое. Ликвидация государственного предприятия и открытие тем самым доступа в отрасль частным фирмам. Как вариант — частичное устранение государственного присутствия и создание условий для разделения труда между государственным и частным секторами.

Пятое направление включает варианты «косвенной приватизации». Например, предоставление негосударственным предприятиям льгот при кредитовании и налогообложении в целях снижения цен в отрасли и ослабления государственной монополии. Или передача частному лицу права на контрактацию производства, распределения, сбыта продукции, произведенной на государственном предприятии.

Ограничители приватизации

Программы приватизации в указанных азиатских странах сталкиваются с серьезными трудностями. Активное противодействие оказывает бюрократия, усматривающая в развивающихся процессах угрозу собственным позициям в обществе. За приватизацию в среде управленческого аппарата выступают лишь наиболее прогрессивные государственные лидеры и их сторонники, способные широко видеть проблемы национального развития, а также те чиновники различного уровня, которые получают возможность «погреть руки», раздавая разрешения на индивидуальную и частную производственную деятельность.

Другая проблема связана с правильным выбором момента и способа приватизации. Дело в том, что для каждой отрасли существует своя наиболее желательная комбинация форм собственности: в одних отраслях госсектор сохраняет шансы на успешное функционирование, в других государственные и негосударственные предприятия действуют как партнеры, в третьих присутствие государства неэффективно. Правильность выбора проявляется только со временем, через рынок. Поэтому на практике выбор тактики приватизации вызывает затруднения. Наиболее тяжело процесс приватизации проходит в сырьевых отраслях, энергетике, транспорте. С одной стороны, частный сектор неохотно идет в эти капиталоемкие производства с длительным сроком окупаемости затрат. С другой — государство не всегда может позволить себе уступить или даже ослабить контроль над стратегическими базовыми отраслями. Легче и с очевидным эффектом приватизация осуществляется в сфере услуг, производстве потребительских товаров, аграрном секторе.

Существуют препятствия социального характера. К побочным явлениям приватизации можно отнести сокращение занятости и рост безработицы, возрастание угрозы утраты трудящимися социальных льгот при смене формы собственности или опасность потери квалификации, поскольку новые владельцы могут не принять прежние критерии квалификации и потребовать дообучения.

Не исключены неблагоприятные социально-психологические последствия перехода предприятий в частные руки и внедрения новых, как правило зарубежных, технологий, освоение которых связано с физическими и психическими перегрузками.

В настоящее время в азиатских странах разрабатываются меры по ослаблению такого рода неблагоприятных социальных последствий приватизации. В этой связи выдвигаются следующие идеи: предпочтение таких мер приватизации, как передача предприятий в

собственность самим рабочим, кооперативную либо акционерную; учреждение временных арбитражей по приватизации с тем, чтобы обеспечить согласование интересов рабочих и новых владельцев; сохранение действовавших при государственном владении условий найма; разработка и внедрение правительственных программ по переподготовке трудящихся, высвобождаемых в результате приватизации.

На практике осуществление предложенных мер не избавляет от трудовых конфликтов, однако ориентация на отлаживание механизма обеспечения баланса интересов труда и капитала постепенно начинает вырисовываться в одно из направлений политики по преодолению негативных социальных последствий приватизации.

Процессы приватизации тормозятся отсутствием (за исключением Гонконга и Сингапура и частично Южной Кореи) развитого рынка капитала, что создает сложности для капитализации сбережений населения. Незрелость рынка, дефицит опытных экспертов и банкиров, специалистов по инвестициям возлагают на административные органы всю работу и ответственность за оценку стоимости продаваемых предприятий. В этом и состоит одно из противоречий приватизации в Азии: на административный аппарат возлагаются функции «самопреобразования».

Другая сторона проблемы — незрелость кредитных механизмов, сдерживающая потенциальных владельцев, лимитированных средствами. Слабая кредитная система может создавать ситуацию, при которой покупка госсобственности будет происходить за счет «осушения» финансового рынка и содержания на «голодном пайке» других проектов негосударственного бизнеса. Решение этих проблем возможно на путях развития национальной кредитной системы, привлечения иностранных партнеров.

Опыт приватизации в отдельных странах

Из всех обозреваемых стран и территорий наиболее «рыночной» и открытой для иностранного капитала является Гонконг. Государственный контроль осуществляется здесь только над системой водоснабжения (связанной с материковыми источниками подачи воды) и почтовой связью. В Гонконге действуют также несколько полуавтономных государственных предприятий, например Совет по торговле и развитию, Экспортно-кредитная страховая компания, Организация по транзитным перевозкам. В 80-е годы взят курс на ограничение государственного контроля за деятельностью этих организаций с целью повышения эффективности и оперативности в их работе.

Сингапур. Государство играет сильную роль в национальной экономике, контролируя 450 компаний, производящих около 25 % ВВП страны. Отличительной чертой Сингапура является отсутствие бюджетного дефицита и поддержание одной из самых высоких в мире норм накопления — на уровне 40 % ВВП⁵. Большинство накоплений формируется через различные социальные фонды, функции которых состоят в финансовой поддержке трудящихся. Сокращение уровня обязательных отчислений в такие фонды рассматривается в настоящее время правительством как главный резерв увеличения накоплений в частном секторе.

Основная цель приватизации в Сингапуре состоит в том, чтобы уменьшить конкуренцию частному сектору со стороны правительства путем устранения «нечестной конкуренции» и «государственной узурпации» наиболее способных управленческих кадров. Последнее направлено на повышение уровня компетентности принимаемых руководителями негосударственного сектора решений посредством повышения качества управленческого персонала путем привлечения высококвалифицированных государственных служащих.

В 1984 г. в Сингапуре была существенно пересмотрена роль государства в экономике. Было решено, что государство вмешивается в рыночные процессы только тогда, когда частный сектор не имеет ресурсов для развития того или иного производства или не видит выгод от его развития.

Государству предписывается также сохранять контроль над компаниями в случае, если их деятельность «обслуживает» общенациональные интересы. Одновременно были приняты решения о продаже в частные руки акций смешанных компаний, больше не требующих государственного присутствия.

Первый шаг в направлении приватизации был сделан в 1984 г., когда крупнейшая государственная инвестиционная компания «Темасек» продала 45 % акций. В том же году правительство реализовало на рынке ценных бумаг акции японо-сингапурской компании «Мицубиси Сингапур хеви индастриз». В 1986 г. приватизация вступила в новый

этап. Этому способствовало создание правительственного комитета по «разделению государственного сектора», с деятельностью которого поколение прагматически настроенных руководителей связывает ослабление государственного контроля над экономикой.

Южная Корея. Государственные предприятия сыграли важную роль в развитии национальной экономики. Особенно быстро они развивались в 60—70-е годы. В тот период до 90 % капиталовложений осуществлялось через государственные банки. На долю госпредприятий приходилось до трети промышленной продукции и 20 % транспортных услуг. В настоящее время в стране действует 100 госпредприятий, из которых 26 — под прямым контролем правительства. 74 предприятия являются смешанными либо существуют за счет дотации государства⁶. Контроль сохраняется прежде всего над стратегически важными отраслями — производством стали и химических удобрений.

Основной упор в политике приватизации сделан на повышение эффективности работы госпредприятий, а не на смену формы собственности. Эта особенность Южной Кореи объясняется тем, что основную производственную деятельность в стране осуществляют финансово-промышленные группы, возглавляемые семейными кланами. На 10 крупнейших групп приходится более 60 % ВВП страны и 70 % экспорта.

До 1983 г. продажа госпредприятий в частные руки была эпизодической. В 1969 г. приватизирована авиакомпания КАЛ, в 1982 г. еще две компании — «Кореан ойл» и «Кореан хеви индастриз». С 1983 г. Сеул перешел к активной политике приватизации финансового сектора. Были денационализированы 7 коммерческих банков, созданы еще два новых смешанных коммерческих банка, а также 43 сберегательные и финансовые компании и 10 финансовых компаний, специализирующихся на краткосрочных ссудах⁷.

В целях инвентаризации госсектора и выработки рекомендаций о целесообразности приватизации в 1983 г. был издан специальный закон об управлении госпредприятиями, а в 1984 г. создано Бюро по оценке работы госкорпораций.

Результаты приватизации нельзя охарактеризовать однозначно. Перечисленные организации повысили эффективность работы, избавившись от административного контроля. Однако денационализированные банки по-прежнему продолжают испытывать давление государства. В частности, фиксированные процентные ставки и жесткие рекомендации правительства по отраслям кредитования превращают данные банки фактически в полуправительственные.

В 1988 г. Сеул принял программу «реконструкции экономики», нацеленную на развитие рынка капитала, предоставление свободы банкам и другим финансовым учреждениям, снятие жестких ограничений на деятельность иностранных фирм на национальном рынке. Целью программы является либерализация экономики и придание ей большей открытости.

Малайзия по сравнению с другими странами АСЕАН уделяет повышенное внимание социальным аспектам развития. В результате доля государственного сектора в экономике выше, чем в других странах. Правительство через многочисленные государственные учреждения контролирует банки, фабрики, объекты социальной инфраструктуры, плантации, телекоммуникации, порты. Другая причина преобладания госсектора — сырьевой характер малайзийского экспорта. Особенности мирового рынка нефти, олова, пальмового масла обуславливают необходимость поддержания государственной монополии на торговлю этой продукцией.

Падение в 80-е годы мировых цен на сырье и уменьшение притока иностранного капитала в страну вызвали бюджетную напряженность и подтолкнули малайзийское правительство к сокращению государственных расходов. Однако ставка на негосударственный сектор в попытке выправить бюджетный дефицит приводит в противоречие с проводимой Малайзией «новой экономической политикой», ориентированной на социальные цели развития и постоянно требующей высокого уровня государственного вмешательства.

Программа приватизации экономики была принята в 1985 г. Ее разработка и осуществление происходят при активном участии английских экономических и финансовых экспертов. В настоящее время взят курс на приватизацию 900 нефинансовых корпораций. Однако сторонники «новой экономической политики» в правительстве склоняются больше не к смене формы собственности, а к повышению эффективности работы государственных предприятий.

На практике программа приватизации осуществляется после длительного и детальнейшего изучения каждого случая. В 1983 г. был приватизирован один из каналов телепередач, в 1985 г. — лотерея, 30 % активов государственной авиакомпании, в 1988 г. — еще

40 %. В 1986 г. был одобрен крупнейший в Малайзии проект строительства шоссе на сумму 3,4 млрд. долл., предполагающий участие государственных и частных фирм с последующей — через 25 лет — передачей всей собственности правительству⁹.

Ускорение процессов приватизации связывается в Малайзии с завершением выполнения ныне действующей программы экономического развития и переходом в 90-е годы к политике с более выраженным акцентом на либерализацию хозяйственной жизни. Это позволит ослабить влияние непоследовательности действий правительства, продолжающего наряду с мерами по стимулированию негосударственных укладов наращивать вложение в такие капиталоемкие отрасли, как сталелитейное производство, химия, автомобилестроение.

Филиппины. В этой стране в основе проводимой политики приватизации лежат два импульса: приверженность высшего руководства идее о том, что «государство должно как можно меньше вмешиваться в бизнес», и необходимость вывести страну из тяжелого экономического положения, в котором она оказалась в период правления Маркоса. Одна из причин кризиса начала 80-х годов лежит в неэффективной, «растратной» работе госпредприятий.

В середине 80-х годов на Филиппинах был создан Комитет по приватизации под руководством министра финансов. Происходит передача в частные руки 110 государственных предприятий. Особые усилия направляются на либерализацию торговли: устранены нетаможенные барьеры, снижены ввозные пошлины¹⁰.

Однако приватизация встречает упорное сопротивление профсоюзов, на ее ходе негативно сказываются частые забастовки, вселяющие недоверие к частным предпринимателям. И все же постепенная стабилизация политической ситуации на Филиппинах и предоставленная стране отсрочка в погашении долгов создают достаточно благоприятные условия для реализации в 90-е годы идей новой экономической философии.

Главными слагаемыми экономических успехов Таиланда в последние годы стал приток иностранных инвестиций и эффективная аграрная политика, в основе которой лежит повышение роли фермеров и правительственная поддержка в областях инфраструктуры и материального обеспечения села. Особенности взаимоотношений государства с частным сектором были оформлены в начале 80-х годов созданием специального комитета государственной и частной экономики под руководством премьер-министра. Комитет рассматривается как «мостик» между двумя источниками экономической инициативы. Именно он играет решающую роль в мероприятиях по приватизации.

В стране действует 70 государственных предприятий, большинство которых неэффективно. На покрытие издержек их производства уходит около 3,5 % ВВП¹⁰. Провозглашенная в 1984 г. программа частичной приватизации главной своей целью имеет ослабление этого бремени. Программа делает ставку на продажу на национальном рынке ценных бумаг и акций государственных компаний в энергетике, авиатранспорте, туризме, промышленности традиционных промыслов. Частный сектор активно привлекается к проектам по развитию инфраструктуры: сооружению дорог и телефонных систем.

Основные проблемы связаны с отсутствием у предпринимателей не только возможностей, но и желания покупать убыточные предприятия и идти тем самым на хозяйственный риск, с сохранением длительных бюрократических процедур при осуществлении актов приватизации, с нехваткой у частного бизнеса квалифицированных специалистов-управленцев и средств для их подготовки.

Какие уроки можно извлечь?

Многие аспекты приватизации в НИС и АСЕАН перекликаются с проблемами перехода к новой экономической модели в странах социализма. По существу, и там и здесь речь идет о переводе национальной экономики из одного состояния, когда работа на общественную потребность осуществляется на основе приказов вышестоящих государственных органов, а сама потребность определяется из центра, в другое, когда такая работа ведется через механизм обеспечения прибыли производителю, который самостоятельно — при содействии, но не по приказу власти — определяет потребность и средства ее удовлетворения. Правильность решений проверяется рынком.

Общеэкономический смысл приватизации — в поддержании эффективного соотношения между государственной монополией и конкуренцией в условиях формирующегося рынка. Несколько схематизируя действительность, воспользуемся распространенным ин-

струментарием экономического анализа — сопоставлением спроса и предложения. Как известно, в условиях развитого рынка цена товара и его потребное количество определяются исходя из равновесия спроса и предложения. При этом равновесная цена должна быть выше издержек производства с тем, чтобы обеспечить производителю требуемую прибыль.

В странах со слабой экономикой по многим товарным позициям рыночное равновесие, обеспечивающее прибыль производителю, не может быть достигнуто. Незрелая технология не позволяет добиваться снижения издержек за счет технических новшеств. Дефицит накопленный у производителей затрудняет использование фактора укрупнения производства для уменьшения себестоимости продукции, а потребитель не готов платить необходимую цену, создающую производителю импульсы к работе на прибыль. В результате нужная, а нередко жизненно необходимая продукция оказывается невыгодной для производителя.

В рассматриваемом случае для обеспечения общественной потребности в продукте необходима низкая доступная цена и соответственно государственное покрытие издержек производства за счет бюджета. Очевидно, что здесь интересы эффективности вынужденно жертвуются ради удовлетворения насущных нужд. Со временем, в результате снижения издержек вследствие укрупнения производства или внедрения новой техники и увеличения спроса, формируются условия, позволяющие равновесной цене перекрывать издержки и обеспечивать прибыль производителю. С этого момента сохранение государственного патернализма наносит вред экономике. На практике очень трудно определить, когда наступает «критический момент», начиная с которого государственное вмешательство должно быть заменено таким стимулом, как прибыль. Своевременность фиксации «критического состояния» и переход к мерам по приватизации экономики в решающей мере определяют эффективность экономического развития любой страны. Одновременно приватизация требует активизации косвенного государственного регулирования, поскольку только носители власти могут инициировать сами мероприятия по деогосударствлению.

Практика азиатских социалистических стран

Строго говоря, в азиатских странах социализма сам термин «приватизация» не используется. Не последнюю роль здесь, видимо, играют идеологические барьеры. Однако там, где начались реформы — в Китае с конца 70-х годов, во Вьетнаме и в Лаосе с конца 80-х, — процессы экономической перестройки проходят в схожих направлениях. Под лозунгами «преодоления убыточности госсектора» и «развития всех хозяйственных укладов», по существу, проводится линия на избавление экономики от административного контроля и переход к рыночному социалистическому хозяйству.

Общим для политики «приватизации» в неевропейских странах социализма является то, что меры по деогосударствлению и дерегулированию начали осуществляться в сельском хозяйстве (переход к арендным отношениям), сельской промышленности (создание частных предприятий), торговле (свободное ценообразование, допуск на рынок индивидуальных и частных торговцев). Отличительной особенностью этого процесса является здесь отсутствие или малочисленность «независимых» субъектов хозяйственной деятельности в лице частных производителей. Тем самым фактически становится невозможным продавать госсобственность в частные руки. Крайне слабая развитость (например, в КНР) или полное отсутствие (в других странах) рынка ценных бумаг также определяют особенности тактики и стратегии приватизации. Фактически невозможными становятся продажа акций госпредприятий на национальных биржах, сдача их в аренду независимым производителям. Упор поэтому делается на такие формы, как продажа предприятия самим рабочим или сдача его в аренду обслуживающему персоналу.

Ключевой особенностью «приватизации» в социалистических странах Азии является прохождение через «предварительный» этап, на котором происходит формирование субъектов хозяйственной деятельности за счет развития индивидуально-подрядных работ, а также предоставления финансовой и хозяйственной самостоятельности самим государственным производителям.

В Китае политика реформ за последние 10 лет привела к существенным изменениям в структуре собственности. К концу 80-х годов более 90 % крестьян работало на системе семейного (подворного) подряда. Накопления в хозяйствах создают основу для развития местной торговли и промышленности. В результате преобразований доля государствен-

ного сектора в промышленности упала с 80 в 1978 г. до 67 % в 1987 г., в торговле — соответственно с 90 до 40 %. Доля частного сектора в данных отраслях возросла соответственно с практически нулевой отметки до 2 и 16 %¹¹.

Тем не менее госсектор продолжает составлять сердцевину промышленности, и поэтому его слабая динамика отрицательно сказывается на государственном бюджете и общей хозяйственной обстановке. Причину неурядиц китайское руководство усматривает в укоренении системы «отцовской опеки» государства над предприятиями, позволяющей предприятию не разорваться даже в случае убыточной работы.

Во второй половине 80-х годов меры по дерегулированию экономики Китая распространяются на финансовую службу. В 7 городах разрешена свободная торговля облигациями. Выпуск облигаций был начат с 1981 г. с целью покрытия дефицита государственного бюджета и финансирования проектов в энергетике, на транспорте, в области связи. Торговля ими, а также постепенный переход к торговле акциями ассоциированных предприятий создают условия для формирования рынка капитала, расширяют сферу хозяйственного маневрирования.

Особенность китайской политики дерегулирования состоит в развитии своего рода «анклавной приватизации» посредством создания специальных льготных условий для действия иностранного капитала в особых зонах. Примером может служить специальная зона в Хайнане, где практически нет ограничений на рыночные отношения и работу частного сектора¹².

Важными шагами в рассматриваемом направлении стало принятие в конце 80-х годов поправок к законодательству о руководстве государственными предприятиями и предоставление арендаторам права продажи своих прав на пользование землей. По закону о предприятии от 1988 г. директор наделяется правами нанимать и увольнять рабочую силу, покупать сырье и продавать продукцию. Он несет ответственность за доходы и расходы предприятия, не рассчитывая на помощь бюджета. Жесткость новой ситуации подтверждается принятием закона о банкротствах.

Однако процессы деогосударствления в Китае еще не вышли на уровень «двух четверок». Хотя ограничения на наем частными предприятиями рабочей силы фактически не соблюдаются (по закону — не более 8 наемных рабочих) и частный сектор имеет достаточно широкие возможности для развития, он по-прежнему рассматривается как «дополнение» к госсектору. Дискуссии в этой области в КНР продолжаются. Тем не менее не исключено, что предпринимаемые с конца 1988 г. меры по стабилизации экономики путем усиления методов директивного вмешательства могут несколько притормозить темпы развивающихся процессов деогосударствления.

Во Вьетнаме неэффективная работа госсектора рассматривается как главная причина неудовлетворительного состояния экономики в целом. На госпредприятии приходится около 70 % промышленной продукции, 40 % товарооборота, 85 % основного капитала и 90 % инженеров и высококвалифицированных специалистов. Однако масштабы госсектора превосходят, как считают в СРВ, реальные возможности и потребности экономики. В стране насчитывается 3300 госпредприятий центрального и местного подчинения, на покрытие убытков которых идет до 5 % расходной части госбюджета¹³.

Для исправления положения с 1988 г. разрабатываются меры, предусматривающие возможность передачи нерентабельных предприятий в частные руки или кооператорам. Намечены другие шаги по перестройке взаимоотношений между предприятием и государством. Они предполагают: отход от вмешательства государства в производственно-хозяйственную деятельность предприятий, реорганизацию системы управления на основе перераспределения функций между центральными и местными органами, переход в основном к экономическим методам управления, повышение роли социалистической законности в управлении экономикой.

В 1988 г. было принято новое положение о госпредприятии, согласно которому трудовой коллектив получает право непосредственно использовать имущество предприятия, остающегося в государственной собственности. На предприятия возлагается ответственность за результаты их деятельности, они получают право самостоятельно разрабатывать направления долгосрочного развития и привлекать инвестиционные ресурсы из негосударственных источников: кооперативов, населения, вьетнамских эмигрантов за рубежом. Вместе с тем сохранен контроль над ценообразованием и сверхприбылями предприятия.

Завершить переход на новую систему управления государственной промышленностью

намечено к 1990 г. Однако осуществить это будет непросто, потребуются ломка многих сложившихся структур, в частности деогосударствление системы материально-технического снабжения и реализации готовой продукции.

Наряду с преобразованием предприятий получает развитие негосударственный сектор в торговле, промышленности, финансах. Активнее этот процесс идет на Юге, где ряд потенциальных частных инвесторов сумел сохранить личные сбережения. В Хошимине, например, уже действуют частные фабрики, насчитывающие более 100 наемных рабочих и экспортирующие свою продукцию на внешние рынки. С июля 1988 г. на хозрасчет были переведены все государственные банки СРВ, созданы специализированные коммерческие банки, создаются акционерные банки, развиваются различные формы кредитной кооперации.

В сельском хозяйстве акцент ставится на расширение производственной самостоятельности крестьянских дворов, продление сроков аренды земли, повышение товарности производства. Принимаются меры по деюрократизации управления сельским хозяйством, предотвращению использования доходов кооперативов для «дополнительного обеспечения партийных работников»¹⁴. Однако основные задачи состоят сейчас в том, чтобы восстановить на юге страны (основном поставщике продовольствия) уровень товарности, существовавший до освобождения.

В Лаосе особенности «приватизации» связаны с преобладанием в экономике натурального хозяйства, доля которого в национальном доходе превышает половину. Поэтому усилия направлены на создание рынка не только путем деюрократизации экономики, хотя эта задача, общая для других стран, не снимается, но и посредством постепенного вовлечения в рыночные отношения натуральных и полунатуральных хозяйств.

После IV съезда ЛНДП (1986) в стране взят курс на развитие всех хозяйственных укладов. Результаты не замедлили сказаться: 80 % торговли и 30 % промышленности перешли в частные руки. Правда, в данном случае нет прямой связи между приватизацией и созданием полноценного рынка: в торговле, например, до сих пор преобладают бартерные формы, свидетельствующие о неразвитости денежных отношений¹⁵.

Большая роль в реформах возложена на изменение принципов функционирования банковской системы. В стране создается сеть самостоятельных коммерческих банков, преобразуемых из отделений госбанка. Произведено выравнивание официального курса кипы по курсу черного рынка, и введена свободная конверсия национальной валюты в доллары и тайские баты; последние получили в стране свободное хождение.

В отношении МНР и КНДР пока нельзя говорить о развитии в экономике процессов, схожих с мерами по приватизации и дерегулированию, осуществляемых в других странах. В Монголии вопросы перестройки административной системы управления ставятся и обсуждаются в научных и политических кругах. Предпринимаются попытки ввести арендные отношения на селе. Однако на практике основные усилия направляются на совершенствование работы госпредприятий. Особенность формирования структуры рыночных отношений в МНР связана с сильной привязкой монгольской экономики к советскому хозяйственному организму. На долю СССР приходится 90 % товарооборота республики, 70 % капиталовложений¹⁶. Это обуславливает тесную увязку хода хозяйственных реформ в Монголии с темпом перестройки экономической системы в Советском Союзе.

В КНДР господствующими являются концепции централизованного административного контроля за производством, распределением и потреблением. Планирование ведется в натуральных показателях, реализация большей части продовольствия и предметов ширпотреба строго ратионируется. Максимальная детализация планирования рассматривается как главное средство поддержания пропорциональности. Некоторые изменения просматриваются в связи с постепенным формированием «второго сектора» экономики, включающего возобновляющие свое существование крестьянские рынки, хотя доля последних в формировании потребительских фондов по-прежнему минимальна.

* * *

Проведенный анализ дает, на наш взгляд, основания рассматривать приватизацию весьма широко — как определенную закономерность формирования и развития национального рынка в условиях преобладания административного контроля за экономикой.

Практика показала неспособность административно-хозяйственной системы, осуществляющей работу на общественную потребность через приказ, справиться с острыми хозяйственными проблемами. Отсюда необходимость перехода к новой исходной базе — работе на потребность через прибыль. Этот переход осуществляется посредством приватизации и дерегулирования административно-бюрократической экономики. Конечно, на этом пути возникают свои проблемы и противоречия, требующие государственного вмешательства, но уже в других, преимущественно косвенных формах, направляющими методами.

Идеологические стереотипы настолько живучи, что трудно не задаться вопросом о соотношении социализма и приватизации, не противоречит ли одно другому. Ответ нельзя не поставить в зависимость от самого понимания социализма. Да, приватизация несовместима с государственным социализмом, с военизированной или обюрокраченной системой хозяйственных отношений времен сталинизма и застойного периода. Но приватизация, «деадминистрирование», направленные на создание полноценного социалистического рынка, полностью, на наш взгляд, отвечают идеям социализма как послекапиталистического «ассоциированного способа производства», при котором кредит, деньги приобретают более важное значение, чем когда бы то ни было до этого.

¹ Private Sector Development for Promoting Economic Growth in Developing Countries in Asia.— Singapore, 1988.— P. 7—12.

² Asia — Pacific Report. East-West Center.— Honolulu.— P. 80.

³ Private Sector Development for Promoting Economic Growth in Developing Countries in Asia.— P. 32.

⁴ Ibid.— P. 33.

⁵ Economic Changes in the Asian Pacific Rim.— Washington, 1986.— P. 17.

⁶ Korea's Economic Policies.— Seoul, 1987.— P. 271.

⁷ The Tiger Economy.— Seoul, 1988.— P. 117.

⁸ Private Sector Development for Promoting Economic Growth in Developing Countries in Asia.— P. 59.

⁹ Ibid.— P. 63.

¹⁰ Ibid.— P. 69.

¹¹ Вопросы экономики.— 1987.— № 12.— С. 101.

¹² South.— 1989.— п 4.— P. 56.

¹³ Нян Зап.— 1988.— 12 ноября.

¹⁴ Там же.— 1988.— 12 апреля.

¹⁵ South.— 1989.— п 4.— P. 71.

¹⁶ Коммунист.— 1988.— № 11.— С. 123.

10 марта 1989 года на заседании Научного Совета ИДВ АН СССР по социально-экономическим вопросам состоялось обсуждение темы «Социальные аспекты хозяйственных реформ в социалистических странах».

Основой для обсуждения послужили тезисы заведующего сектором ИЭМСС АН СССР, доктора экономических наук Л. С. Дегтярь.

Общие подходы к решению проблемы:

1. Декларируемые цели проводимых в социалистических странах экономических реформ — повышение благосостояния и создание лучших условий для жизни и развития человека. Однако на практике экономические реформы до сих пор недостаточно прорабатываются с точки зрения их влияния на уровень, качество и образ жизни людей; в концепциях реформ не учитываются их возможные социальные последствия. От реформ, как правило, ожидают лишь количественного увеличения объема ресурсов, которые могут быть направлены на социальные цели. Не ставится в концепциях реформ и вопрос о том, может ли социальная политика в тех формах и направлениях, в каких она сегодня осуществляется в социалистических странах, создать необходимые условия для успеха экономических реформ и повышения на этой основе благосостояния населения или социальная сфера нуждается в таких же глубоких преобразованиях, как экономическая и политическая?

Становится все более очевидным, что *вместе с концепцией экономической реформы общество должно иметь концепцию социальной политики, учитывающую новые реальности, предлагающую четкие ориентиры и приоритеты*. Без такой целостной концепции социальная сфера, как показывает практика, подвергается в ходе реформ большой опасности. Можно назвать попытки решить проблему финансовой сбалансированности за счет населения путем повышения розничных цен без реформ всей системы ценообразования и даже при отсутствии научно обоснованной концепции такой реформы; шараханье из стороны в сторону, как это происходит в СССР, в отношении кооперативного движения; проведение налоговой реформы, как это было сделано в ВНР, без реформы заработной платы; не увязанные друг с другом предложения и попытки ввести рыночные отношения в социально-культурную сферу и др. Практика социалистических стран знает и примеры, когда экономические реформы тормозились из-за боязни негативных социальных последствий.

2. Как свидетельствует опыт европейских социалистических стран, активно проводящих в течение ряда лет экономические реформы, значительная часть населения сохраняет к ним пассивное, а в ряде случаев и негативное отношение. В этих странах все чаще признается, что *главное сопротивление реформе — пассивное отношение к ней широких масс*. Почему так происходит? Конечно, ответ на этот вопрос следует искать в разных областях — и в сложившихся особенностях массового сознания, и в национальных традициях, и в экономической системе, и в ряде других факторов. Но главных причин, на наш взгляд, две:

— Радикальные экономические реформы в европейских социалистических странах осуществляются в условиях замедления темпов роста, стагнации или даже снижения жизненного уровня населения. И это снижение благосостояния связывается с экономической реформой, рассматривается в качестве ее неизбежного результата. Появляются даже обоснования необходимости временного снижения жизненного уровня, «затягивания поясов» в качестве неизбежной цены за те блага, которые реформа даст в будущем.

— Радикальные экономические реформы объективно ведут к возникновению новых социальных проблем: угроза безработицы, углубление социально-экономической дифференциации и др.

Теория и практика социалистических стран не готовы к решению этих проблем, да и их и

невозможно решить традиционным путем, с помощью применявшихся до сих пор средств и методов социальной политики. Более того, продолжают декларироваться старые ценности, которые вступают в противоречие с реальностью. Наблюдается своего рода социальная инерция, стремление обеспечить свою социальную безопасность, разочарование в прежних попытках реформ, недовольство снижением жизненного уровня, сомнения относительно возможных социальных последствий радикальных экономических реформ. Усиление неустойчивости экономического положения не только выдвигает на первый план сиюминутные материальные ценности, но и питает в различных социально-профессиональных слоях защитную реакцию по отношению к своим, корпоративным интересам. На массовое сознание большое влияние оказывают и сложившиеся идеологические стереотипы. Степень остроты и формы проявления этих проблем в разных странах различны, но все они обнаруживают свойства всеобщности.

3. Встает прежде всего вопрос — является ли снижение жизненного уровня неизбежным условием экономических реформ или это связано с какими-либо другими причинами? Снижение уровня благосостояния населения в 80-е годы в большинстве европейских социалистических стран обусловлено, на наш взгляд, следующими факторами:

— Неблагоприятными, начиная с конца 70-х годов, внешними условиями функционирования экономики, необходимостью восстановления внешнеэкономического равновесия, что потребовало мобилизации ресурсов на эти цели.

— Просчетами в экономической стратегии, которые допускались на протяжении всего социалистического строительства, но особенно проявились на этапе перехода на интенсивный путь развития. В полной мере это относится и к политике повышения благосостояния.

— Главным же фактором снижения жизненного уровня является слишком позднее начало радикальных экономических реформ, непоследовательность и недостаточность проводимых в рамках реформ преобразований. Это признано в официальных документах всех стран, осуществляющих кардинальные экономические реформы, и объясняет тот факт, что в этих странах снижение жизненного уровня приняло наиболее острый характер.

Практика показала, что экономические реформы дают быстрый эффект с точки зрения влияния на жизненный уровень, когда они начинаются с потребительского сектора. В КНР, например, началу радикальных экономических реформ предшествовал период структурной перестройки, выразившийся в замедлении темпов роста тяжелой промышленности и форсированном развитии легкой. Важным фактором повышения благосостояния стал и подъем сельского хозяйства на основе мобилизации экстенсивных факторов развития и интенсификации живого труда. В Венгрии экономическая реформа тоже начиналась с сельского хозяйства, «раскрепощения» кооперативного сектора, что дало быстрый эффект, позволило насытить рынок продовольственными товарами высокого качества и в широком ассортименте.

4. При формировании новой концепции социальной политики прежде всего встает вопрос о *социальных функциях государства* в условиях расширения сферы действия рыночных отношений в экономике, что неизбежно затрагивает и социальную сферу.

Несмотря на определенное различие точек зрения о социальной роли государства при социализме, высказываемых в социалистических странах, общая тенденция — признание необходимости сильной государственной социальной политики. Социалистическое государство должно финансировать и организовывать удовлетворение таких социально значимых для общества потребностей населения, как образование, профессиональная подготовка и переподготовка, здравоохранение; обеспечивать социальную безопасность членов общества, смягчать ощутимые в социальном отношении последствия действия рыночного механизма, предоставляя помощь определенным слоям населения и гарантируя полную занятость; регулировать минимальные ставки заработной платы, социальный минимум, налоговые правила; сохранять достигнутый уровень социального обеспечения.

В этой связи ждет своего решения целый ряд теоретических и практических вопросов, связанных с названными социальными функциями социалистического государства. Это прежде всего вопросы о том, как в новых экономических условиях обеспечить сочетание полной и эффективной занятости, каким должен быть адекватный социализму социально-экономический механизм высвобождения и перераспределения рабочей силы? Какие потребности членов общества и в каком объеме должны удовлетворяться на бесплатной основе? Все большую остроту приобретает вопрос и о социально приемлемых рамках дифференциации доходов при социализме. И, наконец, встает проблема совершенствования методов осуществления социальной политики, механизма принятия решений в социальной

сфере и определения приоритетов в решении социальных задач. Остановимся на некоторых из этих вопросов подробнее.

5. Одна из наиболее актуальных социальных проблем сегодня — *оптимизация соотношения между общественным и личным потреблением, между распределением по труду и распределением из общественных фондов потребления.*

В долговременной стратегии формирования и использования общественных фондов потребления должна, на наш взгляд, четко проследиваться тенденция к переориентации (перераспределению) дотаций к индивидуальному потреблению на приоритетное развитие, на модернизацию социальной инфраструктуры (в первую очередь образования и здравоохранения, на повышение заработной платы в отраслях непроизводственной сферы). Отметим здесь еще два момента. С одной стороны, новые социально-экономические условия предполагают более свободный выбор как источника получения дохода (до недавнего времени считалось, что «все должны работать в общественном производстве»), так и стратегии благосостояния (в том числе структуры потребления). С другой стороны, недопустимо полное господство товарно-денежных (рыночных) отношений в социальной сфере, поскольку на рынке проявляется соотношение общественных сил и от него зависит степень удовлетворения и иерархия потребностей, рынок не выявляет всех потребностей, которые определяют физические и социальные шансы на жизнь, и, наконец, при распространении рыночных отношений на все потребности значительные группы населения могут быть оттеснены от доступа к самым основным благам и услугам.

6. Новыми моментами в социальной деятельности социалистического государства в новых условиях являются *обеспечение полной занятости и усиление внимания к малообеспеченным слоям населения.*

В результате совершенствования хозяйственного механизма, в ходе экономических реформ ситуация с обеспеченностью народного хозяйства трудовыми ресурсами европейских социалистических стран во второй половине 80-х годов изменилась: преодолен глобальный дефицит рабочей силы, удалось снизить спрос предприятий на дополнительных работников. Хотя коренных изменений в структуре занятости до сих пор не произошло, экономические реформы не стимулировали быстрое внедрение новой техники, трудо-сберегающих технологий, то есть массового высвобождения и перераспределения рабочей силы еще фактически не было, ряд стран столкнулся с проблемой трудоустройства. Наиболее остро, хотя и в разной мере, ее ощутили: ГДР в начале 80-х годов, ВНР — в настоящее время и СФРЮ — с момента начала хозяйственных реформ в 60-е годы. Названные страны по-разному подошли к оценке данной проблемы и путей ее решения.

В 80-е годы во всех европейских социалистических странах усиливалось внимание к малообеспеченным слоям населения, вопросы охраны потребления самых слабых экономических групп заняли большое место в социальной политике этих стран. Как свидетельствуют проводимые в социалистических странах социологические обследования, расширение самостоятельности предприятий в формировании и увеличении доходов, развитие в ряде стран частного сектора, распространение различных форм дополнительных заработков за счет участия в кооперативной и индивидуальной деятельности и увеличение их удельного веса в общих доходах населения (при отсутствии равной доступности участия в приработках), усиление роли товарно-денежных отношений в распределении и потреблении на фоне углубляющейся дестабилизации семейно-брачных отношений (рост числа неполных семей, одиноких стариков и т. д.) усиливают расслоение с точки зрения материального благосостояния в рамках отдельных социальных групп, приводят к отчетливому обособлению элитарных, высокодоходных прослоек, с одной стороны, и малоимущих групп, — с другой, перестройке на этой основе структуры потребностей и связанных с нею форм поведения.

До недавнего времени считалось, что бедность связана с двумя факторами: экономическим (низкие доходы) и демографическим (состав семьи). Поэтому проблема в основном решалась на основе увеличения объема денежных средств, направленных определенным слоям населения. В современных условиях проблема бедности значительно усложняется. При переходе к всесторонней интенсификации производства и ускорению темпов научно-технического прогресса большое значение приобретает способность работника к повышению квалификации, смене профессии, в противном случае он рискует быть вытесненным из производства или снизить свой профессиональный и социальный статус. Научно-технический прогресс развивается неравномерно, поэтому большое значение для материального и социального положения человека приобретает его место в системе обществен-

ного разделения труда. Наряду с этим все возрастающее влияние на способность индивида приспособиться к меняющимся условиям жизни оказывает уровень образования, особенно общеобразовательной подготовки, основы которой закладываются еще в детском возрасте, главным образом семейным воспитанием. И, наконец, проявить качества, соответствующие широко регламентируемому ныне понятию «социалистическая предприимчивость», может лишь определенная, наиболее активная часть населения. В результате одни слои населения все более накапливают материально-вещественное и духовное богатство, другие отстают от них и воспроизводят бедность. В этих условиях проблема бедности приобретает более широкий характер, появился даже термин «новая бедность». Индивид может жить в приемлемых материальных условиях, но быть неспособным пользоваться всеми благами развития, изменить свой социальный статус. В такой трактовке проблема бедности еще недостаточно осознается и исследуется в социалистических странах.

Решение этой проблемы возможно лишь при условии сильной социальной политики социалистического государства. При этом, на наш взгляд, должны решаться три задачи:

— прежде всего обеспечение минимального уровня удовлетворения основных групп потребностей данных слоев населения, при котором уровень и образ их жизни сохраняет все существенные качественные характеристики, присущие данному этапу общественного развития. Этот уровень должен повышаться вместе с экономическим ростом. Сейчас ведутся работы по определению не только прожиточного, но и социального минимума; в ряде стран они уже действуют на практике;

— обеспечение по возможности равенства условий жизненного старта для молодежи;

— создание политических и организационных условий, законодательной базы для участия таких групп в подготовке и принятии решений, их реализации, особенно в тех вопросах, которые касаются их жизненных интересов.

7. Говоря о необходимости сильной государственной социальной политики, мы не имеем в виду сохранение существующего положения, когда государство концентрирует в своих руках все средства на социальные цели и распределяет их по решению правительственных органов. В этом случае под сильной социальной политикой подразумевается, как правило, увеличение средств на развитие социальной сферы, государство продолжает играть патерналистскую, благотворительную роль.

Необходима прежде всего децентрализация социальной политики, сосредоточение большого объема средств на социальные цели в руках местных органов власти и расширение их социальных функций. На этом уровне возможен и более эффективный контроль общественности за использованием ресурсов, и выбор оптимальных приоритетов в развитии социальной сферы. Эти приоритеты могут быть различными в разных регионах в зависимости от уровня их социального развития, национальных особенностей и других факторов.

Должен быть изменен и механизм принятия решений в социальной сфере. Они должны приниматься на основе выявления и согласования интересов различных общественных групп и слоев. *Социальная политика должна быть государственной, но она должна формироваться на основе общественных интересов, а не волею правительства.* Государство в этих условиях лишь гарантирует выполнение сформулированных гражданами и их организациями общественно приемлемых требований, соотнося их с экономическими возможностями общества в данный момент.

В социальной сфере, более чем в какой-либо другой, возможно столкновение различных интересов, противоречия и конфликты между ними. Очевидно, что принятие решения предполагает общественное соглашение. Это может относиться, например, к допустимым масштабам дифференциации доходов (как показывает практика, общество может принимать различные масштабы дифференциации), на основе общественного соглашения может быть определено и соотношение между личным и общественным потреблением.

Новый механизм формирования социальной политики требует, естественно, широкой демократической платформы и гласности.

Обобщая, Л. С. Дегтярь подчеркнула, что практика экономических реформ в социалистических странах ставит две важных проблемы: 1. Реформа и жизненный уровень; 2. Социальные функции государства в новых условиях реформы. По вопросу о жизненном уровне есть опасность сползания на позиции неолиберальной концепции, призывающей к внедрению рыночных принципов во всей социальной сфере. Согласно другой точке зрения, реформа обуславливает обязательное «затягивание поясов». Кроме того, существует опасность возврата к административно-командным методам управления экономикой.

Осуществление экономической реформы заставляет рассматривать такие вопросы, как

полная и рациональная занятость, богатство и бедность при социализме. Реформа принесит новые проблемы в социальную сферу:

— Проблема занятости. Соцстраны дали три пути решения. В СФРЮ уже многие годы существует безработица, но она не является главным фактором социальной напряженности. В ГДР, где был принят ряд мер по повышению эффективности, возникла угроза безработицы, что вызвало негативную реакцию внутри страны и за рубежом, и процесс высвобождения рабочей силы был приостановлен. В ВНР попытки не допустить безработицу влияли на темпы проведения реформы. В середине 80-х годов здесь пошли на закрытие убыточных предприятий, структурную перестройку, в результате чего возникла безработица. Для решения этой проблемы принят широкий спектр мер: создан государственный фонд занятости для материального обеспечения перемещаемых работников, оплаты переподготовки, выплаты пособий на уровне социального минимума; принимаются меры к снижению потребности населения в рабочих местах, прежде всего сокращение занятости женщин (3 года отпуска по уходу за маленькими детьми, сокращенный рабочий день и т. п.); развиваются альтернативные формы занятости.

— Проблема бедности. В социалистических странах нет механизма, который бы защищал в социальном аспекте слабые слои общества. Это 10—15 % населения в различных странах. В СССР 15 % населения имеет менее 75 руб. на душу. Кроме того, возникла проблема «новой бедности». Это приблизительно одна треть населения, имеющая доходы выше прожиточного минимума, но это не обеспечивает ей возможность дальнейшего повышения уровня жизни. В результате они постепенно оттесняются на «периферию» общества.

— Проблема социальной дифференциации. Усиливается дифференциация не по труду, а за счет разного рода деятельности в условиях неразвитости товарно-денежных отношений, при наличии дефицита, то есть за счет перераспределительных и спекулятивных возможностей. На этом сейчас паразитирует частный сектор. Хотя его доля в экономике незначительна, но его морально-психологическое влияние на общество очень сильно. Какой должна быть социальная политика государства в этих условиях? В этом вопросе обозначается тенденция к формированию мнения, что государство должно взять на себя функции осуществления социальной политики, а не перекладывать их на предприятия, не допускать рыночные отношения в целый ряд направлений социальной сферы.

Государство должно давать равные шансы всем членам общества, обеспечивая бесплатное образование и здравоохранение. Оно должно обеспечить защиту рабочего места — полную занятость, освободив при этом предприятия от необходимости содержать лишних работников (это 20—30 %). Государство должно гарантировать защиту наиболее слабых социальных слоев, разрабатывая и устанавливая социальный минимум и на его основе минимум заработной платы. Остальные социальные функции необязательно должны оставаться у государства: обеспечение жильем, дотации к ценам и т. п. То есть ориентация должна быть больше на общественное, а не на индивидуальное потребление. Необходима децентрализация социальной политики — передать часть на уровень местных органов власти, что позволит более точно определить социальные приоритеты. Какова может быть эта доля? Точки зрения разные: от 40 до 100 %.

Относительно того, каким должен быть механизм принятия решений в социальной сфере, мнения склоняются к тому, что в социальной политике должна повыситься роль общественности. В ВНР и ПНР профсоюзы значительно подняли свою роль: они имеют свои концепции по безработице и социальному минимуму.

Если исходить из того, что в мировой практике существует три модели социальной политики — социалистическая, неолиберальная, социал-демократическая, — то в условиях нынешних реформ в социалистических странах, очевидно, следует найти четвертую разновидность, которая извлечет все полезное из всех моделей. Определение роли государства станет при этом первым шагом.

Отвечая на заданные по обсуждаемой теме вопросы, докладчик подчеркнула, что решение многих социальных проблем возможно только на путях радикальной экономической реформы, в которой рыночным отношениям придается регулирующая роль. Однако при свободе рыночных отношений в экономике в социальной политике должны действовать защитные функции государства, надо избегать коммерциализации социальных программ, не допускать передачи социальной сферы в частные руки. Негативные явления, возникающие в ходе экономических реформ, следует смягчать сильной социальной политикой. При этом следует учитывать связь социальной политики со сложившимися в странах традициями. Например, в СФРЮ общество привыкло, что в стране уже 25 лет имеет место без-

работница, а в ГДР только угроза безработицы моментально вызвала социальную напряженность. Недовольство населения реформами находит выражение в том или ином виде во всех социалистических странах, даже там, где эти реформы не проводятся, то есть оно не обязательно должно связываться с реформами. В то же время полная занятость — это не обязательно отсутствие незанятых работников, здесь возможен комплекс мер: пособие, сокращение занятости, альтернативные формы занятости. Безусловно, следует учитывать и то, что в ходе осуществления реформ в ряде стран наряду с принципом распределения по труду будут использоваться другие формы распределения, например по капиталу. В различных социалистических странах существуют различные концепции заработной платы. В то же время практика показывает, что *реформу заработной платы, налогов, цен надо проводить в комплексе.*

В ходе обсуждения темы участники заседания затронули целый ряд социальных проблем, возникающих в процессе реформы экономической системы КНР и других социалистических стран.

Социальные причины неприятия реформ

А. В. Островский (старший научный сотрудник ИДВ АН СССР, кандидат экономических наук) отметил, что в практике проведения реформ в социалистических странах значительная часть населения сохраняет к ним пассивное, а в ряде случаев и негативное отношение.

Это прежде всего связано с отходом от уравнительности в распределении, усилением социальной дифференциации, появлением угрозы безработицы. Такая позиция трудящихся масс во многом связана с отсутствием надежного механизма социальной защиты для слабо обеспеченных социальных слоев и групп населения, причем не только в сфере распределения фондов социального страхования, но и в обеспечении принципа оплаты труда «от каждого по способностям — каждому по труду», что в конечном счете вызывает осторожность и недоверие к любым социально-экономическим реформам.

Все это в полной мере проявилось в ходе осуществления реформы экономической системы в КНР. Однако при этом в Китае происходил процесс формирования механизма социальной защиты для малообеспеченных слоев населения, который пока еще не завершился. Можно выделить четыре основных направления формирования социального механизма защиты для малообеспеченных слоев населения Китая.

Во-первых, это создание такого социального института, как компании трудовых услуг, которые занимаются организацией трудоустройства и профессионального обучения или переквалификации безработных (в КНР они называются «ожидающие работу»), а также созданием для них временных рабочих мест.

Во-вторых, в ходе реформы экономической системы происходили заметные изменения в вопросах использования фондов социального страхования, гарантирующие малообеспеченным семьям и временно оказавшимся без работы пособия и различного рода дотации. В ходе реформы в ряде городов КНР был создан общегородской пенсионный фонд, который позволил перераспределять пенсионные фонды между предприятиями и обеспечивать гарантированные размеры пенсий рабочим и служащим. В то же время с октября 1986 года в КНР была введена система пособий по безработице, которые должны были выплачиваться рабочим обанкротившихся предприятий, освобожденным с предприятий в связи с переходом на новые формы организации труда, уволенным за нарушения трудовой дисциплины и рабочим, у которых закончился срок контракта. Размер выплачиваемых пособий составляет 50—75 % заработной платы в течение 2 лет при непрерывном стаже более 5 лет и в течение года при непрерывном стаже менее 5 лет.

В-третьих, с конца 70-х годов в Китае большое внимание стало уделяться вопросам социальной статистики. Начали регулярно проводиться выборочные социологические обследования различных социалистических групп и слоев населения КНР, постоянно публиковаться сводные статистические данные по вопросам занятости, производительности труда, ценообразования, роста жизненного уровня, доходов на душу населения по различным социальным слоям и группам и т. д.

И, наконец, в-четвертых, чрезвычайно важной чертой является новый механизм распределения производимого как необходимого, так и прибавочного продукта общества. Иными словами, должна быть создана система гарантированного обеспечения малообеспеченных слоев населения предоставляемыми им льготами и дотациями.

В КНР большая часть социальных выплат и льгот осуществляется через предприятия или уличные комитеты. Средства образуются не столько за счет выделения квоты сверху, сколько за счет отчислений от собственных фондов предприятий на местный уровень. Это дает возможность самим рабочим и служащим через органы местного самоуправления принимать более активное участие в распределении фондов социального страхования.

Поэтому представляется чрезвычайно важным в ходе экономической реформы в СССР использовать эти отдельные элементы формирования социального механизма защиты малообеспеченных слоев населения, которые будут увеличиваться по мере внедрения мероприятий, направленных на расширение хозяйственной самостоятельности отдельных товаропроизводителей (перевод предприятий на полный хозрасчет, сдача предприятий в аренду, переход на подряд и т. д.).

Изменения социальной политики в китайской деревне

Л. А. Волкова (старший научный сотрудник ИДВ, кандидат экономических наук) отметила, что социальные проблемы деревни в той или иной степени учитывались китайским руководством при определении аграрной политики на различных этапах экономического развития страны после 1949 года. Реформа экономической системы сопровождалась усилением одних аспектов социальной политики, появлением новых ее направлений и ослаблением других.

Вступление в полосу реформ после 3-го пленума ЦК КПК в декабре 1978 года и выдвижение задачи модернизации народного хозяйства усилили внимание руководства к проблемам образования. В декабре 1980 года была принята «Решение ЦК КПК и Госсовета КНР по некоторым вопросам всеобщего начального образования», в мае 1983 года — «Уведомление ЦК КПК и Госсовета КНР о некоторых вопросах усиления работы в области образования и реформы в сельских школах». Уведомление обязало планирующие органы разрабатывать планы подготовки кадров в деревне и включать их в планы экономического и социального развития провинций, уездов и волостей. Поставлена задача к 1990 году повсеместно осуществить всеобщее начальное образование, исключение могут составлять горные и малонаселенные районы. Особое внимание в уведомлении уделено подготовке кадров для сельского хозяйства через сеть агротехнических и иных специализированных профессиональных училищ. Подготовку учащихся в них в отличие от общеобразовательных школ разрешено сокращать с обычных 2—3 лет до одного года.

Определились новые подходы к решению проблемы использования трудовых ресурсов деревни и трудоустройства их избыточной части в условиях реформы. Документом ЦК КПК № 1 за 1983 год — «Некоторые вопросы экономической политики в деревне в настоящее время» разрешалось в определенной степени, свободное перемещение рабочей силы. Это позволяло расширить масштабы перемещения трудоспособного сельского населения из земледелия в другие отрасли сельского хозяйства, из сельского хозяйства — в промышленность, строительство, на транспорт, в торговлю и другие отрасли экономики деревни, а также на предприятия городов и поселков. К концу 1988 года на поселково-волостных предприятиях было занято более 90 млн. человек, часть крестьян трудилась в городах, прежде всего в составе строительных отрядов. С целью регулирования притока сельской рабочей силы в города в октябре 1984 года Госсоветом КНР были приняты «Временные положения относительно использования крестьян по договору для работы в государственных строительных организациях, а также привлечения сельских строительных отрядов». Однако в этой области существует еще ряд нерешенных проблем. Дело в том, что рост сельскохозяйственного производства и особенно производства зерновых в первые годы осуществления реформы дал импульс углублению общественного разделения труда в деревне. А разрешение покидать деревню и возможность прокормиться, купить зерно, даже не имея продовольственной карточки, привели к тому, что большие массы крестьян хлынули в города, обострив положение и с продовольствием, и на рынке рабочей силы при существовании безработицы в городах. Это вызывало недовольство городского населения, а также и значительной части прибывших крестьян, не получивших работу. Крестьяне, особенно в крупных городах, таких, например, как Гуанчжоу, переполняли вокзалы, ночевали на улицах, создавали помехи нормальной жизни города. Одним словом, положительные социальные

сдвиги приводили к нежелательным социальным последствиям, урегулировать которые, несмотря на принимаемые меры, не удастся и до настоящего времени.

Одним из каналов поглощения избыточной рабочей силы деревень является расширение масштабов хозяйственной деятельности крестьян-единоличников в несельскохозяйственной сфере в городах и поселках. По этому вопросу были приняты постановления Госсовета КНР в 1981 году и дополнение к нему в 1983 году. Принятием первой сессией ВСНП седьмого созыва в марте 1988 года дополнения к статье 11 Конституции КНР официально разрешается существование и развитие частного хозяйства — это еще одна возможность для расширения поля деятельности крестьян.

Помощь крестьянам в традиционно бедных районах, а также в районах стихийных бедствий всегда являлась одной из основных социальных функций государства в Китае. В результате осуществления реформы, повышения доходов крестьян в 80-е годы сокращается численность районов, нуждающихся в помощи государства, однако их население довольно значительно, порядка 100 млн. человек в 1986—1988 годах. Государство оказывает определенную финансовую и материальную помощь этим районам, а также предоставляет кредиты, чаще всего беспроцентные, с целью поддержать их экономическое развитие и обеспечить минимальное снабжение населения пищей и одеждой. Довольно острой социальной проблемой в современной деревне является положение семей, не имеющих возможности самим обеспечить свое существование: больные, инвалиды, лишившиеся кормильца, с малым числом трудоспособных и т. п., получавших ранее помощь от коллективных хозяйств из фонда общественного благосостояния, так называемые семьи, пользовавшиеся «пятью обеспечениями». Переход к системе семейного подряда и прекращение существования во многих районах прежних производственных бригад привели к сокращению отчислений в фонд общественного состояния или к его ликвидации. Забота о нуждающихся переложена на комитеты жителей деревни, возможности которых в настоящее время в деле оказания помощи бедным весьма незначительны. Государство и местные органы предпринимают меры к обеспечению социальной гарантии осуществления этой категории крестьян, однако их положение, по общему признанию, остается хуже по сравнению с периодом до реформы.

В процессе реформы были изменены ориентиры социальной политики, сняты установки «опираться на бедняков и незажиточных середняков», на непрерывную классовую борьбу в деревне, ликвидированы ограничения на рост доходов отдельных крестьянских семей, проводится в жизнь рекомендация «пусть богатеют некоторые крестьяне раньше других». С одной стороны, это способствовало известной стабилизации социальной обстановки в деревне в первой половине 80-х годов по сравнению с периодом «культурной революции» и вместе с тем вызвало недовольство значительной массы крестьян быстрым ростом доходов и улучшением материального положения семей со среднедушевым доходом более 1 тыс. юаней в год во второй половине 80-х годов. Причем степень социальной напряженности в результате увеличения дифференциации в доходах весьма различна в разных районах страны.

Реформа экономической системы деревни положительно сказалась на демократизации механизма принятия решений в социальной и экономической сферах применительно к деревне. С середины 80-х годов проводятся довольно представительные социологические обследования крестьянских дворов, опросы крестьян по тем или иным проблемам и направлениям аграрной политики руководства. Очень интересное обследование было проведено в 1986 году постоянными пунктами наблюдения 10 тыс. крестьянских семей различных провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Обследовались различные аспекты производственной деятельности, экономического и социального положения крестьян, выявлялось их отношение к проблемам накопления и потребления, их восприятие развития товарного производства и обращения, увеличения дифференциации доходов и т. д. Результаты обследования были обобщены в докладе группы социально-экономического обследования деревни канцелярии по изучению аграрной политики при ЦК КПК и центра по исследованию развития деревни при Госсовете КНР.

В 1987—1988 годах был проведен ряд опросов общественного мнения крестьян по широкому кругу проблем: выяснялось их отношение к результатам экономической реформы и проблемам ее развития (опрошено более 10 тыс. крестьян), их позиция в отношении развития зернового производства и по вопросу соответствия семейного подряда нынешним условиям деревни (опрошено 3200 крестьянских семей). В частности, последний опрос позволил сделать вывод о том, что половину крестьянских семей (50,5 %) удовлетворяет

подушный принцип распределения земли в подряд и 62,2 % устраивает размер подрядных участков. Отказаться от подрядного участка и передать его другим выразило желание только 6,2 % опрошенных, и 21,3 % их хотели бы обрабатывать большие участки. Можно предположить, что результаты социологических обследований и опросов крестьян принимаются во внимание китайским руководством при выработке аграрной политики.

И. Н. Коркунов (заведующий сектором ИДВ, кандидат экономических наук) подчеркнул, что социальная политика в Китае фокусируется под влиянием различных факторов, относящихся к области политики и экономики, характера собственности на средства производства, идеологии и ценностных ориентаций, науки и техники. Изменения роли и значения этих факторов в ходе реформы в КНР являются главной причиной перемен в содержании социальной политики. Новые моменты в социально-экономической сущности этой политики в свою очередь определяют и новые аспекты в характере производства и труда, новые формы и пропорции распределения.

В Китае наряду с несомненными достижениями в социальной политике, общим ростом благосостояния населения, вызванного активизацией движущих сил общественного развития, имеют место и некоторые негативные явления, касающиеся социального положения трудящихся. В условиях более широкого использования товарно-денежных отношений, рыночного механизма, завышенного рыночного спроса и уровня потребления наблюдаются обострение ряда диспропорций, рост инфляции, цен, дифференциации в доходах различных групп населения. Появляется и усиливается возможность получения части доходов за счет конъюнктуры рынка и различного уровня цен.

В этих условиях в Китае резко возрастает важность регулирующей роли государства, его социальной политики, создания эффективного механизма социального контроля, использования налоговой системы. В противном случае возможно нарастание противоречий между отдельными социальными слоями и отрицательных тенденций в экономике. Обострение этих тенденций в последнее время в КНР во многом связано с ослаблением макроконтроля, роли центра, со стихийными местными тенденциями.

Активная социальная политика в деревне призвана стимулировать крестьянские вложения труда и средств в землю. Предположения, что рост благосостояния крестьян приведет к повышению их заинтересованности в расширении производства, далеко не всегда оправдываются. Напротив, с ростом доходов — до 800 юаней на душу и выше — крестьяне обычно стремятся делать вложения в жилищное строительство, личное потребление, в сбережения. Задача государства состоит в продлении сроков подряда на землю, налаживании системы ценообразования в деревне, системы закупок, преодоления инфляции.

Значительные сдвиги в социальной структуре сельского населения, перемещения его в несельскохозяйственную сферу также влияют на характер социальной политики в деревне. В начале 1988 года численность занятых на сельских предприятиях достигла 85 млн. человек (свыше 20 % всех занятых в деревне). Избыток рабочих рук при дефиците угодий существенно осложняет механизацию сельского хозяйства, поскольку повышение производительности труда обуславливает рост аграрного перенаселения. Это обстоятельство во многом определяет характер миграции трудовых ресурсов, процессы индустриализации и урбанизации в стране.

Социально-экономическая стратегия комплексного развития сельской экономики, использования трудовых ресурсов, преобразования деревень и поселков в города позволяет осуществить индустриализацию страны без принесения сельского хозяйства в жертву промышленности, массового перемещения рабочей силы. За время реформы в КНР появилось 170 новых городов, выросших из небольших поселков уездного или волостного подчинения.

И. Н. Наумов (ведущий научный сотрудник ИДВ, кандидат экономических наук) отметил, что необходимость реформ в социалистическом мире порождена настоятельным требованием народов улучшения их благосостояния, которое остается пока ниже уровня жизни в развитых капиталистических странах. Поэтому успешнее реформы идут там, где от них непосредственно выигрывают трудовые массы, которые осуществляют эти реформы. И, напротив, они вызывают неприятие и сопротивление, когда подрывают сложившиеся уже жизненные условия трудящихся. Все это можно проиллюстрировать на примере развития реформ в Китае. На первом этапе их проведения в 1979—1984 годах, когда росло производство сельского хозяйства, предметов ширпотреба, расширялась торговая и рыночная сеть, а денежные доходы увеличивались быстрее повышения цен, тогда реформы поддерживались большинством народа и продвигались вперед успешнее.

Напряженность в проведении реформ стала усиливаться после 1984 года, когда сель-

ское хозяйство (растениеводство) вступило в полосу застоя и даже снижения, а темпы прироста населения возросли. В 1988 году валовой сбор зерна был на 14 млн. т ниже, чем в 1984 году, тогда как прирост населения составил в 1985—1988 годах 61 млн. человек. Очень быстрыми темпами продолжали расти денежные доходы населения. В 1988 году по сравнению с 1983 годом покупательная способность населения выросла в 2,25 раза. Естественным следствием такого развития событий стало быстрое нарастание инфляции, уровень которой, по официальным данным на потребительские товары в 1988 году, превысил 20 %, а по наиболее важным продуктам — на 30—40 % и более. Период роста реальных доходов в 1979—1984 годах сменился периодом сначала их торможения, а затем и снижения. В 1987 году реальные доходы понизились у 20 % городских семей, в 1988 году — уже у 34,9 семей.

Реальный подъем народного благосостояния в Китае прямо связан с подъемом сельского хозяйства. Топтание на месте в последние годы растениеводства не означает еще, что оно в КНР исчерпало свои естественные ресурсы. По урожайности основных сельскохозяйственных культур Китай еще значительно отстает от Японии, Англии, ФРГ. Однако созданная в ходе аграрной реформы система семейного хозяйства оказалась не способной к быстрому и массовому восприятию современной техники и технологии. Стали сокращаться абсолютно и относительно государственные капиталовложения в сельское хозяйство.

Повсеместная ликвидация в 1981—1982 годах производственного кооперирования и перевод крестьян на индивидуальное хозяйствование, с одной стороны, освободили личную инициативу крестьян, непосредственно связав их благополучие с личным трудом, а с другой — привели к невиданному распылению в деревне земельного фонда, материальных, финансовых и людских ресурсов. Китайское сельское хозяйство в настоящее время является самым мелким в мире. Такая система позволила в 1981—1984 годах увеличить на созданной ранее материальной базе валовые сборы зерна на 50—60 млн. т. (первый прирост в 50 млн. т был получен в КНР еще в 1978—1979 годы, когда семейный подряд был строго запрещен). Консервативность семейного хозяйствования в настоящее время рассматривается некоторыми китайскими экономистами как главное препятствие модернизации сельского хозяйства. По оценке заместителя премьера Госсовета КНР Тянь Цзюня, на мелкокрестьянской психологии невозможно создать современное сельское хозяйство. После 1980 года в китайской деревне начался процесс разрушения материальных производительных сил, выразившийся в разрушении ирригационных сооружений, снижении почвенного плодородия, сокращении обрабатываемого земельного фонда, непрекращающейся эрозии почв и т. д.

Из успехов и неудач в сельском хозяйстве КНР необходимо извлечь по крайней мере следующие выводы: во-первых, аграрная политика должна ориентироваться на достижение не сиюминутных результатов, а на развитие кооперативных и коллективных форм хозяйства, способных к активному восприятию современной техники и технологии. Во-вторых, самую активную материальную, финансовую и прочую помощь деревне должны оказывать государство, промышленность, наука.

Следующей чрезвычайно важной стороной реформы, оказывающей непосредственное влияние на народное благосостояние, является развитие и использование товарно-денежных и рыночных отношений. Благоприятное воздействие перехода от концепции нетоварного производства к концепции планово-товарной экономики в Китае несомненно. Однако тот же опыт показывает, что даже ослабление контроля за рынком ведет к росту цен, массовому развитию анархических и хаотических явлений, спекуляции, казнокрадству и другим экономическим преступлениям. Несмотря на прилагаемые усилия, в Китае не удалось создать системы рынков и надежной системы экономического макроуправления. Более того, в том виде, в каком проводились реформы бюджетной, кредитной, налоговой и банковской систем, они оказались не только малоэффективными, но и нередко сами порождали хаос и стимулировали инфляцию, которая все больше становилась неуправляемой и неконтролируемой.

Из опыта взлетов и падений экономической реформы в Китае необходимо в полную меру оценить роль инфляции как одного из главных факторов, подрывающих проведение реформы, так как нарушаются денежное обращение, связи между предприятиями и бюджетом, между отдельными предприятиями, происходит массовое перераспределение доходов в ущерб трудовому народу, растут массовая спекуляция и экономические преступления, нарушается функционирование системы законов, выходит из строя хозяйственный механизм и т. п.

О характере обострения экономической ситуации в Китае свидетельствует тот факт, что ее анализу в сентябре 1988 года был посвящен специальный пленум, который принял решение о переходе к двухгодичному оздоровлению экономики и наведению в ней порядка с применением чрезвычайных мер. Этот вопрос рассматривался также на второй сессии ВСНП седьмого созыва в марте 1989 года. За 6 месяцев в КНР было проведено большое число совещаний, издано более 40 актов. Главная суть предприняемых мероприятий заключается в усилении централизованного управления всеми социально-экономическими процессами. Среди них можно выделить такие, как резкое сокращение капитального строительства, установление государственной монополии на закупку риса и его распределение, на ресурсы топлива, электроэнергии, сырья, установление квот фонда заработной платы по провинциям, жесткого контроля за ценами, усиление налоговой политики, ограничение экономических функций мест, предприятий и т. п. Намечается перестройка всей отраслевой структуры производства с ориентацией ее на ускорение развития сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей. Переход к чрезвычайным мерам вносит очень существенные коррективы в реформу, хотя и не означает отхода от ее проведения.

Меры социальной защиты

З. А. Муромцева (старший научный сотрудник ИДВ, кандидат экономических наук) показала тесную связь социальной политики, проводимой в КНР, с реформой экономической системы. В ходе последней миллиардное население страны было в основном обеспечено питанием и одеждой. Плоды реформы прежде всего ощутило крестьянство, составляющее 80 % населения страны. За 10 лет реформы бедняцкое население деревни уменьшилось с 40 до 15 %.

Одним из важнейших результатов реформы в КНР в социальном плане явилось преодоление негативных тенденций, возникших в ходе «большого скачка» и «культурной революции» и заключающихся в потере интереса работающих к труду и формировании образа социализма как иждивенческо-потребительского общества. Одновременно в 80-е годы в КНР были предприняты по существу первоначальные шаги в организации современной системы социального обеспечения.

К 1987 году в стране насчитывалось более 37 тыс. социальных учреждений, которые оказывали помощь 518 тыс. жителей (из них 416 тыс. человек полностью находились на общественном обеспечении). В годы реформы было положено начало существованию частных учреждений социальной направленности, которые появились в некоторых провинциях (например, в провинции Гуандун) и автономных районах. Так, в 1987 году из 27,7 тыс. предприятий в системе социального обеспечения, на которых работало 435 тыс. инвалидов, 24,7 тыс. с числом занятых 338 тыс. относились к частному сектору. В государственном секторе на 2976 предприятий было занято 97 тыс. инвалидов.

Численность нуждающихся в социальной помощи составляет в настоящее время 140 млн. человек, не считая жертв ежегодных стихийных бедствий. В 1987 году расходы на социальное обеспечение составили почти 3,65 млрд. юаней, что на 2 млрд. юаней превышает аналогичный показатель 1980 года. Из вышеуказанной суммы 1,82 млрд. юаней было ассигновано государством и 1,83 млрд. юаней различными общественными организациями. От стихийных бедствий в Китае ежегодно страдает до 100 млн. человек. Государственный фонд помощи пострадавшим от стихийных бедствий составляет 3 млрд. юаней.

В стране немало лиц, которые не имеют других источников дохода, кроме фонда «пяти обеспечений» (питание, одежда, медицинское обслуживание, расходы на жилье и топливо). Такое вспомоществование получают престарелые и больные, не имеющие кормильцев. В сельской местности в 1987 году лица, пользующиеся фондом «пяти обеспечений», получили в среднем 87 юаней в год, в городе — 203 юаня. По расчетам некоторых китайских ученых, Китай занимает по уровню социального развития 70-е место среди 128 стран мира.

Размеры социального обеспечения в КНР являются пока ограниченными и не соответствуют потребностям нуждающихся в нем. Достаточно сказать, что в стране нет системы оплачиваемых отпусков, а также общегосударственного пенсионного законодательства.

Л. Д. Бони (старший научный сотрудник ИДВ, кандидат экономических наук) отметила, что выбор правильной социально-экономической политики, отвечающей интересам широких масс крестьянства, был сделан на первом этапе реформы в деревне: внедрен дворный подряд, увязывающий оплату с конечным результатом, предоставлено двору право само-

стоятельного хозяйствования; значительно повышены закупочные цены, разрешена рыночная торговля. В ответ последовал взлет производственной активности производителей. Это обеспечило высокие темпы прироста производства, трехкратное увеличение подушевого дохода крестьян; позволило решить в основном проблему питания и одежды миллиардного населения страны, насытить рынок продовольственными и промышленными товарами ширпотреба, смягчить проблему безработицы. Дальнейшее развертывание реформы в деревне столкнулось с серьезными трудностями (задачей второго этапа, начавшегося с 1985 года, было преобразование системы единых закупок и снабжения, превращение крестьянина в независимого товаропроизводителя, создание рыночного механизма). Реформа системы закупок не сопровождалась установлением сбалансированных цен на продукцию сельского хозяйства — цен на средства производства для сельского хозяйства, что привело к новому увеличению «ножниц» цен, росту себестоимости сельскохозяйственной продукции; имели место существенное сокращение капиталовложений в сельское хозяйство, рост поборов с крестьянского двора. Сельское хозяйство, зерновое производство оказались в состоянии застоя: уже четыре года не удается выполнить государственный план производства.

Китайские экономисты видят два негативных момента в политике государства: 1) заставив крестьянский двор ориентироваться на рыночный спрос, руководство игнорировало основной принцип товарной экономики — принцип эквивалентного обмена, что подрывает основы материальной заинтересованности крестьян; 2) государство не обеспечило гарантии реализации зерна по приемлемым для крестьян ценам, не защитило интересы последних.

Основная масса населения страны, более чем 800 млн. населения китайской деревни, в силу целого ряда объективных и субъективных факторов находится в социально и экономически неравном положении по сравнению с городским населением. Одна только политика дотаций в отношении городского населения создает большой разрыв в уровне доходов и степени защищенности первых и вторых. По оценкам американского китаеоведа Ларди, основанным на китайских данных, если в 1981 году все виды дотаций из расчета на одного работника государственного учреждения или предприятия составили 740 юаней в год, то в деревне, включая государственные дотации и выплаты из коллективных общественных фондов, на душу населения составляли около 15 юаней в год. Это положение не изменилось существенно для города, объем дотаций вырос, а в деревне сократился в связи с сокращением коллективных фондов благосостояния с переходом на дворовой подряд. Неравное положение китайского крестьянина в значительной мере связано с сохранением старых стереотипов в общей стратегии экономического развития, в подходе к сельскому хозяйству как отрасли, которая должна лишь обеспечивать страну продовольствием, сырьем и дополнительными ресурсами для промышленности. Эти стереотипы находят свое проявление, в частности, в политике ценообразования (заниженные закупочные цены, завышенные цены на промышленные товары); по подсчетам китайских специалистов, с 1952 по 1986 год посредством «ножниц» цен из сельского хозяйства было изъято на нужды индустриализации 688 млрд. юаней; в инвестиционной политике государства, сократившей за последние годы капиталовложения в сельское хозяйство до минимального уровня (3,6 %) и т. д. Все это послужило причиной сохранения серьезных диспропорций между сельским хозяйством и промышленностью и по соотношению создаваемого в отрасли прибавочного продукта и изымаемой доли, и в темпах роста, и в экономическом и социальном положении крестьян и городских жителей. Китайские экономисты именно в этом перекосе стратегии в пользу города видят главную причину застоя в сельском хозяйстве. Преодоление этого перекоса должно стать важным шагом в создании основ социальной концепции экономической реформы в Китае.

Курс на развитие социалистического товарного хозяйства, рассчитанный на длительный исторический период, поощряющий усиление дифференциации доходов, необходимость конкурентной борьбы на рынке и повышение экономической эффективности, в конечном итоге неизбежно затрагивает экономические интересы всех слоев и классов общества, хотя и в разной мере. Поэтому он не может быть эффективным без создания условий, обеспечивающих при необходимости социальную защищенность отдельным группам и слоям населения. Многократно возрастает необходимость соотнесения планов углубления реформы с экономическими интересами не только государства, но и предприятий, отдельных работников и целых социальных групп.

Роль социальной политики государства

Ю. В. Цыганов (аспирант ИДВ АН СССР) подчеркнул, что социальная политика, социальная сфера должна стать одним из главных направлений деятельности государства. Социальная политика не просто должна быть вмонтирована в экономическую политику, чтобы создать привлекательность экономических реформ, она должна подчинять себе экономическую политику.

Что касается социальной политики государства в дореформенный период, то государственная монополия на средства производства, лишавшая трудящихся права самостоятельного распоряжаться своей рабочей силой (ограничение свободы выбора профессии, места жительства, передвижения, вплоть до закрепления людей в определенных местах жительства), компенсировалась в определенной степени расширением социальных обязательств государства перед трудящимися. Оно брало на себя всестороннее страхование граждан (другой вопрос — качество этого страхования) — это и обеспечение полной занятости, и бесплатное медицинское обслуживание, и пенсионное обеспечение, и предоставление жилья с низкой платой, и даже поддержание стабильных цен.

Финансовые затруднения государства есть один из факторов, подталкивающих к проведению реформ. Они же могут вызвать соблазн снять с плеч государства значительную часть социальных обязательств. Важно, однако, чтобы этот процесс не опережал развитие альтернативных форм страхования (за счет предприятий и с привлечением средств самих трудящихся), создание системы страхования по безработице, достижение такого уровня оплаты труда, который бы позволил трудящимся своими собственными средствами решать проблему жилья и т. п. В противном случае рост социальной напряженности неизбежен.

Социальные аспекты реформы цен и ценообразования в КНР

М. Г. Солнцева (младший научный сотрудник ИДВ) отметила, что на современном этапе экономических преобразований в Китае наиболее остро стоит проблема инфляции и нерациональных цен. Вопрос о дальнейших путях реформы ценообразования, затрагивающей жизненный уровень и интересы каждой китайской семьи, остается предметом бурных дискуссий.

Опыт поэтапного проведения преобразований в области цен в КНР весьма интересен с точки зрения увязки экономической целесообразности предпринимаемых шагов со способностью населения «переварить» их последствия.

К настоящему времени вполне определилась целевая модель и общая направленность реформы ценообразования: это переход к рыночному регулированию цен при сохранении макроэкономического контроля со стороны государства. При этом понятно, что простое введение свободного ценообразования само по себе не означает формирование рынка товаров, поэтому для перехода от традиционной экономической системы к товарной экономике требуется достаточно долгий период сосуществования элементов старой и новой систем. Реформа цен в этот период продвигается вперед небольшими шагами в направлении расширения круга товаров, выходящих на свободный рынок. Опыт проведения экономических реформ в Китае и других социалистических странах показывает, что в условиях неразвитости рыночного механизма и острой дефицитности экономики введение свободного ценообразования неизбежно имеет результатом резкий спиралеобразный рост цен, а также создает условия для распространения экономических преступлений и злоупотреблений.

Чтобы удерживать постоянный контроль над ситуацией, обеспечивать социальную стабильность, не допускать серьезного обострения социальных противоречий, в КНР уделяют пристальное внимание проведению социологических исследований, направленных на определение влияния проводимых преобразований на жизненный уровень населения и его отношение к реформе. Расчеты показывают, что каждый процент прироста общего уровня цен приводит к увеличению расходов населения на 5,8 млрд. юаней. По данным ГСУ КНР, рост цен не вызвал пока снижения уровня жизни в целом по стране, однако уровень реальных доходов некоторой части городского населения существенно понизился. Особенно сильно этот процесс затронул социально уязвимые слои — интеллигенцию, студентов, пенсионеров и т. п. Предоставляемые государством дотации не восполняют потери от роста цен малооплачиваемых категорий населения.

Во второй половине 1988 года анализ обстановки показал, что намеченные радикальные

меры по реформе ценообразования необходимо отложить, перенеся центр тяжести на регулирование экономической ситуации в стране.

Принимая во внимание влияние реформ на уровень жизни народа, в Китае в то же время не рассчитывают на то, чтобы результаты экономической перестройки удовлетворяли всех без исключения. Психология уравниловки должна быть преодолена, ведь социализм и не обещает роста благосостояния всем в равной степени.

Наряду с тщательной подготовкой дальнейшей реформы цен, ее увязкой с реформами систем заработной платы и налогов, необходима также демократизация принятия решений о ее проведении, разъяснение народу приоритетов, целей и путей реформы.

А. А. Борисов (аспирант ИДВ) коснулся вопроса социально-политических истоков инфляции в КНР.

Бюджетный дефицит является важной непосредственной причиной инфляционных процессов. В КНР за 10 лет реформы государственный бюджет 9 раз сводился с дефицитом. По некоторым подсчетам, сейчас дефицит бюджета составляет примерно 15 % расходов бюджета. Из 98,6 млрд. юаней, эмитированных Народным банком Китая в 1979—1987 годах, бюджетная эмиссия составляет 58 %.

Есть только два способа добиться ликвидации дефицита бюджета — сокращение расходов и увеличение доходов. Но, во-первых, государство испытывает значительные трудности с увеличением доходов. Около 20 % из 90 тыс. предприятий общенародной собственности, дающих основную массу (70 %) бюджетных доходов, убыточны. Доля национального дохода, централизованного через финансовую систему, сократилась с 37,2 % в 1978 году до 19 % в 1988 году. Снижение доходов на 18 процентных пунктов означает, что государство недополучило около 250 млрд. юаней. Это существенно ослабило возможности государства по макроконтролю за экономикой.

Во-вторых, государство не в состоянии сократить расходы бюджета по следующим направлениям:

— расходы на капитальное строительство. Из года в год происходит постоянное давление на бюджет, так как спрос на капитальные вложения вследствие отсутствия фактора риска всегда опережает предложение. Сократить объем капитального строительства можно только на короткий срок политическими мерами;

— постоянно требуются расходы на ликвидацию диспропорций. Хотя расходы на сельское хозяйство, энергетику, транспорт растут, их пропорции в народном хозяйстве изменяются мало;

— расходы на дотации, то есть безвозмездные бюджетные ассигнования на покрытие убытков предприятий и снижение покупательной способности потребителей вследствие государственной политики цен. Прямые расходы бюджета на дотации к ценам достигнут в 1989 году почти 50 млрд. юаней.

Расходы на «социально-культурные мероприятия» — образование, науку, культуру — также растут опережающими темпами.

Государство вынуждено производить расходы независимо от доходов и таким образом воспроизводить дисбаланс. Сокращение расходов чревато недовольством, всеми формами «нетрадиционного» поведения, потерей социально-политического равновесия.

Социально-политическое равновесие в принципе может поддерживаться различными механизмами: волевым путем, агитационно-пропагандистским воздействием, механизмом согласования интересов при помощи демократических институтов и через финансовую систему. В условиях ослабления и прекращения действия первых двух механизмов и незрелости третьего задача поддержания социально-политического равновесия ложится на финансовую систему.

Таким образом, глубинные истоки инфляции в КНР лежат не в денежной сфере, а в социально-экономических процессах.

В условиях отсутствия демократических институтов и рыночного механизма, необходимых для разрешения противоречий общества, на финансовую систему стихийно легла задача по поддержанию социально-политического равновесия в стране. Это почти неизбежно влечет за собой несбалансированность государственных финансов, а как следствие — и инфляцию. Процесс этот стихийный и объективный, а потому не зависит от руководящего сознания.

Выход из положения лежит вне рамок собственно финансовой системы. Он заключается в проведении демократических реформ и изменении системы собственности.

Распределение доходов

В. В. Карлузов (докторант ИДВ, кандидат экономических наук) затронул некоторые социальные аспекты политики оживления частнопредпринимательской деятельности, сопутствующей экономической реформе в ряде социалистических стран, в частности в КНР. Хотя удельный вес частного сектора в общеэкономических показателях стран, наиболее далеко продвинувшихся в реализации этой политики (ВНР, КНР, ПНР, СФРЮ), пока весьма невысок, тем не менее в определенных своих проявлениях данная политика выступает как сильнейший раздражитель общественного мнения и объект неутраченных дискуссий в научных кругах. Главный предмет споров — сущность распределительных отношений в условиях сосуществования общественной и частной собственности, объективные и субъективные факторы, формы нетрудовых доходов, наемный труд и эксплуатация. Направление развития дискуссий в целом лежит в русле общего процесса переосмысления представлений о социализме, активно развивающегося в последние годы в большинстве социалистических государств.

Весьма показателен в этом плане пример КНР. Здесь с выдвижением концепции начальной стадии социализма XIII съездом КПК в 1987 году и официальной легализацией частного хозяйства как дополнения к общественному в дискуссии общественников по рассматриваемому вопросу происходит постепенный, но вполне очевидный поворот от довольно распространенных прежде утилитарно-догматических, субъективно-идеалистических подходов в характеристике таких явлений современной китайской действительности, как эксплуатация и наемный труд, к преобладанию взвешенных, диалектических, конкретно-исторических оценок.

Если раньше (в конце 70-х — первой половине 80-х годов), несмотря на бурное развитие частных предприятий в ряде сельских районов и отдельных городах Китая, многие исследователи утверждали, что в стране вообще не существует эксплуатации и нетрудовых доходов, а высокие ставки работодателей — это лишь «вознаграждение за предпринимательский риск», плата за управленческие способности и т. п., то ныне доминирующей становится точка зрения, в соответствии с которой эксплуатация и наемный труд рассматриваются как неизбежные социальные издержки политики использования капиталистических факторов развития производительных сил на начальной стадии социализма.

Сторонники этой точки зрения вполне справедливо утверждают, что риск как таковой не создает стоимости, а является лишь одним из поводов для присвоения собственником средств производства результатов неоплаченного труда наемных работников; что «уповать на риск» — значит, по сути, в новых исторических условиях воспроизводить аргументы и доводы более чем столетней давности, впервые введенные в оборот одним из основоположников вульгарной буржуазной политэкономии, Ж. Б. Сэем, и раскритикованные еще К. Марксом; что, с позиций исследователя-экономиста, эксплуатация — это не столько категория морали, сколько объективное социально-экономическое, производственное отношение, детерминированное определенным уровнем развития и структурой производительных сил; что существование эксплуатации на начальной стадии социализма обусловлено прежде всего рациональностью и эффективностью, демонстрируемыми системой наемного труда и эксплуатации в развитии отсталых сегментов производительных сил КНР; что затуманивать наличие эксплуатации и нетрудовых доходов в экономике страны на нынешнем этапе под благовидным предлогом борьбы за «чистоту социализма» — это проявление мелкобуржуазности, диаметрально противоположное по форме, но равнозначное по сути практике «культурной революции», когда «называли капиталистическим то, что таковым не являлось».

О. Н. Борох (научный сотрудник ИДВ, кандидат экономических наук) остановилась на связи разработки в КНР концепции социальной политики с решением проблемы распределения, которую на теоретическом уровне пытаются осмыслить китайские ученые.

Распределение доходов — один из важнейших сюжетов экономических дискуссий, проходивших в КНР в 1988 году. Изучение проблемы велось в рамках концепции «начального этапа социализма», которая допускала использование наряду с принципом распределения по труду других форм распределения доходов — по капиталу и имуществу, от хозяйствования и даже нетрудовых доходов, связанных с применением наемного труда в частном секторе.

Центральное место в исследованиях китайских экономистов занял вопрос о том, как соотносится между собой принцип распределения по труду и товарное хозяйство. В ходе

дискуссий выявилось три различных подхода к данной проблеме. Сторонники первой точки зрения утверждали, что в условиях товарного хозяйства принцип распределения по труду может быть реализован наиболее полно, поскольку развитие товарного хозяйства создает возможности для более тесной увязки доходов с результатами хозяйственной деятельности. Вторая группа ученых акцентировала внимание на том, что в условиях товарного хозяйства сфера действия и роль принципа распределения по труду ограничены, так как используются и другие формы распределения, прежде всего распределение по капиталу. По мнению сторонников третьей точки зрения, товарное хозяйство и принцип распределения по труду несовместимы между собой. Аргументируя свою позицию, они ссылались на произведения основоположников марксизма и указывали, что в соответствии с теорией Маркса, одной из важнейших предпосылок распределения по труду является бестоварный характер экономики. К настоящему времени дискуссии о соотношении распределения по труду и товарного хозяйства не завершились. Однако анализ материалов обсуждения свидетельствует о том, что китайскими учеными была предпринята попытка рассмотреть проблему распределения под новым углом зрения, осмыслить ее в рамках концепций «начального этапа социализма» и «социалистического товарного хозяйства».

Серьезное внимание участники дискуссий уделили анализу практических проблем, выявившихся в сфере распределительных отношений в ходе реформы. К их числу относились прежде всего неравномерные тенденции в распределении, неоправданная дифференциация в доходах, обусловленная нерациональным соотношением в вознаграждении работников умственного и физического труда, разрывом в заработках в различных секторах экономики, получением частью людей незаконных нетрудовых доходов. Наибольшую озабоченность ученых-экономистов вызывали высокие доходы, получаемые работниками административных органов при использовании служебного положения в корыстных целях.

В ходе обсуждения была признана ошибочной точка зрения, в соответствии с которой негативные явления в области распределения рассматривались как результат проведения в стране экономической реформы, повышения роли рынка. По господствующему убеждению, главная причина несправедливого распределения заключалась в неразвитости рыночных отношений, неотлаженности рыночного механизма распределения доходов. В материале дискуссий стала проводиться мысль о том, что для искоренения уравниловки и устранения неоправданных различий в доходах необходимо углубить хозяйственную реформу, обеспечить комплексность преобразований цен, налогов, кредитов, заработной платы, сосредоточить основные усилия на создании и совершенствовании системы социалистического рынка. Все большее число исследователей стало склоняться к мнению о том, что отношения в сфере распределения нельзя изменить, не преобразовав политическую систему, не усовершенствовав законодательства, не регламентировав хозяйственной деятельности административных органов. Что же касается конкретных путей решения проблемы несправедливого распределения, то этот вопрос по-прежнему остается в Китае предметом обсуждения.

Общая оценка социально-экономической ситуации в Китае

Э. П. Пивоварова (главный научный сотрудник ИДВ АН СССР, доктор экономических наук, председатель научного совета) отметила двоякие социальные результаты реформы экономической системы КНР. С одной стороны, реформа способствовала решению целого ряда социальных проблем: обеспечения абсолютного большинства миллиардного населения питанием и одеждой; расширения возможности занятости; значительного улучшения обеспечения рынка основными потребительскими товарами; роста доходов трудящихся города и деревни, улучшения жилищных условий; духовного раскрепощения и т. д. С другой стороны, она породила ряд новых социальных проблем, связанных со значительной экономической либерализацией и вытекающими отсюда быстрой дифференциацией доходов, ростом цен, нарушениями экономического и общественного порядка, определенными потерями в области культурных традиций и нравственности.

Особенностью китайской реформы, быстро обеспечившей ее успех, является то, что началась она в аграрном секторе и сферах, занятых обслуживанием и производством товаров народного потребления. Значительно улучшив продовольственное обеспечение, положение в сфере общественного питания, пошива и ремонта одежды, изготовления предметов первой необходимости, оказания транспортных, строительных и прочих услуг населению, существенно расширив предложение потребительских товаров, китайская реформа сразу обрела привлекательность и завоевала поддержку практически всех категорий трудящихся. И это, пожалуй, тот фактор, который гарантирует дальнейшее продвижение реформы, ибо

без наличия поддержки населения и основанной на практических результатах веры его в созидательность осуществляемых преобразований, реформа не в состоянии пойти дальше постановлений и решений.

Когда мы характеризуем социальные результаты реформы экономической системы КНР, не следует смешивать общие показатели душевого производства и потребления в стране, обеспечения его всем необходимым человеку, с тем, как изменились эти показатели в ходе реформы. Если останавливаться только на первых, то очевидным остается их низкий уровень, намного более низкий, чем в нашей стране, что свидетельствует об общей бедности китайского населения. Но отсюда мы не сделаем никаких выводов о результативности преобразований в КНР и СССР (или других социалистических странах). О результативности реформ можно судить лишь по динамике соответствующих показателей, характеризующих сдвиги за это время в экономической и социальной сферах. И здесь приоритет китайской реформы налицо: за годы реформы (1979—1987 годы) среднегодовой прирост совокупного общественного продукта составил 10,8 %, национального дохода — 9, валовой продукции сельского хозяйства 6,5 (зерновых — 3,2, продукции животноводства — 9,8), валовой продукции промышленности — 12 (производства тканей — 5,1, сахара — 9,3, ручных часов — 18,3, холодильников — 73,6, телевизоров — 49,5), розничного товарооборота — 15,8, заработной платы рабочих и служащих — 10,1 (среднегодовое увеличение розничных цен составило за этот период 4,3 %).

Даже сегодня, когда обострились многие проблемы в процессе углубления реформы, было бы неверно говорить, например, о застое в сельском хозяйстве только на том основании, что пик производства продовольственных культур остался в 1984 году, а последующие годы не дали заметных успехов в этой отрасли. Ведь в целом сельское хозяйство страны продолжает поступательное развитие, производство продовольственных культур остается после первого рывка довольно стабильным, а за общим приростом в 1988 году валовой продукции сельского хозяйства на 3,2 % стоят показатели не только сокращения в растениеводстве на 0,5 (при уменьшении сбора зерновых на 2,2), но и роста в животноводстве на 10,5 % при одновременной существенной перестройке в структуре хозяйственной деятельности на селе. Не закрывая глаза на отрицательные моменты семейного способа ведения хозяйства (известный урон мелиорации, ирригации и прочим требующим объединенных усилий работам по сохранению и улучшению в первую очередь земельного фонда страны), не следует сбрасывать со счетов то, на наш взгляд, главное обстоятельство, что при всем этом сельское хозяйство КНР никогда ранее не переживало такого подъема, как в годы реформы, и не случайно крестьяне со страхом воспринимают любые намеки на возможность повторной коллективизации. Вот это настроение людей, очевидно, лучше, чем любые рассуждения о преимуществах коллективного хозяйствования перед индивидуальным, отражает реальность их бытия и их интересы.

В то же время в ходе реформы возникают новые, иногда довольно острые социальные проблемы. Первая из них, ожидаемая и прогнозирувавшаяся уже в начале реформы, — имущественная дифференциация. Обсуждая эту проблему в первые годы реформы, в КНР пришли к выводу, что без такой дифференциации, вытекающей из соревновательности, конкуренции в обществе — нет способа заставить всех и каждого активно включиться в работу. При согласии с тем, что социалистическое государство должно обеспечить всем трудящимся социальные гарантии, а не просто «уничтожить железную плоску риса для каждого», в КНР обращалось внимание на эффективность системы социального обеспечения в некоторых капиталистических странах (Англии, Швеции), опыт которых внимательно изучался, в результате чего были сделаны выводы о преимуществах, имеющихся здесь по сравнению с социалистическими странами. Решительные шаги китайской реформы основываются на том, что не допускающий дифференциации, но «бедный социализм» не только не в состоянии гарантировать социальное обеспечение трудящимся, но и подрывает веру у людей в преимущества социализма, лишает последний своей притягательной силы. Рост же богатства даже части общества, создавая дополнительные ресурсы, может дать возможность оказывать помощь бедным слоям населения, постепенно улучшая настроения в обществе и укрепляя тем социализм. Только тогда, когда трудящиеся, пусть даже пройдя серьезные испытания дифференциацией, станут жить хорошо, социализм действительно обретет для них привлекательность.

Развитие и поощрение в КНР различных форм предпринимательской деятельности действительно очень быстро привели к существенной дифференциации в доходах

различных слоев населения. Такое различие в доходах закономерно (если учесть длительное утверждение и существование эгалитаристских и уравнилельных тенденций в стране) рождало социальную напряженность уже иного порядка (рожденную не общей бедностью, а разноочередностью увеличения достатка). Появилось то, что в КНР называют «болезнью красных глаз» (зависть к чужому доходу). Однако не все объясняется «болезнью красных глаз», ибо по мере продвижения реформы в направлении к легализации новых форм предпринимательской деятельности все больше в дифференциации доходов стал играть роль не только трудовой фактор, но и использование служебного положения, злоупотребление властью, осуществление незаконных операций, прямые экономические преступления. Все это вело к стремительному развитию несправедливости доходов и неравенству возможностей и стало повсеместно вызывать «высказываемое и невысказываемое общественное недовольство», снижая доверие к правительству и реформе, создавая «идейный разброд». А это — серьезный дестабилизирующий фактор.

Рост цен, как и имущественная дифференциация, был ожидаемым спутником китайской реформы. Уже на первых этапах реформы на страницах печати, в передачах по радио и телевидению проводилась большая разъяснительная работа о том, что экономика не может развиваться без определенного роста цен. Разъяснения эти адресовались населению страны, встревоженному повышением стоимости жизни уже в начале 80-х годов. Но если вначале повышение цен на продукты питания и промышленные товары народного потребления в той или иной мере нивелировалось дотациями к зарплате рабочих и служащих, то по мере дальнейшего высвобождения рынка, роста денежных доходов и потребительского спроса населения (при одновременном значительном увеличении производственного спроса) рост цен все больше стал носить инфляционный характер, и это вызывает все большую тревогу не только населения, но и проводников реформы. Хотя денежные доходы трудящихся продолжают расти, однако все у большей части населения их прирост не только «съедается» ростом цен, но и происходит некоторое снижение реальных доходов относительно к недавнему прошлому: в 1987 году из-за роста цен снизились по сравнению с предшествующим годом реальные доходы примерно у 21 % городских семей, в 1988 году эта доля выросла почти до 35 %. Раз начавшись, инфляционные процессы очень сложны для обуздания, тем более при недостаточно развитом хозяйственном механизме. Тем больше проблем возникает в КНР в вопросах контроля и управления на макроуровне.

Сегодня в КНР со всей остротой встает проблема сокращения совокупного общественного спроса, в которой сложность регулирования потребительского спроса, в отличие от производственного определяется необходимостью не только экономических и административных мер, но и морально-психологической подготовки населения. В то же время важность сокращения потребительского спроса в условиях увеличившегося общего дисбаланса тем существенней для КНР, что население страны переступило за цифру 1,1 млрд. человек, стратегические интересы которых, с одной стороны, не должны быть «съедены», а тем более подорваны их текущими интересами, с другой — будучи постоянно испытывать давление со стороны экологии и опасности исчерпания природных ресурсов. В то же время мера регулирования сегодняшних потребностей китайских трудящихся должна стать такой, чтобы полностью не погасить заинтересованность их в реформе и дать возможность последней продолжать продвижение КНР по пути экономического и социального прогресса.

* In: H. E. Salisbury, *To Peking and Beyond*. N. Y. 1973.

Л. БОНИ

В конце 70-х годов, после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), в Китае был сделан выбор в пользу товарной модели социалистической экономики как единственно верной, а развитие социалистического товарного хозяйства признано как неизбежный и длительный этап развития общества, как путь ускорения социально-экономического развития страны, неременное условие ускорения научно-технического прогресса, модернизации.

Важнейший вывод 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1988 г.) о том, что «социалистическое хозяйство является плановым товарным хозяйством, основанным на общественной собственности», явился новым шагом в развитии концепции планового товарного хозяйства, основным теоретическим обоснованием реформы экономической системы. В КНР пришли к новому пониманию проблемы соотношения и взаимодействия планомерности и товарности — не как двух механически соединенных начал, а как «органического взаимопроникновения одного в другое»¹. Произошел, таким образом, переход от концепции «дополнения» плана рынком к концепции их единства, взаимопроникновения.

Концепция, определившая нынешнюю стадию исторического развития китайского общества как «начальную стадию социализма» (XIII съезд КПК, октябрь 1987 г.), подвела теоретическую базу под реформу экономической системы. Она позволила преодолеть прагматический характер подхода к реформе в начальный период (движение ощупью, методом проб) и перейти к разработке концепции реформы с четкими целями и условиями в рамках стратегии экономического развития страны.

Первый практический вопрос, вытекающий из концепции начальной стадии социализма в Китае, — это необходимость ломки старой, традиционной экономической системы. XIII съезд КПК выдвинул формулу нового рабочего механизма экономики: «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия». Таким образом, получила закрепление трехзвенная модель экономической реформы, в которой *макрорегулирование, внедрение нового хозяйственного механизма на предприятиях и оживление их деятельности, создание и совершенствование рыночной системы* представляют собой неразрывное единство. Одновременно было дано новое, развернутое понятие рынка, социалистической рыночной системы. Задачей настоящего этапа углубления реформы XIII съезд определил «создание основ каркаса новой системы планового товарного хозяйства путем проведения реформ таких систем, как планирование, инвестирование, материальные ресурсы, финансы, денежное обращение, внешняя торговля вокруг центрального звена — реформы хозяйственного механизма предприятий»².

Истекшие десять лет осуществления реформы экономической системы стали периодом наиболее быстрого со времени образования КНР роста экономического потенциала страны и «дали народу большие выгоды». За последние десять лет валовой национальный продукт, финансовые доходы государства, а также средние доходы городского и сельского населения увеличились в два раза. В городе получили работу 70 млн. человек, в деревне 80 млн. человек перешло в сферу несельскохозяйственной деятельности. Более чем миллиардное население в своем аб-

Бони Людмила Дмитриевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

солютном большинстве обеспечено питанием и одеждой. Намного улучшилось рыночное снабжение. Покончено с острой многолетней нехваткой потребительских товаров.

Вместе с тем в процессе реформы выявились новые серьезные проблемы и противоречия, перекосы. Это прежде всего нарастающая несбалансированность совокупного общественного спроса и предложения, явившаяся главной причиной растущей инфляции, резкого роста цен, образования дефицита. За период 1984—1988 гг. совокупный общественный спрос превышал предложение на 11—16 %³. Этот разрыв в 1988 г. составил примерно 80 млрд. юаней, а отложенный покупательский спрос — 550 млрд. юаней⁴. Если в 1984 г. с урегулированием структуры цен на основные виды продукции производственно-технического назначения рост цен составил 2,8 %, то в 1988 г. — 18,5 % против предшествующего года, а в первой половине 1989 г. — все 25,5 %⁵.

Обострились структурные противоречия в экономике, усугубившие отставание темпов роста ряда важнейших отраслей, в первую очередь сельского хозяйства (при темпах роста промышленности в 1988 г. 17,7 % они составили в сельском хозяйстве 3,2 %), наметился дефицит ряда насушных видов продукции, особенно продовольственного зерна. На 1987 г. дефицит зерна составил в стране около 20 млн. т⁶. Усилились элементы стихийности и хаоса в сфере обращения, что расширило почву для разного рода экономических преступлений, процветания спекуляции, взяточничества, коррупции. Расширение хозяйственной самостоятельности на местах привело к усилению местнических интересов, установлению монопольных цен группами предприятий. Усилилась дифференциация имущественного положения людей, увеличился разрыв в уровнях доходов разных слоев и категорий населения, существенно увеличилась доля доходов помимо заработной платы. Инфляция и резкое повышение цен на продукты первой необходимости в последние годы привели к снижению реальных доходов значительной части населения города и деревни. «Все это делает невозможным не только стабилизацию и развитие экономики, но и дальнейшее углубление всех направлений реформы»⁷, — указывает газета «Цзинци жибао».

Изучив решение Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ (15—17 августа 1988 г.) о проведении радикальной реформы цен и заработной платы как «ключевого звена» экономической реформы и принятый им первоначальный проект реформы цен и заработной платы, 3-й пленум ЦК КПК 13-го созыва (сентябрь 1988 г.) счел необходимым отсрочить ее проведение, *выдвинув на ближайшие два года широкомасштабную и конкретную программу чрезвычайных мер по обузданию инфляции, сдерживанию роста цен, «наведению порядка в экономике»*. Эта программа охватывает основные сферы общественного производства и осуществляется по пяти основным направлениям: 1) сокращение масштабов капитального строительства, 2) пресечение беспорядочного роста цен, 3) стабилизация денежного обращения, 4) контроль за распределением кредита, 5) наведение порядка в сфере обращения. Программа рассчитана на активное использование и гибкое сочетание основных рычагов, имеющихся в распоряжении государства — правовых, административных, экономических и пр. При этом многие меры представляют собой элементы реформы, которые пока еще не смогли быть реализованы и выступают как «важное содержание реформы». К ним относятся, например, такие меры дефляционной политики, как прекращение кредитования убыточных, низкорентабельных предприятий, а также предприятий, производящих продукцию, не отвечающую стандартам качества⁸.

Вторая сессия ВСНП седьмого созыва (апрель 1989 г.) утвердила основные принципы, содержание, направления, пути, формы и методы осуществления курса на «упорядочение экономической обстановки, утверждение экономического порядка, углубление реформы», включающие шесть основных задач:

1. Ликвидация «перегрева» экономики, снижение темпов экономического развития до «сравнительно рационального уровня».

2. Обуздание инфляции, с тем чтобы темпы роста цен стали значительно ниже, чем в 1988 г., а с 1990 г. добиваться постепенного снижения масштабов роста цен.

3. Сокращение масштабов капиталовложений в основные фонды, с тем чтобы они соответствовали возможностям государства. Сдерживание чрезмерно большого роста фонда потребления.

4. Постепенное смягчение противоречий между совокупным общественным спро-

сом и совокупным общественным предложением, достижение в основном сбалансированности бюджета, кредитов, материальных ресурсов, инвалюты.

5. Урегулирование структуры экономики с целью обеспечения довольно существенного увеличения производства зерна, хлопка, масличных и других важнейших видов продукции сельского хозяйства, сырья, смягчение напряженного положения в энергетике, на транспорте.

6. Создание здорового экономического законодательства, а также системы макроуправления и контроля. Продолжение строительства «нового порядка социалистического товарного хозяйства».

Раскрывая основное содержание мер, которые необходимо предпринять в процессе комплексного осуществления курса на упорядочение экономической обстановки, установление экономического порядка, углубление реформы, экономисты выделяют несколько узловых проблем. Это прежде всего необходимость тесной увязки реформы и развития, ликвидации «перегрева» экономики, вызванного погоней за высокими темпами. До последнего времени рост экономики опирался главным образом на расширение капитальных вложений. Для прироста на один юань новой стоимости в промышленности нередко требовалось увеличение капитальных вложений на полтора юаня¹⁰. Погоня за темпами, превышающими возможности государства, вела к диспропорциям между спросом и предложением. В этой связи на повестку дня во весь рост встала задача всемерного повышения экономической эффективности.

Вторая задача состоит в преодолении влияния «теории полезности инфляции». В последнее время инфляция стала серьезнейшей проблемой, дестабилизирующей всю экономическую жизнь страны. Непосредственной причиной растущей инфляции явился чрезмерный выпуск денежных знаков. Однако ключевым моментом курса на выправление экономической обстановки, выхода из тупика китайские ученые считают сдерживание чрезмерно разросшегося совокупного общественного спроса. Чтобы остановить инфляцию, необходимо прежде приостановить рост дефицита госбюджета, одним из факторов которого является рост кредитования. Если исключить доходы от займов, то в 1984 г. дефицит составил 12,18 млрд. юаней, в 1985 г. — 6,82, в 1986 г. — 20,88 и в 1987 г. — 28,6 млрд. юаней; в то же время заем банковских кредитных средств госбюджетом достиг в 1984 г. 33,2 млрд. юаней, в 1985 г. — 28,3, в 1986 г. — 48,3 млрд. юаней. На конец 1987 г. — 51,4 млрд. ю. Однако главный путь сокращения дефицита госбюджета — в преодолении тенденции опережающего роста используемого национального дохода над произведенным. Если в 1978 г. доля национального дохода, распределенного через госбюджет, составила 37,2 %, то в 1979 и 1980 гг. — только 31,9 и 28,9 %. Это связано главным образом с повышением закупочных цен на основные виды продукции сельского хозяйства, с одной стороны, и сохранением неизменных сбытовых цен, потребовавших резкого увеличения ценовых дотаций, — с другой. С 1981 г. главной причиной сокращения доли национального дохода, распределяемого через госбюджет, в среднем до 25 %, явилось снижение налоговых поступлений от государственных предприятий в связи с созданием фонда накопления и развития предприятия, а также в связи с предоставленными льготами сельским предприятиям. К 1988 г. эта доля с 25 % снизилась до 19 %¹². Если вычесть доходы, поступающие от внешних и внутренних займов, то темп роста доходов госбюджета за период 1978—1987 гг. составил 7,7 % в год, а с учетом фактора роста цен действительные темпы составляли лишь 0,7 %. В то же время валовой общественный продукт рос темпами 10,8 % в год, стоимость валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 10,6, национальный доход — 9 %¹³ в неизменных ценах. В 1988 г. темпы прироста доходов госбюджета были намного ниже темпов роста цен.

Важнейшим шагом в оздоровлении экономической обстановки становится дальнейшее углубление реформы финансовой системы. Одним из основных направлений этого процесса должен стать переход от ныне существующей системы подряда в сфере местных финансов (известной в стране как принцип «разделения очага и питания порознь») к системе разделения налогов. Введенный в начальный период реформы с целью разрушить практику чрезмерной централизации доходов и расходов подряда в сфере местных финансов стимулировал расширение финансовой и хозяйственной самостоятельности на местах. Однако, ввиду того, что этот подряда основан, в сущности, на едином бюджете и, в частности, места могут рассчитывать

на покрытие нехватки средств за счет бюджета более высокого уровня, это способствовало появлению тенденции местного сепаратизма, что стало «узким местом» в углублении реформы, серьезным фактором разбухания капиталовложений, «перегрева» экономики, фактором, ограничивающим товарное обращение, препятствующим формированию единого рынка, противоречащим политике сдерживания общественного совокупного спроса. Суть системы разделения налогов состоит в создании комплексной центральной и местной налоговой системы при обеспечении местным органам самостоятельного юридического права, в которой централизованные налоги будут регулироваться центральным законодательством, местные — местным. Ожидается, что это позволит разграничить и четко определить экономические функции центрального правительства и местных органов власти, будет одновременно способствовать усилению механизма макрорегулирования и оживлению хозяйственной и финансовой самостоятельности на местах.

Важной частью нового курса является утверждение нового порядка в обращении, продвижение вперед реформы системы обращения. В условиях существования «двухрельсовой» системы цен разница между твердыми (плановыми) и рыночными ценами только на продукцию производственно-технического назначения сегодня составляет свыше 100 млрд. юаней¹⁴. И эта огромная сумма прибыла в системе обращения «уходит неизвестно куда». Основные меры по наведению порядка здесь предлагаются следующие: 1) упразднение различных обслуживающих компаний, созданных государственным аппаратом в отраслях материально-технического снабжения, и других «специализированных предприятий», получающих незаконную прибыль за счет существования «двухрельсовой» системы цен; 2) соблюдение строгой дисциплины цен, раздельного управления плановыми и рыночными ценами, применение закона против нарушителей дисциплины цен; 3) постепенное превращение «двухрельсовой» системы цен в «однорельсовую».

Наконец, предложенный курс предполагает урегулирование, оптимизацию структуры отраслей, усиление таких отстающих звеньев, как сельское хозяйство, энергетика, транспорт. Ключевым звеном выхода из тупика в этой области является совершенствование отраслевой структуры в процессе сокращения капиталовложений. Имеется в виду дальнейшее увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, постепенное повышение закупочных цен на зерно в порядке контрактационных закупок. При этом особое внимание обращается на необходимость принятия мер для увеличения производства и продажи зерна, включая: 1) сдерживание потребления, а также использование дотаций на производственные нужды; 2) постепенное увеличение импорта зерна; 3) повышение закупочных цен на зерно и увязку их с реформой обращения; 4) использование возвращающейся из города рабочей силы для развертывания строительства инфраструктуры сельского хозяйства¹⁵. *Реализация этой программы, по оценкам китайских экономистов, может занять не менее трех лет.*

Новый курс задуман как диалектическое единство двух начал, как «упорядочение, урегулирование» и «углубление реформы», т. е. «урегулирование на марше». «Акцент на упорядочение экономической обстановки и утверждение порядка отнюдь не означает, что можно остановить реформу. Первое создает более благоприятную обстановку для углубления реформы на макроуровне, в еще большей степени стимулирует развитие социалистического планового товарного хозяйства», — подчеркнула премьер Госсвета КНР Ли Пэн на второй сессии ВСНП седьмого созыва. Наконец, в процессе упорядочения продолжается дальнейшее развитие реформы экономической системы. Ее основными направлениями на данном этапе являются: совершенствование и углубление реформы на предприятиях, усиление и совершенствование механизма макрорегулирования экономики, создание рынка с соответствующим порядком, смягчение противоречий неравного распределения¹⁶. При этом все меры в сфере продвижения экономической реформы подчиняются главной цели принятого курса: созданию благоприятных условий для сдерживания спроса, урегулированию структуры экономики, созданию благоприятных условий для роста предложения, роста экономической эффективности¹⁷.

Проведение этого курса в течение более чем полугодия (с конца 1988 г.) позволяет говорить лишь о самых начальных положительных результатах, когда еще не наступило коренного перелома в экономической обстановке¹⁸.

Согласно данным ГСУ КНР по итогам за первое полугодие 1989 г.¹⁹, удалось

добиться некоторого смягчения действия факторов «перегрева» экономики, стимулировать предложение, несколько сдержать чрезмерно быстрый рост совокупного общественного спроса, что обеспечило «относительно стабильное» развитие экономики. Получен рекордный летний урожай зерновых. Темпы развития промышленного производства снизились до 10,8 %, удалось частично сократить масштабы капитальных вложений в основные фонды, сократилось число вновь строящихся объектов (в основные фонды предприятий общенародной собственности сокращение составило 5,5 % по сравнению с тем же периодом прошлого года, при этом в капитальном строительстве — на 3 %, в сфере технической реконструкции — на 13,2 %). Удалось несколько сдержать колебания рыночных цен. Объем розничной торговли увеличился на 18 %, или на 6,3 пункта меньше, чем год назад. Эти результаты достигнуты за счет некоторой стабилизации цен на зерно, овощи, что позволило улучшить настроение потребителя, прекратить стихийную погоню за многими товарами. Отмечается падение спроса на целый ряд товаров длительного пользования — цветные телевизоры, велосипеды, холодильники и пр. За счет повышения банком процента на вклады удалось привлечь значительную часть покупательной способности населения. За первое полугодие вклады сбережений населения в банки увеличились на 64 млрд. юаней. Удалось существенно снизить групповую покупательную способность, рост которой составил только 12,1 против 18,6 % в прошлом году. Несколько усилился процесс погашения кредитов при одновременном сдерживании нового кредитования.

Вместе с тем на практике были в большей мере использованы административные меры, чем радикальные меры по углублению реформы. Меры, намеченные по плану программы курса, далеко не выполнены. Наряду с этим, как отмечает ГСУ КНР, появились «две очень большие трудности» и наметилось усиление «двух диспропорций»:

— Уровень цен не снижается, эта задача «очень трудно выполняема». По сравнению с первой половиной прошлого года индекс розничных цен поднялся на 25,5 %.

— Сокращение масштабов капитальных вложений в основные фонды идет медленно, добиться осуществления намеченных планов (сократить их на 20 %) оказывается чрезвычайно трудно. При некотором сокращении таковых в государственном секторе продолжается рост капвложений в основные фонды предприятий коллективного и индивидуального секторов.

«Две диспропорции» проявляются в медленных темпах роста доходов госбюджета и крайне быстром росте его расходов, а также в увеличивающемся разрыве темпов экспорта и импорта (импорт чрезвычайно вырос, экспорт замедляется).

Состоявшееся в середине августа 1989 г. пленарное заседание Госсовета КНР вынуждено было констатировать, что пока не удалось добиться надлежащих результатов в смягчении диспропорции между совокупным общественным спросом и предложением, особенно в части сокращения капитальных вложений в основные фонды. Вместо запланированного сокращения на 20 % в действительности удалось снизить лишь до уровня прошлого года и не допустить дальнейшего роста. Фонд потребления не сократился, темпы его прироста превышают 20 %, то есть выше темпов развития производства, прироста национального дохода и доходов госбюджета.

Одновременно возникли новые проблемы, порожденные процессом урегулирования, а скорее той поспешностью осуществляемых мер, при которой неизбежна определенная нивелировка и шаблонность. Например, урегулирование политики кредитования привело к резкому сокращению кредитов для закупок товарного продовольствия в деревне, обострило противоречия между производителями и государством, вылилось в нехватку продовольствия в порядке единого снабжения и дальнейший рост цен. Сокращение масштабов капитального строительства в городах, темпов развития сельской промышленности вызвало «обратный поток» рабочей силы в сельское хозяйство, усугубляя решение проблемы преобразования отраслевой структуры, роста производительности труда, специализации в деревне и пр.

Следует отметить, что урегулирование «на марше» в направлении дальнейшего углубления реформы идет трудно, преодолевая сильное сопротивление пут старой экономической системы и новых проблем. Многие китайские экономисты отмечают опасность наметившейся тенденции отката к преимущественно административно-командным методам управления, которые могут «задушить» реформу. Соответственно

на ходу идет корректировка отдельных направлений курса, адаптация его к конкретным условиям отдельных отраслей, сфер общественного производства. Представляется, что именно в «пекле» этого процесса как раз и прорабатываются и отбираются важнейшие элементы нового порядка социалистического товарного хозяйства. Вполне закономерно, что 3-й пленум ЦК КПК 13-го созыва назвал нынешний этап развития экономической реформы как «решающий, имеющий ключевое значение», основным содержанием которого должно стать форсирование главной задачи реформы — перехода от старой к новой экономической системе²⁰. Новый этап реформы требует дальнейшей разработки концепции социалистического товарного хозяйства, соответствующей ему модели новой хозяйственной системы, а также программы перехода к новой системе, включая пути и методы такого перехода, все необходимые элементы и структуры, обеспечивающие здоровое, полнокровное функционирование новой системы.

Решения 3-го пленума ЦК КПК 13-го созыва, по нашему мнению, далеко выходят за рамки тактического характера, затрагивая проблемы стратегии дальнейшего углубления экономической реформы, развития страны в целом.

Это находит свое подтверждение и в докладе премьера Госсовета КНР Ли Пэна о работе правительства на второй сессии ВСНП седьмого созыва, в котором говорится: «Чтобы обеспечить здоровое развитие строительства и реформы, необходимо понастоящему упорядочить экономическую обстановку, утвердить экономический порядок, особенно порядок в обращении, настойчиво продвигая вперед строительство нового порядка социалистического товарного хозяйства»²¹ (подчеркнуто мною. — Л. Б.). Некоторые китайские экономисты считают, что «с момента выдвижения ЦК КПК концепции создания нового порядка социалистического товарного хозяйства поворот в стратегии уже практически начался»²². Новая концепция должна впитать в себя богатейший опыт десяти лет экономической реформы, закрепить положительные результаты первого этапа и заложить основы для следующего. Председатель Ассоциации по изучению экономической реформы Тун Далинь подчеркивает: «Реформа за десять лет во многих областях получила существенное развитие. Много новых явлений и мер в ее практике требуют законодательного оформления, закрепления в системе, они должны быть подвергнуты исследованию, чтобы, положив их в основу, создать новый экономический порядок, сделать его опорой и гарантией следующего этапа реформы. Иначе результаты первого этапа реформы с трудом смогут укрепиться, и начатый в настоящее время решающий этап реформы также трудно будет успешно развивать. Проблема создания нового порядка, выдвинутая ЦК КПК, исключительно своевременна и необходима»²³.

Необходимость разработки концепции нового порядка, по сути, диктуется и требованием практики. Дело в том, что сама специфика переходного этапа реформы (когда элементы новой системы параллельно сосуществуют с элементами старой, не разрушенной окончательно в деревне и в городе) по мере продвижения реформы все более превращается в серьезный, а порой и главный фактор торможения. Именно пути старой экономической системы, усиливающиеся противоречия и проблемы сосуществования разнородных систем стали одной из главных причин половинчатости и незавершенности второго этапа реформы в деревне (основным содержанием которого является ликвидация системы единых централизованных закупок сельскохозяйственной продукции и создание рыночной системы), возникновение новых диспропорций между спросом и предложением продовольственного зерна, роста цен на продукцию сельского хозяйства. Воздействие этих противоречий все острее ощущается в функционировании «двухрельсовой» системы цен на продукцию сельского хозяйства и производственно-технического назначения, препятствует налаживанию новой системы макроуправления и макрорегулирования экономикой, созданию здоровой рыночной системы.

Как отмечает Дяо Синьшэнь, заведующий канцелярией Института реформы экономической системы КНР, «следующий этап, в который вступает реформа, носит комплексный характер, затрагивает многие отрасли, сферы; меры реформы в разных сферах взаимно переплетаются, как в настоящей системной структуре. Это делает необходимым создание соответствующего порядка, чтобы избежать взаимного перехлестывания, вмешательства, нстыковки, предотвращения хаоса, разрыва в цепи, перекоса»²⁴. Так, дальнейшее углубление реформы в деревне требует осуществле-

ния реформы системы цен и ценообразования, а также реформы земельной системы. Реформа цен в свою очередь оказывается невозможной без дальнейшего углубления реформы отношений собственности, в том числе реформы системы имущественного права. Реформы хозяйственного механизма на предприятиях, системы материально-технического снабжения также все больше упираются в необходимость реформы цен и системы имущественного права. Более того, недостаточная разработанность теории и концептуальных основ как экономической реформы в целом, так и отдельных ее аспектов, а порой и отсутствие всякой концепции приводят не только к нестыковке мер по разным направлениям во времени, но и к противоречивым результатам и последствиям, новым, непредвиденным проблемам.

Создание целостной научной концепции экономической реформы должно способствовать развитию и укреплению нового мышления, выработке новых подходов к пониманию и решению возникающих проблем на путях развития товарного хозяйства. Ли Гаожэнь, сотрудник группы исследований Канцелярии ЦК КПК, отмечает, что, судя по обстановке ближайших лет, могут возникнуть новые проблемы, связанные с ограниченностью договорной системы в сфере производства, чрезмерно большим количеством промежуточных звеньев в сфере обращения, с негативными явлениями типа злоупотребления властью в личных интересах и т. п. Появление всех этих проблем обычно не является результатом ошибки в принятии решения, а объясняется отсутствием должного порядка в экономической жизни²⁵. В этих условиях отдельные теоретические разработки оказываются пока мало жизнеспособными. К ним, видимо, можно отнести и формулу нового хозяйственного механизма, выдвинутую XIII съездом КПК в октябре 1987 г. — «план направляет рынок, рынок ориентирует предприятия». Дело в том, что основной стратегией реформы в течение десяти лет было расширение рыночных связей как главного пути разрушения старой системы и создания новой. Было принято считать, что переход к свободным рыночным ценам может сразу же привести к формированию рынка, а появление рынка может привести конкуренцию. «Однако, как показала практика, — пишет группа китайских ученых, — в условиях Китая эта стратегия реформы смогла лишь помочь разложению старой системы, но не смогла естественным путем родить и развить здоровую новую систему... Поэтому расширение рыночных связей надо заменить стратегией их создания в качестве каркаса новой экономической системы. Содержанием реформы должна стать переход от смелого разрушения старой системы к созданию новой. Стратегия реформы: от удара в одном месте, по одной цели — к всесторонним поискам, к тщательному проекту осуществления реформы по всем направлениям. Выдвижение лозунга создания нового порядка социалистического товарного хозяйства уже указало правильное направление изменения стратегии экономической реформы»²⁶. Другими словами, реформа вышла на такой этап, достигла такого уровня, когда ее дальнейшее развитие и успех возможны лишь на основе качественно нового подхода, требующего разработки целостной научной концепции, включающей наряду с выдвижением целевой модели реформы определение ее структуры и всех составляющих ее и взаимосвязанных элементов систем и нормативов, обеспечивающих ее нормальную жизнедеятельность. Это — задача огромной сложности. Курс на «оздоровление экономической обстановки, утверждение экономического порядка, углубление реформы», выдвинутый 3-м пленумом ЦК КПК 13-го созыва, как показывает реальная жизнь, является необходимым шагом для подготовки условий для углубления реформы и создания концепции нового порядка.

Помимо единодушного признания необходимости создания нового порядка в экономике, существует многообразие в толковании самого понятия. Большинство китайских экономистов связывает его создание с обеспечением гарантий соблюдения законов товарного хозяйства, созданием правовой и материальной основы нормального функционирования рынка, с действием присущей ему конкуренции. Значительная часть экономистов при этом обращает внимание на важность выработки «нормативов поведения» правительственных органов. Другие считают, что прежде всего следует поставить под контроль инфляцию и рост цен, добиться сбалансированности совокупного общественного спроса и предложения. Наконец, четвертые рассматривают этот вопрос шире, считая, что создание нового порядка в экономике должно сопровождаться одновременно созданием его в политической сфере, сфере культуры, идеологии, т. е. новой мировоззренческой позиции. Тем не менее практически все

экономисты связывают это понятие с выработкой основных параметров и нормативов функционирования товарного хозяйства, рынка. В этом отношении представляет интерес точка зрения одного из ведущих китайских экономистов Лю Гогуана, согласно которой новый порядок должен включать восемь основных требований: 1) превращение казенной экономики в экономику народного управления; 2) превращение монопольного хозяйства в конкурентное; 3) превращение рынка производителя в рынок потребителя; 4) комплексная товаризация компонентов производства; 5) переход к товарообмену, обслуживаемому налично-денежным обращением, ценными бумагами; 6) введение декларации индивидуальных доходов; 7) гласность в отношении доходов работников аппарата, их имущества; 8) переход от двойственной системы к однотипной. По мнению автора, это тот минимум необходимых условий, которые способны обеспечить жизнедеятельность социалистического товарного хозяйства в Китае²⁷.

Во многом корреспондирует с указанным подходом мнение директора Института экономических исследований АОН Китая Дун Фужэня: экономический порядок не может обеспечить действенного функционирования новой экономической системы без следующих элементов: 1) наличия справедливой конкуренции; 2) четкого определения имущественного права субъектов товарного хозяйства; 3) создания системы независимых предприятий; 4) свободного обращения основных факторов производства (фондов, средств производства, рабочей силы и пр.); 5) обязательности соблюдения договора; 6) ответственности производителя перед потребителем²⁸.

В заключение отметим, что на 4-м пленуме ЦК КПК (июль 1989 г.) была подтверждена приверженность курсу на «упорядочение экономического положения, утверждение нового порядка, углубление экономической реформы». Стратегическая цель реформы при этом остается неизменной. Однако руководство намерено контролировать темпы развития экономической реформы, соотнося их с наличием необходимых предпосылок и условий для ее углубления.

¹ Ма Хун. Товарная экономика в условиях социализма.— Шанхай, 1984.— С. 4.

² Жэньминь жибао.— 1987.— 1 февраля.

³ См.: Цзинцзи жибао.— 1989.— 23 августа.

⁴ См.: Цюши.— 1989.— № 6.— С. 14.

⁵ См.: Цзинцзи жибао.— 1989.— 16 августа.

⁶ См.: Дефицит и пути его преодоления. Исследование проблемы зерна в Китае // Жэньминь дасюэ чубаньшэ.— Пекин, 1988.— С. 6.

⁷ Цзинцзи жибао.— 1989.— 6 апреля.

⁸ См.: Цзинцзи жибао.— 1988.— 13 октября.

⁹ См. там же.— 1989.— 6 апреля.

¹⁰ См. там же.— 1989.— 25 августа.

¹¹ См. там же.

¹² См. там же.

¹³ См. там же.— 1988.— 31 августа.

¹⁴ См. там же.— 1989.— 25 августа.

¹⁵ См. там же.— 1989.— 6 апреля.

¹⁶ См. там же.— 1988.— 31 августа.

¹⁷ См. там же.— 1989.— 22 июля.

¹⁸ См.: Цюши.— 1989.— № 6.— С. 13.

¹⁹ См.: Цзинцзи жибао.— 1989.— 22 июля.

²⁰ См. там же.— 1988.— 13 октября.

²¹ Там же.— 1989.— 25 мая.

²² Там же.— 1988.— 31 августа.

²³ Там же.

²⁴ См. там же.

²⁵ Там же.— 1988.— 7 октября.

²⁶ Цюши.— 1988.— № 8.— С. 42—43.

²⁷ См.: Ляован.— 1988.— № 27.— С. 5—6.

²⁸ Цзинцзи жибао.— 1988.— 31 августа.

Китайское право — единство традиции и законодательной нормы

Э. ИМАМОВ

Важной закономерностью развития современного социалистического общества является повышение роли права, упрочение правовых начал и укрепление законности во всех сферах общественной жизни. Отмечая необходимость понимания объективной потребности в праве, аксиология социалистического права исходит из того, что «правовая культура представляет собой социальную ценность в той степени, в какой позволяет людям пользоваться благом свободы в рамках оптимальных возможностей соответствующей эпохи»¹.

Для наиболее полного выявления этих возможностей необходимы широкие социологические исследования жизни права, которые, по справедливому мнению китайских правоведов, должны также отличаться историческим подходом. «Правовая культура не является духовным богатством, созданным одним поколением людей, это накопление культуры в ходе процесса исторического развития человечества»². Исторический подход проявляется и в признании того, что «правовая культура всегда бывает порождением конкретной нации и территории, результатом их развития. Более того, правовая культура не может зародиться в отрыве от конкретной национальной среды и местных условий. С этой точки зрения правовая культура как социальное явление есть преломление и отражение в праве тысячелетней традиционной национальной культуры»³.

Разработка проблематики исторической протяженности правовой культуры помогла аксиологии китайского права распознать крупные дисфункциональные явления, понижающие значение права как социального инструмента. В самом общем виде они выражаются в отождествлении политики и права, в отрицании самостоятельной ценности последнего, в понимании права всего лишь в качестве совокупности административных и уголовных законов. Причины этого изучены довольно хорошо. Их можно подразделить на две взаимосвязанные группы: причины, вытекающие из особенностей эпохи классовых сражений, и причины, обусловленные действием старокитайской правовой традиции. Их анализ находится в центре внимания юридической науки КНР, а результаты исследований имеют для правопонимания, правотворчества и правоприменения страны далеко идущие последствия.

Причины, относящиеся к первой группе, сформировались в период утверждения нового общественного строя в Китае, когда главной функцией права выступала борьба с контрреволюцией. Такая односторонность социальной роли права в известной мере согласовывалась с более общей задачей общества, выражавшейся в необходимости всеобъемлющего идеологического обеспечения «нарастающей классовой борьбы». И если в этом процессе право рассматривалось всего лишь в качестве «орудия диктатуры», то культура в целом отождествлялась с классовой идеологией, а эта последняя — с практическим решением текущих задач. В такой обстановке создание общества если и не отвергало культуру прошлого, то неизбежно формировало момент определенного недоверия к ней. Углублению процесса отождествления культуры и классовой борьбы способствовала также общая историческая ситуация, характерная для стран с неразвитой буржуазной культурой, в которых не проявились созидательные возможности права. В этом смысле Китайская Народная Респуб-

лика не составила исключения: в течение довольно продолжительного периода ее существования, увеличенного «культурной революцией» и ее последствиями, представления о праве оставались на уровне воззрений переходного периода. Право продолжало регулировать в основном отношения господства и подчинения — с той лишь разницей, что эти отношения выглядели как господство неимущих над эксплуататорами.

При отсутствии возможности быстрого перехода к активному использованию созидательных функций права в нем усиливался политический элемент при разрешении конфликтов. Этот элемент довлел не только в отношении государство — индивидуум; при рассмотрении гражданских дел такие обстоятельства, как политическое прошлое, классовое положение, принадлежность к той или иной партии и т. д. играли свою роль и получали процессуальное и организационное выражение. «За тридцать лет существования КНР право рассматривалось только в качестве орудия классовой борьбы, при этом забывались его регулятивные функции по упорядочению общественной жизни... Политика подменяла закон, и гражданские споры решались партийными и административными органами, которые ставили себя выше юстиции»⁴. Долгое время имела место односторонняя зависимость права от государства, утверждался приоритет государства над правом, что препятствовало выявлению всех свойств юридической формы и затушевывало проблему ее материальной детерминации. Видный теоретик китайского права Сунь Гохуа писал, что выпячивание волевых начал в праве способствовало «игнорированию таких важнейших функций права, как разрешение противоречий внутри народа, развитие социалистической демократии, стимулирование социального и культурного развития общества»⁵.

Одностороннее понимание права, к которому приводит господство в нем политического элемента, весьма характерно для правовой идеологии и психологии социалистических стран на определенном этапе их развития. Так, например, в советском правоведении длительное время господствовала концепция, в соответствии с которой определение права «исходит из находящихся выражение в праве отношений господства и подчиненности»⁶. Венгерский правовед академик Имре Сабо писал в 1963 году, что «социалистическое право по своей сущности может признавать в качестве единственно правильной формы источников права только писанное право»⁷.

Указанные явления узкого правопонимания были обусловлены двумя взаимосвязанными факторами — высокой ролью государственных средств в утверждении нового общественного строя, а также такой исторической особенностью, как дефицитное хозяйство. Ограниченная экономика повышает роль государства, у которого вместе с тем отсутствуют необходимые материальные силы и средства для решения взятых им на себя социально-экономических проблем. Однако эти проблемы требуют какого-либо варианта решения, и тогда появляется властная правовая норма. Это порождает иллюзию всеисильности правовых решений вообще, а содержащих волевой момент — в особенности. Правовед Юань Чэнди, обосновывая необходимость правового опосредования горизонтальных связей, удачно замечает, что когда в Китае на это обращалось внимание, экономика страны интенсивно развивалась. «Главным образом это проявилось в период восстановления народного хозяйства до 1957 года и в период реформ, оживления и открытости экономики начиная с 1979 года. Период «упора на крупное общественное производство» и период «борьбы с частным, критики ревизионизма», проповеди «справедливости бунта» были временем экономической отсталости и разрухи, попрания законности»⁸.

По мнению видного китайского правоведа Чжан Цзунхоу, среди основной массы современных юристов Китая продолжают доминировать взгляды советских ученых на право конца 30-х годов⁹. Поэтому усилия сторонников широкого правопонимания в юридической науке КНР направлены на всемерное снижение в правосознании населения, в правовом мышлении юристов значения такой функции права, как «бить по врагам». «Первостепенная задача социалистического права должна состоять в защите народа, в решении противоречий внутри народа, а не в ударах по врагам, не в решении противоречий между нами и врагами»¹⁰. Необходимость такого курса вполне очевидна, поскольку усиление политического элемента в праве приводит к установлению линейной связи между политическими решениями и уголовным правом, применением уголовных санкций, то есть происходит решение политических

проблем уголовно-правовыми средствами как в узко понимаемой сфере политики, так и в сфере экономики и культуры.

Узконормативное правопонимание, абсолютизация наказательных аспектов права обуславливают усиление регулятивных функций политики, что в конечном счете способствует отождествлению политики и права. Одним из проявлений подобной дисфункции во взаимодействии политики и права в Китае следует считать стремление использовать право в качестве пропагандиста политических целей. Такое явление характерно для периодов бурных социальных преобразований, и поэтому, как правило, с переходом к интенсивной хозяйственной деятельности число таких норм неизбежно сокращается.

Однако наполнение правовых норм политическим содержанием в известной мере усилилось в период правового обеспечения реформы хозяйственной системы. Столкнувшись с большими трудностями в создании принципиально нового права, соответствующего товарному характеру экономики, правоведы КНР выдвинули вполне обоснованный тезис о поэтапности решения этой задачи. Так, при обсуждении вопросов о разработке хозяйственного кодекса КНР предлагалось предварительно принять «Программу хозяйственного законодательства», а впоследствии, «когда созреют объективные и субъективные условия, вновь вернуться к разработке кодекса хозяйственного права КНР»¹¹. В развитие этих положений китайские правоведы также писали, что «законы должны регулировать только основные принципиальные вопросы, играть роль «больших рычагов». Что касается решения мелких вопросов, здесь все же следует поступать, исходя из конкретных обстоятельств той или иной ситуации, и для этого лучше всего, если государственные административные органы и органы власти на местах на основе законов выработают уже деятельные инструкции»¹².

Такая форма законодательства получила в современном Китае значительное развитие. В ее основе, по мнению китайских ученых, лежит принцип «законодательства низкой степени», то есть «отказ от конструирования жестких запретов или ограничений, сохранение эластичности норм со множеством исключений, чтобы исполнители законов имели свободный выбор (в отличие от законодательства высокой степени, при котором устанавливается строгий запрет или обязанность строгого исполнения определенных действий)»¹³. Во все более часто издающихся в последнее время «законах-рамках» с каучуковыми нормами законодатель применяет выражения типа «желательное действие», «возможные варианты», «считается целесообразным», «исходя из конкретной ситуации» и т. д.

Однако главной причиной преобладания в законодательстве Китая норм, которые условно можно назвать символическими, является узость материальной базы. Известно, что чем меньше в обществе экономических условий для достижения поставленных целей, тем выше символичность норм. Иначе говоря, чем больше на право возлагаются задачи достижения нереальных целей, тем больше усиливается в нем политический элемент. Если норма права, призванная непосредственно воздействовать на поведение, приобретает ориентировочный характер, то в конце концов она превращается в политический лозунг. Присутствие таких норм в законе, за исключением, разумеется, конституционных, наносит, на наш взгляд, ущерб правовой культуре, снижает эффективность действия права, а также способствует формированию ошибочного убеждения в том, что социальная задача может быть решена и даже наверняка будет решена провозглашением правовой нормы. Как правильно пишет правовед Цзо Кайда, «в реальной жизни некоторые полагают, что все вопросы общества разрешимы — стоит лишь государству издать законы и действовать по законам»¹⁴.

Узость материальной базы также является причиной включения во все законодательные акты указаний о том, что местные органы власти или ведомства должны разработать положения, детализирующие принятый закон. Исполнение такого типа законов «обеспечивают» правовые акты низшего уровня, которые сужают сформулированные в законе цели и задачи, причем до такой степени, в какой они реально осуществимы с учетом узости материальной базы. В этом случае действительной нормативной силой, в противовес символичности законов, обладают только эти правовые нормы.

Политический элемент в китайском праве сохраняется и в силу действия старокитайской правовой традиции. Как известно, в Китае исторически не стремились

к достижению объективизированной завершенности взаимодействия политики и права в виде закона (классическая схема): там просто не усматривали в последнем особой ценности. В Китае право в большей степени тяготело к нравственности и другим духовным категориям. Соотношение с ними давало результат в виде правосознания. Поэтому применение в конфликтной ситуации политики означало обращение к правосознанию как выражению соотношения права с нравственностью, а носителем правосознания выступала определенная личность.

Таким образом, за политическим элементом как социальным регулятором проступает индивидуальное мировоззрение конкретного человека. Мировоззрение это состоит из целого комплекса политико-социальных представлений, не наделенных такими качествами права, как общеобязательность, формальная определенность, нормативность и т. д. Отсутствие последних качеств делает эти предельные оценочными, допускающими широкую свободу усмотрения для лица, применяющего их. Явление это получило название «система правления людей», оно возникло в Китае не сегодня и не в период борьбы с контрреволюцией в 50-е годы, а имеет глубокие исторические корни.

В свое время Ли Дачжао в статье «Народный порядок и политика» писал: «Как мало сил, чтобы уничтожить основу слепой веры в правление посредством гуманности..., а без ликвидации этой основы, очень трудно установить конституционную политическую систему»¹⁵. Вера в непогрешимость и эффективность правления посредством гуманной личности в Китае действительно велика. К началу современного этапа развития правовой системы страны эта вера не уменьшилась. Его начало сопровождалось дискуссией о двух формах правления — посредством права (фа чжи) или посредством гуманного правления (жэнь чжи). Первая ассоциировалась с легистской концепцией закона, вторая — с концепцией «ли» (правил должного поведения) в учении Конфуция. Как отмечалось в печати, «вопрос о правлении посредством закона и гуманном правлении — важный вопрос теории права»¹⁶.

Правовед Ни Чжэнмао писал по поводу гуманного правления, то есть «правления людей»: «Некоторые кадровые работники возомнили себя воплощением закона и выступают с видом его святых хранителей, с презрением взирая на «паству» (то есть на народ — Э. И.)... кадровые работники в общении с простыми людьми вели себя по принципу: я учу — ты учишься, я говорю — ты слушаешь, я бью — ты терпи»¹⁷.

Применительно к правовой действительности «правление людей» предполагает рассмотрение конфликтной ситуации определенной личностью, которая должна руководствоваться не требованиями закона, а нормами и принципами обширного фило-софско-правового комплекса. В ходе исторического развития этот комплекс включал в себя богатое содержание — ритуал «ли», нравственность, гуманность, принципы долга и т. д. Важным качеством этого комплекса была его способность упорядочивать социальные связи в китайском обществе. «Поэтому те, играющие регулятивную роль, «принципы морали»... и «духовное начало»... включают в себя также и правовой момент и имеют также и правовое значение. ...Следует признать правовое значение и за тем древнекитайским понятием, которым обозначается справедливость...»¹⁸.

Во взаимодействии закона и традиционалистских представлений не закон должен порождать справедливость, а, напротив, традиции при их строгом соблюдении могли вызвать к жизни справедливый порядок вещей и отношений. Первоначально могли породить и закон признавались как сосуществующие и в какой-то мере дополняющие друг друга средства регуляции и приемы управления, но не как взаимосогласованные и соответствующие друг другу однородные явления. Впоследствии, по мнению Чжэн Юлю и Сяо Бофу, эти явления взаимно сблизились. «Взаимодействие принципа управления с помощью ритуала с принципом управления с помощью законов означало, что реальное содержание принципа ритуала проникло в принцип законов... Легизму были приданы свойства принципов управления с помощью ритуала, норм морали»¹⁹.

Правовед Лян Чжипин несколько иначе трактует направленность взаимодействия ритуала и закона: «Выражение «ли» входит в состав «фа» неточно, следует говорить об их слиянии»²⁰. Это замечание Лян Чжипина имеет принципиальное значение, так как оно, на наш взгляд, точнее определяет взаимный характер влияния этих двух форм правления в процессе их исторического развития. И в этом процессе не сле-

дует принижать значение правления посредством закона, как это часто встречается в литературе; иначе трудно объяснить появление в Китае довольно развитой системы законов и устойчивость идейного соперничества легизма с конфуцианством на протяжении столь длительного времени.

Несомненно то, что они взаимообогащались, но в конце концов, в силу многообразных причин, ритуал «ли» занял господствующее положение. «Постулат фа чжи больше не смог противостоять морали, он превратился в орудие, стоявшее на охране морали дэ и ритуала ли»²¹. Именно это обстоятельство, то есть возобладание морали над законом, и способствовало впоследствии ослаблению идеи закона, который оценивался всего лишь в виде орудия репрессий и подавления. Соотношение «ли» и «фа» юридически точно выразили авторы фундаментального издания по Общей теории права: «Общегражданские отношения обычно упорядочивались посредством ли... Действовал принцип — выход за пределы и означает вхождение в сферу уголовного права»²². Однако противостояние «ли» и «фа» не прошло бесследно для первого — его нормы приобрели большую общеобязательность и формальную определенность, в связи с чем их регулятивные свойства усилились и они стали распространяться на более широкий круг социальных связей китайского общества. «Фа утратило свою самостоятельность, требования добродетели и права, как основы взаимоотношений между людьми, не имели четких границ и даже слились воедино»²³.

Причины формирования узкой наказательной функции закона, по мнению Лян Чжипина, объясняются особенностями генезиса китайской государственности. Для сравнения он рассматривает аналогичные процессы в Древней Греции и Древнем Риме, где государство явилось результатом компромисса между плебсом и аристократией, но не было безоговорочно навязано обществу с помощью принуждения какой-либо стороной. При этом функция подавления не исключалась, но в конечном счете она была важным средством установления и обеспечения прав каждого класса в обществе. «В силу таких исторических предпосылок, — пишет Лян Чжипин, — могли получить значительное развитие теория политической справедливости в греческих полисах и римское частное право»²⁴.

В Китае «государство не выступало в качестве публичной власти, а представляло собой механизм осуществления отдельными родовыми группами узаконенного насилия. Поэтому государство отнюдь не сменяет общинную родовую организацию, а сливается с ней, они проникают друг в друга, соединяются в тщательно отработанный механизм, находящийся в руках высших слоев для осуществления контроля в обществе и для обеспечения стабильности системы, в которой возможна нестабильность. И тогда техника неприкрытого властвования выступает вместо теории политической справедливости, закон рассматривается в этой системе только как орудие подавления и главным его проявлением становится наказание»²⁵.

В эпоху Цинь сформировалось развитое законодательство, в том числе такие законы, регулирующие экономическую деятельность, как «закон о полях», «закон о работах» и т. д. «Но эти законы не относились к хозяйственному законодательству в нашем современном понимании. Они содержали в основном наказания за нарушение запретов в экономической сфере... Такие гражданские отношения, как родственная принадлежность, брак, наследование, вещное право, обязательственное право, включались в систему норм о преступлениях и наказаниях... идея наказания за преступления развивалась до такой степени, что приняла уродливую форму»²⁶.

Представление о законе как орудии подавления прочно вошло в «генофонд» национального правосознания, и поэтому всякий раз, когда применяли жесточайшие меры уголовно-правового воздействия, идея правления на основе законов компрометировалась. Процесс этот усугубился распространением наказательных аспектов китайского права в сферу законодательства о хозяйственной деятельности. Все это объективно препятствовало реализации регулятивных, созидательных функций закона и с точки зрения общественного сознания делало применение закона нежелательным.

Одновременно регулятивные свойства конкретизированных этико-правовых нормативов возрастали; они все в большей мере наполнялись правовым содержанием. В конце концов этот комплекс нормативов приобрел всеохватывающий характер и утвердился в Китае в качестве доминирующего элемента системы социального регулирования. Как справедливо делает вывод Лян Чжипин, «здесь мы сталкиваемся

с не имеющей себе равной по величине тайной древнего китайского «фа» — с превращением морали в право, а права в мораль»²⁷.

Здесь необходимо сделать одно дополнение. Выделение в системе социального регулирования классового общества разновидностей социальных норм в той или иной степени связано с возникновением и развитием права. По справедливому мнению Д. И. Луковской, нет оснований утверждать, будто первобытные обычаи основывались только на нормах морали²⁸. Продолжая эту мысль, С. С. Алексеев пишет: «Вычленение «чистых» моральных норм происходило в связи или, во всяком случае, параллельно с формированием норм права». Далее он делает важный вывод: «Как и в любой системе, «недостаток», «нехватка» одного из ее элементов (в данном случае — права) может, по всей видимости, в каких-то пределах компенсироваться более интенсивным развитием других элементов системы, в частности нравственных норм или же норм-обычаев, традиций...»²⁹. Отметим, что интенсивно развивающиеся другие элементы системы могут в конце концов взять на себя функции недостающего элемента системы. Та часть заменяющих норм, которая в большей мере уподобляется заменяемым нормам, может дифференцироваться в самостоятельный элемент системы социального регулирования. Такое явление, на наш взгляд, имело место в Китае. Те нормы, которые стали выполнять функции права, в своем генезисе являлись моральными, но впоследствии они перестали быть таковыми, но и не стали чисто правовыми. Для этого им не хватало многих качеств права.

«Правление людей», как считали в Китае, является наилучшей основой социально-политического устройства и человеческих взаимоотношений. Лян Чжипин прямо пишет по этому поводу, что «в Китае не было законов об управлении, а было правление людей... политика представляла собой правление людей»³⁰. Поэтому «правление людей» может быть интерпретировано не только в качестве социально-управленческого феномена, но и в качестве социально-регулирующего явления. «Правление людей» не только целенаправленно воздействует на общественные процессы, но и преследует такую важную цель, как упорядочение конкретных социальных связей людей — участников этих процессов. Таким образом, «правление людей» учитывает и объединяет интересы всего общества в данный исторический момент (политический аспект) и притязания граждан в конкретных жизненных ситуациях (правовой аспект). Именно эта способность к синтезу интересов государства и человека и явилась, на наш взгляд, основой веры в Китае в «правление людей».

Следует отметить, что особенно сильно действие этих факторов проявилось в отношении законов гоиньдана, которые потерпели крах на китайской почве. Отличавшиеся довольно высоким технико-юридическим уровнем, они были восприняты в Китае, только вступившем на путь буржуазных реформ и вполне довольствующемся регулятивными возможностями традиционализма, не как явления культуры, обладающие значительным позитивным потенциалом, а, напротив, как антиценности, как чуждые китайскому духу явления, его образу мыслей и жизни.

Сегодня, на наш взгляд, также не имеется достаточных условий для сколь-нибудь существенного ослабления регулятивных возможностей неюридического права. По мнению Цзо Кайда, «за более чем тридцать лет после освобождения, несмотря на смену эпохи и происшедшие глубокие изменения в общественном строе, еще трудно сказать, что полностью отброшено историческое влияние конфуцианской и легистской однобокости в вопросах подхода к праву и морали и регулирования их взаимоотношений»³¹. Под «однобокостью» здесь понимается, с одной стороны, «конфуцианская идеология мягких законов», то есть законов с низкой степенью наказательности, узкой сферой действия при всеохватывающем характере морали, с другой — «легкая мораль легистов», то есть всеохватывающая роль законов при незначительной регулятивной возможности морали.

Подчеркивая большое социально-регулятивное значение морали, Цзо Кайда пишет: «Помимо быстреего создания собственно законности, важнейшей проблемой, решение которой обеспечит коренной поворот к лучшему в социальной сфере, гарантию стабильности общественного порядка, является формирование морали»³².

Здесь необходимо сделать одно существенное замечание. В юридической литературе Китая совокупность неюридических норм социального регулирования обычно весьма неточно именуют моралью. Содержание этих норм, несомненно, выходит далеко за пределы чисто моральных, и поэтому, с учетом исторических особенностей их

развития, широты сферы их воздействия и реальных регулятивных возможностей, эту совокупность неюридических норм следует именовать, на наш взгляд, более общим термином — традиционализм.

По мнению Цзо Кайда, возможности права ограничены, оно не учитывает быстро меняющуюся социальную ситуацию, не может вмешиваться в такие «тонкие» сферы человеческих отношений, как, например, семейно-брачные отношения; право не всегда способно достаточно точно отразить особенности и нюансы конкретной ситуации и т. д. Стоит обратить внимание на то, что аргументы, выдвигаемые «против» права при его сопоставлении с моралью, такие же, как и при сопоставлении его с политикой. Это обстоятельство, как представляется, также говорит в пользу того, что «правление людей», как альтернатива «правлению на основе законов», в социальной практике Китая есть не что иное, как правление на основе политики, традиций, обычаев и т. д. личностью, действия которой практически не регламентированы положениями материального и процессуального права.

Далее Цзо Кайда пишет: «Социалистическая мораль определяет различные аспекты общественной жизни; широко и глубоко влияя на общество, она создает благоприятные социальные условия для урегулирования различных противоречий во всех областях жизни общества и проведения мер по созданию социалистической законности. ...право определяет лишь те основные стороны социальной, политической, экономической и культурной жизни, где существует необходимость вмешательства государственной власти, в то время как нормы морали направляют и влияют на все сферы общественной жизни»³³.

Последнее замечание Цзо Кайда говорит о многом, и прежде всего о том, что автор допускает в правопонимание сильный политический элемент, рассматривая в качестве объекта регулирования права главным образом отношения господства и подчинения. Это вполне закономерно: расширяя сферу действия традиционализма, он, соответственно, вынужден сузить пределы компетенции права не только по причине соответствия такого суждения традиционным представлениям. Функциональная целостность и единство элементов и частей системы социального нормативного регулирования не позволяют изменять объем одного из ее элементов, не затрагивая остальных.

Выступая за узкое понимание функций закона и расширяя сферу действия традиционализма, Цзо Кайда обосновывает мысль о «регулирующих возможностях морали в экономике». Он пишет: «...по мере формирования моральных принципов... появляется возможность оказывать непосредственное воздействие на собственный экономический базис, даже выработать поведение в сфере экономики, регулируемое моралью»³⁴.

По мнению китайского правоведа, моралью должны руководствоваться и при выпуске качественной продукции, при обеспечении договорных поставок, при установлении взаимоотношений с торговыми партнерами, предприятий с окружающей средой и т. д. Цзо Кайда заключает: «С неуклонным углублением и развитием реформы нашей экономической системы регулирующая роль норм социалистической морали в сфере экономики будет все более расширяться и отчетливо проявляться»³⁵.

Придание традиционализму функций «горизонтального» регулятора в условиях товарной экономики в целом закономерное явление. Как известно, период буржуазных отношений в Китае не был настолько продолжительным, чтобы в социальном регулировании стало преобладать именно правовое регулирование хозяйственных связей. Поэтому есть основание считать нынешнюю активизацию гражданского оборота и настойчивые усилия его правового опосредования первым в истории китайского общества этапом подобного рода. В силу исторических особенностей развития он совпал по времени с начальным этапом социалистического товарного хозяйства, не отличающегося достаточно широкой материальной базой. Обращение к нормам традиционализма в этих условиях оправдано и психологически — большой верой в их возможности, и объективно — нехваткой необходимого правового инструментария и навыков его применения.

Как показала практика правотворчества и правоприменения в условиях динамичной многоукладной экономики, законодателю КНР не всегда удается выработать «единые масштабы» для адекватного опосредования разнородных общественных отношений. Правовые нормы и институты, регулирующие общественные отношения по

поводу различных форм собственности, часто не совпадают, и возникает необходимость регламентации отношений «на стыке». Именно здесь, как полагают китайские правоведы, необходимо использовать возможности традиционализма. Так, например, применительно к регулированию рынка технологий, куда результат научно-технического творчества поступает в виде товара, где разрешен институт посредничества, где цены устанавливаются спросом, куда имеют доступ государственные предприятия, представители коллективного и частного секторов экономики и т. д., в правоведении страны появился тезис о «необходимости всемерного усиления морального содержания социалистического рынка технологий»³⁶.

Концепция «регулирующих возможностей морали в экономике» укрепляет, на наш взгляд, позиции «правления людей», так как широкое распространение действия моральных норм на сферу, где обычно должна преобладать компетенция законов, объективно усиливает во всей системе социального нормативного регулирования фактор личности, наделенной властью.

В этом же направлении действуют некоторые новеллы уголовного законодательства КНР, принятые для борьбы с негативными явлениями в экономике. Эти новеллы усилили традиционалистские представления о коллективной ответственности и роли личности, рассматривающей вопросы привлечения тех или иных физических и юридических лиц к ответственности.

Традиции коллективной ответственности в Китае восходят к эпохе древнекитайских государств. Кучера, подробно изучивший этот вопрос, пишет: «Принцип коллективной ответственности, разработанный в ту эпоху, в дальнейшем лег в основу всего китайского правопорядка... По мере развития китайского общества в целом и детализации правовых предписаний происходит законодательная фиксация этого принципа и круга лиц, которые должны были нести коллективную ответственность»³⁷. Постановления ВСНП КНР от 21 января 1988 года о борьбе с коррупцией, взяточничеством и контрабандой впервые в нормотворческой практике социалистических стран установили уголовную ответственность юридических лиц, то есть предприятий, учреждений и организаций, за совершение ими экономических преступлений³⁸.

Не затрагивая уголовно-правовые аспекты этой проблемы³⁹, выделим ее традиционалистское содержание. В соответствии с указанными новеллами уголовная ответственность коллективов реализуется в двух формах — непосредственно виновным лицам назначается обычное уголовное наказание (как правило, лишение свободы), а весь коллектив подвергается наказанию в виде денежного штрафа. Оба вида наказания можно было назначать и до введения в действие указанных постановлений, но с той лишь разницей, что второе наказание выступало в виде гражданской санкции. Законодательная трансформация гражданской санкции в уголовное наказание имеет глубокий традиционалистский смысл: становление коллективной ответственности означает превращение всех работающих на данном предприятии в субъектов уголовного преступления. Материальное содержание наказания, то есть часть штрафа, которая возлагается на одного работника, может быть ничтожной, чисто символической, но моральная ответственность — неизмеримо большей. Привлечение к уголовной ответственности организации, к которой принадлежит работник, несет в себе значительный карательный элемент в отношении этого работника.

Нелишне здесь напомнить, что традиции символических наказаний за преступления также имеют глубокие корни в китайском обществе. Кучера не только подробно раскрыл их значение в пенитенциарной политике древнекитайской государственности, но и показал их органическую совместимость с национальным правосознанием, с его центральной идеей о моральной ответственности. Говоря, например, о татуировании преступника, он справедливо замечает, что такое наказание «несомненно выделяло татуированного человека из его среды, ставя его тем самым к своеобразному позорному столбу морального осуждения»⁴⁰.

В том же постановлении о наказании коррупции и взяточничества, в статье 11, говорится, что если то или иное лицо не может объяснить источники своих доходов, то сумма, на которую расходы превышают доходы, считается незаконным поступлением и лицо наказывается уголовным наказанием. Как отмечается в литературе КНР, «невозможность доказать законность источника доходов является новым составом преступления, включенным в уголовный кодекс»⁴¹.

Очевидно, что эта новелла значительно расширила основание уголовной ответ-

ственности и упростила процедуру привлечения лица к уголовной ответственности. Учитывая реалии социальной действительности КНР, связанные с переходным к товарной экономике периодом, а также особенности правоприменения, заключающиеся в сложности квалификации отклоняющегося поведения в экономике, в перегруженности органов прокуратуры и т. д., эта новелла ведет, на наш взгляд, к избирательному возбуждению уголовных дел. В такой ситуации варианты реакции социального контроля на однотипные общественно опасные деяния становятся многообразными, расширяется усмотрение органов правоприменения в конкретном случае, а также возможности лиц, непосредственно проводящих в жизнь уголовную политику или же могущих оказывать на нее влияние. В конечном счете эти явления стимулируют «правление людей», предоставляя последнее решающее слово в выборе той или иной формы реакции власти на поведение людей.

Не следует расценивать эти шаги китайского законодателя однозначно — только как упрощение борьбы с экономической преступностью. Столкнувшись с большими трудностями в правовом регулировании деятельности активистов реформы в условиях формирующейся социалистической товарной экономики, законодатель обратился к системе «правления людей», которая в соответствии со сложившимся на протяжении веков мнением является универсальным средством решения всех вопросов человеческого сообщества, в том числе и в эпоху товарной экономики. Предполагается, что гуманная личность сумеет отделить подлинного активиста реформы и его социально значимую деятельность от паразитирующих на реформе элементов с их социально вредными деяниями.

Укреплению «правления людей» способствует также использование в борьбе с преступностью системы разоблачений, заключающейся в получении по телефону информации от населения о фактах экономических преступлений. Очевидно, что мера эта вынужденная и полезна только лишь в плане накопления негативных сведений. В силу многих причин экономического, правового, идеологического характера не всегда эта информация может быть положена в основу возбуждения уголовных дел, что делает проблематичной эффективность этого метода в борьбе с преступностью.

Однако в контексте наших рассуждений необходимо отметить, что система разоблачений также имеет непосредственную связь с традициями китайской государственности. Еще в легистских учениях активно пропагандировалась разоблачительная деятельность, и на протяжении длительного времени китайское государство, «используя легистскую систему наград и наказаний, пыталось возвести донос в норму общественной жизни»⁴². Но, как показывает исторический опыт, развитие в системе социального контроля любого государства разветвленного механизма получения тотальной информации о населении в сильной степени укрепляет позиции органов контроля. Власть предрасположена получать неограниченные возможности манипулирования информацией, достоверность которой, равно как и добросовестность ее источников, проверить нельзя. Правовая защищенность личности в обществе ослабевает при одновременном усилении социальной роли лиц, обладающих властью, что в целом укрепляет систему «правления людей».

Таким образом, на рубеже 80-х и 90-х годов в системе социального нормативного регулирования китайского общества наблюдается определенный процесс отказа от традиционалистских подходов к регулированию социальных явлений, последовательный переход к правовым методам с преодолением в последних рудиментов эпохи классовых сражений. По сравнению с временами Китайской Республики начала века, когда была предпринята преждевременная и потому неудачная попытка привнесения на китайскую почву современных кодифицированных актов, нынешние усилия в этом направлении в целом выглядят в достаточной мере социально и исторически обусловленными. Правовое строительство как социальное явление в современном Китае порождено коренной перестройкой всего комплекса общественных отношений, оно ведется на солидной научной базе с учетом национальной специфики, а также с активным привлечением опыта зарубежных стран.

Важнейшим фактором, оказывающим определяющее воздействие на процесс правового строительства, является состояние материальной базы китайского общества. Воздействие это происходит двояким образом: с одной стороны, узость материальной базы обуславливает сохранение позиций традиционализма с его центральной идеей об эффективности «правления людей», с другой — динамичность быстро раз-

вивающейся материальной базы, усложнение ее содержания в эпоху НТР взламывают устоявшиеся представления и властно диктуют необходимость опосредования общественных отношений именно юридическим правом.

Однако ни та, ни другая группа социальных регуляторов не существует изолированно в китайском обществе, они переплетаются между собой, подчас причудливо, и в то же время противоборствуют. Неверно думать, что изменения в экономических отношениях немедленно повлекут за собой изменение соотношения двух указанных групп социальных регуляторов — автоматической синхронности здесь нет. Представления о юридическом праве как о социальной ценности должна воспитать длительная общественная практика. Позиции же традиционализма в Китае еще сильны, и государство не намерено разрушать механизм его функционирования, напротив — стремится воспользоваться его возможностями. Этот реалистический курс обусловлен, помимо прочего, пониманием того обстоятельства, что даже тогда, когда инструментальная роль тех или иных регуляторов исчерпана, они могут еще какое-то время по инерции сохранять былой престиж в общественном сознании. Поэтому только полное освобождение общественных отношений от власти традиционализма позволит постепенно перейти к опосредованию их юридическим правом. Понимание этих реалий и лежит, на наш взгляд, в основе юридической политики китайского государства на современном этапе.

¹ Явич Л. С. Сущность права. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — С. 190.

² Лю Цзосян. О правовой культуре // Фасюэ яньцзю. — 1988. — № 1. — С. 17.

³ Там же. — С. 18.

⁴ Чэнь Баошу. О допросах под пыткой // Фасюэ. — 1983. — № 5. — С. 5.

⁵ Сунь Гохуа. Состояние общей теории права Китая и перспективы ее развития // Фасюэ цзюцань. — 1986. — № 4. — С. 4.

⁶ См., например: Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М.: Госюриздат, 1949. — С. 81.

⁷ Сабо Имре. Социалистическое право. М.: Прогресс, 1964. — С. 211. Здесь следует отметить, что Имре Сабо позднее решительно выступил против нормативистского подхода в правопонимании (см.: Сабо И. Основы теории права. М.: Прогресс, 1974. — С. 14).

⁸ Юань Чэнди. Социалистическое право также должно делиться на публичное и частное // Фасюэ цзюцань. — 1986. — № 4. — С. 22.

⁹ См.: Гуанмин жибао. — 1988. — 13 декабря.

¹⁰ У Гуанхой. Первоочередная задача социалистического права // Фасюэ цзюцань. — 1986. — № 4. — С. 6.

¹¹ См.: Шэхуй кэсюэ. — 1983. — № 2. — С. 48.

¹² Фасюэ цзюцань. — 1984. — № 1. — С. 9.

¹³ Го Даохой. О некоторых принципах демократизации законодательства // Фасюэ яньцзю. — 1987. — № 2. — С. 9.

¹⁴ Цзо Кайда. Влияние и значение морали для утверждения правопорядка // Фасюэ цзюцань. — 1987. — № 2. — С. 17.

¹⁵ Цит. по: Ни Чжэнмао. О требованиях, которые ставит реформа политической системы перед законодательством // Фасюэ цзюцань. — 1987. — № 2. — С. 4.

¹⁶ Жэньминь жибао. — 1980. — 18 января.

¹⁷ Ни Чжэнмао. Указ. соч. — С. 3.

¹⁸ Нерсесянц В. С. Право и Закон. М.: Наука, 1983. — С. 51, 52.

¹⁹ Чжэн Юнлю, Сю Бофу. Еще раз о путеводной нити к пониманию развития юридической мысли в Китае // Фасюэ цзюцань. — 1987. — № 2. — С. 14.

²⁰ Лян Чжипин. К анализу понятия Фа // Чжунго шэхуй кэсюэ. — 1986. — № 4. — С. 86.

²¹ Чжэн Юнлю, Сю Бофу. Указ. соч. — С. 15.

²² Основы теории права / Под ред. Сунь Гохуа. — Пекин, 1987. — С. 111.

- ²³ Лян Чжипин. Указ. соч.— С. 86.
- ²⁴ Там же.— С. 81.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.— С. 84.
- ²⁷ Лян Чжипин. Указ. соч.— С. 84.
- ²⁸ См.: Луковская Д. И. У истоков правовой мысли в Древней Греции // Правоведение.— 1977.— № 1.— С. 79.
- ²⁹ Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юридическая литература, 1981.— Т. 1.— С. 64—65.
- ³⁰ Лян Чжипин. Указ. соч.— С. 87.
- ³¹ Цзо Кайда. Влияние и значение формирования морали на создание правопорядка // Фасюэ цзикань.— 1987.— № 2.— С. 17.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.— С. 18.
- ³⁴ Там же.— С. 19.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Белая книга по науке и технике.— Пекин, 1986.— С. 176.
- ³⁷ Кучера С. Становление традиций коллективной ответственности и наказания в Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, 1972.— С. 173—174.
- ³⁸ См.: Жэньминь жибао.— 1988.— 22 января.
- ³⁹ Об этом см. подробнее: Имамов Э. З., Яковлев М. А. Социально-правовые аспекты экономической преступности // Проблемы Дальнего Востока.— 1989.— № 2.
- ⁴⁰ Кучера С. Символические наказания в древнем Китае // Китай: общество и государство. М.: Наука, 1973.— С. 50.
- ⁴¹ И Хуа. О некоторых вопросах «Дополнительных мер по наказанию коррупции и взяточничества» // Фасюэ цзачжи.— 1988.
- ⁴² Переломов Л. С. Вклад легизма в формирование традиционных институтов китайской государственности // Роль традиций в истории и культуре Китая.— М.: Наука, 1972.— С. 156. См. также: Нерсесянц В. С. Указ. соч.— С. 72—73.

Перед лицом экологической угрозы

Е. КОНОВАЛОВ

О неблагоприятной экологической обстановке в Китае всенародно начали говорить всего лишь десять лет назад. До этого облик страны характеризовался такими выражениями: «Горы у нас зеленые, вода прозрачная, бирюзового цвета, небо голубое, а поля плодородные». И хотя бурная индустриализация и быстрый рост городов вели к подрыву экологической системы, однако охрана окружающей среды не входила в число государственных приоритетов. Практически в этой области ничего и не предпринималось. Лишь в последнее десятилетие реформ положение стало меняться. Многие поняли, что «над нашим общим садом» нависла угроза. Постоянно возникающие стихийные бедствия, кислотные дожди, падение плодородия земли, сокращение невозпроизводимых природных ресурсов, то есть снижение качества среды обитания человека в целом, становятся одним из серьезных тормозов социально-экономического развития. Премьер Государственного Совета КНР Ли Пэн в своем докладе на III Всекитайской конференции по охране окружающей среды (май 1989 года) сказал: «В результате роста населения и чрезмерно быстрого развития экономики нагрузка на экологическую систему резко возросла и во многих отношениях стала сдерживающим фактором развития. Ситуация с загрязнением окружающей среды и ухудшением всей сферы обитания человека стала крайне серьезной. Если мы не приложим огромных усилий, то наши многолетние успехи в экономическом развитии сведутся на нет в результате постоянного ухудшения экологической обстановки»¹.

За последние несколько лет в стране была принята целая система законов и постановлений по охране окружающей среды, в частности о защите водных, земельных ресурсов и воздушной среды от загрязнения. Несмотря на экономические трудности, расходы государства на природоохранные нужды возросли с 3 млрд. юаней в 1983 году до 7 млрд. юаней в 1988 году. Но долгов у государства перед природой осталось очень много. Специалисты подсчитали, что на восстановление окружающей среды приходится расходовать средств в 20 раз больше, чем если бы своевременно вкладывались средства в природоохранные меры. Применительно к Китаю подсчитано, что на эти нужды должна выделяться сумма, равная 1 % объема национального дохода, а в будущем — значительно большая (так, на 1990 год она должна повыситься до 1,5 %).

Влияние мер хозяйственной реформы на окружающую среду неоднозначно: в ряде моментов они положительно сказываются на экологической ситуации, в других случаях — усугубляют обстановку. Так, предоставление предприятиям хозяйственной самостоятельности стимулировало экономию сырья и материалов, стали более рационально использоваться отходы производства. С этой целью снижены налоги для предприятий, занимающихся утилизацией вторичного сырья. Начался вывод части мелких предприятий с вредным производством за черту крупных населенных пунктов, в качестве филиалов их объединили с крупными предприятиями, имеющими оборудование по очистке вредных выбросов. На 1986—1990 годы запланировано создание 64 станций по контролю за загрязнением вод и атмосферы промышленными отходами. Новые заводы и фабрики строятся на более высоком техническом уровне, а на старых предприятиях проводится масштабная модернизация. Все крупные промышленные предприятия обязаны направлять 7 % капитальных вложений на защиту окружающей среды. Только в металлургической промышленности на это будет израсходовано за 5 лет 1,7 млрд. юаней. Принято решение ограничить развитие тех отраслей и производств, которые потребляют чрезмерное количество сырья, энергии и воды. Такие объекты должны закрываться, либо изменять профиль производства. В густонаселенных и заповедных зонах впредь запрещается строительство таких предприятий, как мелкие целлюлозно-бумажные фабрики, коксовые батареи, чугуноплавильные и сталеплавильные заводы, предприятия по производству серы. В городах страны снизилось потребление угля для бытовых нужд за счет использования газа, что уменьшило выбросы в атмосферу вредных веществ. В 1990 году степень газификации городов достигнет 15 % по сравнению с 6,4 % в 1985 году².

Формирование общественного мнения вокруг экологических проблем стало значительно более весомым. В случае нарушения администрацией предприятий требования прекратить загрязнение среды, она привлекается к ответственности в судебном порядке. В целом хозяйственная реформа создала условия для улучшения работы по охране природы.

Коновалов Евгений Александрович — профессор, главный научный сотрудник ИДВ АН СССР.

Вместе с тем хозяйственная реформа высветила и ряд проблем, которые остаются нерешенными. В значительной мере они носят объективный характер. Резкий подъем производства, полученный в течение 10 лет реформы, подчас достигался громадной ценой ухудшения окружающей среды. Многие промышленные предприятия в городах, сельские предприятия и миллионы крестьянских дворов в угоду своим сиюминутным интересам стремятся любым путем заработать деньги и получить большую прибыль. До сих пор свыше 30 % вредных веществ поступает в окружающую среду³. Как образно говорят в Китае: «Мы едим зерно, выращенное нашими предками, и обрекаем наших потомков на бедную жизнь». Любой шаг, сделанный вопреки законам природы, в будущем оборачивается тяжелыми и дорогостоящими потерями.

О состоянии окружающей среды в настоящее время и в 90-е годы можно судить по таким аспектам, как степень загрязнения водных ресурсов, атмосферного воздуха, падения плодородия земли, сведения лесов и расширения площадей под пустынями.

Состояние водных ресурсов. Известно, что вода — это один из крайне важных и дефицитных природных ресурсов. В настоящее время 40 государств испытывают острую нехватку водных ресурсов. К ним относится и Китай. Общая сумма речных стоков в КНР определяется в 2700 млрд. м³. По этому показателю страна занимает 6-е место в мире вслед за Бразилией, Советским Союзом, Канадой, США и Индонезией. На душу населения в Китае приходится воды в 4 раза меньше, чем в среднем на земном шаре. Так, в Китае на одного жителя за год расходуется 2563 м³ пресной воды, а в среднем в мире — 10800 м³. К тому же распределение источников воды в Китае неравномерно по территории. Свыше 80 % водных ресурсов приходится на южные районы, где сосредоточено около 40 % пашни, а на севере страны, где находится более 60 % пахотных угодий, ресурсы воды составляют всего 20 % их общей массы по стране. В Китае на единицу пахотной площади воды используется в 2 раза меньше, чем в среднем в мире. Между тем полив речной водой обширных пахотных угодий является непременным условием устойчивых урожаев важнейших сельскохозяйственных культур.

За несколько последних лет потребление водных ресурсов в стране резко возросло. В результате дефицит воды принял острый и хронический характер. В 1987 году в стране было использовано 477 млрд. м³ воды, из них на сельскохозяйственные нужды 420 млрд. м³, или 88 %, на промышленные и бытовые нужды городского населения — 57 млрд. м³, то есть 12 % использованной воды. В настоящее время нехватку воды испытывают более 170 городов, причем острою — 40. Не решена проблема питьевой воды в целом ряде сельских районов, где проживает свыше 50 млн. человек. Не обеспечены водой более 30 млн. голов крупного рогатого скота, 55 млн. га земли и почти 100 млн. га пастбищных угодий.

Наиболее остро стоит вопрос качества водных ресурсов. Загрязнение сточной воды происходит в огромных масштабах. Ежегодно в бассейны рек сбрасывают свыше 32 млрд. т твердых частиц, загрязняя воду. 80 % сбросов приходится на города. На городских территориях свыше 90 % поверхности акватории заражены промышленными и бытовыми отбросами. Из 83 каналов и речушек Пекина загрязнены 54 стока. В Шанхае в последние годы в реку Хуанпу попало твердых веществ в количестве более 4 млн. т. В провинции Хэбэй ежегодные сбросы составляют 1,7 млрд. м³, из 30 рек вода заражена в 12 стоках. О масштабах и степени загрязнения воды промышленными отбросами свидетельствует тот факт, что в 1981 году в сточной воде оказалось 327 тыс. т нефти, 23 тыс. т фенола, 11,6 тыс. т циана, 4,9 тыс. т свинца, 1,7 тыс. т мышьяка, 300 т кадмия и 76 т ртути⁴. За последние годы выбросы с этими веществами хотя и уменьшились, но все еще представляют большую угрозу для здоровья людей.

Недостаточно полное использование добываемых ресурсов минерального сырья и технически слабо оснащенная их переработка приводят к серьезным последствиям. На крупнейшем в стране месторождении свинцово-цинковых руд в провинции Юньнань за 4 года эксплуатации было извлечено 5 млн. т породы, а руд металлов лишь 900 тыс. т. Атмосферные осадки, омытая выработанную породу, стекают в реки, загрязненность которых составляет от 2 до 17 %. На протяжении 80 км берега заражены свинцовой пылью, а в атмосфере ЦДК превышают норму в 10 раз, а в ряде районов — 20 раз⁵.

Загрязнение воды и нерациональное применение химических удобрений и ядохимикатов на полях приводят к деградации прежде плодородных земель. Крестьяне жалуются, что уже при первом поливе рассады риса корни растений покрываются ржавчиной и пропадают. Зерно, полученное с зараженных полей, низкого качества и теряет вкусовые качества. В прудовой рыбе накапливается большое количество ядовитых веществ. О состоянии водных ресурсов в сельских районах крестьяне говорят: «В 50-е годы в реке можно было мыть овощи, в 60-е годы вода начала портиться, в 70-е годы в реках исчезли рыба и раки, в 80-е годы речные стоки превратились в народное бедствие». В целом по стране из 523 обследованных в 436 речных стоках заражена вода. Из 15 крупнейших городов страны, расположенных вдоль берегов больших рек, 13 пользуются загрязненной водой, либо обеспечивают свои потребности за счет добычи подземных вод. По официальным статистическим данным, в реки ежегодно сбрасывается свыше 30 млрд. м³ отработанной неочищенной воды, свыше 10 млн. т промышленной пыли, более 10 млн. т двуокиси серы и свыше 80 млн. т отходов производства.

В целом качество водных ресурсов в Китае продолжает ухудшаться, что требует безотлагательных мер по их спасению. Роль водных ресурсов для страны очень важна, и будущее во

многим определяется рациональным использованием и повышением качества воды. Вот почему защита водных ресурсов в 90-е годы называется в качестве ключевой в общей стратегии развития.

Состояние воздушной среды и «борьба за голубое небо». Чистая атмосфера является необходимым условием жизнедеятельности людей. Между тем урбанизация и индустриализация оказывают отрицательное влияние на земную атмосферу. Индустриально развитые страны вплоть до 50-х годов допускали выбросы промышленных отходов, далеко выходящие за верхние пределы допустимости загрязнения атмосферного воздуха. С тех пор в наиболее развитых странах проводится большая работа по ограничению вредных выбросов в атмосферу, и качество воздуха над крупнейшими городами мира стало заметно улучшаться. При верхней норме загрязненности воздуха твердыми частицами в 90 мг на м³, в Лондоне они составляют 22, в Нью-Йорке — 43 и в Токио — 48 мг на м³.

В последние десятилетия основными загрязнителями воздушного бассейна выступают многие развивающиеся страны. К ним относится и Китай. Основной причиной загрязненности воздуха в Китае является отсталая структура топливного баланса, в которой преобладает уголь, а также отсутствие технологий по улавливанию дыма от печей. Являясь крупнейшим в мире производителем каменного угля (1 млрд. т в 1989 году и 1500 млн. т в 2000 году) Китай сжигает в качестве топлива более 500 млн. т в год. В настоящее время выбросы в атмосферу углекислого газа составляют в мире огромную величину — 5 млрд. т, при этом на Китай приходится 1,3 млрд. т, или свыше 1/4 выбросов в мире. Это является результатом низкого качества угля и недостаточного уровня его обогащения и сортировки (всего 17 % от всего добытого угля). При сжигании от одной тонны угля в Китае образуется вредных отходов в 2 раза больше, чем в Японии. Стремительно нарастают в большинстве государств мира выбросы в атмосферу и других вредных веществ — соединений серы и азота, сажи и другой промышленной пыли. В Китае ежегодно в атмосферу попадает 28 млн. т дыма и сажи. Особенно сильно загрязнение воздуха над крупными городами страны. В Северном Китае загрязненность воздушной сферы над крупными городами в 20—40 раз выше, чем в западных странах. Над 23 крупнейшими из городов выбросы в атмосферу определяются в 860 мг на 1 м³ при норме в 90 мг на 1 м³. Только содержание двуокиси серы над городами Северного Китая в 1983 году составило 25—27 мг на 1 м³, в Южном Китае — от 28 до 324 на 1 м³. В отдельных городах состояние воздушной среды является хронически неблагоприятной. Например, в городе Бэньси — крупном промышленном центре металлургии и цементной промышленности — из-за пренебрежения к охране атмосферы ежегодные выбросы над территорией города (площадь в 432 км²), составляли 91 тыс. т сажи, 102 тыс. т промышленной пыли и 96 тыс. т двуокиси серы.

Загрязненность воздушной сферы в Китае приводит к изменениям климатического режима в целом. По исследованиям климатологов-прогнозистов, в течение ближайших десятилетий климат в Китае в целом будет теплеть волнообразно, верхняя граница субтропиков передвинется на север на 500—600 км и достигнет реки Хуанхэ, зимние температуры в зоне Суйчжоу — Чжэнчжоу (провинция Хэнань) повысятся до уровней нынешних зимних температур в Ханчжоу (провинция Чжэцзян) и Ухани (провинция Хубэй). Общее потепление климата будет оказывать интенсивное воздействие и на другие климатические зоны. Граница вечной мерзлоты значительно продвинется на север и на запад. Значительная часть территорий в зоне вечной мерзлоты на Северо-Востоке исчезнет. Растают ледники на значительной территории Цинхай-Тибетского плоскогорья. Одновременно на острове Хайнань увеличится количество выпадаемых осадков, а в средних температурных зонах их количество уменьшится. Возрастет площадь засушливых районов в Северо-Западном Китае. Как результат потепления климата поднимется уровень воды в морях, омывающих берега Восточного Китая. Морская вода будет подтапливать значительные массивы земель на огромной территории от провинции Ляонин на севере до острова Хайнань на юге. Засоленные почвы распространятся на ныне плодородные земли. Подъем уровня морской воды отразится и на режиме рек, впадающих в моря. Скопление ила в руслах рек затруднит работу речного и морского транспорта, потребует дноуглубительных работ в портах и руслах рек. С каждым годом возрастают случаи мутаций климатических условий⁶. Над обширными территориями страны муссонные дожди стали выпадать значительно раньше обычного, они стали интенсивнее. Частые ливни приводят к наводнениям и отражаются на сельскохозяйственном производстве. Уже обычными стали «летние заморозки», которых вовсе не было еще 100 лет назад. Средние температуры воздуха повысились повсюду, от севера до юга на 2—4 °С. Сельские жители сетуют на то, что сейчас год делится на «холодную весну, прохладное лето, жаркую осень и теплую зиму». Все это наносит огромный ущерб сельскому хозяйству. Изюм всех стихийных бедствий засуха стала самой опасной для сельского хозяйства. Если в 1952 году на страну приходилось 42 млн. га засушливых земель, причем 32 млн. га из них серьезно страдали от засухи, то в 1985 году из 23 млн. га серьезно пострадали 10 млн. га земли. Из 35 лет (1950—1985) в течение 20 засухе подвергалось ежегодно более 20 млн. га.

Другим стихийным бедствием, постоянно угрожающим сельскохозяйственному производству Китая, являются наводнения. В 1952 году наводнениям было подвержено около 3 млн. га, ущерб от наводнений распространился на площадь в 1,5 млн. га. В 1985 году угроза наводнения нависла над полями площадью в 14 млн. га, а ущерб нанесен полям на площади в 9 млн. га. В течение 19 лет отмечалось 33 угрозы наводнения, охватившие более 20 млн. га. Заморозки

стали частым явлением и охватывают 4 % площадей под сельскохозяйственными культурами.

Стихийные бедствия пагубно отражаются на сельскохозяйственном производстве. Под влиянием изменения атмосферных условий в течение 1950—1986 годов страна понесла потери зерновых культур в размере 73 млн. т, потери от засухи и наводнений ежегодно снижали сборы зерновых в размере от 1 до 15 млн. т. Ухудшается состав атмосферных осадков и грунтовых вод. Ставшие частыми кислотные дожди приводят к деградации растительного покрова: не растет даже трава, на полях бесполезно выращивать культуры злаков, исчезают ценные породы деревьев. В настоящее время 1/6 площади пашни в стране подвержена химическому загрязнению⁷. В районе города Шэньян экспертизой отмечено, что в капусте концентрация хрома достигала 5,2 мг на 1 кг, в шпинате 6 мг на 1 кг, а в рисе — 1 мг на 1 кг кадмия. Предельная норма потребления кадмия на взрослого человека составляет 0,5 мг в неделю. Частыми стали случаи, когда над сельскими районами, где построено множество мелких промышленных предприятий, небо постоянно закутано дымом, пылью и кислотными сгустиками. В густонаселенной зоне бассейна реки Янцзы от города Ибин в верховьях вплоть до Шанхая кислотные дожди выпадают над 18 крупными городами. Наибольшими загрязнителями среды стали миллионы сельских предприятий промышленности. Именно они, в особенности электролизные цехи, отделочные и красильные фабрики, целлюлозно-бумажные и химические производства, рудники и шахты выбрасывают огромные массы промышленных отходов. В них содержатся свинец, цинк, мышьяк, фтор и другие токсичные вещества. Многие из этих предприятий являются крупными потребителями, точнее сказать расхитителями угля, ибо фактически сжигание угля на единицу готовой продукции на мелких предприятиях в 4—6 раз превышает нормы для крупных предприятий. Отсюда повышенные многократно выбросы двуокиси серы, окиси азота, сажи и промышленной пыли. На благодатной для туристов территории южной Цзянсу, до недавнего прошлого бывшей экологически чистой зоной, в настоящее время экологическая ситуация становится угрожающей. В многочисленных поселках по обе стороны железной дороги Нанкин-Шанхай содержание двуокиси серы на 1 км² составляет свыше 10 т. Это приближается к наивысшему уровню ЦДК для Японии и США в 70-е годы. Кирпичные заводы провинции Цзянсу являются «рекордсменами» в стране, выбрасывая в атмосферу по 12 тыс. т двуокиси серы в год. Только в одном уезде провинции 42 текстильных предприятия загрязняют промышленными отходами свыше 20 тыс. м³ речной воды⁸. По промышленным выбросам двуокиси серы Китай занимает 3-е место в мире⁹.

Чтобы небо над Китаем было голубым, требуется очень много сделать: сократить промышленные выбросы, реконструировать оборудование на старых предприятиях, а новые предприятия строить на принципах безотходной технологии. И хотя это потребует огромных расходов, делать это необходимо.

Состояние земельных ресурсов. Одним из драматических последствий разрушения экологической среды является деградация земельных ресурсов: сокращение площадей под сельскохозяйственными угодьями и ухудшение их качества. В результате интенсивной хозяйственной деятельности в мире выведены из оборота по 3 млн. га только за счет разработки минерального сырья. В Китае отторгнуто 0,7—2,0 млн. га, то есть 40—60 % общих потерь земель в мире. Подсчитано, что до конца века страна ежегодно будет терять по 30 тыс. га по сравнению с 20 тыс. га в настоящее время¹⁰.

На протяжении всей истории китайской цивилизации человек вел постоянную борьбу с природой, отвоевывая у нее земли для обработки в целях получить источники пропитания. Китайская нация относится к старейшим в мире земледельческим народам, для которых основным продуктом питания были злаковые культуры. Рост населения в первичных очагах зарождения земледельческой культуры требовал освоения все новых и новых площадей за счет лесов и пастбищ. Соотношение между размерами населения и размерами пахотных земель постоянно было не в пользу населения, поэтому для страны хронической проблемой было, есть и будет малоземелье. К 1949 году пахотные земли составляли 100 млн. га, то есть всего 0,2 на 1 человека. За годы после образования КНР площадь пахотных земель в целом сократилась. Этот процесс усилился за последние годы. В течение 1984—1987 годов пахотные площади в стране сократились на 2,4 млн. га, в том числе в 1984 году на 0,5 млн. га, в 1985 году — на 1,0, в 1986 году — на 0,6 и в 1987 году — на 0,3 млн. га. Недобор зерновых культур в эти годы из-за сокращения площадей составил 5 млн. т, 3 млн. т и 1,8 млн. т, то есть страна недобирала продовольственных культур в размере 18, 21 и 77 % от общего снижения производства¹¹. Неправильно так уповать на распашку новых и заброшенных земель, так как эти работы требуют огромных вложений, а качество земель, вводимых в оборот, намного уступает культивируемым землям. Урожайность с них составляет лишь 1/2 от средней по стране. К тому же нерасчетливая распашка горных склонов (на гористые районы приходится 2/3 территории страны) приводит к ухудшению общей экологической ситуации. Как утверждают китайские экологи¹², «когда не хватает зерна, распахивают горные склоны; как только распахали новые земли, начинается эрозия почв; когда смылается слой земли — плодородие почв падает; поэтому вновь допустить такой порочный круг ни в коем случае нельзя»¹². Пахотные земли в истории Китая были главным образом освоены за счет сведения лесов. Прежде огромные сплошные массивы девственных лесов ныне представлены сравнительно небольшими, отдельными островками (исключение составляют Северо-Восточный и Юго-Западный Китай), а также антропогенными лесами из пород деревьев низкого качества. Лесные богатства заметно

скудеют в масштабах всего мира (площадь лесов к началу человеческой истории составляла 7,6 млрд. га, а к 1985 году осталось всего 3,9 млрд. га). Однако по темпам уничтожения лесов Китай превосходит другие страны во много раз. Достаточно сказать, что на Китай приходится всего 115 млн. га лесопокрываемой площади, а это составляет менее 3 % мировых запасов леса. В расчете на душу населения площадь лесов составляет 0,1 га или 1/7 среднемирового уровня. За годы после образования КНР площадь под лесами сократилась с 13 до 8,9 %. Сведение лесов приводит к усиливающейся водной эрозии земель и порождает такие негативные явления, как опустынивание. По данным китайской печати, эрозия почв ежегодно уносит с водой более 5 млрд. т плодородного слоя, что равносильно потере 1 млн. га пашни. В настоящее время в стране подвержена эрозии 1/6 часть территории. Если в начале 50-х годов площадь эрозированных земель составляла 1,5 млн. км², то через 30 лет, хотя и проводились огромные работы по восстановлению этих земель, темпы потерь от продолжающейся эрозии оказывались выше темпов восстановления площадей, подвергавшихся ветровой эрозии. Насколько велики экономические потери от эрозии можно судить по бассейну реки Хуанхэ. Вместе со сбросом в море 50 млрд. м³ воды ежегодно сбрасывается и 160 млн. т ила. Это — 1/2 всех сбросов рек в мире. Из 160 млн. т ила 120 млн. т проходит по руслу, а 40 млн. т оседает на дне реки. Из-за этого в нижнем течении реки через каждые 5—10 лет приходится наращивать дамбы на 1 метр. Деграция земель в результате эрозии в реке Хуанхэ — постоянная боль китайской нации. Недаром в Китае говорят: «В водах Хуанхэ не ил, а кровь китайской нации». В Хуанхэ содержится чрезмерное количество ила и других твердых частиц. На 1 м³ воды в Хуанхэ насчитывается 37,5 кг ила, это намного выше, чем в Колорадо (США) — второй реке в мире с наивысшей степенью загрязнения ила. В ней содержится 27,5 кг ила на 1 м³ воды. За 100 последних лет русло реки Хуанхэ было поднято на 3—10 м, чтобы предотвратить новые прорывы воды через дамбы. Вместе с водой смывается плодородный слой земли толщиной в 1—1,5 мм в год. Ежегодно теряется до 30 млн. т органических и химических удобрений¹³. Все в большей степени эрозии подвергаются и другие крупные речные бассейны страны. Сбросы твердых частиц в реке Янцзы составляют 0,5 млрд. т, это в 2 раза больше, чем в 1958 году. Бассейн Янцзы по содержанию твердых частиц в воде занимает теперь 4-е место в мире. Серьезная проблема эрозии и в бассейнах рек Хайхэ и Чжунцзяна. Вот почему планами предусматривается стабилизация пахотного фонда по крайней мере на уровне 85—90 млн. га, следовательно, на одного человека будет приходиться значительно меньше, чем в настоящее время. Задача заключается и в том, чтобы довести лесопокрываемую площадь в стране до 20—25 %. Сейчас Китай занимает 120-е место в мире по обеспеченности лесными ресурсами, а обеспеченность на одного человека ниже, чем в среднем по земному шару.

Для приостановки тенденции ухудшения окружающей среды в Китае проводятся серьезные меры. Разработан прогноз охраны окружающей среды до 2000 года, которая осуществляется в два этапа. В 80-е годы главные усилия направлены на то, чтобы не допускать дальнейшего загрязнения окружающей среды, обеспечивать рациональное использование природных ресурсов. Расходы государства на охрану окружающей среды из средств предприятий из года в год нарастают: в 1981 году они составили 0,3 млрд. юаней, в 1985 году — 0,9 млрд. н в 1986 году — 1 млрд. юаней. Однако удельный вес этих расходов в капитальных вложениях на реконструкцию предприятий остается незначительным — от 1,5 до 2,0 %¹⁴. В период седьмого пятилетнего плана (1986—1990) должно быть использовано 36 млрд. юаней на решение проблем охраны окружающей среды. В 90-е годы предусматривается применение эффективных технологий с целью оздоровления окружающей среды, планомерного улучшения биосферы в целом. Это потребует значительно больших финансовых и материальных ресурсов на природоохранные меры.

¹¹ Жэньминь жибао.— 1989.— 2 мая.

¹² Там же.— 1986.— 5 июня.

¹³ Цзинцзи жибао.— 1989.— 21 января.

¹⁴ Чжунго шэцзэ тунцзи цзыляо.— Пекин, 1985.— С. 240.

¹⁵ Гунжэнь жибао.— 1989.— 1 февраля.

¹⁶ См.: Жэньминь жибао.— 1989.— 4 февраля.

¹⁷ Там же.— 1989.— 6 апреля.

¹⁸ Там же.— 1986.— 26 июня.

¹⁹ Гунжэнь жибао.— 1986.— 10 октября.

²⁰ Жэньминь жибао.— 1986.— 29 мая.

²¹ Там же.— 1989.— 9 мая.

²² Там же.— 1989.— 10 мая.

²³ Там же.— 1987.— 14 октября.

²⁴ Чжунго тунцзи чжайяо.— Пекин, 1987.— С. 71.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Борец, мыслитель, гуманист

(К 100-летию Ли Дачжао)

Н. СЕНИН

Ли Дачжао по праву считается зачинателем коммунистического движения в Китае. Ему были присущи качества подлинного пролетарского революционера — смелость и решительность, принципиальность и стойкость, выдержка и трезвость в политике, постоянное стремление найти теоретическое решение проблем, учет опыта революционного движения других стран. Он был всесторонне образованным человеком, блестящим полемистом. Относясь к марксизму-ленинизму как к «учению, движущему преобразованием мира», он стремился творчески применять его к условиям своей страны.

Ли Дачжао был поистине великим патриотом. Всю жизнь он посвятил борьбе за освобождение своего народа, проявив величайшие героизм и самопожертвование. Его патриотизм находился в органическом сплаве с пролетарским интернационализмом.

Ли Дачжао был великим гуманистом. Он беззаветно верил, что справедливое, подлинно человеческое коммунистическое общество в конечном счете восторжествует на всей нашей планете.

Ли Дачжао оставил большое идейное наследие, значительная часть которого относится к боевой публицистике по актуальным проблемам жизни и борьбы китайского народа. Конечно, оценка теоретических взглядов Ли Дачжао должна быть исторически корректна. Его мировоззрение отражало эпоху, в которую он жил и действовал. И оно неуклонно развивалось, обогащаясь все новым содержанием.

Великий китайский писатель, основоположник современной китайской литературы Лу Синь, «воевавший», по его словам, вместе с Ли Дачжао «на одном фронте», дал меткую характеристику публицистическим трудам Ли Дачжао. «У Шоучана (второе имя Ли Дачжао. — Н. С.), — писал Лу Синь, — была не только горячая кровь, он оставил много статей... Возможно, статьи Шоучана не всегда соответствуют теории, как мы ее понимаем сегодня, но они будут жить в веках, ибо являются наследством передового бойца, памятником истории революции»¹.

Жизнь Ли Дачжао была удивительным соединением героического и трагического. Прожил он всего 37 лет. Родился 29 октября 1889 г. в провинции Хэбэй. С раннего детства остался круглым сиротой, воспитывался у деда и бабушки, имевших скромное хозяйство. Мальчик рос смышленным и любознательным. В сельской начальной школе он уже мог читать классические конфуцианские книги. В 1905 году поступил в среднюю школу, а через два года — в Специальное политико-юридическое училище в Тяньцзине, где учебная программа строилась по западному образцу. Там за 6 лет учебы Ли Дачжао познакомился с политическими, правовыми и социальными концепциями западных стран, изучил два иностранных языка — японский и английский, приобрел опыт журналистской работы.

Это был важный этап формирования революционно-демократических взглядов Ли Дачжао, совпавший с расцветом деятельности партии Сунь Ятсена — Объединенного союза (Тунмэнхуэй). Революционные события 1911 года бурно обсуждались в училище. Среди преподавателей, в основном консервативных, в нем были и сторонники Сунь Ятсена. Из них наиболее уважаемым был член Объединенного союза преподаватель Бо Яюй, который много рассказывал своим слушателям о борьбе китайских революционеров. В одном из сражений Бо Яюй погиб. Ли Дачжао называл его героем революции. Есть свидетельства связей Ли Дачжао с Объединенным союзом через посредство Бо Яюя.

В училище было создано студенческое общество по изучению политических и социальных проблем. Вскоре при этом обществе Ли Дачжао организовал ежемесячный журнал «Яньчжи» («Суждения о правлении»). Первую свою статью в этом журнале Ли Дачжао

озаглавил «Скрытая тревога». Она была написана в июне 1912 г., через три месяца после того, как президентство перешло из рук вождя китайской революции Сунь Ятсена в руки ее душителя — Юань Шикая. Ли Дачжао мечтал, что после свержения Цинской династии и утверждения в стране республиканского строя можно будет «всеми силами взяться за строительство», однако ход событий не оправдал его ожиданий. Статья завершается словами: «Перспективы поистине вселяют разочарование, меня бросает в дрожь, хотя и не холодно. Покрытая мраком Центральная равнина (Китай.— Н. С.) может превратиться в мир воров и разбойников, и разве тогда останется в живых кто-нибудь из нашего народа!.. Есть ли среди благородных мужей способный дать прекрасный совет или предложить прекрасный план, который помог бы исправить положение и обеспечить нам спокойное будущее?»²

1913 год ознаменовался победой реакции. На эти изменения Ли Дачжао откликнулся серией страстных обличительных статей, свидетельствующих о дальнейшем росте его идейно-политической зрелости. В статье «Великая скорбь» последние события Ли Дачжао рассматривает не как случайный исторический эпизод, а как звено общен исторической цепи борения добра и зла, свободы и тирании.

«Почему тысячелетия царит на земле зло и ему не видно конца? — спрашивал Ли Дачжао.— Со времен деспотов Цинь один преступник сменяется другим, растут жестокость и произвол, народ угнетен, культура приходит в упадок, все подчинено одной воле, являющейся источником зла, подавляется всякое благородное стремление, попираются человеческие права. И никто не осмеливается спросить, кто виноват. Ложь и клевета, казни и убийства, вечные унижения и вечные страдания, смена одной жестокости другой — все остается таким же и в наши дни. Ужасно!»² Критикуя политиканов, захвативших путем обмана и предательства власть в молодой Китайской республике и демагогически прикрывшихся лозунгом Сунь Ятсена о народовластии, Ли Дачжао писал: «Так называемая система народного правления,— как пытались изобразить свою власть узурпаторы в лице Юань Шикая и карьеристы в лице его прислужников,— является диктатурой кучки тиранов и плутократов и совершенно исключает участие народа в управлении страной. Права народа узурпированы этой кучкой». Хотя статья и называлась «Великая скорбь», по своему духу и содержанию она была наполнена боевым оптимизмом и призывом к активной деятельности, к продолжению борьбы. Ли Дачжао обращался не к стоящим у власти силам, а к народу, призывая его добиться изменения политики, чтобы вывести страну из глубокого кризиса. «Народу не на кого надеяться! — говорил он.— ...Ни одной государственной проблемы разрешить не удастся, если только размахивать оружием и сеять смуту. Нельзя взирать на трудности и несчастья, ничего не предпринимая»³.

Реальных методов изменения положения в Китае ни Ли Дачжао, ни другие революционные демократы тогда не видели. Тем не менее бескомпромиссная критика существовавшего диктаторского режима, решительная борьба за отстаивание и сохранение республиканских завоеваний оставались самой сильной стороной выступлений Ли Дачжао в то время. Имя молодого публициста привлекло к себе внимание в политических и интеллектуальных сферах китайского общества. Ряд его статей был перепечатан в газетах и других журналах.

Летом 1913 г., по завершении учебы в Тяньцзиньском училище, Ли Дачжао стал искать подходящую работу, но носителю радикальных идей это было очень трудно. В июле терпит поражение «вторая революция». Сунь Ятсен вынужден эмигрировать в Японию. В создавшейся обстановке террора и гонений Ли Дачжао по совету друзей в конце 1913 г. отправился для продолжения учебы в Японию. Весной 1914 г. Ли Дачжао принят на отделение политических наук известного токийского университета Васэда. Общительный и доброжелательный, разносторонне эрудированный и блестящий оратор, Ли Дачжао быстро стал «душой общества», кумиром патриотической китайской молодежи. В университете он стал неумолимым организатором дискуссий, научных кружков и обществ, редактором студенческого журнала «Права народа» («Миьин»). Ли Дачжао вошел в тесный контакт с тайной организацией «Революционная партия Китая» («Чжунхуа гэмьндан»), основанной Сунь Ятсеном в Японии в 1913 г. С помощью членов этой организации Ли Дачжао создал студенческое «Китайское научное общество» («Шэньчжоу сюэхуэй») с целью борьбы против диктатуры Юань Шикая. Когда стало известно о принятии Юань Шикаем кабальных для Китая условий японского милитаризма («21 требование»), Ли Дачжао по поручению Общего комитета китайских студентов, обучавшихся

в Японии, написал известное обращение к соотечественникам («Письмо-предостережение к почтенным гражданам всей страны») с призывом подняться на решительную борьбу против нависшей над Китаем угрозы. Он был также организатором массовых выступлений китайской молодежи на улицах Токио против попыток Юань Шикая восстановить монархию. Реставраторские планы Юань Шикая в конечном счете потерпели крах.

За сравнительно короткий срок своего пребывания в Японии (около двух с половиной лет) Ли Дачжао сделал новый важный шаг в развитии своих взглядов. Там он познакомился с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса в японском переводе.

Весной 1916 г. Ли Дачжао покинул Японию. Жажда действовать побудила его прекратить учебу, не дождавшись получения диплома. По возвращении на родину он сразу же активно включается в начавшееся среди прогрессивной интеллигенции Движение за новую культуру и вскоре становится одним из его лидеров. В журнале «Новая молодежь» («Син циньянь»), выразителе позиции этого движения, Ли Дачжао публикует обширную философскую статью «Молодость», написанную им еще в Японии. «Сможет ли отныне наша нация утвердиться в мире, — писал он, — зависит не от того, отнянется ли последний вздох седовласого Китая, а от того, возродится ли к новой жизни молодой Китай». Обращаясь к молодежи, он страстно призывал ее «разорвать исторические окопы, расчистить исторические завалы, возродить жизнь своей нации и вернуть ей молодость»⁴. Но путь к возрождению Китая ему в то время, как, впрочем, и вождю революционных демократов Сунь Ятсену, был все еще не ясен. От республиканских завоеваний, по существу, кроме названий ничего не осталось. Ли Дачжао активно сотрудничает в различных журналах, внимательно следит за развитием внутренней и международной обстановки, особенно за ходом мировой войны и ее возможными последствиями для Китая. Свое отрицательное отношение к мировой войне он выразил в ряде статей («Война и проблемы народонаселения», «Движение социалистических партий европейских стран за мир» и др.).

Ли Дачжао приветствовал Февральскую революцию и откликнулся на нее рядом статей. Главный результат этой революции он видел в крушении российской монархии и росте демократического сознания масс. Он увидел в русской революции событие мирового значения и вдохновляющий пример для освободительной борьбы китайского народа. «Алая горячая кровь русских, — писал он в марте 1917 года в статье «О влиянии великой русской революции», — смывает сегодня весь хлам, накопившийся за многие годы в политической жизни России, и орошает всходы свободы в нашей стране... Мы должны последовать примеру русских, пробудиться и разобраться в наших внутренних делах»⁵.

С еще большим воодушевлением Ли Дачжао встретил Октябрьскую революцию в России. В статьях, написанных во второй половине 1918 г., «Сравнение французской революции с русской», «Победа простого народа», «Победа большевизма», Ли Дачжао, с присущим ему широким историческим подходом, рассматривает Октябрьскую революцию в масштабах общечеловеческого прогресса. Сопоставляя Октябрьскую социалистическую революцию в России с французской буржуазной революцией XVIII века, Ли Дачжао назвал их двумя поворотными этапами в истории человечества. Французская революция, отмечал он, положила начало новой эпохе, определившей развитие мировой цивилизации XIX в. Октябрьская же революция — «величайший поворот в истории, и, подобно французской, она будет определять развитие цивилизации грядущих веков»⁶.

Октябрьскую революцию в России Ли Дачжао назвал «предвестницей мировой революции XX столетия», а знаменосцем происшедших и грядущих революционных изменений в мире он считал русских большевиков и их идейно-политическое кредо — большевизм, который, как он говорил, хотя и «создан русскими», но «отражает пробуждение всего человечества XX века».

С особым пафосом, отражавшим дух того времени, прозвучали заключительные слова Ли Дачжао в его боевой статье «Победа большевизма». «Исторические пережитки: императоры, аристократы, военщина, бюрократия, милитаризм, капитализм — все, мешающее наступлению нового, — писал он, — будет сметено титанической силой мирового массового движения. Никто из них не устоит перед этой неодолимой волной, один за другим они падут, как падают пожелтевшие, высохшие листья от прикосновения холодного осеннего ветра. Отныне повсюду будут видны победные знамена большевизма и слышны триумфальные его песни. Прозвучал набат гуманизма. Взошла заря свободы. Будущий мир будет миром красного знамени»⁷.

В начале 1918 года Ли Дачжао принял приглашение ректора Пекинского университета Цай Юаньпяя, соратника Сунь Ятсена по Объединенному союзу, на заведование университетской библиотекой. Благодаря своей кипучей энергии и организаторскому таланту Ли Дачжао в корне перестроил структуру библиотеки, укомплектовал ее новой иностранной литературой, по преимуществу социального характера, и тем самым превратил ее не только в научное, но и в просветительное учреждение. Вскоре «Красный терем», как друзья Ли Дачжао в шутку называли здание библиотеки из красного кирпича, превратился в центр идейной и политической активности прогрессивной общественности столицы.

В этот период Ли Дачжао, отличавшийся исключительной работоспособностью, усиленно изучал материалы по проблемам истории, социологии, философии, уделяя особое внимание трудам К. Маркса и Ф. Энгельса, стал преподавать в университете курс политической экономии. В ноябре 1918 года он создал при университете Общество по изучению марксизма. В конце же 1918 года по инициативе Ли Дачжао была создана совместно с Чэнь Дусю газета «Еженедельный критический обзор» («Мэйчжоу пинлунь»), которая сыграла немаловажную роль в выяснении идейно-политических позиций различных сил, участвовавших в Движении за новую культуру.

1919 год стал самым знаменательным и для Китая и для самого Ли Дачжао. «Движение 4 мая», по китайской историографии, положило начало новодемократической революции в Китае, антиимпериалистической и антифеодальной по своему характеру.

Ли Дачжао был одним из его руководителей и идейным вдохновителем. Им было опубликовано около 120 разных по объему статей, из которых более 80 вышли после событий 4 мая. Особенность публикаций Ли Дачжао этого времени — новая тема: положение рабочих и крестьян, не только как самой обездоленной, но и как самой взрывоопасной социальной силы, хотя и мало просвещенной и слабо организованной. Образованная молодежь, прогрессивная интеллигенция — вот та сила, которая, слившись с трудящимися, просветит их, даст им знания необходимые, чтобы разобраться в условиях своей жизни и найти правильный путь к ее изменению, писал Ли Дачжао. Он ссылаясь на исторический пример русской интеллигенции 70-х годов прошлого века, призывал городскую молодежь своей страны немедленно пойти в деревню и развернуть там просветительскую работу. «Китай — аграрная страна, — писал он, — подавляющее большинство ее трудящихся составляют крестьяне, без их освобождения не может быть и речи об освобождении нации... Их насущные интересы определяют всю политическую жизнь Китая». Постановка вопроса о положении рабочих и крестьян Китая и их роли в освободительной борьбе прозвучала в китайской прессе впервые, и в этом несомненная заслуга Ли Дачжао.

Майские события 1919 г. создали совершенно новую политическую и идеологическую обстановку в Китае. Среди интеллигенции развернулись дискуссии, в центре которых были проблемы марксизма, коммунизма, капиталистического и социалистического путей развития, опыта социалистической революции в Советской России.

В июне 1919 г. в «Мэйчжоу пинлунь» была опубликована важная статья Ли Дачжао «Классовая борьба и взаимопомощь». В статье рассматривалась проблема совместности учения о классовой борьбе с взаимопомощью как общечеловеческим принципом отношений. Сторонники анархизма и других враждебных марксизму направлений приписывали марксизму абсолютное противопоставление принципов классовой борьбы и взаимопомощи. Ли Дачжао разъяснял, что в условиях антагонистического общества оба принципа реально сосуществуют и совместимы, только в таком обществе во взаимоотношениях людей превалирует борьба классов и проявление принципа взаимопомощи ограничено. Свое разъяснение Ли Дачжао подкреплял ссылкой на известное положение в «Манифесте Коммунистической партии» о границах действия классовой борьбы.

Статья «Классовая борьба и взаимопомощь» вызвала у китайской общественности интерес к марксизму в целом. В связи с этим редколлегия журнала «Синь циннянь» подготовила специальный выпуск, посвященный К. Марксу и его учению. В нем содержались статьи представителей различных направлений, в том числе и статья Ли Дачжао «Мое понимание марксизма»⁸.

Статья «Мое понимание марксизма» свидетельствует об окончательном принятии Ли Дачжао марксизма в качестве своего идеологического кредо. В ней впервые в Китае давалось краткое изложение марксизма как системы, состоящей из трех составных частей: материалистического понимания истории, экономического учения и учения о

классовой борьбе. Хотя статья и содержала в себе ряд ошибочных моментов в толковании некоторых сторон марксизма (о взаимоотношении базиса и надстройки, например), но в своей основе была правильной и явилась новым словом для китайской молодежи, стремившейся овладеть «учением, движущим преобразованием мира».

Статья «Мое понимание марксизма» сыграла важную роль в идеологической подготовке молодых коммунистов. Вместе с тем она по существу провела линию водораздела между зародившимся коммунистическим течением в Китае и некоммунистическими течениями, идейно-политическая борьба с которыми, по мере роста интереса к идеям научного социализма и к опыту большевиков в Советской России, становилась все острее и напряженнее. Об этом можно судить на примере полемики, разгоревшейся во второй половине 1919 г. по так называемым «проблемам» и «измам» между Ху Ши и Ли Дачжао, двумя руководящими деятелями Движения за новую культуру и членами редколлегий журнала «Синь циннянь» и газеты «Мэйчжоу пинлунь», но стоявшими на разных идейно-политических позициях.

В июле 1919 г. в «Мэйчжоу пинлунь» Ху Ши опубликовал статью «Больше изучать проблемы, меньше говорить об «измах»!» В соответствии с прагматистской философией и реформистскими политическими взглядами, Ху Ши в своей статье принципиально отвергал метод «коренных преобразований общества» и противопоставлял ему метод изменений «капля за каплей». Отсюда — его призыв отбросить «измы» (т. е. «марксистский социализм») и изучать только «конкретные проблемы».

Ни у кого не вызвало сомнений, что статья Ху Ши своим острием была направлена против Ли Дачжао как наиболее активного и авторитетного пропагандиста марксистских идей и идей Октябрьской революции. На статью Ху Ши Ли Дачжао откликнулся немедленно в той же газете статьей «Еще раз о проблемах и «измах». Это был поистине боевой памфлет, вскрывший полную несостоятельность попыток Ху Ши оторвать частные проблемы от общих принципов, ошибочно толковать сущность социализма и характер общества, которое в Советской России начали строить большевики. Отвечая Ху Ши, который неприязненно отзывался о большевиках, называя их «экстремистами», Ли Дачжао призывал молодежь «изучать большевизм», знакомить с ним народ, рассказать правду о нем обществу».

Полемика о «проблемах» и «измах», будучи первой открытой идеологической схваткой между молодыми китайскими марксистами в лице Ли Дачжао и буржуазными реформистами в лице Ху Ши, фактически положила начало «дискуссии о социализме», развернувшейся в начале 20-х годов. В центре дискуссии стоял вопрос — может ли Китай, отсталый в экономическом и культурном отношениях, идти к социализму подобно Советской России.

Сторонниками социалистической перспективы развития Китая были молодые коммунисты. Их положительный ответ основывался на опыте Советской России. Противники же социалистической перспективы, к которым относились защитники феодальной и буржуазно-реформистской идеологии в Китае, мотивировали свою позицию якобы неприемлемостью социализма для Китая в силу его несоответствия национальным традициям, а тем более из-за революционных методов его осуществления. Позицию противников социализма в Китае поддерживали и активно пропагандировали именитые зарубежные профессора Д. Дьюи и Б. Рассел, приезжавшие в Китай для чтения лекций⁹. Ли Дачжао выступил с рядом интересных статей и показал полную несостоятельность аргументации своих противников.

Учитывая невысокий теоретический уровень молодых коммунистов, Ли Дачжао после «Движения 4 мая» сосредоточил свое внимание на пропаганде фундаментальных идей марксистско-ленинской философии. Некоторые его исследования в этой области не потеряли своего значения по сей день. Особенно это касается работ по философии истории, методологии, морали.

Огромная теоретическая, преподавательская и пропагандистская работа, которую вел Ли Дачжао в цитадели китайского милитаризма, была направлена к одной главной цели — подготовке кадров для будущей коммунистической партии. Вопрос о создании партии Ли Дачжао обсуждал в начале 1920 года с Чэнь Дусю, а затем, по прибытии в Пекин представителя Дальневосточного бюро Коминтерна Г. Н. Войтниского, — с ним и уже в практическом плане. После создания первого коммунистического кружка в Шанхае (май 1920 года) во главе с Чэнь Дусю по инициативе Ли Дачжао был создан коммунистический кружок в Пекине (сентябрь 1920 года), который он и возглавил. Нахо-

дившийся под негласным полицейским надзором Ли Дачжао не смог присутствовать на проходившем в июле 1921 года в Шанхае нелегальном съезде представителей коммунистических кружков, провозгласившем создание КПК. Тем не менее его вклад в идеологическую и организационную подготовку создания КПК был самым значительным и, по существу, решающим.

Создание партии — важнейший фактор развития китайской революции, но она еще долго оставалась малочисленной и неоднородной. Ей предстояла сложная и нелегкая задача — связаться прежде всего с рабочим классом страны и заняться его просвещением и организацией. Хотя отряд подготовленных кадров увеличился за счет притока молодых (Цюй Цюбо, Чжан Тайлэй, Кэ Цинши, Чжан Готао, Дэн Чжунся, Ли Да, Чжоу Эньлай, Цай Хэсэнь и др.), но в теоретическом отношении и по организаторским способностям они значительно уступали Ли Дачжао. Чэнь Дусю, избранный на I съезде КПК Генеральным секретарем, находился в Шанхае, занимаясь общепартийными делами. Поэтому основная тяжесть работы по пропаганде и развитию идей марксизма-ленинизма применительно к условиям Китая, просвещению рабочих и пробуждению у них классового сознания продолжала лежать на плечах Ли Дачжао.

Еще в 1920 году Ли Дачжао со своим единомышленником Дэн Чжунся впервые в Китае организовали празднование 1 Мая — Дня международной солидарности трудящихся. По этому поводу Ли Дачжао опубликовал в «Синь циннянь» обширную статью «История движения "1 Мая"». Ежегодное празднование 1 Мая с того времени стало традицией трудящихся Китая.

В середине 1921 года в «Синь циннянь» была опубликована его статья «Прошлое и настоящее русской революции», в которой содержалась краткая характеристика членов первого Советского правительства, дана обстоятельная биография В. И. Ленина с перечнем 19 наиболее известных его работ. 5 мая 1922 года Общество по изучению марксизма провело в Пекине собрание, посвященное 104-й годовщине со дня рождения К. Маркса. Ли Дачжао выступил с речью, которая была опубликована на второй день в виде статьи «К. Маркс и I Интернационал». 7 ноября 1922 года Ли Дачжао приветствовал 5-ю годовщину социалистической революции в России статьей «Октябрьская революция и китайский народ». В феврале 1923 года вышла в свет обстоятельная статья Ли Дачжао «Парижская коммуна 1871 года», написанная ранее к 50-летию этого события.

Ли Дачжао неоднократно обращался с призывами к пекинскому правительству признать Советское государство и все время держал этот вопрос под пристальным контролем, пока он не разрешился.

Значительным событием в политической жизни Китая был II съезд КПК (июль 1922 г.). Он принял программу, в которой определил характер революции (антиимпериалистической и антифеодальной). В работе съезда на этот раз участвовал и Ли Дачжао, избранный в состав ЦК партии в количестве пяти человек. На съезде обсуждался вопрос о сотрудничестве Коммунистической партии Китая с Гоминьданом, которое фактически положило начало сближению коммунистов с Сунь Ятсенем.

Ли Дачжао внес значительный вклад в подготовку и проведение I съезда Гоминьдана в начале 1924 г., разработку новой программы Гоминьдана с тремя главными политическими установками: союз Китая с СССР, сотрудничество Гоминьдана с КПК, помощь рабоче-крестьянскому движению. Эта программа ознаменовала создание единого национально-революционного фронта в Китае в целях совместной борьбы против господства империализма и милитаризма. Ли Дачжао был избран членом ЦИК Гоминьдана и назначен руководителем пекинской организации Гоминьдана.

Во время работы съезда была получена скорбная весть о смерти В. И. Ленина. Сунь Ятсен объявил трехдневный траур и произнес речь на траурном митинге делегатов. Ли Дачжао воспринял смерть Ленина как тяжелую утрату для угнетенных народов всего мира и особенно для «китайцев, потерявших своего великого друга». Он охарактеризовал вводя русской революции как «благороднейшего и гуманнейшего из людей». Такие качества Ленина, как простота и скромность, Ли Дачжао назвал лучшим примером для китайских революционеров¹⁰.

В стране Ленина Ли Дачжао удалось побывать только однажды. В июне 1924 г. он участвовал в работе V Конгресса Коминтерна, где в качестве главы делегации выступил от имени КПК с докладом по вопросу о национальной революции в Китае. Во время полугодного пребывания в Советском Союзе Ли Дачжао посетил Ленинград, ознакомился с жизнью народа, с опытом революционных преобразований, встречался с различными

слоями советской общественности. Своими впечатлениями о пребывании в Стране Советов Ли Дачжао поделился в корреспонденции, присланной в Китай и опубликованной под названием «Народы Советской России солидарны с китайской революцией» (ноябрь 1924 года).

Ли Дачжао возвратился из Советского Союза в период созревания революционной ситуации в Китае. На его плечи легла огромная ответственность по руководству партийной организацией Северного Китая. Он направлял коммунистов для развертывания во многих районах страны партийной, комсомольской и профсоюзной работы, антимилитаристской и антиимпериалистической борьбы. Направлялись партийные работники и в южные районы, где разворачивались мощные крестьянские восстания. Руководящий партийный орган Северного Китая (Исполком КПК Северного Китая) находился в столице страны и был под постоянным контролем властей. Трудно даже представить, в какой сложной и опасной обстановке работали Ли Дачжао и его товарищи.

Правое крыло Гоминьдана с самого начала выступало против единого национального фронта и участия коммунистов в Гоминьдане. Поэтому после устранения с политической арены Сунь Ятсена как вождя китайской революции правогоминьдановцы пошли в открытую атаку против коммунистов и левых гоминьдановцев. Они учинили расправу над близким соратником Сунь Ятсена Ляо Чжункаем, исключили из Гоминьдана Ли Дачжао и других коммунистов.

Позиция убежденного коммуниста, решительного борца за дело освобождения китайского народа от национального и социального гнета, последовательного друга Советского Союза вызвала яростную злобу к Ли Дачжао у китайской реакции и международного империализма. 6 апреля 1927 г. он был арестован в Пекине и через три недели, 28 апреля вместе с группой своих товарищей казнен.

Верность марксизму-ленинизму, принципам пролетарского интернационализма, глубокая вера в историческую освободительную миссию рабочего класса, в необходимость прочного союза и дружбы с народом Советского Союза — вот то главное, что Ли Дачжао оставил в качестве политического наследия своему народу, своей партии.

¹ Лу Синь. Введение к Собранию сочинений Шоучана / Собрание сочинений. М., 1955. — т. 3. — С. 115—116.

² Ли Дачжао. Избранные произведения. — М., 1989. — С. 36—37.

³ Там же. — С. 39.

⁴ Там же. — С. 93.

⁵ Там же. — С. 105.

⁶ Там же. — С. 145.

⁷ Там же. — С. 161.

⁸ Синь цинянь. — Т. 7, № 5, 6 (сентябрь и ноябрь 1919 года).

⁹ Д. Дьюн был в Китае с мая 1919 по июль 1921 года, Б. Рассел — с октября 1920 по октябрь 1921 года.

¹⁰ Приведенные высказывания Ли Дачжао о В. И. Ленине содержатся в статьях «Памяти Ленина и погибших 7 февраля» и «Ленин бессмертен». (См.: Ли Дачжао. Избранные произведения. — М., 1989.)

Ли Дачжао о китайско-советских отношениях

СЮЙ ВАНЬМИНЬ

Народное движение за восстановление дипломатических отношений между Китаем и Россией

3 марта 1918 года китайский посланник Лю Цзинжэнь в связи с беспорядками, начавшимися в результате контрреволюционных белогвардейских мятежей, покинул столицу Советской России и вернулся на родину. Пекинское правительство заявило, что отъезд посланника не означает разрыва дипломатических отношений, а вызван лишь беспорядками в России, однако фактически китайско-русские отношения оказались разорваны.

25 июля 1919 года советское правительство выступило с «Обращением Российской Советской Федеративной Социалистической Республики к китайскому народу и правительствам Северного и Южного Китая», в котором было предложено восстановить китайско-советские дипломатические отношения. 26 марта 1920 года пекинское правительство получило направленное из Иркутска первое обращение Советской России к Китаю за подписью Л. Карахана. Пекинские и шанхайские газеты наперебой сообщали о том, что во всем Китае сразу же развернулось движение за восстановление дипломатических отношений между Китаем и Россией, продолжавшееся несколько лет. Товарищ Ли Дачжао был одним из активных инициаторов этого движения.

Он выделил ряд моментов, которые способствовали бы скорейшему восстановлению китайско-советских дипломатических отношений и сформулировал основные положения для участников движения за восстановление отношений. Эти положения заключались в следующем:

1. Пекинское правительство считало, что существует ряд нерешенных вопросов в отношениях между Китаем и Советским Союзом, например, вопрос о КВЖД, о Внешней Монголии, о компенсации убытков, понесенных китайскими торговцами, находившимися в Советской России в период гражданской войны, а также о распространении Советской Россией в Китае «экстремизма» и т. д. Мнение правительства было таково, что сначала необходимо решить эти вопросы, а потом уже говорить о восстановлении дипломатических отношений. Ли Дачжао же считал: «Коренным вопросом в китайско-русских отношениях является сейчас установление тесных, дружеских отношений между двумя странами. Первым шагом на пути установления таких отношений должно стать признание Китаем Советской России. Если этот вопрос будет решен, то остальные будут решиться намного легче. Признание Китаем Советской России должно стать лишь демонстрацией дружбы, а не превратиться в предмет дипломатической торговли. Только найдя в себе силы признать правительство Советской России, Китай может принять возвращенные ему Россией права»²⁵.

2. При восстановлении китайско-советских отношений в качестве предпосылки нужно иметь в виду лишь реальную необходимость того, чтобы Китай и Советский Союз существовали во взаимной опоре и недопустимо вести спор относительно политической системы Советской России.

«В Советской России в результате народной революции была свергнута царская власть. И пусть даже политическая тактика России отличается от китайской, она является внутренним делом России, и не следует вмешиваться в дела соседа. Можно сказать, что широко развернувшееся в этой стране народовластие только способствует тому, чтобы Россия стала нашим добрым другом. Россия и Китай граничат друг с другом, и нам не надо прово-

дить политику царств У и Вэй*. Следует объявить во всеуслышание о возобновлении старых дружеских отношений с Россией, поддержать установление отношений между нашими соседними странами и откликнуться тем самым на призыв России»²⁶.

3. Китайско-советские переговоры должны иметь своей основой доверие, на первом месте должны стоять принципы, а не интересы сторон. «В последнее время при восстановлении межгосударственных отношений искусство дипломатии стало предполагать обязательное выдвижение предварительных условий. Теперь считается, что опираясь на закон, трудно вести переговоры, а нарушив закон, легко добиться успеха. Россия же и Китай неоднократно оказывали друг другу помощь и к тому же провозглашали, что их взаимоотношения искренни и чистосердечны. Как же мы можем не сдержать слова? Надо помнить, что если первым делом гонишься за выгодой, то в конце концов не добьешься ничего»²⁷.

4. Во время китайско-советских переговоров находящийся в Пекине дипломатический корпус может оказать серьезное противодействие продвижению переговоров. Ли Дачжао подчеркивал, что Китай должен независимо, самостоятельно строить отношения с Советским Союзом и исключить необоснованное вмешательство в свои дела дипломатического корпуса. «В отношениях с Россией ни в коем случае нельзя следовать указаниям со стороны дипломатического корпуса капиталистических стран. Недопустимо использовать при построении отношений с Россией постыдные средства империалистической дипломатии, выслуживающейся перед сильными и притесняющей слабых!»²⁸.

В 1922 году в Советской России начался страшный голод. Ли Дачжао принимал активное участие в деятельности Общества по оказанию материальной помощи голодающей России, поручил Управлению по общим вопросам Пекинского университета собрать средства для помощи России. 28 февраля 1922 года газета Пекинского университета «Бэйцзин даскэ жикань» опубликовала поступившее в редакцию письмо: «На берегах русской реки Волги сейчас разразилось страшное стихийное бедствие, по всей видимости, от голода могут умереть 30—40 миллионов человек... Многие страны выступили с обязательствами оказать помощь России, отправили в голодающие районы специальные отряды для оказания помощи попавшим в беду. Китайский народ всегда умен сострадать, всегда был по-братски милосерден к соседям, всегда помогал всем, на кого обрушивалось несчастье, проявляя при этом высокую нравственность и добродетельность. Поэтому и сейчас у нас возникло Общество по оказанию помощи голодающей России». На собранные средства Общество закупало продовольствие и по Транссибирской железной дороге отправляло его в районы, охваченные голодом. Искренность дружеских чувств китайского народа особенно ярко выделялась на фоне деятельности тех лжедоброхотов, которые под вывеской оказания помощи осуществляли вмешательство во внутренние дела Советского Союза.

В то время, когда пекинское правительство и дипломатический корпус оказали холодный прием советским дипломатическим представителям, Ли Дачжао активно способствовал установлению связей между членами советской делегации и различными слоями китайского общества, оказывал делегации всяческое содействие, чтобы помочь советским представителям выйти из состояния изоляции и развернуть свою дипломатическую деятельность.

Секретарь Юрина, главы делегации Дальневосточной республики, вспоминал: «Чтобы избежать различных измышлений и утверждать, что цель нашего приезда из Советской России — распространение большевистской пропаганды, мы не вступали в тесный контакт с членами КПК. Исключением был только Ли Дачжао, который приходил к нам раза два, и каждый раз его сопровождал еще кто-нибудь из китайских товарищей. Весь облик Ли Дачжао, его эрудиция (он был одним из выдающихся преподавателей Пекинского университета), его мягкое обращение и предупредительность в общении с собеседником, а также непоколебимость его убеждений произвели на нас чрезвычайно хорошее впечатление»²⁹.

В честь приезда в Китай Полномочного представителя правительства Советской России А. Иоффе студенты и преподаватели Пекинского университета и других вузов Пекина устроили торжественное собрание, на котором присутствовал Ли Дачжао. Он выступил с речью, сказав, что взоры китайского народа обращены к Советской России и к Октябрьской революции, и выразил Советскому Союзу благодарность за отмену неравноправных

* Царство У было завоевано царством Вэй после длительного противоборства (период Троецарствия, III век н. э.). — Прим. пер.

договоров, заключенных с Китаем царской Россией, и предложение об отказе от всех «особых прав». 18 августа 1922 года А. Иоффе и все члены делегации присутствовали на приеме, который был устроен Ли Дачжао специально в их честь. На нем присутствовали также такие известные ученые и общественные деятели, как Цай Юаньцзэй, Ху Ши, Тао Мэнхэ, Ли Шицзэн, Цзян Мэнлинь. 7 ноября того же года, в три часа дня в третьем корпусе Пекинского университета в ознаменование 5-й годовщины Октябрьской революции было открыто собрание представителей различных массовых организаций и общественности Пекина, на котором присутствовало более 3 тыс. человек. Ли Дачжао был председателем собрания и выступил с речью об истории революции в Советской России и о международном значении Октябрьской революции. Вечером, в 8 часов, А. Иоффе устроил прием для членов китайского парламента, представителей преподавательских кругов, прессы и широких слоев трудящихся. На приеме присутствовало более 60 человек. Ли Дачжао вновь выступил с речью. В тот же день газета «Чэнь бао» опубликовала статью Ли Дачжао «Октябрьская революция и китайский народ», в которой он требовал незамедлительного и безоговорочного признания рабоче-крестьянского правительства Советской России и начала китайско-русских переговоров.

Новый подъем в массовом движении за восстановление китайско-советских дипломатических отношений начался после приезда 2 сентября 1923 года в Китай полномочного представителя Советского Союза Л. Карахана, широко известного здесь после подписания им двух обращений Советской России к Китаю. 9 сентября Ли Дачжао, Цзян Мэнлинь и еще более 50 представителей Пекинского университета приветствовали Карахана на территории университета. 10 октября в 8 часов вечера Карахан устроил ответный прием для представителей Пекинского университета. На этой встрече «не было разницы между гостями и хозяевами, и разошлись все только глубокой ночью»³⁰. В декабре, когда отмечалось 25-летие Пекинского университета, Карахан был приглашен на торжественное собрание, где выступил с пламенной речью.

Когда в Китай пришло известие о смерти В. И. Ленина, Пекинский объединенный комитет студентов, Общество по изучению марксизма, лекторская группа Пекинского университета по просвещению граждан и другие массовые организации провели траурное собрание, на которое были приглашены советские представители. Собравшиеся выступили с требованием признать правительство Советского Союза и установить в Центральном парке памятник В. И. Ленину.

16 февраля 1924 года Ли Дачжао совместно с 47 преподавателями Пекинского университета направил послание министру иностранных дел Гу Вэйцзюню и полномочному представителю Китая Ван Чжэнтину о необходимости восстановления отношений между Китаем и СССР. 13 марта эти 47 преподавателей вновь направили письмо Гу Вэйцзюню. Делегация во главе с Ли Дачжао специально посетила министерство иностранных дел, чтобы встретиться с Гу Вэйцзюнем и провести с ним переговоры³¹.

15 марта пекинский Государственный совет отказался ратифицировать китайско-советское соглашение, подписанное Ван Чжэнтином и Л. Караханом. Представители более чем 40 учебных заведений Пекина провели митинг и постановили провести 29 марта в 2 часа дня студенческую демонстрацию, которая направится к резиденции министра иностранных дел Гу Вэйцзюня и потребует признания Советского Союза. 29 марта вооруженные войска и полиция в составе 700—800 человек окружили Пекинский университет и сорвали демонстрацию.

31 мая 1924 года состоялось официальное подписание «Соглашения об общих принципах урегулирования вопросов между Китайской республикой и СССР», которое завершило процесс восстановления китайско-советских отношений, длившийся 6 лет. 6 июня в Пекинском университете состоялся митинг, торжественно приветствовавший установление дипломатических отношений между Китаем и СССР. В нем участвовало более 5 тыс. человек. На митинге выступил первый Посол СССР в Китае Л. Карахан. Ли Дачжао в связи с тем, что пекинское правительство издало циркуляр о его аресте, и из-за подготовки к поездке в СССР для участия в V Конгрессе Коминтерна, не присутствовал на этой грандиозной торжественной церемонии.

Тот факт, что проводило и завершило продолжительные многолетние китайско-советские переговоры о восстановлении отношений именно пекинское правительство, контролируемое чилийской милитаристской группировкой, отнюдь не было случайностью. Довольно большую роль здесь сыграла работа, которую вел с верхушкой чилийской группировки Ли Дачжао.

Помощь Сунь Ятсену в осуществлении политики, направленной на союз с Россией

Курс на союз с Россией явился крупным поворотом во внешнеполитической стратегии Сунь Ятсена в последние годы его жизни. При поддержке Советского Союза велось сотрудничество между Гоминьданом и КПК, был проведен грандиозный Северный поход, значительно продвинулось вперед дело китайской национальной революции, главным содержанием которой была борьба против империализма и феодализма. Ли Дачжао был одним из видных китайских деятелей, оказывавших помощь Сунь Ятсену в проведении политики союза с Россией.

После Октябрьской революции Сунь Ятсен, изучая успешный опыт русской революции, обобщил причины поражения китайской революции и пришел к выводу, что китайская революция должна «учиться у России». В мае 1918 года он направил телеграмму В. И. Ленину, в которой поздравил его с победой Октябрьской революции, выразил надежду, что «революционные партии Китая и России сплотятся воедино и будут вести совместную борьбу».

Сунь Ятсен поддерживал отношения в основном с Англией, Америкой и Японией, но испытывал недостаток в связях с Россией. Среди его ближайших помощников и крупных чиновников было крайне мало людей, кто принимал принцип союза с Россией, и чрезвычайно много тех, кто выступал против. Сунь Ятсен давно был знаком с известной политической статьей Ли Дачжао «Победа большевизма» и восхищался его точкой зрения на Октябрьскую революцию²². Он знал также о чувствах глубокой дружбы, которые испытывал Ли Дачжао к Советской России, и потому пригласил Ли Дачжао для помощи в осуществлении планов союза с Россией.

Используя связи с двумя высокопоставленными сотрудниками Сунь Ятсена — Линь Боцюем и Чжан Цзи, Ли Дачжао организовал встречу Сунь Ятсена с посланцами Советской России.

23 декабря 1921 года представитель Советской России Г. Маринг в сопровождении Чжан Тайлэя прибыл в провинцию Гуанси, в город Гуйлинь, где состоялась его встреча с Сунь Ятсеном. Г. Маринг и Сунь Ятсен обсудили современную обстановку в революционной Советской России и состояние китайской революции. Маринг предложил Сунь Ятсену обратить серьезное внимание на строительство партии и создание военной школы. Сунь Ятсен согласился установить связи с Советской Россией, а также решил послать в Советскую Россию свое доверенное лицо. Однако он считал, что до окончания Северного похода создание союза с Советской Россией практически невозможно. Эта встреча имела большое значение, поскольку в результате доклада Г. Маринга Советская Россия начала уделять большее внимание связям не с У Пэйфу и Чэнь Хуэймином, а с Сунь Ятсеном.

Измена Чэнь Хуэймина поставила Сунь Ятсена в чрезвычайно трудное положение, и чтобы продолжить борьбу с империализмом и милитаристами, он стремился как можно скорее установить союз с Россией, союз с Коммунистической партией Китая.

Пекинское правительство упорно настаивало на непризнании правительства Советской России до разрешения двух крупных вопросов: о Внешней Монголии и Китайско-Восточной железной дороге. Это привело к тому, что китайско-советские переговоры об установлении отношений оказались в тупике. В результате новый полномочный представитель Советской России А. Иоффе в поисках выхода из этого положения стал укреплять связи с Сунь Ятсеном.

Одновременно совещание ЦК КПК на озере Сиху приняло решение о принципах осуществления сотрудничества между Гоминьданом и Компартией.

Эти три крупных события произошли в августе 1922 года, предвосхищая наступление нового периода в истории китайской революции.

После совещания на озере Сиху Ли Дачжао вступил в Гоминьдан, руководимый Сунь Ятсеном, и возложил на себя задачу установить связи между А. Иоффе и Сунь Ятсеном. Разработкой конкретного плана двусторонней встречи занимались представитель А. Иоффе Г. Маринг и представитель Сунь Ятсена Чжан Цзи. С помощью Ли Дачжао 17 января 1923 года Иоффе прибыл в Шанхай. 23 января состоялись переговоры с Сунь Ятсеном. 26 января была опубликована «Совместная декларация Сунь Ятсена — Иоффе». Признанные в декларации принципы стали политической основой установления между правительством Южного Китая и правительством Советской России отношений союза и сотрудни-

чества, показателем того, что Сунь Ятсен начал официально проводить в жизнь свой план союза с Россией.

Идея по проложенному Ли Дачжао пути, ответственные работники пекинского исполнительного отдела ЦК Гоминьдана Сюй Цянь, Ван Фалэ, Дин Вэйфэнь, Юй Шижэнь и др. постоянно поддерживали хорошие отношения и сотрудничали с посольством СССР в Пекине, что способствовало ускоренному развитию национальной революции на Севере Китая.

За осуществлением трехстороннего сотрудничества Гоминьдана, Коммунистической партии Китая и Советского Союза последовали такие крупные события, как политический переворот в Пекине, переезд Сунь Ятсена на Север и его кончина, начало движения за национальный парламент, революция в столице, союз с Национальной армией и др. После кровавого инцидента «18 марта» (1926 год.— Прим. пер.) над Пекином нависла угроза контрреволюционного белого террора, и руководящие органы Гоминьдана и китайской коммунистической партии были одновременно переведены в советское посольство, в его западный флигель, где раньше располагались солдатские казармы. Посольство СССР укрывало, таким образом, как руководителей Коммунистической партии Китая, так и руководителей Гоминьдана.

24 сентября 1924 года Ли Дачжао, находясь в Москве, написал статью «Народы Советской России поддерживают китайскую революцию»³³, в которой он сообщал: «Работник газеты «Правда» Виленский преподнес мне экземпляр своей недавно вышедшей книги «Сунь Ятсен и его принципы». ...Наши молодые товарищи в Москве рассказывали, что когда агентство Рейтер распространило ложные слухи о смерти доктора Сунь Ятсена, и эта весть дошла до России, все центральные газеты, начиная с «Правды», напечатали траурные статьи и поместили на первых страницах портрет Сунь Ятсена. Этот факт показывает, какое важное место в политической жизни мира занимает отец китайской революции доктор Сунь Ятсен»^{*}.

Содействие установлению отношений сотрудничества Национальной армии с Советским Союзом

В 1924 году, перед второй войной между чжилийской и фэнтяньской милитаристскими кликами, в рамках чжилийской милитаристской группировки сформировался союз трех военачальников — Фэн Юйсяна, Ху Цзинь и Сунь Юэ против У Пэйфу. 23 октября Фэн Юйсян совершил в Пекине переворот, свергнул господство Чао Куня и У Пэйфу. Он переименовал войска в Национальную армию, назначил себя главнокомандующим 1-й армией, а Ху Цзинь и Сунь Юэ — командующими 2-й и 3-й армиями.

Изменение обстановки в Пекине было благоприятным для революции. Гоминьдан и КПК придавали большое значение привлечению Фэн Юйсяна на сторону южного революционного правительства. «Ван Цзинвэй и другие имели многократные контакты с Фэн Юйсяном и его представителями. Юй Южэнь отвечал за связь со 2-й Национальной армией Ху Цзинь. Ван Фацзинь и другие были связаны с 3-й Национальной армией Сунь Юэ»³⁴. Со стороны Коммунистической партии Китая контакты с Национальной армией осуществлял Ли Дачжао.

Национальная армия испытывала финансовые трудности, имела отсталое снаряжение, была явно слабее мощной фэнтяньской армии. Ли Дачжао обращал особое внимание на укрепление военной мощи Национальной армии, а единственным крупным государством, могущим оказать помощь Национальной армии, был Советский Союз. Поэтому он предложил руководящим работникам Национальной армии добиваться помощи Советского Союза и «к тому же взял на себя роль посредника между послом Советской России Л. Карahanом и Фэн Юйсяном»³⁵.

В декабре 1924 года Ли Дачжао в сопровождении Цюй У прибыл в Кайфэн, нанес визит в департамент международных отношений и достиг договоренности о том, что Советский Союз будет оказывать помощь боеприпасами, пришлет военных советников и откроет школу офицеров. Командующий 2-й армией Ху Цзинь принял предложение Ли Дачжао и стал первым военачальником Национальной армии, попросившей помощи у Советского

* Речь идет о книге Вл. Виленского «Сунь Ятсен — отец китайской революции». — М., 1924.— Прим. пер.

Союза. В конце декабря Ху Цзинъи пригласил Л. Карахана посетить Кайфэн. 29 января 1925 года Ли Дачжао принял личное участие в работе делегации, посланной Ху Цзинъи, и вел переговоры с советским военным атташе Геккером по конкретным вопросам военной помощи. 27 февраля в Кайфэн прибыли военные советники, посланные Л. Караханом.

Фэн Юйсян и Л. Карахан были уже знакомы. 7 сентября 1923 года, а именно на пятый день после прибытия Л. Карахана в Пекин, Фэн Юйсян устроил прием в его честь. За организацию этой встречи отвечал Ли Дачжао. Фэн Юйсян и Л. Карахан периодически встречались и после этого, причем переводчиком чаще всего выступал Чэнь Южэнь. На четвертый день после политического переворота в Пекине Ли Дачжао снова устроил встречу Фэн Юйсяна с Л. Караханом.

21 марта 1925 года Советское правительство приняло решение поставить Национальной армии боеприпасы и послать военных советников и инструкторов. 29 марта М. Бородин при содействии Ли Дачжао и советского посольства в Китае прибыл в Чжанцзякоу и провел с Фэн Юйсяном исключительно плодотворные переговоры. 21 апреля было достигнуто соглашение о взаимодействии Советского Союза с Национальной армией.

В 1926 г. в период боев под Нанькоу Советский Союз оказал помощь в размере 6 млн. руб. Группа советников в Чжанцзякоу в порядке помощи 1-й армии создала артиллерийскую школу, высшую пехотную школу, кавалерийскую школу, пулеметную школу и сформировала три бронепоезда.

По сравнению с группой советников, работавших на Юге Китая, все группы советских военных советников на Севере сталкивались с большими трудностями: сложные условия жизни, языковые барьеры, крайне малая осведомленность в вопросах китайской культуры и военно-политической ситуации. Но еще более важным было то, что между генералами Национальной армии и советскими советниками не было отношений доверия. Ли Дачжао принял ряд мер по оказанию помощи советским советникам с тем, чтобы они могли работать более эффективно.

Он постоянно разъяснял советникам вопросы политики, проводимой великими державами в Китае, говорил о соотношении сил между различными милитаристскими группировками Китая, о том, что революционные силы непрерывно увеличиваются. Советский советник В. Примаков вспоминал: «Эта информация, данная человеком безусловно авторитетным, в значительной мере уточнила наше представление о готовящихся событиях и заставила нас принять решение вести не только военную работу, но и революционную пропаганду в армии»³⁶. Кроме того, Ли Дачжао не раз сам выезжал на места и помогал советникам в работе.

В первой декаде мая 1925 года он отправился в Чжанцзякоу, где вел переговоры с Фэн Юйсяном, встретился с советскими военными специалистами, познакомил их с политической и военной обстановкой, которая сложилась в ходе китайской революции, скоординировал отношения между советскими советниками и Фэн Юйсяном, помог советникам развернуть политическую работу. Его глубокая эрудиция и выдающиеся политические воззрения вызывали уважение и доверие к нему советских товарищей.

После того, как летом 1925 года умер Ху Цзинъи, пост командующего 2-й армией занял Цю Вэйцзюнь. Он разработал авантюристический военный план: на востоке нанести удар по Шаньдуну, на юге ударить по провинции Хубэй, на севере взять Баоцзин, на западе выступить против Шаньси. План был назван «Пробриться через четыре двери». Советские советники выступили против этого плана и доложили об этом Ли Дачжао. Он посоветовал Цю не осуществлять его план, говоря о необходимости сконцентрировать военные силы для отпора У Пэйфу. Однако Цю Вэйцзюнь не последовал советам Ли Дачжао и советских советников, и в конце концов 2-я армия в феврале 1926 года потерпела поражение.

На следующий день вечером после кровавого инцидента «18 марта» Ли Дачжао сам провел собрание руководящих работников Гоминьдана и КПК, на котором присутствовали Ли Шицэн, Сюй Цянь и др. Он попросил советского советника В. Примакова доложить о военной обстановке. Примаков предложил вывести Национальную армию из Пекина, занять оборону в Нанькоу, а до вывода войск изгнать марионетку Дуань Цижуя. Для этого было необходимо переместить Лу Чжунлиня на пост начальника Пекинского гарнизона вместо Ли Минчжуна. Ли Дачжао согласился с предложениями советского советника. Было решено, что Ли Шицэн поедет в Пинцизиюань и встретится там с Фэн Юйсяном. Ли Дачжао взял на себя перевод руководящих органов Гоминьдана и КПК на нелегальное положение³⁷.

История свидетельствует, что эти решения были верными. После вывода Национальной армии из Пекина, благодаря выгодному географическому положению и прочным оборонительным сооружениям Нанькоу, ей в течение нескольких месяцев с апреля по август удавалось успешно отражать атаки чжилийской и фэнтяньской клики. Бои при Нанькоу отвлекали на себя основные силы чжилийской клики, сократили препятствия на пути успешного проведения Северного похода в Гуандуне. Командующий Северным походом Цюй Чжифу даже взял Чанша, стал угрожать Ухани, и У Пэйфу в панике увел войска на Юг, однако его поражение уже было предreshено, и ничто не могло этого предотвратить.

После отхода Национальной армии Ли Дачжао, возглавив руководящие организации Гоминьдана и КПК, переехал в западный флигель советского посольства, в помещении которого раньше размещались русские казармы, продолжая упорно работать. Советские советники ежедневно передавали в посольство сообщения о боевых действиях, а посольство передавало их Ли Дачжао. Фэн Юйсян в самый важный момент покинул армию и уехал в качестве наблюдателя в Советский Союз, в результате чего Национальная армия утратила руководящий центр, и положение стало критическим. В июле Ли Дачжао по решению ЦК КПК попросил Юй Южэня поехать в Советский Союз с тем, чтобы он убедил Фэн Юйсяна в необходимости его скорейшего возвращения на родину.

17 сентября Фэн Юйсян вернулся из Советского Союза в Китай. Его сопровождали советский советник Сангурский, видный член КПК Лю Боцзянь и др. Ли Дачжао направил в войска Фэн Юйсяна более 400 коммунистов и комсомольцев для проведения ими идейно-воспитательной работы. Как вспоминает Фэн Юйсян, после принятия войсками присяги в Ухани он «взвешивал все «за» и «против», решая, следует ли наступать в Пекин из Нанькоу или предпринять стремительное наступление на Шэньси, а затем выступить из Тунгуаня. Господин Ли Дачжао прислал мне секретный документ, в котором предложил мне выступить из Чаньяна на Чжэнчжоу. Мы изучили это предложение и решили принять план господина Ли, который был сформулирован в восьми иероглифах: «Сильная Ганьсу помогает Шэньси, и общими усилиями они выступают на Хэнань»²⁶. В соответствии с этим стратегическим планом Национальная армия сняла осаду с Сиани и двинул войска из Тунгуаня, совместно с армией Северного похода уничтожила формирование У Пэйфу в пределах Хэнани, нанесла поражение Чжан Цзолиню, добилась блестящей военной победы.

* * *

Более 70 лет назад, когда капиталистический мир пытался задуть первое в мире социалистическое государство, товарищ Ли Дачжао открыто поддержал Октябрьскую революцию, поверил в учение Ленина, выступил инициатором зарождения китайско-советской дружбы. Убежденность защищать китайско-советскую дружбу не покидала Ли Дачжао до самой смерти. Поэтому когда мы говорим, что товарищ Ли Дачжао посвятил свою жизнь коммунизму, китайской революции, то мы с полным правом можем также сказать, что он посвятил свою жизнь укреплению китайско-советской дружбы.

Перевод с китайского языка Е. Н. МАРКИНОЙ

²⁵ Собрание сочинений Ли Дачжао.— Т. II.— С. 664.

²⁶ Цзин бао.— 1924.— 16 февраля.

²⁷ Там же.

²⁸ Чэнь бао.— 1922.— 7 февраля.

²⁹ Чжуаньцзи вэньсюэ.— Тайвань.— № 6.— 27-й год издания.

³⁰ Цзин бао.— 1923.— 12 ноября.

³¹ Воспоминания Гу Вэйцзюня.— Чжунхуа шуцзюй.— 1923.— Т. 1.— С. 339—340.

³² Хуадун шифань даскэ сюэбао.— № 2.— 1982.

³³ Избранные сочинения Ли Дачжао.— С. 54—515.

³⁴ Чжан Готао. Мои воспоминания. Минбао юэкань чубаньшэ.— 1971.— Т. 1.— Ч. 2.— С. 390.

³⁵ Чжуаньцзи вэньсюэ.— Тайвань.— № 6.— 32-й год издания.

³⁶ Примаков В. М. Записки волонтера.— М., 1967.

³⁷ Там же.

³⁸ Фэн Юйсян. Моя жизнь.— Ч. II.— С. 234.

На весах столетий

М. ТАРТАКОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сюжеты мировой истории

История и современность... Способны ли факты, добываемые специалистами, как-то воздействовать на сегодняшнюю жизнь?

Принадлежит ли истории лишь функция описательная, состоящая в фиксации случившегося, и только, или это наука, способная, как и всякая наука, провидеть на основе выявленных закономерностей хотя бы некоторые последствия переживаемого момента — будь то химическая реакция или социальное движение — вопрос этот хотя и не нов, но остается открытым. Некоторые зарубежные историки полагают, что исторический процесс принципиально не познаваем потому, что социальные явления возникают случайно, точно выныривая на мгновение из бурлящего хаоса, причем их появление на поверхности обусловлено столь многими причинами, что тут скорее пригодны вероятностные законы, тогда как поиск закономерностей бессмыслен.

О науке, по-видимому, вообще неуместно говорить там, где налицо безнадежный отказ даже от попытки проникнуть в суть явлений. Если позади видеть лишь хаос случайностей, то историку остается одно — фиксировать происшедшее, оставаясь, скорее, движимым любознательностью летописцем, не имеющим какой-либо надежды применить свои знания, сделать практические выводы.

Существует и прямо противоположная концепция, настаивающая на абсолютной предопределенности исторического процесса. Здесь уже можно, разумеется, говорить о науке, потому что предопределенность (скажем, законы физики) можно и нужно изучать. Однако такая концепция психологически разоружает историка. Если все заранее узко предопределено — законами ли природы или неким «мировым разумом», — то человечеству, как и каждому из нас, остается лишь опустить руки и пассивно ждать решения собственной судьбы. Сталин, вульгаризируя марксизм, писал в своем «Кратком курсе»: «Каков образ жизни людей, таков образ их мыслей». «Образ жизни» определяя, разумеется, он сам, и выхода из этого тавтологического состояния не должно было быть.

Вольно или невольно на позиции предопределенности стоят и «циклисты» — зарубежные историки, считающие, что цивилизации развивались независимо друг от друга в замкнутом цикле: детство цивилизации — ее юность — расцвет — старение — гибель. Возникающей затем — во времени, но не как следствие — другой цивилизации предопределено абсолютно то же. «Фактически», — пишет А. Тойнби в монументальном «Исследовании истории», — мы утверждаем, что все общества должны быть рассматриваемы гипотетически как философски одновременно существующие и философски эквивалентные». Не противоречит ли этому другое утверждение Тойнби, где он признает: «Когда мы говорим об «истории», мы обычно имеем в виду коллективный опыт человечества... Опыт — лишь другое название истории»? Значит, опыт одной цивилизации все-таки служит другой.

Прошлое наставляет ныне живущих, хоть и не всегда так, как хотелось бы. «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело

Тартаковский Марк Самойлович, публицист, автор многих статей, посвященных проблемам культурологии и философии истории.

убрать своих последствий», — писал В. О. Ключевский. Мысль более чем актуальная в наши дни!

Опыт — это всегда обобщение фактов, некоторая теория. И в этом смысле история вполне схожа с другими науками, хотя бы с естественными, где теоретическое осмысление природных явлений способствует их практическому применению. Так же, как и там, само добывание фактов не отгорожено глухой стеной от их осмысления. Теодор Моммзен в «Римской истории», изучая вавварские имена на надгробных стелах римских воинов, делал далеко идущие выводы о состоянии дел в империи в ту или иную эпоху. Без такого рода выводов немыслимы последующие обобщения, важнейшее из которых — выяснение сути исторического прогресса, имеющее самое непосредственное отношение к современности.

Прогресс в общепринятом значении этого слова — движение к лучшему, более совершенному состоянию. Что, однако, понимать под лучшим, если наличествуют подчас прямо противоположные суждения, плюрализм мнений, проще сказать, их многообразие? В результате понятие «прогресс» оказывается сложным соотношением субъективного и объективного, желаемого и действительного. И хотя, как говорят на Востоке, «сам Аллах не может изменить прошлого», «прогрессивность», как и «реакционность», даже давно минувшего исторического события находится в прямой связи с сегодняшними животрепещущими устремлениями и идеалами. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что и геометрические аксиомы оспаривались бы, если б непосредственно влияли на ход общественного развития. В сущности, мало что сомневается в том, что монгольские нашествия принесли гибель цветущим цивилизациям, прервали, затормозили, во всяком случае, их закономерное развитие, явились регрессом в общечеловеческом смысле. Но можно встретить и мнение, что Россия как государство наследовала территорию, уже объединенную Ордой, чем был существенно облегчен переход от обособленных феодалов, княжеств, к централизованной державе.

М. С. Тартаковский в своей работе пытается разобраться, так ли уж прогрессивно само по себе всякое «одержавливание», сравнивая в развитии два исторических региона — Китай и Европу. Тема эта чрезвычайно актуальна, к ней постоянно возвращаются современные историки. «Вопрос "кто главнее — общество или государство?" в минувшие десятилетия вызвал бы недоумение не только у широкого читателя, но и у наших обществоведов, — пишет, например, историк А. Мигранян. — В общественных науках и в массовом сознании у нас долгие десятилетия утверждалась идея, что индивид, общество и государство едины и нерасчленимы, что государство эффективно и полно выражает интересы и отдельных граждан, и общества в целом. Но какое-то неравноправное партнерство прослеживалось в этом триединстве. Даже не посвященным в проблемы политической теории и социальной практики собственный каждодневный опыт поставлял множество свидетельств всемогущества государства и слабости и бессилия перед ним индивида и общества»¹.

Именно это и было характерно во всей китайской истории.

Итак, государство для человека или человек для государства? Вопрос этот, решенный Сталиным столь варварски и категорически, что мы все еще лишь выбираемся на иной, демократический путь, как видим, так или иначе вставал на протяжении всей мировой истории. Волею судеб он по-разному решался на Востоке и на Западе. Ничуть не идеализируя европейский путь, нельзя не видеть, что хозяйственное и культурное развитие здесь в силу разных причин, прослеженных в работе М. С. Тартаковского, зиждилось на волеизъявлении индивидов, их интересах (по К. Марксу, как и по А. Смит) несравненно более, чем в Поднебесной. Мы и сами уже хорошо понимаем, что приоритет державности перед личностным неизбежно оборачивается ущербом для самого государства. О том же давно уже говорят и ведущие историки КНР, прилагающие усилия к перестройке в собственной стране, освобождению от пут прошлого. При этом они призывают сохранить все лучшее, созданное гением китайского народа.

Несколько замечаний о жанре рубрики «История и современность».

В дискуссии, развернувшейся не столь давно на страницах «Литературной газеты», дебатировалось, имеет ли право писатель домысливать исторические события. Как историк я, разумеется, в принципе против какого бы то ни было домысливания. Но дело даже не в этом. Вдруг обнаружилось, что читатель в массе своей предпочитает именно домысливание, что оно-то для него дороже самого историче-

ского факта, что он решительно за «милорда глупого», как и сто с лишним лет назад, за все тех же водевильных мушкетеров Дюма (по сей день наиболее читаемый автор), за В. Пикуля с лихим переложением как отечественной истории, так и всякой другой. Словом, как предупреждал еще Альберт Швейцер, говоря о мировой культуре XX в., театру решительно предпочитается кабаре, размышлению — развлечение. Это грустно и небезопасно в исторической перспективе.

А ведь история сама по себе, без домыслов и развлекательных финтифлюшек, чрезвычайно захватывающая и поучительна. Незачем украшать реальность пестрой мишурой, если, как известно, «лучшие сказки придумывает сама жизнь». Сюжеты мировой истории полны и изобретательности, и трагизма (а подчас и комизма), и подлинной глубины — автор настоящей работы использует их в полной мере.

Колумб открыл Америку. Утверждают, будто его опередили викинги, но это уже детали. Америку открыли европейцы. А почему не китайцы, создатели древней высокой цивилизации, строители кораблей-левиафанов, на палубах которых свободно разместились бы не только ладьи викингов, но и испанские каравеллы?

В мировой истории постоянно опробовались различные модели общественного развития. цивилизации двигались как бы параллельными курсами, пока их пути не пересекались. Данная работа — о выборе человечеством магистрального пути. В наших сегодняшних общественных поисках это важнейший вопрос, и нельзя не обратиться к решающему опыту прошлого. Слишком долго настаивали мы на том, что идем по «неизведанному пути», даже гордились этим. Рубрика «История и современность» будет поистине общественно значимой, если позволит современному читателю реально ощутить себя в системе исторических координат, а выпавшую на его долю эпоху — звеном в живой связи времен. «Общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет»².

Б. Я. СТАВИСКИЙ,

член Советского комитета ЮНЕСКО по изучению цивилизаций Центральной Азии, член-корреспондент Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, доктор исторических наук

* * *

«В два прыжка пропасть не одолеть», — слышу в коротковолновой передаче из КНР. О чем это? «Решительно распрощаться с прошлым!» — говорит диктор. Речь о том, что Китай стремится выйти на уровень передовых стран как по выпуску продукции, так и по благосостоянию своих граждан — а это «невозможно достичь без развития социалистической демократии и перетряхивания хлама обветшалых представлений и догм, накопившихся за тысячелетия нашей истории».

Способность брать лучшее из многовекового опыта вытекает, оказывается, из умения понять, «почему великая страна не заняла вовремя должного места в мировом процессе, отстала».

Невольно вспомнилось, как сам я когда-то задумался над этим же вопросом. Был я тогда студентом и писал курсовую работу по философии о случайностях и закономерностях; доказывал, что всякое движение изначально закономерно, тогда как случайностью является пересечение заданных траекторий, их взаимные искажения вследствие столкновений; выделял случайности первого порядка (первая ошибка и изменение направлений), второго, третьего... В истории человечества, казалось мне, процесс этот зашел уже так далеко, что и концов не найти. Ведь вся она «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»³.

Как же так? Ни одно конкретное действие непредсказуемо, но прогресс-то — налично! Прогресс, или, элементарнее, процесс? Ведь топтание на месте или хождение по кругу — тоже движение. Прогресс всего проще обнаруживается тогда, когда сопоставляются напрямую исходные данные с итогом. То есть, как сказали бы мы теперь, когда жились с представлениями кибернетики о «черном ящике»: что же «на входе» и «на выходе» у этого «ящика», именуемого человеческой историей? Раз мы вышли из животного состояния, «на входе», очевидно, человеческая особь, еще не осознаю-

шая своего бытия; тогда как «на выходе», надо думать, личность, на самоосознающие, критические способности которой мы, собственно, только и можем рассчитывать, если имеем в виду как отдаленное, так и близкое будущее.

Рассуждая так, мы тут же получаем и сам критерий прогресса — движение от особи к личности, некую шкалу, согласно которой завоевания Александра Македонского послужили общечеловеческому прогрессу, распространению (хотя и разжижению) эллинского духа, тогда как, скажем, тоже завоевания, но Чингисхана способствовали регрессу и одичанию. Общий же итог, в мировом масштабе, был, надо полагать, все-таки позитивный.

Своими соображениями я поделился с преподавательницей, ведшей у нас семинары.

— Слишком заформализовано, — сказала она. — Попробуйте показать все это на конкретном историческом процессе. Возьмите хотя бы китайские события.

События эти были тогда на виду. Только что окончилась многолетняя гражданская война, и Китай был провозглашен народной республикой. Поражал масштаб события, неизменно связывавшийся в сознании с размерами страны, особенно с ее невероятно многочисленным населением. Француз Клод Руа в написанной им тогда книге «Ключи к Китаю» упивался прежде всего цифрами: «Китай есть совместное творение множества человеческих поколений, сменявших одно другое на протяжении шести тысяч лет (так у Клода Руа. — М. Т.) и трех великих рек. Истоки человеческой истории теряются в легендах, истоки рек — в горах...»

Шесть тысяч лет назад в Европе жили, пожалуй, лишь бродячие охотники.

Но чем далее читал я эту французскую книгу о преимуществах китайской цивилизации перед всякой другой, тем навязчивее вертелся в моей голове странный вопрос. Ну в самом деле, почему китайцы (при всех несомненных достоинствах этой великой цивилизации) не открыли Америку?

Ну, не открыли — и не открыли. Значит, не требовалось, исторические условия не созрели. У Колумба — созрели, у каких-то викингов, за полтысячи лет до Колумба, тоже, а у китайцев — нет. Хотя Китай и задолго до викингов был фактически тем же, что и сейчас, — самым большим (по численности населения) государством на планете).

Да что говорить, перепись китайцев (считается преуменьшенной) в 1393 г. дала свыше 16 млн. дворов, более 60 млн. человек. В Англии тогда проживало около трех миллионов, в Италии — чуть более десяти; на всей территории нашей страны, включая густонаселенные Закавказье, Среднюю Азию, Украину, Прибалтику, да и Польшу, входившую в состав Российской империи, такое население образовалось лишь во второй половине прошлого века, когда в Китае его было уже раз в шесть больше. И чем сильнее я зачитывался этой книгой, тем острее вставал все тот же вопрос: почему же китайцы не открыли Америку? И другой, в продолжение первого: почему это европейцы приплыли в Китай, а не китайцы — в Европу? По Клоду Руа выходило, что им-то как раз и должна была принадлежать инициатива. В пику Европе он всюду жирно выделял интонацией и курсивом это ключевое слово «цивилизация». И я вслед за ним трепетал от благоговения перед прямо-таки непомерным количеством китайцев, которое должно было вот-вот перейти в качество.

Восторг француза, наконец окунувшегося в цивилизацию, сам собой выводит его к широчайшим обобщениям: «Жить в Китае — это значит окунуться в живую плазму, в океан цивилизации. А величины здесь означают величие духа». Действительно, понятие «цивилизация», как его ни крути и ни уточняй, применимо прежде всего именно к Китаю — с его грандиозными историческими перипетиями, выпавшими в продолжение тысячелетий на долю единого народа на одном и том же месте.

Сам по себе это целый мир. А Америку китайцы так и не открыли!

Ну, потому, наверное, что Тихий океан шире Атлантического, далеко было плыть. Потому еще, может быть, что океан не корыто, где безразлично, откуда и куда плыть, где все направления равноценны. В океанах с прежним парусным вооружением — с прямыми парусами, а не косыми, позволяющими двигаться галсами, порой почти против ветра, — приходилось следовать господствующим ветрам и течениям. По крайней мере на первых порах. Так и шли с попутным ветром великинги — северным курсом — и Колумб — тропическим. Так же, подгоняемый пассатом, Канарским, а затем

Перуанским течением, обогнул Магеллан планету — с востока на запад. Тогда как китайцам двигаться надо было с запада на восток. Может быть, в этом все дело — и вопроса нет?

Так нет же. У них-то как раз и были все козыри. К их услугам в более высоких широтах (маршрутом монаха и мореплавателя Урданеты в эпоху Великих географических открытий) — и мощное течение Куроисио, следующее мимо Японии к берегам нынешней Канады, и господствующие здесь ветры. Путь этот — по пологой тихоокеанской дуге — кажется более длинным прежде всего тому, кто рассматривает земной шар в плоской проекции Меркатора, забывая при этом, что всякий путь по шару дугообразный, а не прямой.

Да еще здесь, в высоких широтах, оба Света, Старый и Новый, тянутся навстречу друг другу. Так что при желании можно плыть едва ли не всюду в виду берега по левому борту: мимо Кореи и Японии, вдоль Курильской гряды и Камчатки. Здесь, на широте Командоров, то есть куда ниже границы плавучих льдов, стоило бы, вероятно, решительно взять вправо, на восток, вдоль Алеутской гряды, от острова к острову, в прибрежья Южной Аляски с весьма умеренным климатом и далее «вниз» — к роскошным берегам нынешних Канады и Соединенных Штатов. Но в отличие от викингов, которые с края Европейского материка ринулись в неизвестность, в открытый до полюса негостеприимный приполярный океан, в отличие от Колумба, перед которым тоже была водная пустыня, китайские мореходы могли бы двигаться постепенно, зимуя, быть может, в устьях рек, еще и сегодня изобилующих рыбой.

Но может, попросту не на чем было плыть? У викингов — их открытые, точно спортивные, гоночные суда с низкими бортами, увешанными щитами, и крутой лебединой грудью. У испанцев, португальцев — пузатые уютные каравеллы с затейливой высокой кормой в пристроечках и балкончиках. У гордых бриттов, голландцев, французов — их трехмачтовые галионы, пинассы, фрегаты, ощетинившиеся бортовыми орудиями.

Ну, а китайцы, эта сухопутнейшая из цивилизаций? Современный китайский автор Чжан Сюань утверждает: и кораблестроение, и судовождение, и мореплавание — все это было в лучшем виде уже у древних китайцев. Во всем решительный приоритет перед отсталой Европой. Паруса использовались в Китае более чем за тысячу лет до применения их на Западе. Ну, а во времена викингов китайские морские суда были оснащены фантастической парусностью: двенадцатимачтовые корабли, уникальные по сей день. До полусотни и больше кают, до тысячи и более пассажиров. Многослойная обшивка бортов. Трюмы были разделены на отсеки, и при одной-двух пробоинах корабль сохранял плавучесть, хотя на всякий случай на палубе размещалось несколько шлюпок. Пользовались компасом, якорями, лотом. Какой-то хитрый поворотный механизм позволял придавать мачтам горизонтальное положение. Это нужно было, вероятно, во время встречного ветра. Тогда шли на веслах: до трех десятков гребцов на каждом из двух десятков весел. Просто левиафаны какие-то!

«Трудно перечислить самые разнообразные типы судов, которые в ту пору (в Ханьскую эпоху, на рубеже новой эры) строились в Китае. Любопытно, что появляются особые типы морских кораблей и при этом специально предназначенных для дальних плаваний — так называемые ланчжоу и фа. Строятся крупные корабли — двух-, трех- и четырехпалубные (лу, фэйлу, цзюеши) и корабли-разведчики (чжихоу)... (позже) в Суйскую эпоху, то есть в конце VI и в начале VII в. созданы были новые типы пятипалубных боевых кораблей-гигантов. Они назывались у'я («пять клыков»), и их команда насчитывала 800 человек. Флот суйских императоров состоял из десятков тысяч боевых кораблей типа хуанлун («желтые драконы») и лунчжоу («суда-драконы»), каждый из которых имел на борту до сотни человек, — пишет историк Я. Свет. — В истории китайского навигационного искусства Сунская эпоха (X—XIII вв.) была временем огромных революционных сдвигов, сравнимых с тем поворотом в кораблевождении, который пережила Европа в XV в. и в начале XVI в. (в эпоху Великих географических открытий)... Применив компас в морском деле, китайцы опередили в навигационном искусстве все прочие народы мира. Только спустя столетие начали по примеру китайцев пользоваться компасом арабы и иранцы, а в Европе волшебная магнитная стрелка... нашла признание лишь в XIII в.». В результате чего, собственно, и была открыта Америка.

Услышав о таких китайских успехах в морском деле, с явным удивлением встречаешь другое сообщение: «На реках и морях Восточной Азии до настоящего времени можно увидеть джонку, оформившуюся несколько тысячелетий назад, устройство, оборудование и использование которой с тех пор почти не изменились». Отзыв чешских исследователей П. Фирста и В. Паточки, в целом вполне благоприятный, но, нетрудно видеть, куда более скромный. Особенно смущает то, что за прошедшие тысячелетия все осталось, как было. Что за великий сон объял китайских корабелов и мореходов?

«Не объясненная до сих пор «загадка» в истории торгового мореходства: китайские авторы XII—XIII веков, европейские и арабоязычные в XIII—XIV веках свидетельствуют о том, что в те времена китайские корабли ходили в Индию, однако после первой четверти XV века по неизвестной причине обрывается связь китайцев с Индией, и в 1498 году, когда португальцы прибыли в Индию, было совершенно очевидно, что никакие торговые китайские суда туда не приходили», — пишет советский китаевед В. Вельгус.

Прямо-таки мистика! Точно известно о плаваниях в Индию незадолго до Васко да Гамы китайского флотоводца Чжэн Хэ. Флотилии его, как и все в Китае, были грандиозны: более шести десятков кораблей-левиафанов, почти тридцать тысяч моряков. В сравнении с такими масштабами предприятия Васко да Гамы, как и Колумба, выглядели просто игрушечными. Их каравеллы, не говоря уже о ладьях викингов, свободно поместились бы на палубах огромных китайских кораблей, служили бы там чем-то вроде спасательных средств. Флотилии Чжэн Хэ сравнимы разве что с «Непобедимой армадой», посланной испанским королем для завоевания Англии. Печальный исход этой затеи известен. Китайская же армада семь раз ходила вплоть до берегов Аравии и Восточной Африки, всякий раз благополучно возвращаясь.

Это были удивительно счастливые плавания, как-то разом вдруг прекратившиеся. Семь раз подряд — и ни разу после того. «Мы посетили более тридцати стран», — писал сам флотоводец Чжэн Хэ. Но нигде ни малейшего следа. Мыслимо ли такое?

Да и кто такой сам он, Чжэн Хэ? Евнух на императорской службе, фигура, в общем, обычная для старого Китая. Чжэн Хэ чтит своих предков, как и принято было в его стране. В эпитафии на могиле отца Чжэн Хэ указаны имена и деда, и прадеда.

Но что это? Отец и дед, судя по этой надписи, были хаджи — иначе говоря, паломники в Мекку, мусульмане. Мусульманином, надо думать, был и сам флотоводец, невзирая на характерное китайское имя. Персом или арабом был, например, Пу Шоугэн, владевший или командовавший, судя по всему, огромным флотом, осуществлявшим все заморские связи Сунской, а затем и Юаньской династий. Бунт мусульман порта Цюаньчжоу в 1362 г. вдруг прерывает всю морскую торговлю Поднебесной. Вот и Марко Поло называет «морского министра» у Хубилая Ахмехом. Не Ахмед ли?

Итак налицо, подчеркивалось в «Трудах девятой научной конференции китаистов», «высокий уровень развития судостроения в Китае, способность китайских джонок совершать дальние плавания — с одной стороны, и конкретный вопрос о том, кто на этих джонках совершал дальние морские плавания, — с другой. По-видимому, арабоязычные источники, говоря о «китайских купцах», «купцах из Китая» или о «китайских судах», «кораблях из Китая», часто имели в виду не самих китайцев, а мусульман Персидского залива, проживавших в Китае». Надо думать, не только Персидского залива и не только мусульман. Как бы то ни было, налицо какое-то непонятное пренебрежение великой цивилизацией, империей с береговой линией протяженностью в тысячи километров и незамерзающими портами одной из величайших областей человеческой деятельности — мореплаванием.

Ну и что? Да можно ли судить о великой цивилизации, об ее уровне по одному этому фактору? Надо ли подходить так односторонне: открыли или не открыли Америку? Америки не открыли, зато выдумали порох задолго до ученого монаха Бертольда Шварца. Придумали ракеты не только задолго до рождения отца нашей космонавтики Циолковского, но еще и до основания самой Калуги. Тогда уже начинали своим порохом свои ракеты — и запускали грандиознейшие фейерверки в честь своих императоров.

А компас! Это важнейшее изобретение, имевшее, как мы бы сейчас сказали, военное значение, попало в Европу через арабских купцов, которые переняли его у китай-

цев. Уверенно можно утверждать: без этого китайского изобретения, без компаса, эпоха Великих географических открытий не наступила бы столь стремительно и бурно. Вклад китайцев поистине неизмерим. Но сами они почему-то Европу для себя так и не открыли...

Что же это за страна такая, отвернувшаяся от всего мира? Что за цивилизация, оборотившаяся спиной к морю? Добро бы хоть по суше было какое-то движение. Сибирь, раскинувшаяся непосредственно за порогом Поднебесной, Сибирь, самим течением своих великих рек как бы приглашая путешественников с юга, из пределов Китая, малолюдная территория, равная ему по площади, резерв на ближайшую тысячу лет, — Сибирь так и не была открыта и освоена китайцами.

Но может быть, следует различать два противоположных типа цивилизаций — экстравертные и интравертные — с присущими им характерными реакциями? Экстраверт в психологии — экспансивный, открытый субъект, жаждущий общения, душой обращенный вовне, тогда как противоположный ему интраверт замкнут, сосредоточен и как бы обращен взглядом в собственную душу. Так надо ли взвешивать на колеблющихся весах величайшие цивилизации, в принципе противоположные одна другой? Не лучше ли просто суммировать их достижения, объявив себя разом наследниками всей мировой истории?

«Цивилизация и великие исторические реки» — так назывался труд Л. И. Мечникова, брата знаменитого биолога, опубликованный в Париже в конце прошлого века. Географ по образованию, Лев Ильич рассматривал всемирную историю под своим углом зрения. Она представлялась ему разделенной на три глобальных периода: сначала цивилизация речная, затем — морская и, наконец, океаническая. К первой Мечников относил древнейшие земледельческие государства, формировавшиеся преимущественно в долинах великих рек: Тигра и Евфрата, Нила, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы...

Финикийцы, пересекавшие во всех направлениях бассейн Средиземноморья, открыли в истории ее морской период, в который автором труда включается вся классическая древность да и средневековье до эпохи Великих географических открытий. Они-то наконец и вывели человечество на океанические просторы, и человеческая история отныне действительно становится всемирной, охватывающей весь земной шар, а цивилизация — глобальной.

Такая периодизация грешит односторонностью, как и всякая иная. Всемирно-исторический процесс слишком сложен (да и случайности играют в нем не последнюю роль), чтобы его можно было раз и навсегда уложить в простенькую схему. Размышлениям Л. И. Мечникова не откажешь, однако, в логике, в учете все расширяющихся связей культур, народов и рас, их взаимопроникновения на пути к информационному единству человечества. Человеку во все времена были тесны предлагаемые жизнью обстоятельства, и он непрестанно искушал судьбу в поисках новизны.

Мы как-то по-школьному привыкли думать, что людей гонят в путь одни только экономические обстоятельства: бескормица — и целые пастушеские народы со своими стадами пускаются в путь, теснят другие народы, те — какие-то следующие. И уже движение, чем-то похожее на геологическое, — переселение народов. Недород — и пахарь бросает свою землю, переселяется за моря, к черту на рога. Мор — и люди бегут куда глаза глядят. Война — тем более.

Словом, рыба — туда, где глубже, человек — где лучше. «И был голод в той земле. И сошел Аврам в Египет, пожить там, потому что усилился голод в земле той» (Бытие, 12:10). Тут мы еще как-то можем понять библейского героя, бросившего свое изнуренное отечество ради чего-то лучшего, хотя внутренне, душой, все-таки, конечно, не одобряем. Необходимы какие-то совершенно чрезвычайные обстоятельства, чтобы так вот дезертировать из страны, которой обязан самим фактом своего рождения, где, можно сказать, не то что сучки да пеньки — дырка в плетне и та родная. Мы воспитываемся и вырастаем в этом убеждении, сами в себе культивируем оседлость, основательность и с годами, остепенясь, все больше и уже решительно не одобряем библейского Аврама, который в годы лихолетья предпочел родине чужбину. Не человек, а, судя по Библии, какое-то перекати-поле: родился и вырос в Уре Халдейском, в болотистых малярийных низовьях Евфрата, женился там. Вскоре с отцом своим Фаррой и молодой женой двинулся вверх по течению реки на чужбину, в Харран, разжился здесь. Потом со «всем именем, которое приобрел», с «пастухами своими» пустился на юг, в Ханаан, нынешнюю Палестину. Затем,

как было сказано, гонимый голодом, отправился в Египет; переждав там лихолетье, вернулся обратно в Ханаан, «где прежде был шатер его между Вефилем и Гаем», где-то возле нынешнего Наблуса на правом берегу Иордана. Потом «жил в земле Филистимской, как странник», и еще где-то. Словом, бог знает где. Какая-то, сказали бы мы, цыганская жизнь: вся на колесах.

Сезонные перекочевки бродячих пастухов? Но от Ура до Харрана, где ссорожил Аврам отца своего Фарру, почти тысяча километров, оттуда же до Ханаана даже напрямик — чуть меньше того. Сквозь страны и народы, все дальше и дальше. Что за неведомая сила гонит человека? Если голод, так сказать, экономические обстоятельства, — тогда понятно. Господь тут не нужен, он и не появляется: был голод, и пошел Аврам в Египет пожить там — и вся недолга. Господь появляется как раз тогда, когда вроде бы нет ни малейших вразумительных причин покидать насиженное место и пускаться куда глаза глядят. «И сказал господь Авраму: пойдни из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего и иди в землю, которую я укажу тебе... И пошел Аврам, как сказал ему господь...» Что за прихоть такая?

А вот древняя морская песнь полинезийцев, где слиты воедино ужас перед неизведанным и восторг, рвущийся из груди, — и опять-таки никакой, насколько можно понять, исторической необходимости:

Рукоять моего рулевого весла рвется к действию...

Над нами — нависающие небеса, под нами — бушующее море,

Впереди — неизведанный путь. По нему будет плыть наша ладья!

Какая-то «романтика дальних странствий». Какие высокие слова находит Данте, проповоая Улисса-странника, чья ладья, пройдя Геркулесовы столпы, выбегает на солнечный простор Меана, как бы в совершенно новую эпоху мировой истории!

Тот малый срок, пока еще не спят

Земные чувства,

их остаток скудный

Отдайте постиженью новизны,

Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!

Подумайте о том, чьи вы сыны:

Вы созданы не для животной доли,

Но к доблести и к знанью рождены.

Стремление к познанию едва ли не инстинктивное человеческое свойство. Странствия — самый простой и верный путь к постижению бытия; оно само, без усилий, проникает в тебя, как солнце и пыль на степной дороге, как солнце и соль — на морской. Странствия — это первоначальное накопление знаний, которые человечество возьмет с собой в долгий исторический путь.

Впрочем, вряд ли смогли бы эти отважные предприимчивые люди объяснить перед опасной дорогой свою загадочную страсть к перемене мест. Были, конечно, и экономические мотивы, и о них следует говорить в первую очередь, когда речь идет о переселении целых народов. Сложнее говорить об устремлениях конкретных людей. Бедная (а впрочем, не такая уж бедная!), суровая (на наш взгляд!) природа Скандинавии толкала в принципе к поискам лучших земель, но как раз бесстрашному предводителю с его лихой дружиной не было прямой нужды покидать родину, где-то искать удачи. Тут уж надо говорить о некоей «внутренней пружине, разбрасывающей людей по лицу планеты», о которой писал Б. Ф. Поршнев.

На этом изменчивом, подвижном фоне китайцы выделяются среди прочих народов своей какой-то чугунной основательностью и незыблемостью, особенным патриотизмом, если понимать под этим приверженность клочку земли, на котором родился. Да, и они тоже незаметно расселялись по белу свету — но тут уж всегда по причинам чисто экономическим. Только предельная нищета, грозящая голодной смертью, могла вынудить китайца покинуть отчий кров. Причем он постоянно как бы оглядывался, точно привязанный веревочкой, и при первом же удобном случае стремился домой. Быть похороненным на «своем» кладбище, среди бесчисленных предков, на законтракованном как бы у самого времени месте — заветная мечта и загнанного шанхайского кули, и раздобревшего заимодавца-процентщика где-то в прежних британско-

голландско-французских колониях южных морей. Даже в сегодняшнем Китае переводы на родину от хуацяо — так называемых зарубежных китайцев — существенный источник валютных поступлений. Такова нетленная святость места собственного рождения!

Рядовой китаец (во всяком случае, вплоть до середины нынешнего столетия) мог свободно углубиться в многотысячелетнее прошлое своего рода, просто снимая слой за слоем землю на своем огороде. Черепки, которые он при этом нашел бы, оказались бы осколками тех самых горшков, которые били его собственные предки. Так надо ли удивляться, что не китайцы открыли Европу, а, наоборот, европейцы — Китай?

Конечно, как уже говорилось, это не было в прямом смысле открытием, подобно открытию Америки. Оба края грандиозного Евразийского материка тысячелетиями были связаны караванными путями, в совокупности составившими Великий шелковый путь. «Если двигаться прямым путем, то считают, что от Красного моря до Китая около 200 станций, или дневных переходов,— писал арабский географ начала XIV в. Абу-ль Фида.— Отдельные расстояния следующие: от Красного моря через пустыню до Ирака — около двух месяцев, из Ирака до Балха — около двух месяцев, от Балха до границ ислама в Фергане — немногим более двадцати переходов, от Ферганы через Страну карлуков до домов Тагазгаза — немногим более одного месяца, от жителей Тагазгаза до моря, омывающего берега Китая,— около двух месяцев».

Но это без задержек и приключений, неизбежных в дальней дороге. Да и то кратчайшим путем — южным. Тогда как другой, более удобный по ряду обстоятельств, огибал с севера Каспийское море, а затем и Балхаш, проходя затем Джунгарскими воротами.

Оба пути так или иначе сливались в Центральной Азии в предверии Поднебесной. Здесь, почти у шлагбаума иной цивилизации, у ее западных пограничных застав, приходилось труднее всего. «Пески расстилаются на необозримое пространство; по прихоти ветра они то нагромождаются в одном месте, то вновь разметаются. Путники не находят там никаких следов человека, и многие из них сбиваются с пути», — сокрушается в своих «Записках» (середина VII в.) буддист-пилигрим, путешествовавший из Китая в Индию и обратно, Сюань Цзан.

Для араба Абу-ль Фида Великий шелковый путь начинался от Красного моря. Тогда как Арабистан, как и все восточное Средиземноморье, был лишь перевалочным местом на этом пути от Атлантики до Тихого океана. Некоторые современные историки считают даже, что именно Китай способствовал загниванию и падению Римской империи, перекачивая в обмен на тленные шелка золото и другие нетленные ценности, иначе говоря, валюту, обескровливая своего торгового партнера. Плиний, негодуя на распушенность римлян, подсчитал, что ежегодная утечка золота на Восток (не только в Китай, но и в Индию) составляет сто миллионов сестерций: «Так дорого мы платим за нашу роскошь и наших женщин».

Но как тут удержаться, если шелка были так хороши, что Овидий сравнивал с ними волосы своей возлюбленной:

Право, так были тонки, что причесывать ты их боялась,—
Только китайцы одни ткани подобные ткнут...

Но при всем этом неизвестен случай, когда бы китаец побывал в пределах Римской империи (хотя в самом Риме были даже черные карлики с берегов Конго), и только дважды фиксируется возможность вообще какого бы то ни было соприкосновения римлян с Поднебесной. Под 166 г. н. э. в ханьской летописи сделана запись о том, что «посланцы государя Дацинь Аньдо через Жинань привезли из-за границы в дар ханьскому императору слоновую кость, рога носорога и изделия из черепаших панцирей», — пишет современный китайский историк Чжан Сюань. Дацинь — это Римская империя, Аньдо — вероятно, китайская транскрипция римского императора Марка Аврелия Антония (точнее, Антонина. — М. Т.).

Сомнения вызывают дары предполагаемых римлян: рога, бивни, панцири африканских либо индийских животных, которые и в самом Риме сочли бы экзотикой. Кроме того, носорожьих рога ценились преимущественно в восточной медицине, о чем вряд ли было известно в Риме. Да и созвучие Аньдо только условно можно приблизить к наименованию династии Антонинов. Не были ли это ближневосточные перекупщики

экзотических товаров, присвоившие себе для солидности дипломатический статус?

Второй случай возможного соприкосновения римлян и китайцев еще более сомнителен.

В 36 г. до н. э. один из порученцев наместника Западного края (бассейн реки Тарим и озера Лобнор) Чэнь Тан самовольно, подделав императорский эдикт (поступок неслыханный!), предпринял глубокий рейд против гуннов, грабивших караваны на Великом шелковом пути. Надо думать, доходы должностных лиц этого самого отдаленного форпоста империи составлялись поборами с этих караванов, и бесчинства грабителей били по их карману.

Так или иначе, подступив к Шиши, ставке гуннского шаньюя Чжичжи на реке Талас (против нынешнего Жиенбета в Южно-Казахстанском крае), китайцы столкнулись с сотней пехотинцев, «выстроенных в линию с каждой стороны вперед и построенных в виде рыбьей чешуи». Вот эта «рыбья чешуя» из китайской «Истории ранней Хань» заставила современного западного историка Гомера Г. Дебса предположить, что то был характерный античный боевой порядок, при котором щиты воинов перекрывают один другой, тогда как «варвары» дрались беспорядочной толпой. Название статьи Дебса, хотя она и гипотетична, не допускает никаких сомнений: «Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время».

Римская когорта в песках Муюнкум? Ситуация, мыслимая лишь теоретически. 66 мая 53 г. до н. э., то есть за семнадцать лет до описываемых событий, римская армия под командованием Марка Красса была уничтожена парфянами в Северной Месопотамии близ древнего города Карра, который по расположению в широкой излучине Евфрата можно, вероятно, отождествить с ветхозаветным, гораздо более древним Харраном.

Более десяти тысяч солдат Красса попали в плен — первый подобный случай в римской истории! Возможно, отныне они служили парфянам, составляя особые воинские подразделения (иначе как бы они сохранили свои щиты и привычку к боевому порядку!), возможно, воюя против гуннов на северных рубежах Парфии. Сдались очередному противнику или перебежали к нему, очутившись таким образом на краю света, на реке Талас.

Такова, во всяком случае, логика серьезного историка. И все эти натяжки лишний раз подчеркивают фактически абсолютную обособленность друг от друга великих цивилизаций, несмотря на существовавшие между ними посреднические связи. О степени осведомленности Запада и Востока друг о друге можно судить по такому факту. Китаю далекая западная окраина мира (причем даже не Рим, а куда менее отдаленный нынешний Ближний Восток) представлялась утопической страной, обозначаемой на картах как Великая Цинь. Жители ее по манерам, да и по внешности, — совершеннейшие китайцы, но в отличие от последних (хорошо известных китайским географам) все поголовно скромны и мудры, вследствие чего на дорогах Великой Цинь ни за что не встретишь грабителя. Добродетель утопических «великоциньцев» простиралась столь далеко, что государи сей мифической страны на старости лет добровольно отрекались от престола в пользу достойного преемника.

В свою очередь даже в более поздние времена крайний Восток представлялся средневековой Европе в столь же радужном свете. Где-то там помещалась держава добродетельнейшего «пресвитера Иоанна», разумеется, благочестивого христианина, ведущего свой род от одного из евангельских волхвов. Римские первосвященники и европейские государи направляли одного за другим послов в поисках «утопического царства» — послы обычно бесследно исчезали. На загадочного «христианейшего владыку» сильно рассчитывали как на «второй фронт» против нашествия арабов, далее — монголов, а затем — Тимура, связывали с ним различные социальные иллюзии — совершенно так же, как утопическая Великая Цинь питала надежды китайских просветителей и философов.

Вовстину «там хорошо, где нас нет»!

Увы, лишь материальные предметы следовали неизменными по долгим караванным путям. Идеи же в устной передаче настолько трансформировались, скитаясь от народа к народу, с одного языка на другой, что если и прибывали «по назначению», то совершенно неузнаваемыми.

Вот надпись, вырезанная в камне в столице Танской империи: «В то время как

светлейший император Тай-цзун во славе и блеске начал свое счастливое царствование, просвещая свой народ и мудро управляя им, в царстве Великая Цинь жил человек высокой добродетели по имени Олопен; прорицая по светлым облакам, он принес сюда священные рукописи и, наблюдая за гармонией ветров, преодолел трудности и опасности. В 9-й год Чжэн-гуань Олопен прибыл в Чаньянь. Император послал... встретить и сопровождать гостя. Его рукописи были переведены в библиотеке. После того как в частных покоях учения эти были проверены, император признал их справедливыми и истинными и приказал проповедовать их и распространять».

9-й год Чжэн-гуань — 636 г. н. э. Великая Цинь, как мы знаем, — Восточное Средиземноморье, возможно, Палестина. Олопен — христианский миссионер, историческое лицо, прибывшее с христианскими текстами — надо думать, со Священным писанием, — встреченными, как можно видеть, чрезвычайно покровительственно. Кажется, вот оно, родство сердец и душ, невзирая на расстояния.

Но то ли, что принес Олопен, было распространено и проповедано? Во время своего путешествия по Китаю, уже в начале нашего века, выдающийся русский синолог, будущий академик В. Алексеев попадает в Кайфыне в христианский храм и записывает в дневнике: «В китайском языке так и не нашлось слов: религия, святой, угодник, молитвенник, богородица, непорочное зачатие — и всего ассортимента христианства, которое, проникнув в Китай... так и не решило до сих пор, как же в конце-то концов по-китайски будет Бог. До сих пор поэтому один китайский перевод Библии не похож на другой». По поводу изображения богородицы, кормящей грудью младенца Христа, автор дневника замечает: «Здесь над китайцем учинено невероятное насилие: девица с незаконным ребенком — для него вещь только скандальная и нигде в его истории не восхваляемая».

Но может быть, китайцу ближе иудаизм, этот замковый камень в арке религий Запада и Востока? На месте Кайфынской синагоги, основанной в XI в., В. Алексеев находит только лужи и пустырь. Он записывает: «Иудейство прошло в Китае бесследно, если не считать исторических памятников... Китай — единственная страна, где иудейство никогда не объединялось и не было обособляемо, где не было еврейских погромов и где иудейская нация была целиком поглощена китайской... Еврейские семейства в Кайфыне совершенно окитаились... Они не исповедуют ни своей религии, ни китайской. Скептики и атеисты...»

Какое-то сказочное Зазеркалье. Современный английский писатель, Нобелевский лауреат Уильям Голдинг предлагает нам в своей повести «Чрезвычайный посол» ситуацию, теоретически почти столь же возможную, как и столкновение римлян с китайцами в песках Муюнкум. Некий Фанокл, доморощенный гений, является к римскому императору с тремя своими изобретениями, каждое из которых способно перевернуть мир. Паровой двигатель⁴ и порох тут же при испытаниях губят уйму народу, а уж о третьем изобретении — книгопечатании — интеллигентный император (Марк Аврелий?) и слышать не хочет, представив, сколько лжи и глупостей могло бы тиражироваться. Он тут же направляет изобретателя в почетную ссылку на другой край земли — в Китай в качестве Чрезвычайного посла. Дело происходит во II в. нашей эры, примерно во времена Антонинов и предполагаемого историками действительного римского посольства в загадочную Поднебесную империю.

Фанокл удаляется туда со своими ужасными изобретениями, так что на этом краю земли, на Западе, «нормальный ход истории» не нарушен. Самое поразительное, что не ускоряется он и на противоположном краю, куда попадают изобретения. Подумать только, Запад на 11 столетий отставал от Китая в использовании парусов, на 10 — в принципах морского конструирования, на 11 столетий — в изобретении магнитного компаса и на 2 — в применении компаса в мореплавании. До изобретения огнестрельного оружия китайцы опережали Запад на 13 столетий в применении арбалета, но и в применении пороха в военном деле шли с опережением в 4 столетия; использовали бумагу за тысячу лет до ее появления в Европе, более чем за полтысячи лет до немца Гутенберга отпечатали с деревянных клише первую в мире книгу («Цзинь ган цзин», буддийскую сутру, хранящуюся ныне в Британском музее) и стали печатать наборным шрифтом за 400 лет до его применения на Западе... Список китайских приоритетов занял бы не одну эту страницу.

Но наступает эпоха Великих географических открытий — и подданные Поднебесной,

пребывающие в невинности относительно мировых дел, совершенно ошарашены, встретив вдруг прямо на своем пороге неведомых бледнолицых варваров.

* * *

Пока что перед нами всего лишь условие задачи со многими неизвестными, хоть мы невзначай и заглянули уже в ответ. Это ничуть не избавляет нас от необходимости решать данную задачу, видеть воочию, как действуют материалистические законы истории.

Необходимо отметить, что само понятие истории всегда было историческим, то есть эволюционировало вместе с человеческой мыслью. Еще в прошлом веке история была по преимуществу повествовательной, цепью событий — царствований, войн, биографических сведений — и могла рассматриваться как литературный жанр. И хотя в этом жанре творили великие мыслители, все же из прошлого выковыривались главным образом «изюминки»: нравоучительные факты, героические характеры или, напротив, примеры чрезвычайной низости, жестокости, вероломства, также могущие послужить целям предостережения и назидания.

Историки-позитивисты прошлого века занялись установлением точных исторических фактов, их набором, но затем и углублением позитивного знания, поскольку, исследуя «поверхностные» факты, невольно прикасаешься и к нижележащему пласту, даже если никаких прямых сведений о нем нет. Так, немецкий историк Теодор Моммзен, статистически обрабатывая надписи на могилах римских легионеров, смог установить, где набирались данные легионы; зная родину солдата и место его погребения, можно косвенно судить и о внутривойсковой ситуации в различные моменты истории Рима: оставляли ли мобилизованного служить близ отчего дома или отсылали за тридевять земель даже без особой на то военной необходимости, лишь бы подальше. Не обнажаются ли тут подспудные, не фиксированные документом отношения между властью и подданными?

Но и это тоже «всего лишь» факт, хотя и полученный путем научного анализа. А, как писал английский историк Коллингвуд, «выявление фактов ради них самих не может никого удовлетворить, и оправданием этих открытий должно служить что-то иное, лежащее вне самих фактов, добытых таким образом».

Исследователи пылливо искали и ищут некие устойчивые координаты в «историческом пространстве», которые бы с относительной надежностью указывали место в нем всякому значительному событию. Так, Гегель выводил подобную координату, по меньшей мере устанавливающую направление движения, из соотношений зависимости и свободы: «В восточном мире свободен один (фараон, царь, деспот), в греко-римском мире — некоторые (свободные в отличие от рабов), в современном мире (при юридической свободе человека, экономически понуждаемого продавать свой труд) — все». Отсюда и знаменитая гегелевская формула: «Применение принципа свободы к мирским делам, внедрение и проникновение принципа свободы в мирские отношения являются длительным процессом, который составляет самую историю».

Историки-марксисты часто и охотно обращаются к этой диалектической формуле, но вскрывают при этом глубинные причины эволюции такого рода. Ведь переход от родового внеличного состояния к рабскому, когда зависимость хотя бы уже осознается, а от него — к крепостному, частично освобождающему труженика, от последнего же — к лично независимому наемному работнику, продающему свой труд, — все это уже следствие каких-то подспудных социально-экономических процессов.

Как рассматривала «китайский феномен» старая историческая наука? Прежде всего — по-разному, в зависимости от общественных веяний, поскольку строгой философской концепции применительно к истории вообще не существовало. Очень рано, еще в эпоху Просвещения, появился удобный миф о «неполноценности желтой расы». Миф этот опирался на заурядное свойство всякого обывательского сознания (в Китае, кстати сказать, тоже): достоинства отдельных представителей своей нации (расы) оно приписывает всей нации в целом, тогда как недостатки отдельных представителей другого народа распространяет на весь этот народ.

«Неполноценность желтых» муссировалась вплоть до момента, когда принялись говорить о «желтой опасности»: Япония «вдруг» вышла на мировую арену. Небольшой рост и чересчур явная (по европейским понятиям) вежливость японцев с

неизменной подобоострастной (по мнению европейцев) улыбочкой, предписанной ритуалом, также долго служили притчей во языцех. «Японский феномен» в свою очередь потребовал объяснения — и очень скоро эту страну стали называть «Тихоокеанской Британией», учитывая прежде всего ее островное положение, но при этом как бы подразумевалась и историческая подоплека явления. Более серьезные историки, исследуя японский феодализм, принялись сопоставлять его с «классическим» европейским, самураев — с рыцарями. А в рыцаре всегда видели личность (хоть это не во всем справедливо), исторически перспективные человеческие качества.

В любом случае одно представлялось незыблемым и бесспорным: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут, пока не предстанет наша земля на страшный господен суд...» И Китай, вплоть до недавнего времени, ценился как классическое подтверждение этой пресловутой киплингговской формулы.

Итак, не китайцы прибыли в Европу, а европейцы — в Китай. Но это уже некоторый итог. Каково же было начало? С какого момента исчислять это начало, если истоки человечества теряются во мгле тысячелетий? Она-то, мгла, и есть наше общее прошлое, а свет начинает брезжить постепенно. Так возможно ли выделить какой-то начальный момент, старт мировой истории?

Впрочем, в мифической истории человечества, в Библии, такой момент выделен. Это — изгнание из рая. Жившие без греха и забот (точнее, не осознававшие ни того, ни другого), первобытные люди впервые оказываются наедине с собственным сознанием. Путь назад им заказан: херувим с мечом огненным поставлен отныне у врат рая — врат неведения.

В какой же мир попадают изгнанники? В одну из древневосточных деспотий, сложившихся на базе еще не расчлененной собственности. В сущности, это все еще старая модель патриархального владения, только собственником выступает уже племя, не семья, а «сверхсемья» — государство, — члены которой связаны хоть и не родственно-духовными, но еще более деспотическими узами. Земля, эта важнейшая собственность, еще не раздроблена, но уже не принадлежит тому, кто ее обрабатывает. «В основе всех явлений на Востоке лежит отсутствие частной собственности на землю, — пишет Маркс Энгельсу. — Вот настоящий ключ даже к восточному небу»⁵. «Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока, — пишет Энгельс Марксу. — В этом основа всей его политической и религиозной истории»⁶.

Классики марксизма определяли это явление как «азиатский способ производства»⁷, имея в виду прежде всего великие речные цивилизации: двуречья Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы, а также дельту Нила. Археологические открытия недавнего времени обнаруживают черты этого способа производства и в древних Микенах, на территории будущей классической Эллады, и на Крите, и у этрусков, доримского населения Италии, даже за океаном — в цивилизациях доколумбовой Америки.

Так, в огромной империи Тавантин-суйо («четыре объединенных стороны света» на языке кечуа) протяженностью в пять тысяч километров с севера на юг и населением, по некоторым оценкам, в десятки миллионов человек Верховный Инка — абсолютный владелец земли. Владея ею, а значит, и всем, что на ней произрастает, он кормит свой народ и, следовательно, по праву владеет им.

При этом у Единственного (так официально именовался Верховный Инка) возникало понятное намерение сберечь свою собственность. Никто не должен был умирать от голода. Поощрялась рождаемость (с целью приумножения собственности); на каждого родившегося выделялся дополнительный государственный надел. Здравоохранение было хоть и примитивным, но — всеобщим. Современный перуанский историк Луис Валькарсель пишет, что «империя Куско («пуп земли» на кечуа, столица государства инков) гарантировала всем человеческим существам, находившимся под ее юрисдикцией, право на жизнь через полное удовлетворение первостатейных физических нужд в питании, одежде, жилище, сохранении здоровья и в половых отношениях». Советский исследователь В. Кузьмишев добавляет, что «все без исключения хронисты отмечают отсутствие нищеты и даже бедности в Тавантин-суйо».

Ответом на подобный «государственный гуманизм» была всеобщая трудовая повинность. Тунеядство в любой его форме строго каралось. Даже у кумушек, болта-

ших друг с дружкой, должны были быть заняты руки: они в это время пряли шерсть или вязали.

Никто не должен был уклоняться от своих обязанностей, а в случае проступка — ускользнуть от наказания. Абсолютный контроль и всеохватывающая отчетность — таков был государственный принцип, неукоснительно соблюдавшийся. Знаменитое «узелковое письмо», кипу, как раз и служило такой отчетности. В. Кузьмищев называет его «счетно-вычислительным устройством», хранившим и выдававшим, кому следовало, статистические данные.

Важно отметить, что древнее Перу знало и развитое иероглифическое письмо. Хронист Молина утверждает, что видел в храме солнца Покен-Канча близ Куско биографии инков, написанные рисуночным письмом. Инки сочили, однако, что для государственных дел довольно лишь цифровых данных; всякая иная информация, будившая мышление, могла лишь повредить стабильности державы. Пользование иероглифами было воспрещено, почему они и не сохранились. Нарушение сурово каралось; смертная казнь была наиболее популярным видом наказания.

Державность многонационального государства, отождествление его моши и «величия» были предметом особых забот. Объединяющей экономической основы не было. «При таких условиях сохранение территориальной целостности стало зависеть от двух других факторов: от степени политико-административной централизации и от этнической консолидации населения, — пишет Ю. Зубрицкий в сборнике «Культура Перу». — Далеко идущие этнические последствия имели мероприятия центрального правительства по налаживанию разработанного инками передового производства во вновь присоединенных областях. Разумеется, это делалось не в целях подъема благосостояния их жителей (хотя и этот фактор учитывался), а ради укрепления экономики данных областей, активного ее включения в общегосударственную «экономическую машину», обеспечивавшую все возрастающие нужды господствующих классов и жречества... Трудно переоценить такой фактор этнической консолидации, каким являлась языковая политика инков — повсеместное внедрение языка кечуа. Этому активно способствовала местная знать, сама стремившаяся овладеть им, чтобы походить на своих господ. Язык кечуа изучали в специальных школах... Из средства межплеменного общения руна-сими («язык человека», то есть кечуа. — М. Т.) постепенно превращался в родной язык всего населения инкской державы».

Всякая мыслительная деятельность предельно ограничивалась, если не приравнивалась к преступлению. Сохранилось высказывание на сей счет Тупака Инки Иупанки (кстати, довольно либерального среди Единственных): «Неразумно обучать детей плебеев наукам, ибо они принадлежат благородным и никому более; потому что (плебеи) как люди низкие могут вознестись, и загордиться, и дискредитировать, и унижить государство; для них достаточно обучаться ремеслам своих отцов, поскольку не дело плебеев приказывать и управлять, так как возложение на простых людей этих занятий означало бы причинение ущерба службам и государству».

Итак, общество было сугубо иерархическим, что характерно для «азиатского способа производства» на любом континенте. При этом экономическая и политическая власть слиты, чем обеспечивается монолитность и незыблемость на долгие века. Государство такого типа чрезвычайно стабильно и рушится главным образом от внешних причин, как случилось и с державой инков в пору, казалось, ее расцвета.

«Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе», — писал К. Маркс, характеризуя «азиатский способ производства». Индивидуальное хозяйство, в том числе с использованием труда рабов, развивается позднее, со становлением личности. С исчезновением «добровольного рабства» (по выражению французского гуманиста XVI в. Ла Бозси, автора трактата «Рассуждение о добровольном рабстве»), абсолютной покорности, ощущаемой как естественное состояние. Чрезвычайно эмоционально пишет об этом в «Социальной психологии к истории» Б. Поршнев: «Первыми рабами с точки зрения психологической были те, кто первым стал сопротивляться привычному беспрекословному рабству. Ибо только их надо было ставить в специальное правовое положение рабов, заковывать в цепи, плетями и оружием принуждать к труду. Звучит парадоксально, но ведь это были первые непокорные, первые мятежники. Рабовладельческий строй возник тогда и там, когда и где люди стали пробовать разгибать спину. Их бросали обратно ниц, на землю, на колени. Их смиряли стра-

хом. Да, рабы Древнего Рима были пронизаны страхом, но ведь господа тоже знали страх перед ними. Издавались законы, ковалось оружие, выдумывались боги и заповеди. Словом, рабовладельческий строй был только там, где люди начинали свои первые исторически попытки бороться против рабства».

Собственники личных наделов, в том числе и обрабатываемых рабским трудом, когда и где бы они ни жили, нуждаются в обмене продуктами своих хозяйств, несут с собой рыночные, позднее определившиеся как буржуазные, отношения, а «нормальной формой господства буржуазии является республика»⁹. Всюду там, где был свободен мелкий собственник (также и рабовладелец), возникали республики (в античной Греции, в средневековых Исландии, Швейцарии...) либо ограниченные закононами монархии. Тогда как имперская «сверхсобственность» неизбежно вела к деспотии.

Разумеется, сверхсобственнику (фараону, инке, императору) самому не справиться со столь огромным хозяйством. Максимально разрастается штат чиновников, планирующих, дающих задания, следящих за исполнением, отчуждающих большую часть произведенного продукта. Они непосредственно у кормила власти, и слово это обретает здесь ироническое звучание (как бы от слова «кормление»), хотя никто из них не владеет единолично ни землей, ни теми, кто на ней трудится. Все скопом принадлежит императору, империи — надзирающие тоже. В такой абсолютной деспотии, по замечанию Энгельса, «все равны, а именно — равны нулю»¹⁰. Индивидуальное проявление человека зависит не столько от собственных черт характера, талантов, сколько от положения в иерархии. Тут еще много похожего на табуистическую власть родового вождя, своей «богоданностью» уравнивавшего поданных; индивидуальные стремления сводились к попыткам приблизиться к нему, подняться по иерархической лестнице. Другие стремления были напрочь задавлены, и в этом таилась будущая гибель. «Насколько свободный гражданин желает славы своего народа, настолько раб безразличен к общественному благу», — писал французский философ-материалист Гельвеций, подчеркивая решающую роль общественной среды в формировании личности. Он очень близко подошел к признанию того, что именно бытием определяется массовое сознание.

Особенно долго «азиатский способ производства» и связанные с ним формы общественного бытия, а значит, и сознания людей прослеживаются в Китае. И здесь в свое время произошел разлад между складывающейся личностью и родовыми установлениями («бунт против табу», разыгравшийся в библейском саду вокруг плодов познания), но процесс этот был предельно заторможен конфуцианством, своеобразным этико-философским учением. Китайский иероглиф «цзяо» означает в переводе и «учение» и «религию», разницы вроде бы никакой, хотя в конфуцианстве, ставшем на тысячелетия государственной религией, нет ни малейших мистических откровений, да и сам Конфуций советовал: «Чти богов, но держись от них в отдалении». Более того, под флагом конфуцианства время от времени объявлялась война религиозным культам, то есть непосредственно вере в богов. Ведь Конфуций был вполне земным человеком, и мы достаточно достоверно знаем основные этапы его жизни. Известно место его погребения, существует мавзолей Конфуция.

В 551 г. до н. э. в благонравной и добродетельной чиновничьей семье Кун, главе которой было к тому времени уже 70 лет, родился мальчик, которого назвали Цю. Позднее его назовут Кун-цзы — учитель Кун, в нашем переложении — Конфуций.

Начало китайской истории озарено мифическим «золотым веком», когда народ трудился без всякого принуждения, вознаграждаясь самой своей верностью «совершенно-мудрым» правителям. Они же, как говорилось, правили «спустя рукава», то есть без малейших хлопот. Все шло само собой.

С течением времени, однако, все изменилось. «Когда власть деятельна, народ несчастен», — печально констатирует древнекитайский философ, сравнивая «золотое прошлое» с современной ему действительностью. Значит, самое верное — вернуться назад, к мудрости древних. «Я толкую, но не создаю... Учение мое не что иное, как учение, кое преподали и оставили нам мудрые... Я верю в древность и люблю ее», — учил Конфуций. Китаю предстояло жить, как бы оборотиться назад, спиной к будущему.

«Во всем середина — вот что составляет добродетель» — этому принципу Конфуций оставался верен всю свою жизнь. Он не наместник бога на земле, как Иисус, сын божий, как яростный пророк Мухаммед или Моисей-законодатель, — он уступает эту

роль государю Поднебесной. Какому? Любому. Ныне правящему. Бесстрастное Небо равно распростерто над всеми. Государь представляет его на земле. Нарушение или неисполнение его предписаний — грех, само зло во плоти.

Конфуцианская идеология обращена к логике и разуму гражданина, поскольку человек рассматривается ею лишь как элемент, «винтик» социальной структуры, прежде всего государственной, и речь могла идти исключительно об его гражданских функциях и обязанностях. Дисциплина рассматривалась как гражданская сознательность; вопрос же о гражданском неповиновении не ставился вообще.

Религия и политика слились в конфуцианской морали. Государство, воплощенное в государе, альфа и омега, средство и цель одновременно. Любое деяние человека отныне четко запрограммировано, подчинено незыблемому ритуалу. Конфуций узаконил традиционные, издревле сложившиеся в Китае семейно-родовые обряды и правила, распространив их и на гражданские отношения. Государство рассматривалось им как одна семья, гражданственность — как соблюдение заведенного векового порядка.

Конфуцианских добродетелей ровно пять. Как пять пальцев на руке. Как пять органов чувств. Доскональное значение этих добродетелей — «чжи» — необходимо каждому. Конфуций за всеобщую грамотность, за то, чтобы все постигли его учение. Прибыв в княжество Вэй, он удивился: «Какая уйма народу!» «Народу уйма, — был почтительный ответ. — Что следовало бы ему пожелать?» — «Дать всем достаток». — «Если придет достаток, что еще надо сделать?» — «Дать всем образование».

Некоторые толкования, включая «чжи» в каноническую пятерку, как-то уплотняли ее при этом так, чтобы вышло все-таки не более пяти добродетелей. Магия канона. Человеческая жизнь расчислена вдоль и поперек. Соблюдение добродетелей-параграфов составляет суть бытия. Ты должен быть горд, сознавая, что выполняешь свой долг; больше ничего не оставлено человеку, все индивидуальное отмечено. Во всяком случае, в теории.

Даже библейский Ветхий завет, «устав и закон» пастушеского, почти первобытного народа требует: «Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды». Хоть крохотный просвет для собственной инициативы. Конфуцианство не оставляет и этого. Добродетели абсолютны — да они на первый взгляд таковыми и выглядят. Кто станет возражать, например, против человеколюбия? А это и есть первый из конфуцианских принципов — «жэнь».

«Конфуций назвал всех людей «посередине четырех морей», то есть все человечество, братьями, а «человеческое начало» (жэнь) в каждом человеке определил как «любовь к людям»... — писал в своей книге «Запад и Восток» академик Н. Конрад. — В этом плане был создан тезис о любви к человеку, с разной степенью силы провозглашенный и буддизмом, и христианством, и конфуцианством».

Все для людского блага — кто же тут возразит! Но обычные житейские свойства, над которыми никто прежде и не задумывался, — доброта, взаимовыручка, сочувствие, благожелательность — сразу же облеклись в форму безусловно обязательного императива. И следование добродетели — уже не свободный выбор каждого, а долг, обозначаемый иероглифом «и». Это, по Конфуцию, второй из пяти принципов морали. Никто не смеет уклониться от своего долга.

Сказочка Ганса Христиана Андерсена «Соловей» начинается так: «В Китае все жители — китайцы и сам император — китаец». Вот и он тоже обязан исполнять долг — служить своему народу, управляя им согласно законам. Он обязан постоянно обновлять в памяти все предписания. Даже последний император Маньчжоу-го, наш современник Пу И, ежедневно, как бы ни спешил, обязан был прочесть страницу из конфуцианского «Наставления предков», как благочестивый христианин или правый мусульманин — молитву, хотя в «Наставлении» нет и намека на мистическое откровение, голое и сухое радио, но — возведенное в религиозный абсолют.

Долг народа в свою очередь — служить государю. Высшая честь — отдать за него жизнь. Солдатам предписывалось стоять насмерть, военачальникам — сражаться до последнего человека. Ни при каких обстоятельствах не сдаваться в плен. Самой своей смертью ты обязан устрашить врага, погибая — быть полезным вдвойне. Даже в момент кончины надлежало соблюдать благопристойность, быть примером живущим. Это важнейший, центральный из пяти принципов — «ли»: соблюдение ритуала, символизировавшего обожествленную мораль, в любых обстоятельствах. Осужденный, сохраняя достоинство, «не теряя лица», кладет голову на плаху. Ему дозволено предварительно,

в осуществление принципа «ли» (даже если он был осужден за насилие, убийство, грабеж, словом, нарушал принцип «жэнь») спеть что-нибудь патриотическое. Толпа при этом шумно одобряла его. А если еще и отрубленная голова сохраняла пристойную улыбку, это вызывало бурю восторга.

Трудно сказать, насколько все это соблюдалось буквально. Лу Синь, великий писатель нашего века, над этим уже иронизирует. Жалкий, забитый герой его знаменитой «Подлинной истории А-Кью», само имя которого — А-Кью — звучит уничижительно, как Васька или Петька, собрался было запеть, когда его казнят по недоразумению, «хотел уже взмахнуть героически рукой, но вспомнил, что руки связаны, и не запел». Утешает же он себя пародийно конфуцианским рассуждением, что «в этом мире у человека, вероятно, бывают и такие минуты, когда ему отсекают голову». «Спасите!» — хотел было крикнуть он, но не сделал этого. Что может быть хуже, чем потерять лицо! «Умереть — невеликое событие, лицо утратить — большое». Бесспорно, даже безграмотный А-Кью знал эту конфуцианскую истину, изреченную за двадцать пять веков до его рождения. Он, так сказать, выпитал ее с молоком матери.

На тысячелетия застыл Китай в верноподданническом благочинии. Возникло положение, которого так опасался основатель лютеранства и просветитель Мартин Лютер у себя в Германии: «Государство превратилось в церковь». Лютеру это представлялось проделкой сатаны, в Китае воспринималось как естественное положение дел. Абсолютная дисциплина, послушание, благонамеренность. Не только на людях, но и наедине с собой. Благопристойность предписывает: все, что не соответствует «ли», — не смотреть; все, что не соответствует «ли», — не слушать; все, что не соответствует «ли», — не говорить; все, что не соответствует «ли», — не делать. Нетрудно представить состояние общества, пусть даже не буквально соблюдающего такую мораль, лишь руководствующегося ею. Тут и сны, надо думать, снятся только благопристойные.

Верх добродетели — абсолютная, неукоснительная верность государю. Это уже четвертый конфуцианский принцип — «синь», — вытекающий из предыдущих. Вот каноническая притча на эту тему. Женщина с детьми на руках, убегая от врагов, вынуждена бросить одного ребенка ради спасения другого. Враги все же настаивают ее. И узнают, к вящему своему ужасу, что она, демонстрируя верность, подчеркнуто жертвывая личным, оставила собственное дитя, спасая чужое, случайно подобранное. Принцип торжествует над человеческой природой, перевешивая и естественный материнский инстинкт. И враги, согласно притче, в панике, без боя, бегут из страны, где даже женщины способны проявить столь невероятную твердость.

Женщина обязана хранить верность не только государю, но и своему мужу. Семья — ячейка государства и потому нерушима. Семейная верность — тоже «синь». В Китае в старину особо образцовым женам (не мужьям) даже при жизни воздвигали памятники и триумфальные арки. Вот что об этом пишет в 1907 г. в дневнике, путешествуя по Китаю, академик В. Алексеев: «Камень исключительно верной жене» можно увидеть всюду... Имеется целая литература наставлений женщинам, ссылающаяся на исторические примеры... Старый рефрен гласит: «В женщине нет таланта, хватают ей добродетели. Добродетель, и всё».

Случались, надо думать, и не слишком похвальные примеры. В классической притче муж на смертном одре просит жену не отдаваться другому, пока хотя бы не охладет его труп. Послушная жена по его кончине тут же принимается веером обмахивать усопшего.

По другой версии, муж просил жену не выходить вторично замуж, пока не обсохнет земля на могиле. Веером тут не очень-то пособишь, как ни усердствовала вдова, — и сами духи приходят ей на помощь в виде сухого ветра.

Яркая новелла, достойная Бокаччиова «Декамерона», — а ведь благочестивый китаец видел в этом прежде всего буквальное следование завету почившего. Почтение к мертвым — отличительная черта китайской цивилизации. «Два чувства дивно близки нам, в них обретает сердце пищу: любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Пушкин выразил в этих словах высокое душевное веление, для конфуцианца же это — прямое предписание, пятый из нравственных принципов — «сяо», — последний по счету, но отнюдь не по значению.

«Сяо» — это культ предков, причем не только непосредственных, но на столько поко-

лений в глубь веков, на сколько прослеживается, хотя бы в форме семейных преданий, генеалогия рода. Это и сыновья (дочерняя) почтительность при жизни родителей. Нельзя доносить на отца и мать, если даже того требуют государственные интересы. Виновного в таком доносе казнили. Казнили в этом случае, само собой, и его родителей тоже. Кроме самого преступления, им в вину вменялось и дурное воспитание сына.

Сама по себе казнь в старом Китае еще не была, как мы бы сказали, высшей мерой; многое зависело от степени ее мучительности, а была она очень разной. Особо тяжелой, превосходящей всякую меру считалась кара, при которой не только казнили виновного, да и всех его домочадцев, но еще и разрушали могилы его предков. Что ждало его при встрече за гробом с обездоленными им душами пращуров!..

Старшего сына называли «чжун-цзы» — «сын могилы» в буквальном переводе. До собственной кончины он обязан был совершать жертвоприношения на месте погребения предков. «Чти умершего отца, как живого!» — завещал Конфуций, и правоверные китайцы были навеки прикованы, точно цепью, к отеческим гробам. Сдвинуться с насиженного места при этом было просто невыносимо. Пример подавали, разумеется, прежде всего потомки самого Учителя. До недавних пор, во всяком случае по упоминаниям в прессе, они жили в Цюйфу, там, где 25 веков назад родился прилежный, благонамеренный мальчик Цю.

(Продолжение следует)

¹ Знание — сила. 1988. — № 12.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 27. — С. 402—403.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 2. — С. 102.

⁴ Незадолго до упоминаемой эпохи греческий ученый Герон Александрийский изобрел двигатель с реактивным вращением от струи пара.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 28. — С. 215.

⁶ Там же. — С. 221.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 13. — С. 7.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 25. — Ч. II. — С. 354.

⁹ Там же. — Т. 7. — С. 362.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. — С. 144.

А. КОЛЕСНИК

Сегодня мы, дорогие читатели, обращаемся к, казалось бы, далекой от тематики журнала теме, но, как нам представляется, чрезвычайно важной, поскольку ранее мы много писали о выдающихся личностях — советских советниках в Китае 30-х годов. Однако, никогда на своих страницах мы не начинали разговора о тех деятелях, хотя и немногих, которые, начав свою карьеру в рядах наших представителей в Китае, вошли в историю как изменники своей родины. Таким был бывший генерал Власов.

1 августа 1946 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила к смертной казни через повешение А. А. Власова, В. Ф. Малышкина, Г. Н. Жиленкова, Ф. И. Трухина, Д. Е. Закутного, А. И. Благовещенского, М. А. Меандрова, В. И. Мальцева, С. К. Буняченко, Г. А. Зверева, В. Д. Корбукова Н. С. Шатова. Более двадцати томов составили документы архива Военной коллегии по делу названной верхушки «Русской Освободительной Армии» (РОА) и «Комитета Освобождения Народов России» (КОНР), а также других лиц, которые *«оказавшись при различных обстоятельствах (курсив наш.— А. К.) в плену у фашистов, добровольно предложили им свои услуги для борьбы против Советского государства и народа, совершили гнусные изменнические действия».*

Власовцы... Одна из самых черных страниц войны. А мы уже убедились за нынешние четыре года, что «черные», как и «белые пятна», не терпят суеты. Достаточно уже умудрены, чтобы отличать работу «на себя» от поиска истины.

В западной литературе типичная оценка, даваемая власовцам, наиболее полно сформулирована в письме к автору этих строк западногерманским исследователем Свенном Стеенбергом, широко известным своей работой «Власов — предатель или патриот?» (1969): «Они пережили ужас раскулачивания, коллективизации, ежовщины, унесших миллионы жертв. Почти каждая семья потеряла родных. Жизнь под Сталиным лишалась смысла. «Хуже не будет, потому что хуже быть не может», — говорили эти люди. Они ждали, что немцы освободят их от сталинского террора. О национал-социализме, о его расистских колонизаторских планах ничего не знали. И как только началась война, миллионы готовы были вместе с противником выступить против своего правительства: нечто небывалое в истории войн, что доказывает, насколько ненавидели Сталина».

Аналогичные утверждения содержатся в книге С. Фрëлиха «Генерал Власов, русские и немцы между Гитлером и Сталиным» (1987): «Удивительно, какие трудности вызывали у регентов советской власти разоблачения Солженицына даже спустя десятилетия после этих событий. Вместо того, чтобы обвинить во всем Сталина и Гитлера, они считают, что преодолеть эти трудности можно поставив «каиново клеймо» измены... Интересно, как советские историки справят-

Колесник Александр Николаевич — подполковник, кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела Института военной истории МО СССР.

ся с этим феноменом на второй фазе «потепления», начатого Горбачевым вслед Хрущеву». По существу на тех же позициях и И. Хофман, автор часто цитируемого и неоднократно переизданного на Западе исследования «РОА — власовская армия» («История власовской армии»). Иными словами — власовцы, в представлении некоторых западных авторов, — это не фашистские прихвостни, а «освободительное» антисталинское «сопротивление», и Власов — идейно-политический лидер и родоначальник этого «движения»¹.

Он говорил, что не был обижен советской властью.

Автобиография На комбрига ВЛАСОВА Андрея Андреевича*.

Родился 1 сентября 1901 г. в с. Ломакино Гагинского района, Горьковской области (с. Ломакино, Покровской волости, Сергачанского уезда, Нижегородской губернии) в семье крестьянина-кустаря. Жена — Анна Михайловна Власова (девичья фамилия Воронина) уроженка той же местности.

Главное занятие родителей моих и жены до Октябрьской революции и после — земледелие. Хозяйства имели средняцкие. Мой отец портной С. 1930 года в колхозе. В настоящее время мой отец имеет 82 года от роду, инвалид I группы, живет на родине в колхозе и состоит на моем иждивении. Мать умерла в 1933 году. Отец жены также на родине, ее мать умерла в 1925 году. Кроме отца, у меня ближайших родственников никого в живых нет. Брат погиб в гражданскую войну в борьбе против Колчака в Красной Армии. Сестра умерла в 1935 году. Два брата жены работают в городе Горьком на Горьковском автозаводе им. Молотова. Одна сестра работает мастером на Кировском заводе в городе Ленинграде, и одна сестра на родине замужем за сельским учителем.

Из родственников моих и жены никто за границей не проживал и в настоящее время не живет. Я окончил сельскую школу. После чего на средства родителей и брата был отдан учиться в духовное училище, как самое дешевое в то время по плате обучения. С 13 лет, занимаясь подготовкой малолетних детей (репетитор), я сам зарабатывал себе средства на право обучения. По окончании духовного училища в г. Нижнем Новгороде, два года учась в духовной семинарии до 1917 года на правах иносословного, то есть не духовного звания. В 1917 г. после Октябрьской революции поступил в XI Нижегородскую Единую Трудовую школу 2-й ступени, которую и окончил в 1919 г. По окончании школы 2 ступени, поступил в 1919 г. в Нижегородский Государственный Университет по агрономическому факультету, где и учился до призыва в РККА.

В РККА призван 5 мая 1920 г. Служил красноармейцем в 27 Приволжском полку в г. Нижнем Новгороде. С 1-го июня в этом же городе курсантом на 24-х Нижегородских пехотных курсах командного состава РККА.

По окончании курсов в октябре месяце 1920 г. был отправлен на Врангелевский фронт. Участвовал в походах и боях на Врангелевском фронте и против банд Махно, Маслака, Каменюка, Попова и друг. С октября 1920 г. по июль 1922 г. в быв. Донской области и Воронежской губернии в должности командира взвода и друг. 14 Смоленского полка 2-й Донской стрелковой дивизии.

Во 2-й Донской стрелковой дивизии (в последствии переименована в 9-ю Донскую стрелковую дивизию) в 14 Смоленском стр. полку (в последствии переименованном в 26-й Ленинградский стр. полк) прослужил 10 лет (до ноября 1930 г.) с лишком. Занимал должности командира взвода, роты, начальником полковой школы, командира стрелкового батальона и врид. начальника штаба полка.

С ноября 1930 г. переведен в г. Ленинград в школу объединенную им. Ленина, где служил: преподавателем тактики 1,5 года и помощником начальника учебного отдела 8 месяцев.

С февраля 1933 г. переведен в штаб Ленинградского Военного Округа где занимал должности: помначальника 1-го сектора 2-го отдела — 2 года; помначальника отдела боевой подготовки — 1 год, после чего 1,5 года был начальником учебного отдела курсов военных переводчиков разведывательного отдела ЛВО.

* Орфография подлинника сохранена.

С июля 1937 г. командовал 215 стр. полком, с ноября 1937 г. командовал 235 стр. полком до мая 1938 г., с мая 1938 г. начальником 2 отдела штаба Киевского Особого Военного Округа до сентября 1938 г. С сентября 1938 г. назначен командиром 72 стр. дивизии Киевского Особого Военного округа и был отправлен в правительственную командировку по заданию партии и правительства, каковую закончил в декабре 1939 г.

С января 1940 г. команду 99 стрелковой дивизией КОВО.

В период 1928—1929 гг. окончил тактико-стрелковые курсы усовершенствования состава РККА «ВЫСТРЕЛ» в г. Москве, в 1934—1935 г. окончил 1-й курс Военно-вечерней академии РККА, Ленинградского отделения.

В РККА награжден медалью «XX лет РККА» № 012543 и разными личными именными подарками. За правительственную командировку представлен к награде орденом СССР.

В старой царской и белой армиях не служил, в плену и на территории, занятой белыми, не проживал.

В РКП(б) вступил в 1930 г., принят дивизионной парткомиссией 9 Дон. стр. дивизии. Партбилет № 0471665. Проводил агитмассовую работу, неоднократно избирался членом партийного бюро школы и полка. Был редактором школьной газеты. В общественной работе всегда принимал активное участие. Был избран членом военного трибунала округа, членом президиума районных организаций ОСО-Авиахим и др.

Партвзысканий не имел. В других партиях и оппозициях никогда нигде не состоял и никакого участия не принимал. Никаких колебаний не имел. Всегда стоял твердо на генеральной линии партии и за нее всегда боролся. Органами советской власти по суду никогда не привлекался. За границей не был.

Командир 99 стрелковой дивизии
комбриг

/ВЛАСОВ/

16.4.1940 г.

Свидетельства современников, анализ архивных документов, советских и германских, материалы различного рода следственных дел — все, что знает теперь и знал в дни войны советский народ, опровергает утверждения о «благородных» побуждениях власовцев.

Во-первых, идея РОА возникла не стихийно и задолго до перехода Власова к немцам. Вскоре после установления фашистского режима в Германии белоэмигрантская пресса начала бурно обсуждать, что делать в случае нападения Гитлера на СССР. П. Н. Милуков одним из первых призвал осознать международные масштабы угрозы нацистской агрессии². А. Ф. Керенский и теперь отдался фразой: «...Не на Красную армию может возлагать надежды Россия, а на такое изменение внешней и внутренней политики, при котором была бы невозможна война кого бы то ни было с СССР»³. Зато течение «пораженцев» Гукасова прямо выступило за сотрудничество с Гитлером (вскоре ряд участников этой организации попались во Франции на шпионаже в пользу Германии).

К моменту нападения на СССР в составе гитлеровских войск уже было около 90 «добровольческих» образований, правда весьма жиденьких. Да в начале войны появились «Русская народная армия», «Боевой союз русских националистов» (без оружия), затем вместе с РОА они были объединены гитлеровцами в КОНР (1944).

Во-вторых, основная масса вступивших в РОА видела в этом единственную возможность выбраться из лагерей смерти, чтобы в подходящий момент перейти на сторону советских войск. Руководство фашистской Германии хорошо

это понимало. Вот что говорилось на встрече Гитлера с генерал-фельдмаршалом Кейтелем в горной резиденции фюрера 3 июня 1943 г.:

«Кейтель: Вся пропаганда Власова, которую он развернул, так сказать, самостоятельно, послужила основой для нынешней капитальной пропаганды, проводимой под условным наименованием «серебряный лампас» и рассчитанной на привлечение перебежчиков. С этой целью были выпущены листовки, содержание которых мы тогда согласовали с рейхсминистром Розенбергом. Они были обсуждены с ним по каждому отдельному слову, он их одобрил и санкционировал. И тогда с начала мая, можно сказать, развернулась тотальная кампания.

Фюрер: Необходимо видеть различие между пропагандой, которую я направляю на ту сторону, и тем, что в конечном счете мы делаем... Прежде всего не следует допускать распространения такого образа мыслей, какой я, к сожалению, уже обнаружил у некоторых лиц. Это несколько раз проявлялось и у Клюге: «Мы почувствуем огромное облегчение, если организуем русскую армию». Здесь я должен лишь сказать: мы никогда не будем создавать русскую армию, это фантазия в высшей степени. Будет гораздо полезнее, если я из русских сделаю рабочих для Германии. Мне не нужна русская армия, которую мне придется целиком пронизывать чисто немецким скелетом. Если я взамен этого получу русских рабочих, это меня вполне устроит. Я смогу тогда высвободить немцев, я смогу соответствующим образом переквалифицировать русских...

Нам нужно решительно избегать возникновения ненужных мыслей: «Может быть, наступит день, когда дела у нас пойдут плохо; тогда нам достаточно только создать украинское государство и все будет в порядке, мы получим миллион солдат». Мы ничего не получим, ни одного человека! Это тоже фантазия! Мы совершили бы величайшую глупость. Мы прежде всего упустили бы из виду цель настоящей войны. ...Полагаться на них нельзя. И я вынужден снова повторить: мы не можем вести пропаганду в сторону противника как попало. Это все нужно. Но это не должно поставить нас в такое положение, как в 1916 году (Имелись в виду факты братания русских и германских солдат-окопников в конце первой мировой войны.— А. К.). Этого не должно случиться. Мы не должны целые соединения готовить для кого-то третьего, кто возьмет их в руки и скажет: «Сегодня мы с вами заодно, а завтра нет». В один прекрасный день мы услышим нечто вроде забастовочного лозунга. Он обойдет весь фронт, и тогда они окажутся организованными и начнут заниматься вымогательством».

Приказ № 13 (27 декабря 1942 г.) давший ход операции «Серебряный лампас», о которой упоминал в той беседе Гитлер, предусматривал ведение войны против русских руками русских, в основном средствами пропаганды. Уже формировавшимся отрядам РОА оружие не выдавалось. Гитлер, как видно, ни в начале войны, ни в 1943 году не доверял основной массе военнопленных, из числа которых вербовались власовцы, и не хотел создавать их армию у себя в тылу. Вместе с тем в отношении лояльности верхушки РОА гитлеровское командование чувствовало себя уверенным до такой степени, что позволило в конце концов вооружить РОА и даже сделать на нее ставку, правда, уже в самом конце войны. И все же операция «Серебряный лампас» провалилась. И она не состоялась бы даже в том случае, если бы гитлеровцы начали осуществлять ее с самого начала войны.

Наконец, не соответствуют действительности и заявления самого Власова о том, что он готовился заранее к сдаче в плен, что этот шаг был результатом его мучительных раздумий и замысловатых интриг против него, Власова. «Я пробирался сквозь окружение в лесу и около месяца скрывался в лесу и болотах, где искал ответа на вопрос, следует ли дальше проливать кровь

Русского народа» и где «ясно осознал, что Русский народ втянут большевизмом в войну за чуждые ему интересы англо-американских капиталистов» (чувствуется рука немецкого профессионала-редактора). Если и были раздумья, то над тем, как предать Россию, а не о том, как создать Новую.

Вот как произошла сдача Власова в плен.

От майора Зубова Александра Ивановича, бывшего заместителя начальника Политотдела 46-ой стрелковой дивизии 2-й Ударной армии Волховского фронта

Мне, как заместителю начальника политотдела 46 сд, находясь в окружении в районе «Мясной Бор» в составе 2 ударной армии, известно поведение бывшего командующего 2 ударной армии генерал-лейтенанта Власова.

Согласно приказа военного совета 2 ударной армии наша 46 стрелковая дивизия с боями начала отход из района «Коровий Ручей» в районе Волхова. Когда наша 46 стрелковая дивизия подошла к деревне «Сенная Кересть» в это время 28 мая 1942 г. противник в районе «Мясной Бор» перерезал пути отхода и вся 2 ударная армия оказалась в окружении.

Командиру 46 стрелковой дивизии полковнику Черному было приказано прорвать вражеское кольцо и закрепить фланги и выйти на соединение с 59 армией. Вся подготовка длилась очень долго, и только тогда, когда прорвалось шесть танков, вражеское кольцо было прорвано. Я находился на КП 176 сп 46 сд с командиром дивизии полковником Черным, доложил члену военного совета тов. Зуеву, который находился на КП 46 сд, что можно дать команду раненым, госпиталям и штабам дивизий и бригад на выход из окружения. Когда была такая команда дана командующим 2 ударной армии, полковник Черный попросил разрешения на выход штабу, так как 46 сд уже была в прорыве. Командующий Власов запретил это сделать и заявил, что «вы получите гвардейский полк и будете им прикрывать отход 2 ударной армии». Таким образом, 22 июня в образованный прорыв шли части, раненные, штабы и одиночки, а 23 июня 1942 года в 3 часа дня противник поставил сильный заградительный огонь и снова закрыл проход.

Вечером по приказу командующего был организован выход всех частей, соединив одиночек в роты, взвода, батальоны, и этот выход должен был закончиться в ночь с 24 на 25 июня. В 7 часов вечера я находился на КП 176 сп, в это время началось наступление и пошли все в огненный мешок. В 9 часов вечера полковому комиссару начальнику 7 отдела 2 ударной армии тов. Шабловскому оторвало руку. Я его затащил в сосны, сделал перевязку, слышу — кричит лейтенант и просит оказать помощь командующему Власову, который... погибает. Мы с командиром 176 сп Соболевым указали место, куда и где ему найти укрытие. В это укрытие был доставлен командующий Власов. В 12 часов дня 25 июня штаб 2 ударной армии и штаб 46 сд находились в лесу в одном месте.

Командир 46 сд тов. Черный мне сообщил, что мы сейчас идем в тыл противника, но командующий Власов предупредил, чтобы не брать лишних людей и стремиться лучше остаться одним. Таким образом, нас оказалось из штаба 2 ударной армии 28 человек и не менее было из штаба 46 сд. Не имея питания, мы пошли в «Замошеское болото» и шли день 25, 26. Вечером мы обнаружили убитого лося, поужинали, а утром 27 начальник штаба 2 ударной армии, посоветовавшись с Власовым, принял решение разбиться на две группы, так как таким большим количеством ходить невозможно. 27 июня в 2 часа дня мы раскололись на две группы и разошлись в разные стороны.

В августе месяце я встретил генерал-майора начальника управления связи 2 ударной армии, который находился в окружении вместе со мной. Он заявил, что между работниками штаба 2 УА начался скандал, и он бросил группу и от них отделился, и в августе вышел из окружения.

В 22 отдельную стрелковую бригаду прибыл заместитель командира отдельной раз-

звездательной роты по политчасти, который вышел из окружения в конце августа. С группой товарищей они пошли искать питание в деревню Сеинная Кереть. Когда они пришли в деревню, то им предложила старушка немедленно отсюда уйти, так как в деревню прибыло очень много немцев, так как вчерашний день в деревне был захвачен командующий Власов.

Старушку пригласили в лес на опушку, где она рассказала, что пришла женщина, попросила покушать, когда ее накормили, она попросила накормить товарища. Хозяйка дома согласилась. Когда покушал Власов, в это время дом уже был немцами окружен. Подойдя к двери и открыв ее, Власову было предложено поднять руки вверх. Власов занял: «Не стреляйте, я командующий второй ударной армии Власов». Где их забрали и повели вместе с женщиной.

В рассказе об этом факте присутствовал начальник отдела кадров политуправления 2 ударной армии тов. Бауманов.

Я с группой работников управления штаба 46 сд в количестве 12 человек вышел из окружения 9 июля 1942 года, где дал показания в особом отделе 59 армии об всем происшедшем в окружении. Выходил я из окружения с группой в полном вооружении, в форме и с документами в районе Трегубова расположения.

п. п. НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА 22 ОТД. СБР
— А. ЗУБОВ

30.7.1943 г.

Видимо, Власов на первых порах показался немцам все же не очень убедительной фигурой. Более желанной кандидатурой им представлялся военнопленный Яков Джугашвили. Его подвергли самым изощренным физическим и психологическим пыткам, но он сумел устоять, а в самый трудный для себя момент предпочел смерть.

Власов же сделал свой выбор сам и сам согласился занять в РОА первое место. Потерпев поражение на Волховском фронте, Власов не последовал примеру своих солдат, из которых практически не было пленных. Он искал спасения и нашел его ценой предательства. Сотрудник германского МИДа Хильгерт свидетельствовал, что явно добровольный характер его пленения помог фашистским хозяевам отдать ему предпочтение при выборе на роль главы РОА (было еще два кандидата). Он был назначен немцами, а не стал лидером. Психологи не без основания считают, что такие поступки в большей мере свойственны эдаким «жизнелюбам» вроде Власова.

Вот как его характеризовал Никита Сергеевич Хрущев: «Должен рассказать и о своих отношениях с Власовым, который потом оказался предателем и изменником Родины. До войны он командовал героической 99-й дивизией, которая должна была войти в историю как первая дивизия, награжденная во время второй мировой войны орденом Красного Знамени. Власов пользовался всеобщим уважением, его считали хорошим человеком и очень способным военачальником. Когда мы с Кирпоносом подбирали кандидатуру на должность командующего 37-й армией, которую мы формировали для обороны Киева, управление кадров Киевского военного округа рекомендовало нам назначить Власова. Я решил согласовать кандидатуру Власова с Москвой. В то время все мы жили еще в атмосфере подозрительности, предполагая, что враги народа были повсюду и особенно среди военных, и я хотел быть уверенным в том, что мы можем доверить Власову подбор личного состава штаба для 37-й армии или оборону Киева.

Я позвонил Маленкову, ведавшему кадровыми вопросами в Центральном Комитете. Конечно, я не рассчитывал, что он лично знает что-нибудь о Власове, но полагал, что он может посадить за работу кого-либо из своих подчиненных и дать мне характеристику Власова. Когда наконец меня соединили с Маленковым, я спросил:

— Какую рекомендацию ты мог бы дать на генерала Власова?

— Ты не можешь себе представить, — ответил мне Маленков, — что творится вокруг. Вся наша работа остановилась. У меня здесь нет ни одного свободного человека, чтобы тебе помочь. Поступай так, как считаешь нужным, и бери на себя всю ответственность.

Мне не оставалось ничего иного, как положиться на рекомендации, полученные от других военных. Опираясь на них, мы с Кирпоносом решили этот вопрос положительно, назначив Власова командующим. Он взялся за дело решительно и энергично. Он сколотил свою армию из отступающих и вырвавшихся из немецкого окружения частей и на деле доказал, что мы сделали правильный выбор. Он всегда спокойно держался под огнем, обеспечивал твердое и разумное руководство обороной Киева. Он выполнил свой долг и не позволил немцам взять Киев фронтальной атакой с ходу. И когда Киев в конце концов пал, то это произошло в результате обхода и сосредоточения немецких войск значительно восточнее города, а не потому, что Власов не обеспечил жесткой обороны.

Власов вырвался из окружения и добрался до наших дивизий пешком. Сталин приказал доставить его самолетом в Москву. Я подумал, что Генеральный штаб, должно быть, имеет какие-то материалы против Власова и что его отозвали, чтобы допросить. Позднее мы узнали, что он был вызван в Москву для награждения орденом. Сталин лично похвалил его и поручил ему руководство нашим контрнаступлением против немецких войск под Москвой, где Власов опять отличился. Тогда Сталин дал ему ответственное задание по обороне Валдайской возвышенности. Власов снова попал в окружение, но снова прорвался и вернулся на наши позиции. Сталин думал даже о том, чтобы назначить Власова командующим Сталинградским фронтом. Помню, Сталин как-то сказал мне в присутствии свидетелей, что если бы Власов был здесь, то командование Сталинградским фронтом поручили бы скорее ему, а не Еременко.

Когда Власов оказался изменником, Сталин вызвал меня и зловещим тоном напомнил мне о том, что именно я выдвинул Власова на пост командующего 37-й армией. В ответ я просто напомнил ему, кто именно поручил Власову руководство контрнаступлением под Москвой и даже предполагал назначить Власова командующим Сталинградским фронтом. Сталин оставил эту тему и больше никогда к ней не возвращался...

Конечно, как для меня, так и для Сталина дело Власова было горькой пилюлей, которую пришлось проглотить. Трудно было понять, как человек, проявивший такую преданность, храбрость и такие способности и пользовавшийся огромным уважением, мог изменить своей стране. Очевидно, у Власова был очень неустойчивый характер, коль он позволил немцам завербовать себя в качестве их агента. Его считали коммунистом, однако, по видимому, у него не было настоящей идеологической закалки... На вид он не был испорченным человеком. В первые годы войны, он, безусловно, казался преданным Советской власти. Возможно, конечно, став военным, он руководствовался корыстными соображениями. Может быть, он рассчитывал устроиться на теплое местечко в качестве партийного деятеля. К несчастью, у нас были такие карьеристы в прошлом, и боюсь, что они еще более многочисленны в наши дни».

Подручные Власова, такие как В. Ф. Малышкин, Ф. И. Трухин, вообще «истинные» власовцы, переходили к гитлеровцам при разных обстоятельствах, так что обстоятельства эти не могут быть признаны причиной их предательской деятельности. Причиной было стремление спасти свою шкуру. Причиной подлости — всегда подлость, а не обстоятельства.

Это было не общественное движение, а антиобщественное, антинародное, антипатриотическое отребье.

Конечно, не все ясно с поведением Власова в июне 1942 г. Не все ясно и с его пребыванием в Китае, а тем более не ясны причины его скорого отъезда оттуда.

Согласно версии К. Токарева⁴, Власов, будучи советником самого Чан Кайши (?), удостоился высшего ордена Золотого Дракона не совсем благовидной деятельностью, связанной с доносами и «дворцовыми» интригами. И даже будто бы за это был исключен из партии товарищами по группе советников, но московские покровители замяли это дело. Интересно, конечно, было бы узнать, кто они такие. Никаких доказательств, источников и убедительных свидетельств тов. К. Токарев, однако, не приводит. Несколько иначе дело обстоит в описании К. М. Покровского, который встретил осенью 1939 г. в гуйлиньском ресторане полковника Власова: «Власов потерял человеческое обличье, пил, подставшись «заботе об удовлетворении всех желаний». Было совершенно очевидно, что дальнейшее пребывание Власова на своем посту недопустимо. Вскоре он был отозван и отправлен в Советский Союз». Таким было «начало морального падения Власова, приведшее его к предательству»⁵. Генерал К. М. Качанов был руководителем группы наших советников в Китае, когда Власов уехал оттуда. Но его свидетельств не сохранилось, насколько нам известно: он был расстрелян осенью 1941 г. вместе с руководством Западного фронта. На процессе и в ходе следствия по делу Власова его пребывание в Китае не рассматривалось. Удалось обнаружить лишь вот этот документ:

АТТЕСТАЦИЯ

За период с октября 1938 по ноябрь 1939 г.
На полковника Власова Андрея Андреевича

1. Год рождения 1901
2. Национальность русский
3. Партийность член ВКП (б)
4. Соц. положение Служащий
5. Общее и военное образование среднее, Курсы Высшей и вечерн. Академии
6. Знание иностран. языков немецкий
7. С какого времени в РККА 1920 г.
8. С какого времени на должностях начсостава 1920 г.; в занимаемой должности _____
9. Участие в гражданской войне участвовал
10. Награды Нет
11. Служба в белых и буржуазно-националистических армиях и антисоветских бандах Нет

Тов. Власов хорошо грамотный командир, как общее образование, так и военная подготовка хорошая. За время командировки выполнял ряд ответственных заданий, проявил себя знающим дело и пользовался хорошим авторитетом, на нервной почве подчас проскальзывала грубость. Находясь в самых трудных условиях, показал себя как достойный большевик нашей родины, обладает достаточно сильной волей, твердым характером, настойчив, общителен, в общественной жизни активен, предан делу партии Ленина — Сталина, имеет хорошую Марксо-Ленинскую подготовку, может хранить военную тайну. Практически здоров и вынослив в походной жизни. Имеет стремление от штабной службы перейти в строй.

Вывод: Тов. Власов, находясь в командировке, с работой справился хорошо. Достоин назначения на должность начальника штаба армии и присвоения внеочередного звания комбриг.

29.XI.1939 г.

Полковник Ильин

Сам Власов охотно рассказывал позднее о пребывании в Китае, правда рассказы эти носили довольно односторонний характер: об ордене от Чан Кайши; про китайский обычай дарить ценные вещи за всякое доброе дело — золотые часы, например; о трех туго набитых чемоданах, которые увез в СССР из Китая. Правда, в Алма-Ате, на промежуточной посадке, ценные вещи были конфискованы, а багаж так и не прибыл по назначению. Рассказывал он и о том, что пользовался особым расположением Чан Кайши и даже его жены, что после отъезда комдива А. И. Черепанова он фактически руководил всей работой...

7 мая 1945 г. начштаба РОА Ф. И. Трухин по поручению Власова договорился с американцами о капитуляции. На этот раз — не успели. Третье перевоплощение «освободителей» не состоялось.

Личина предательства

¹ Сергей Фрелих. Генерал Власов, русские и немцы между Гитлером и Сталиным. «Маркус Ферлаг», Кельн, 1987; J. Hoffmann. Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg im Breisgau, 1986.

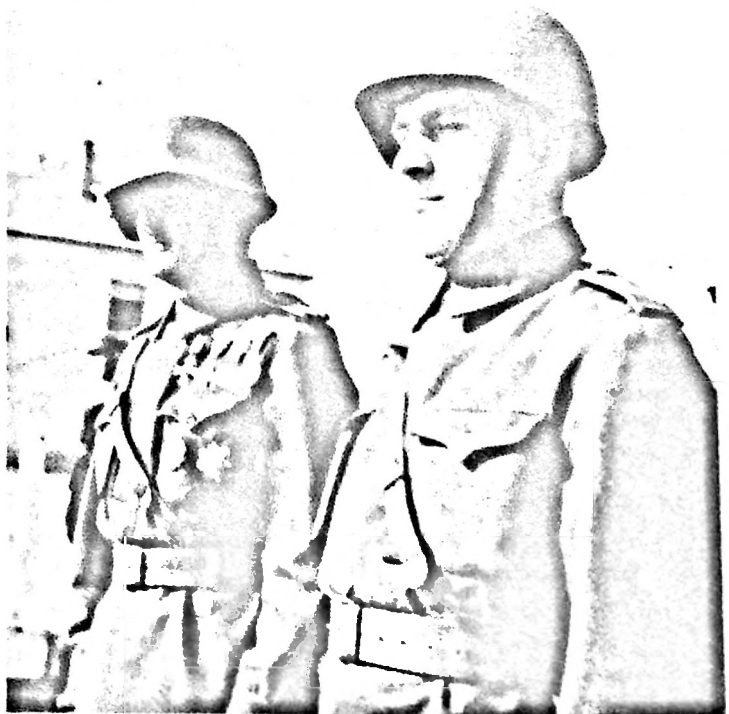
² Последние новости. 1936. — 12 апреля.

³ Возрождение. — 1936. — 14 апреля.

⁴ Комсомольская правда. — 1988. — 3 марта. Статья «Приговор».

⁵ По дорогам Китая. 1937—1945. Воспоминания. — М., 1989. — С. 219.

Яков Джугашвили отказался

Чем-то похожи — власовец
и семеновец

СИС — социум, информация, статистика

Сотрудничество металлургов

В марте нынешнего года в Пекине было подписано соглашение о создании рабочей группы по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между министерством черной металлургии СССР и министерством металлургической промышленности КНР. Деятельность рабочей группы будет направлена на организацию научно-исследовательской, конструкторской и проектной работы в области черной металлургии, разработку проблем кооперирования производства и прямых связей, поиск новых форм взаимодействия.

По сообщению газеты «Чайна дейли», во время визита в КНР министра черной металлургии СССР С. В. Колпакова достигнута договоренность о предоставлении Советским Союзом Китаю займа в размере 200 млн. швейцарских франков для модернизации Баотоуского и трех других крупнейших металлургических комбинатов Китая.

Развитие приграничной торговли

В марте текущего года в г. Находке подписан контракт на 10 млн. швейцарских франков между советским В/О «Дальинторг» и китайской Главной компанией международной торговли Автономного района Внутренняя Монголия. В 1988 г. сумма контрактов между ними достигла 120 млн. швейцарских франков. Китайская компания закупила у «Дальинторга» 130 тыс. т минеральных удобрений, а также большое количество стали, цемента и леса. Большой интерес был проявлен к закупкам в СССР бытовых товаров (музыкальных инструментов, холодильников, пылесосов). Китайская компания с прошлого года вышла на прямые связи и с другими советскими внешнеторговыми организациями и производственными объединениями.

Экспорт продовольствия — источник валюты

В 1988 г. поступление валюты за счет экспорта китайских продовольственных товаров составило 4,5 млрд. долларов, или 12 % от общего объема всего экспорта. За 10 лет от экспорта пищевых продуктов Китай выручил 30 млрд. долларов. За один только 1988 год он экспортировал 530 тыс. т консервированных продуктов и получил 540 млн. долларов прибыли.

Превалируют кражи

Министерство юстиции Японии сообщило, что число правонарушений, совершенных в стране в 1987 г. превысило 2132,5 тысячи, увеличившись по сравнению с 1986 г. на 0,4 %. Около 64 % всех преступлений — кражи, 26 % приходится на преступную халатность, приведшую к инцидентам на дорогах страны, и 3,3 % — на мошенничество. Полиции удалось выявить и задержать 73,5 % преступников. По сравнению с предшествовавшим годом этот показатель возрос на 1,3 %.

Строительство жилья в Пекине

За последние 10 лет в китайской столице около 2,5 миллиона жителей переселились в новые дома. За этот период, прошедший после 3 пленума ЦК КПК 11-го созыва (1979 г.), введены в эксплуатацию новые квартиры общей площадью в 41,8 млн. кв. м., т. е. ежегодно в среднем сдавалось 4,65 млн. кв. м. жилья.

Как сообщает газета «Бэйцзин жибао», городское правительство планирует ускорение реформы жилищной системы, что подразумевает также и «превращение жилья в товар и частную собственность».

А. ЧИЧКИН

Советский Союз и Китайская Народная Республика обладают мощными системами железнодорожного транспорта, что во многом обусловлено значительными размерами занимаемой этими странами территории, их географическим положением. Значительный экономический потенциал обеих стран, необходимость развития экономики отдельных (в том числе сопредельных) регионов СССР и КНР определяют заинтересованность двух стран в расширении международных транспортно-экономических связей.

Благоприятная географическая направленность взаимно стыкуемой железнодорожной сети СССР и КНР, особенно межрегиональных магистралей (Туркестано-Сибирская, Транссибирская, БАМ в СССР; магистраль Тяньцзинь — Пекин — Ланьчжоу — Урумчи, сеть железных дорог в провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, в Синьцзяне) и примыкающей к ним международной линии СССР — МНР — КНР (Улан-Удэ — Улан-Батор — Сайн-Шанд — Эрлян — Цзинин, протяженность 1400 км), соединяющей Транссибирскую (СССР) и Транскитайскую (Пекин—Урумчи) магистрали, не может не способствовать освоению возрастающих объемов взаимных и международных, в том числе транзитных (Европа — Дальний Восток) перевозок, а также — координации усилий СССР и КНР в области транспортного обеспечения мирохозяйственных и двусторонних связей.

Развитие экономики обширных приграничных областей и регионов (Восточная Сибирь, Дальний Восток в СССР; Синьцзян, Хэйлунцзян, Цзилинь и др. в КНР), базирующейся на комплексном освоении имеющихся природных ресурсов и формировании на данной основе территориально-производственных комплексов, а в их составе — транспортно-экономических (межотраслевых) зон, предполагает в современных условиях использование новейших достижений НТР, интенсификацию межгосударственного экономического и научно-технического сотрудничества, расширение экспортных возможностей приграничных регионов.

Новый этап международного разделения труда на Дальнем Востоке выражается прежде всего в постепенной ликвидации обособленности, замкнутости экономики, в том числе транспорта не только отдельных стран, но и их экономико-географических (приграничных) регионов, коммуникаций, портов, в развитии «автономизации» последних и т. п. Инвестиции и технология наиболее развитых стран и территорий (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сянган) содействуют ускоренному социально-экономическому развитию отмеченных регионов, освоению разнообразных природных ресурсов, модернизации производственной инфраструктуры. Активно идет процесс образования смешанных, совместных предприятий и экономических зон, возникают новые отрасли экономики, развиваются новейшие формы экономического и научно-технического сотрудничества, увеличиваются объемы торговли между СССР, КНР, Японией. Очевидно, что данные процессы не могут проходить без эффективно функционирующего железнодорожного транспорта и связанных с ним морских портов, являющихся важным средством реализации взаимных (СССР, КНР) и международных (СССР, КНР, Япония и др.) экономических связей.

Чичкин Алексей Алексеевич — научный сотрудник отдела экономики зарубежного транспорта Института комплексных транспортных проблем (ИКТП) при Госплане СССР.

Обеспечение прямого сообщения КНР, Японии, других стран Дальнего Востока со странами Европы связано с созданием железнодорожно-портовых комплексов (транспортных «коридоров»): например, Транссибирский контейнерный сервис — составная часть евроазиатского «лэндбриджа» общей протяженностью свыше 9 тыс. км, в котором участвуют железные дороги Северо-Восточного Китая (Дунбэй) и примыкающие к ним порты Далянь, Инкоу, Циньхуандао, Циндао, коммуникации провинций Хэбэй, Шаньдун, Внутренней Монголии, а также МНР*.

Расширение экспортной специализации экономики ряда приграничных территорий КНР (Синьцзян, Хэйлуцзян, Цзилинь, Внутренняя Монголия) и СССР (Хабаровский и Приморский края, Читинская и Амурская области), наличие здесь международных коммуникаций, возрастающее значение этих территорий в обеспечении экономики КНР и СССР топливно-энергетическими и другими сырьевыми ресурсами (многие из которых — важные статьи экспорта), в контексте интенсификации межгосударственного сотрудничества выдвигают задачи повышения эффективности работы систем железнодорожного транспорта, обеспечивающих основной объем перевозок между СССР и КНР и в международном транзите.

Проблемы транспортного освоения новых территорий, реконструкции и модернизации сети железных дорог и подвижного состава, расширения электрифицированного полигона сети, увеличения пропускных способностей дорог, производительности локомотивов и вагонов, развития парка специализированных перевозочных средств и пр. — эти проблемы актуальны и для СССР, и для КНР, особенно в связи с развитием двусторонних и международных транспортно-экономических связей, повышением интенсивности движения в межрегиональных (внутренних, пограничных) сообщениях.

В Советском Союзе уделяется большое внимание повышению экономической эффективности нового транспортного строительства. Эта проблема может составить отдельное направление взаимного сотрудничества, равно как и внедрение нового хозяйственного механизма на транспорте.

Актуальность развития транспорта определяется ростом объема советско-китайской торговли. К 1988 году советско-китайская торговля возросла в 4,7 раза по сравнению с 1980 годом, и объем ее составил 1,6 млрд. руб. Ожидается ее дальнейшее развитие. В соответствии с долгосрочным торгово-экономическим соглашением между СССР и КНР (1985) объем взаимной торговли за период 1986—1990 годов составит 12 млрд. руб. СССР и КНР наметили широкий круг сотрудничества в сооружении и реконструкции на территории КНР объектов энергетики, черной и цветной металлургии, машиностроения, угольной, химической промышленности, железнодорожного (реконструкция ряда участков и станций на магистралях провинций Цзилинь, Хэйлуцзян, Хэбэй, Ганьсу, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и во Внутренней Монголии; электрификация сети) и речного транспорта (модернизация имеющихся и строительство новых портов и пунктов перевалки грузов на реках Амур, Сунгари, Хуанхэ, озере Ханка). Для развития торгово-экономических отношений между СССР и КНР все большее значение имеет возобновленная в 1983 году после 20-летнего перерыва приграничная торговля, развивающаяся на основе прямых связей. Предусмотрены экономические проекты с использованием новых форм торгово-экономического сотрудничества (совместные, смешанные предприятия с привлечением капитала и технологии других стран²).

По мнению китайских экономистов, транспорт — главное средство «материализации» данных отношений, в том числе в сфере внешней торговли, в использовании иностранных инвестиций, ввоза передовой техники и технологии, в области туризма, в освоении разнообразных природных ресурсов и развитии обрабатывающей промышленности. Центрами превращения «закрытой» структуры коммуникаций данных регионов в «открытую вовне» структуру должны стать города Урумчи, Иньчуань, Лхаса, Гуйян и «отраслевые» центры (транспортные узлы) Юймынь, Баотоу, Кульджа и Кашгар³.

Железные дороги КНР, являясь важнейшей составной частью производственной инфраструктуры, выполняют, как и железнодорожный транспорт СССР, основной

* С советской стороны в евроазиатском «лэндбридже» участвуют порты Находка, Владивосток, Советская Гавань, Ванино, железнодорожный паром Ванино — Холмск (остров Сахалин).

объем перевозок грузов и пассажиров, в первую очередь в сообщениях высокой дальности (свыше 400 км). Удельный вес железнодорожного транспорта в стоимости основных фондов всех видов транспорта, в целом по КНР составляет примерно 60 % (в СССР — около 40 %), в том числе в пограничных с СССР, МНР и КНДР провинциях Северного и Северо-Восточного Китая (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин), Внутренней Монголии) — 70—80 %. По данным 1987 года, общее число занятых на железных дорогах КНР равнялось 2,8 млн. человек¹. В 1988 году эксплуатационная длина железнодорожной сети КНР составила 55 тыс. км, доля электрифицированных линий — 6,8 % (СССР — 36 %), двухпутных — только 15 %. Суммарный грузооборот железных дорог — 987,6 млрд. т/км, удельный вес железных дорог в общем грузообороте — около 48 % (пассажиروбороте — 57 %). Средняя грузонапряженность составляет свыше 17 млн. тонно-километров/км сети (СССР — 26,5 млн. ткм/км), в том числе на магистралях Северо-Восточного Китая — примерно 19 млн. ткм/км. Средний вес грузового поезда (брутто) составляет 2,5 тыс. т. Уровень маршрутизации грузовых перевозок не превышает 30 %, угля — 80, грузов металлургии и зерна — соответственно 45 и 60 %. Средняя скорость грузовых поездов — 55—60 км/ч, в том числе маршрутных — 90—100 км/ч. Контейнерные перевозки осуществляются только на 13—15 % общей длины сети — в основном на линиях, примыкающих к железным дорогам СССР—МНР и КНДР, к морским портам и расположенным вблизи них особым экономическим зонам.

Приведенные данные показывают, что максимальная грузонапряженность сети и контейнеризованность грузопотоков, как и доля железных дорог в стоимости основных фондов всех видов транспорта, характерны для Северо-Восточного Китая (Дунбэй), железнодорожная сеть которого стыкуется с железными дорогами СССР, МНР и КНДР. Железные дороги Дунбэя, основу которых составляют магистрали Маньчжурия — Харбин — Муданьцзян, Харбин — Шэньян — Далянь, Муданьцзян — Чанчунь — Цзиньчжоу и далее на Пекин, имеют два пограничных перехода с железнодорожной сетью СССР (Маньчжурия, Суйфэнхэ) и три — с КНДР (Даньдун, Цзиань, Тумэнь). Во Внутренней Монголии участок Цзинин — Ундэр-Сумэ — Эрлян является составной частью международной магистрали Улан-Удэ — Улан-Батор — Цзинин, соединяющей Транссиб (через территорию МНР) с линией Пекин — Урумчи. На сеть Дунбэя и Внутренней Монголии приходится до 90 % внешнеторгового грузооборота железных дорог КНР, коммуникации этих территорий участвуют в международном контейнерном сервисе Дальний Восток (Япония, Южная Корея, Гонконг) — Европа. Кроме того, внешнеторговые и транзитные сообщения осуществляются и через пункт смешанной (железнодорожно-речной) перевалки Благовещенск — Хэйхэ, соединенный железными дорогами с Транссибирской магистралью и Харбином.

Экономические связи «сырьевых» западных и северо-западных провинций с индустриальными районами КНР и морскими портами осуществляются по Транскитайской железной дороге (Урумчи — Юймынь — Ланьчжоу — Баотоу — Цзинин — Чжанцзякоу — Пекин, протяженность 3480 км), стыкующейся с международной магистралью Улан-Удэ — Улан-Батор — Цзинин, и по параллельно проходящей автомагистрали Синыйцзян — Ганьсу — Хэбэй.

За период 1970—1987 годов внешнеторговый оборот КНР увеличился более чем в 10 раз и составил примерно 68 млрд. долл. Наиболее высокими темпами объем внешней торговли возрастал после 1977 года в связи с началом реализации курса «открытых дверей» в отношении прежде всего стран Западной Европы, США, Японии и Канады. Торгово-экономические связи с СССР и большинством других стран СЭВ получили развитие с 1984—1985 годов. Рост объемов внешней торговли вызвал увеличение международных перевозок: на всех видах транспорта они возросли за 1970—1987 годы в 14 раз (на 1981—1986 годы приходится до 70 % прироста), в том числе на железнодорожном транспорте в 10,3 раза (80 % прироста за 1983—1987 годы). С 1983 года возобновились грузовые железнодорожные перевозки с МНР, более чем в 6 раз за рассматриваемый период увеличился объем грузовых железнодорожных перевозок между КНР и СССР. С 1985 года стало регулярным, как и в 1949—1964 годах, транзитное использование железнодорожной сети КНР для осуществления внешнеэкономических связей СССР, МНР, европейских стран СЭВ и СФРЮ с КНДР. Удельный вес железнодорожного транспорта КНР в обеспечении торгово-экономических связей Китая с СССР составляет свыше 50 %, с МНР и КНДР — соответственно 90 и 65 %.

Можно надеяться, что будут восстановлены транзитные перевозки СССР и других

стран СЭВ с Вьетнамом, прерванные в 1965 году. Железные дороги КНР имеют два пограничных с железнодорожной сетью СРВ перехода — Пинсян (Гуанси-Чжуанский автономный район) и Хэкоу (провинция Юньнань). Именно по железным дорогам КНР обеспечивается минимальное расстояние в сообщениях СССР, МНР, европейских стран СЭВ с Сянганом, Вьетнамом, Кампучией, Лаосом, а также с Таиландом, Малайзией, Сингапуром, Бирмой. Планируемый ввод в эксплуатацию до 1998 года магистралей Куньмин — Тэнчун (Юньнань — Бирманская граница, протяженность 570 км), Ханой — Луанг-Прабанг — Вьентьян (Вьетнам — Лаос, протяженность 680 км), наличие прямого железнодорожного сообщения между СРВ, Кампучией и Таиландом, Лаосом и Таиландом, Таиландом, Малайзией и Сингапуром может реализовать отмеченное преимущество железнодорожных перевозок СССР, большинства стран СЭВ со странами Индокитая, АСЕАН и Бирмой транзитом через КНР⁶.

Во внешнеторговых железнодорожных перевозках КНР с СССР (и европейскими странами СЭВ) основными импортными грузами являются транспортные средства, промышленное, строительное и буровое оборудование, прокат черных металлов, товары нефтехимии; в экспортных перевозках преобладают продовольственное и металлургическое сырье, уголь, сплавы цветных металлов, товары легкой промышленности, стройматериалы, мясные консервы⁷. В общем объеме внешнеторговых перевозок между Китаем и странами ЕЭС на долю железных дорог приходится не более 15 %.

КНР стремится увеличить объемы транзитных перевозок контейнерных грузов в сообщениях ряда стран и территорий Дальнего Востока с Европой, с этой целью создаются новые и реконструируются существующие контейнерные терминалы на магистралях и в портах Дунбэя (Далянь, Инкоу, Циньхуандао), в других регионах КНР (Циндао, Тяньцзинь, Ляньюнган, Шанхай и др.). Модернизируются также перегрузочные районы (Хэйхэ, Харбин, Шэньян, Чанчунь, Яньтай, Дандун, Фошань и др.), увеличиваются перерабатывающие способности сортировочных станций, в первую очередь припортовых и примыкающих к особым экономическим зонам (провинций Ляонин, Шаньдун, Чжэцзян, Гуандун, Цзянсу) и т. п. Реализация подобных мероприятий позволит повысить валютную эффективность перевозочной работы железных дорог КНР в международных сообщениях.

В условиях постоянного увеличения объемов внешнеторговых перевозок между СССР и КНР, между Китаем и странами СЭВ — ЕЭС, а также расширения участия железных дорог КНР в осуществлении международного транзита (восточноевропейские страны СЭВ — СССР — МНР — КНДР, СРВ; страны Европы — Япония, Южная Корея, Сянган), роста интенсивности движения примыкающих к железнодорожной сети СССР и МНР магистралей Северо-Восточного и Северного Китая, на линии СССР — МНР — КНР (Улан-Удэ — Улан-Батор — Цзинин) в перспективе представляется целесообразным:

1. Усиление перерабатывающей способности и развитие контейнеризации пограничных железнодорожных переходов СССР — КНР (Забайкальск — Маньчжурия, Рассыпная Падь — Суйфэнхэ), железнодорожно-речного перехода Благовещенск — Хэйхэ с одновременным увеличением пропускной способности железных дорог в Читинской (линия Борзя — Забайкальск), Амурской областях (Белогорск — Благовещенск) и Приморском крае (Уссурийск — Рассыпная Падь), являющихся международными ответвлениями Транссибирской магистрали. В Китае также необходимо укрепление приграничных линий (Маньчжурия — Хайлар, Суйфэнхэ — Муданьцзян, Хэйхэ — Цицикар), данная работа уже началась.

2. Развитие пограничных железнодорожных переходов на магистрали СССР — МНР — КНР (Наушки — Сухэ-Батор, Дзамын-Удд — Эрлянь) с одновременным увеличением пропускной способности линий Улан-Удэ — Наушки, Эрлянь — Вэньдуэрмяо — Цзинин, Улан-Батор — Дзамын-Удд.

3. Исследование вопроса о создании дополнительного железнодорожного перехода Турий Рог (Приморский край) — Мишань (Хэйлунцзян), расстояние между этими железнодорожными станциями — только 45 км, естественные водные преграды отсутствуют. Данный переход можно было бы использовать только для контейнерных перевозок в международном транзите.

4. Рассмотрение возможности сооружения дополнительной железнодорожной ветки Эрлянь (пограничный переход КНР — МНР) — Баян-Обо (ответвление от Баотоу на Транскитайской линии Пекин — Цзинин — Баотоу — Ланьчжоу — Юймынь — Урумчи)

протяженность 255 км с одновременным строительством контейнерного терминала в районе перехода МНР — КНР (Дзамын-Удд — Эрлянь) и увеличением пропускной способности участков Баян-Обо — Баотоу (КНР) и Сайн-Шанд — Дзамын-Удд (МНР), исследование других актуальных проблем.

Для освоения возрастающих грузопотоков во взаимном (СССР — КНР) и международном сообщениях, включая международный контейнерный сервис, особенно важное значение имеет ввод в эксплуатацию железнодорожной линии Дружба (СССР) — Алашанькоу — Усу (конечный пункт магистрали Пекин — Урумчи) протяженностью 269 км. Соединение железнодорожной сети КНР и СССР через Синьцзян-Уйгурский автономный район и Восточный Казахстан планировалось в конце 50-х — начале 60-х годов, однако реализация давно разработанного проекта началась только в 1988 году.

В ноябре 1988 года на станции Дружба были проведены советско-китайские переговоры (на уровне транспортных министерств) о возобновлении приостановленного в 1963 году строительства соединительного участка Дружба — Алашанькоу (59 км) и продлении магистрали Пекин — Урумчи — Усу до Алашанькоу (работы в КНР были приостановлены в 1962 году). В том же месяце в Алма-Ате был подписан Протокол о сооружении нового пограничного железнодорожного перехода Дружба — Алашанькоу; определены ориентировочные сроки строительства соединительных и приемо-отправочных путей, работ по обустройству данного перехода на территории СССР и КНР. Состоялась также встреча советских и китайских проектировщиков (в Алашанькоу), в ходе которой стороны обменялись нормативной, проектной и технико-экономической документацией. Открытие нового международного железнодорожного сообщения через Синьцзян и Талды-Курганскую область Казахстана предварительно намечено на второе полугодие 1992 года⁵.

28 декабря 1988 года в Москве было подписано советско-китайское межправительственное соглашение о предоставлении Китаю кредита на строительство железной дороги Усу — Алашанькоу (протяженность 210 км).

С завершением строительства дороги Дружба — Алашанькоу — Усу в первой половине 1991 года будет образована магистраль, которая кратчайшим путем свяжет западные, центральные районы Китая через Казахстан с европейской частью СССР; станет возможным интенсифицировать торгово-экономическое сотрудничество между приграничными районами СССР (в Казахстане, Киргизии) и КНР (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Это линия также обеспечит кратчайшее расстояние в транзитном (через Китай) сообщении восточноевропейских стран — участниц СЭВ, СССР со странами Индокитая, Малайзией, Сингапуром, Сянганом. Однако этими преимуществами значение линии Дружба — Усу не исчерпывается. Магистраль Пекин — Урумчи — Усу — Алашанькоу станет международной транспортной артерией, соединяющей не только Китай, но и все дальневосточные страны (Япония, Южная Корея, КНДР и др.) с Европой; осуществление международного контейнерного сервиса по данной магистрали имеет экономические преимущества прежде всего из-за меньшего примерно на 20 % расстояния перевозок, если сравнить с транспортировкой по Транссибу и БАМу. Контейнерные и другие грузы КНР, Японии, Южной Кореи смогут перевозиться от портов Ляньюньган, Циндао, Тяньцзинь в прямом железнодорожном сообщении до портов Каспийского, Черного, Балтийского, Средиземного морей, а также в Скандинавию, страны Восточной, Центральной и Западной Европы (и обратно); таким образом, Транскитайская магистраль будет ключевым звеном нового трансконтинентального сообщения. По оценкам китайских специалистов, транспортно-складские расходы и общее время транспортировки при использовании данной магистрали в сообщении стран и территорий Дальнего Востока (включая Тайвань, Сянган и Аомынь) с Европой соответственно на 20 и 45—50 % ниже по сравнению с транспортировкой по системе Малаккский пролив — Индийский океан — Суэцкий канал — Средиземное море. Древний «шелковый путь», таким образом, воссоздается в виде трансконтинентальной железнодорожной магистрали.

Важное значение данная магистраль может иметь и для внешнеэкономических связей Тайваня — одного из индустриальных «маленьких драконов Азии», в последнее время стремящегося развивать торгово-экономические отношения с социалистическими странами.

Расширение участия Синьцзян-Уйгурского автономного района во внешнеэкономиче-

ческих связях КНР, индустриализация его экономики также во многом обусловлены функционированием магистрали Пекин — Урумчи — Алашанькоу — Дружба. В этом регионе планируется строительство нефтеперерабатывающего завода мощностью 150 тыс. т/год (годовая добыча нефти в Синьцзяне — 5—6 млн. т, ее запасы здесь, по данным 1985—1987 годов, составляют не менее 70 % всех разведанных и вероятных запасов нефти в КНР) и завода минеральных удобрений, 60 тыс. т/год; примерно 20 и 25 % продукции этих предприятий намечается экспортировать⁹. Обустройство и освоение крупных месторождений нефти, угля (запасы которого оцениваются в 1600 млрд. т — первое место по ресурсам угля в КНР) и графита требуют соответствующего материально-технического обеспечения (оборудование, транспортные средства и т. п.), до 60 % которого будет приходиться на импортные поставки, в том числе из СССР. Постепенно расширяется экспортная специализация сельского хозяйства Синьцзяна: еще в 1979 году было создано несколько экспортных баз по растениеводству (виноград, дыни, сухофрукты, изюм) и животноводству (кожи, шерсть). В 1984 году регион экспортировал около 30 видов сельскохозяйственных продуктов на сумму 140 млн. долл., 40 % экспорта приходилось на СССР. Существуют проекты расширения экспортной сельскохозяйственной специализации, развития сотрудничества с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном в области агропромышленного комплекса. С вводом в эксплуатацию новой трансконтинентальной магистрали сельскохозяйственный экспорт Синьцзяна в СССР и восточноевропейские страны может быть увеличен в 1,7—2 раза¹⁰.

С учетом высокой степени загрузки магистрали Пекин — Урумчи — Алашанькоу — Дружба — Актогай во внешнеторговом (КНР — СССР — европейские страны СЭВ) и международном транзитном сообщении, развития межрегиональных (например, приграничных) и трансконтинентальных перевозок было бы перспективным построить контейнерные терминалы в Алашанькоу и Дружбе, осуществить совместную стандартизацию складского и перегрузочного оборудования и провести второй путь на участке Актогай — Дружба (ответвление Турксиба). Необходимо также усилить пропускную способность линий Ланьчжоу — Урумчи — Алашанькоу (КНР), Дружба — Актогай — Аягуз — Семипалатинск (СССР) и построить соединительные линии Семипалатинск — Павлодар (360 км) или Семипалатинск — Малиновое Озеро (180 км), которые обеспечивали бы дополнительное соединение Турксиба с Транссибом широтной евроазиатской магистрали Павлодар — Целиноград — Магнитогорск — Куйбышев и ее параллельным ходом (Карасук — Кокчетав — Кустанай — Уфа — Казань).

В условиях увеличения объемов двусторонних и международных транзитных перевозок в сообщении СССР — КНР, разнообразия направлений перевозок данного сообщения необходимы, конечно, разработка и заключение соглашений о порядке перегрузки, обмена и возврата подвижного состава, о техобслуживании, ремонте и замене транспортных средств, об эксплуатации и текущем содержании станционных и главных путей, ответственности за сверхнормативный простой транспортных средств (перегрузка, ремонт, несвоевременный возврат и др.). Эти соглашения явились бы существенным дополнением Соглашения о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС), которое введено в действие с 1 ноября 1951 года. На его основе 12 социалистических стран Европы и Азии осуществляют взаимные экспортно-импортные перевозки. Данное Соглашение (в настоящее время действует в издании 1974 года) регулирует вопросы, относящиеся к условиям перевозки внешнеторговых грузов — правовые, финансовые, коммерческие, эксплуатационные. Текст СМГС обновлялся 7 раз, дополнялся новыми правилами¹¹. Развитие новых форм международного торгово-экономического и транспортного сотрудничества (совместные, смешанные предприятия и коммуникации, акционерные общества, «автономные» экономические объекты, порты и т. п.) требует дальнейшего уточнения ряда положений СМГС, разработки и согласования новых правил перевозок. Было бы также целесообразным иметь общий (совместный) парк перевозочных средств (вагоны, контейнеры, поддоны) на Дальнем Востоке с участием СССР, МНР, КНР, КНДР и СРВ с возможным привлечением перевозочных средств Японии, Южной Кореи, Сянгана. Этот парк мог бы принадлежать, например, смешанной межнациональной компании (консорциум) и обслуживать международные, взаимные перевозки данных стран «совладельцев» (или их компаний, национальных дорог), включая новую международную магистраль Пекин — Урумчи — Алашанькоу — Дружба — Актогай — Семипалатинск (Актогай — Алма-Ата), то есть прак-

тически всю Туркестано-Сибирскую магистраль, а также Транссиб и БАМ.

Благоприятные перспективы имеются для развития советско-китайского сотрудничества в сфере электрификации железных дорог, в расширении применения тепловозной тяги, в увеличении пропускной способности многих линий, в обновлении вагонного парка, ибо в СССР накоплен значительный опыт по решению выделенных проблем. Строительство новых железных дорог в провинциях Цинхай, Сычуань, Юньнань, Гуандун, в Тибете и Синьцзяне в предстоящее десятилетие будет сопровождаться расширением полигона электрификации: к 2000 году длину электрифицированных линий планируется довести до 12 тыс. км, что почти в 3 раза превысит уровень 1987 года, намечается также завершение электрификации сети дорог на Северо-Востоке (Хэйлуцзян, Цзилинь) и в Гуанси-Чжуанском автономном районе. Электрифицированными линиями сети в 2000 году будет выполняться примерно 40 % грузооборота и половина пассажирооборота железных дорог КНР. При научно-техническом содействии СССР в Китае в 1988—1991 годах предполагается электрифицировать 1 тыс. км железных дорог.

В целях увеличения пропускных способностей и скоростей перевозок наряду с электрификацией проводится строительство вторых путей и двухпутных вставок на наиболее грузонапряженных магистралях (центральные и восточные провинции КНР). Протяженность двухпутных линий к 2000 году возрастет примерно в 2 раза по сравнению с 1987 года и составит 17 тыс. км.

Повышение экономической эффективности работы транспорта в новых условиях хозяйствования, своевременное удовлетворение потребностей в перевозках на уровне отраслей, предприятий и межотраслевых комплексов, развитие экономической самостоятельности транспортных объектов и т. п. являются актуальными проблемами в СССР и КНР. Однако если в СССР перестройка в области функционирования (управления) и планирования развития транспортной системы только начинает осуществляться, то в КНР реформы в производственной инфраструктуре, включая образование новых форм собственности с участием иностранного капитала, осуществляются повсеместно с 1981—1982 годов¹².

Так, с 1987 года в Китае отменено централизованное планирование более половины показателей для дорог (объемы перевозок топлива, оборудования и машин, древесины, цемента, хлопка, овощей), их отделений, станций, ремонтных и вспомогательных объектов железнодорожного транспорта. Планирование производственно-хозяйственной деятельности, выбор поставщиков подвижного состава, оборудования, топлива и материалов, управление кадрами, сотрудничество с другими дорогами (отделениями, станциями) или объектами других видов транспорта и т. п. предоставлены в распоряжение непосредственно транспортных объектов и предприятий. Они имеют право самостоятельно устанавливать заработную плату и премиальные, причем государство не ограничивает размеры премий и надбавок «за специфику работы». Доходы за перевозки и подсобно-вспомогательную деятельность остаются в распоряжении объектов и предприятий. Они также оставляют себе 70—75 % амортизационного фонда и свободно распоряжаются другими фондами (а именно фондами развития, резервным и премиальным, социального обеспечения).

В результате роста доходов железных дорог, прибыли от различных видов деятельности, в том числе по внешнеторговым и международным транзитным перевозкам, с 1990—1991 годов система платежей государственных объектов на железных дорогах в госбюджет (помимо подоходного налога, взимаемого с 1982 года вместо отчислений от прибыли) будет включать: внешнеторговый налог, плату за предоставленные государством основные фонды, а также «регулирующий налог», призванный обеспечить компенсацию объектам с низкими доходами за «несправедливые, стихийные» преимущества предприятий и объектов, находящихся в лучших экономико-географических условиях (близость к морским портам, особым экономическим зонам, пограничным переходам, высокая интенсивность движения, установленные государством высокие доходные ставки ввиду приоритетности грузов или направлений перевозок, перевозки сырья на экспорт и т. п.) и извлекающих соответственно значительные доходы и прибыль¹³.

Небольшие транспортные предприятия (отдельные грузовые, сортировочные, пассажирские станции, пункты эксплуатации и технического обслуживания, линий промышленных предприятий и др.) могут с 1983 года передаваться на условиях подряда или

аренды отдельным лицам или группам людей, при этом они должны будут выплачивать государству через год после «начала хозяйствования» (в Синьцзяне и во Внутренней Монголии — через 2 года) налоги в порядке, предусмотренном для предприятий коллективной собственности на средства производства. Подобного рода объекты уже созданы в 10 провинциях КНР. Хотя подрядные формы хозяйствования распространяются повсеместно, низкая технооснащенность многих железнодорожных объектов и предприятий, нехватка квалифицированных инженерно-технических кадров, неподготовленность персонала к работе в новых экономических условиях серьезно затрудняют реализацию данных форм экономической деятельности, нередко приводят к «банкротству» и срочному государственному вмешательству на ряде предприятий.

В соответствии с решениями Госсовета КНР, постановлениями сессий ВСНП (1983—1985) всем транспортным, энергетическим и промышленным стройкам и организациям рекомендовано заключать соглашения по подряду на использование фиксированных капиталовложений; самой прогрессивной формой считается «конкурсный» подряд, ускоренно внедряемый в строительстве, производстве транспортных средств и оборудования, тары и упаковки. Заявки на «конкурсный» подряд могут подавать государственные и основанные на коллективной собственности проектные и строительно-монтажные организации независимо от района или ведомства, а также иностранные фирмы. В сфере железных дорог такой подряд используется при новом строительстве, реконструкции линий, станций, электрификации, контейнеризации, внедрении новых типов подвижного состава, систем автоматики и контроля, энергоснабжения и т. п.

Таким образом, существуют многочисленные направления сотрудничества СССР и КНР в области железнодорожного транспорта, охватывающие перевозки (взаимные и транзитные), строительство новых магистралей и терминалов, в том числе в приграничных регионах, совместное производство и внедрение новых тяговых (тепловозы, электровозы) и перевозочных средств (специализированный подвижной состав), использование альтернативных видов топлив.

Требуются также разработка и согласование соответствующих правовых документов, регламентирующих не только осуществление взаимных и транзитных перевозок, но также и сотрудничество обеих стран в НИОКР на железнодорожном транспорте, в производстве и эксплуатации тяговых и перевозочных средств, их обслуживании и ремонте, в формировании совместно с другими странами и территориями Дальнего Востока (включая их частные фирмы) общего парка перевозочных средств.

Функционирование и развитие железнодорожного транспорта в новых экономических условиях, с учетом новых форм торгово-экономического сотрудничества является не менее актуальной и перспективной областью совместных научных исследований и практических решений (в частности, изучение и обобщение опыта работы железных дорог КНР за 10-летний период общенациональных экономических реформ, 1979—1988 годы). Тем более что эти новые условия и формы — долговременная стратегия социально-экономического развития и совершенствования внешнеэкономических связей СССР и КНР.

¹ Beijing Review.— 1989.— Vol. 32. № 1.— P. 9, 25—30; 1989.— № 5.— P. 29—30; Цзинцзи дили.— 1987.— № 2.— С. 92—97; Pacific Viewpoint — London — Hong Kong. 1986.— Vol. 27.— № 2.— P. 100—118.

² См.: Политика и экономика — 1989.— М.: Политиздат, 1988.— С. 81—82; Экономическая география зарубежных социалистических стран Азии.— М.: МГУ, 1988.— С. 193, 222.

³ См.: Миньцзу яньцзю.— 1987.— № 2.— С. 1—9.

⁴ In: Far East Asia Railway Report.— Seoul, 1987.— № 4 (quarterly issue)— P. 38—61.

⁵ In: Inter — country Project of the Asia and the Pacific Countries of the ESCAP Region (1985—1995) // Transport and Communications Division, ESCAP.— Bangkok, 1986.— P. 20—27

⁶ In: Jane's World Railway.— London, 1985/1986.— P. 544—547; 1986/1987.— P. 556—561.

⁷ Ibid.

⁸ Правда.— 1988.— 25 ноября.

⁹ In: Petroleum Economist.— 1987.— Vol. 54.— № 6.— P. 242.

¹⁰ См.: Нунье цзинцзи вэньти.— 1986.— № 12.— С. 11—14.

¹¹ См.: Интеграционные процессы на транспорте стран — членов СЭВ.— М.: Транспорт, 1985.— С. 22, 72.

¹² In: Continental China: Problems and Solutions.— Macao — Kaohsiung, 1988.— Vol. 4.— № 3.— P. 210—219

¹³ См.: Проблемы Дальнего Востока.— 1984.— № 3.— С. 100—101, 156, 164—166.

М. БАНЬКОВСКАЯ

В Пекине Алексеев сразу же начал заниматься с местными учителями — *сяньшэнами*. Обращение к сяньшэнам было путем, проторенным синологами уже давно: «Как и мои предшественники [Васильев, Георгиевский, Пешуров, Шавани], я учился в Китае у эрудитов старого типа, старых сяньшэнов, учителей аспирантов, идущих на государственные экзамены [до 1905 года]».

Алексеев застал последних представителей этих столь типичных для старого Китая полуинтеллигентов, сошедших с круга классического образования на разных его этапах и, соответственно, обладающих разной степенью учености. Почти со всеми учителями, а их за годы, проведенные Алексеевым в Китае, было очень много, — у него складывались самые приятельские, часто дружеские отношения.

Занятия поглотили Алексеева полностью. Только спустя почти два месяца он, всегда легкий написание писем, находит время, чтобы написать С. Ф. Ольденбургу 7 декабря 1906 года: «Я уже давно собираюсь Вам писать, но иззубрился до того, что не нахожу времени для писем. При 12-часовой работе в день я все же не доволен и завалы неотложных дел — вещь слишком часто повторяющаяся. У меня четыре учителя, и всеми я очень доволен. Я всех их заинтересовал в том, что делаю — и опять доволен». И Л. Я. Штернбергу: «Еще нет и двух месяцев, как я занимаюсь со своими натаскивателями. Зубрю с утра до ночи. Я вошел в свою колею. Когда-нибудь расскажусь в том, что молодость свою убил как раб... Но кто же не каится в прошлом?»

Размах занятиям задавал сам Алексеев, следуя своей обширной — максималистской — программе подготовки и профессорскому званию. В подготовке, как ее понимал Алексеев, были нерезделимы самосовершенствование в овладении языком и текстом и разработка методов преподавания. Алексеев учился сам и учился учить своих будущих учеников, о которых не только постоянно раздумывал, но и мечтал, иронизируя в дневнике над пылкостью своих фантазий. Потребность в преподавательской самоотдаче нарастала.

Имея в виду будущих учеников, Алексеев копил свой опыт — и положительный, и отрицательный. Занимаясь языком, он методично выписывал самые характерные из своих затруднений и решения этих затруднений сяньшэнами, надеясь в будущем ввести их в словарь, удобный для учащихся и отвечающий их нуждам. Чтение трудных китайских текстов, образцов древней изящной литературы, было не только учебой, необходимой ему самому, но уже и конкретной подготовкой будущего издания избранных по типу хрестоматии текстов, снабженных переводом, комментарием и анализом наиболее интересных выражений. При участии и под наблюдением сяньшэнов Алексеев перекладывал, «переводил» образцы классического текста с неслышимого литературного языка (*вэньянь*) на «свободную, меткую и отчетливую разговорную речь пекинского говора». Получались параллельные тексты: транскрипцией, — очень важное методическое реложение, записанное фонетической транскрипцией, — очень важное методическое пособие в будущем преподавании. Так сразу же пошел в ход парижский опыт фонетических записей. Исходя из твердого убеждения, что китайский разговорный язык, как и всякий язык на свете, может быть точно передан знаками, Алексеев разрабатывал систему безиероглифного преподавания — транскрибированные тексты должны были сразу

Баньковская Марианна Васильевна, дочь замечательного отечественного китаеведа В. М. Алексеева, готовит литературное жизнеописание отца. Отрывки из ее книги мы публикуем на страницах нашего журнала в 1989—90 гг.

выработать у ученика точное произношение. Для будущего преподавания Алексеев записывал фонетическими знаками рассказы, монологи, диалоги и т. д., а затем удостоверивался у сяньшэна, что записанное «не схематично и условно, а абсолютно слышимо».

Были продолжены и фонетические эксперименты. В Париже бывало трудно найти «подопытных» китайцев. Теперь предлагающих свои услуги энтузиастов нашлось предостаточно, но не было аппаратуры. С присущей ему инициативностью, Алексеев отыскал дантиста, который изготовил по его заказу искусственное небо — некое подобие аппарата Руссло. И вот снова закопченная бумага, бесконечные графики — экспериментальное исследование «фонетических законов пекинского диалекта северного китайского языка».

Не последнее место в занятиях Алексеева занимал и разговорный язык, на котором он должен был объясняться с самыми разными представителями китайского населения. Забрав проslавленные системы Уэйда и Матийра как «мало интеллигентные», Алексеев обратился к чтению китайских газет и журналов. «Эти занятия помимо их пользы как упражнения в языке сообщили мне еще массу сведений о так называемом пробуждающемся Китае (awakening of China), то есть о тех новых веяниях, что возникли в этой стране отчасти под давлением механического прогресса Европы, отчасти под влиянием массы переводной литературы с иностранных языков, отчасти, наконец, от внедрения иностранцев в страну и его последствий».

Итак, вместо искусственных разговорных упражнений, придуманных неведомо для кого, — живая газета, отражающая сложную современность. Выбор весьма характерный. Хотя газеты в то время выходили на взъязыне, литературном языке, но сам материал давал богатую пищу для бесед с сяньшэнами, то есть для самой активной разговорной практики. Алексеев разработал целую систему таких занятий-разговоров. Приятельские отношения снимали напряжение, а общеинтересная тема направляла и насыщала разговор. Лежащий рядом словарь позволял контролировать усвоение: во всех неясных местах сяньшэн сам указывал нужное значение. Алексеев добивался, как всегда, полной ясности и либо обрывал сяньшэна на каждом шагу, требуя выяснения, либо делал заметки и потом предъявлял ему список непонятных слов и выражений. Ученик был неутомим, и сяньшэны, хоть и уставали, но не могли не оценить такой рабочей прыти.

Не допуская никаких самоослаблений, Алексеев считал обязательным готовиться к урокам. В расписании его входило: 4 часа занятий с сяньшэнами, 2 часа прогулки с каким-нибудь словоохотливым знакомым китайцем и вечером не менее 4 часов собственных уединенных занятий, чтобы уяснить все слышанное за день. Вопросы и сомнения записывались и на следующий день предъявлялись сяньшэну. Однако и в 10 часов программа не укладывалась: получалось то 11, а то и все 12 часов. «Сяньшэны стараются изо всех сил, и вообще работа моя успешно идет вперед. Один сяньшэн сказал: «С работающим и для работающего и работать приятно».

Заслужить такую похвалу Алексееву было не просто, но еще труднее оказалось получить одобрение у себя же самого — в будущем 1948 году: «В Китае ориентирован был слишком буквально: «подготовка к профессорскому званию». Всего себя посвятил этому, ибо вкусил ужас недостаточного преподавания. Ошибка! Надо было сосредоточиться на научном исследовании, ибо сначала ученый, а потом eo ipso [тем самым] профессор. Я думал иначе».

Но ведь было и исследование! (Трудно удержаться от слов в защиту молодого Алексева, так усердно работавшего.) Прежде всего само углубление в тексты, осознание их уже было началом исследования, взошедшего в будущих трудах Алексева. Исследованием было и обновление темы об амулетах, такое ее расширение, что, в конце концов, вместо одной темы оказалось несколько. Собрание и исследование фольклорных материалов началось в Пекине сразу же, но на первых порах мешало... безденежье. В упомянутом выше письме Алексеев жаловался: «По дороге у меня утащили ночью все, что я имел, и до Иркутска пришлось ехать чуть не впроголодь. То, что я теперь сижу без денег, неприятно более всего потому, что книгопокупательская способность моя свелась к нулю. Занимаясь разработкой диссертации (по фольклору Китая, если изволите помнить), я вынужден рыскать за справками, ходить в лавки за книгами, перерывать их на 100 целковых... и покупать на гривен. Китайцы — народ культурный и понимают разборчивость. Иначе было бы худо! Скоро наступит китайский Новый год и я буду всюду скупать вещи, мне любопытные. Мой интерес к ним

отыщет их лучшие местопребывания. Мои учителя мне будут великодушными помощниками».

Очевидно, к этому времени какие-то деньги были получены, и Алексеев собирался скупать на них дешевые новогодние лубочные картины — *кьякхуа*. В первом же отчете из Китая он писал об этом новом предмете своих интересов: «В Китае моей первой задачей было дополнить, распространить и завершить собрание уже сгруппированных материалов [амулетов. — М. Б.] и добыть для них непосредственные, существенные, правдивые объяснения. Начиная с первой же группы, я пришел к заключению, что без должной полноты подробностей и параллельных примеров я буду стоять на почве слишком зыбкой и, во всяком случае, недостаточной для обоснованного авторитетного утверждения. Тогда я стал искать себе пособий среди вещей, Европе еще мало известных. Прежде всего я приобрел к делу народные картинки, изображающие как раз те мотивы, что и монетовидные амулеты».

Китайская народная картина не только одно из самых глубоких научных устремлений Алексеева, но поистине его любовь с первого взгляда. Встреча с ней произошла еще на первом курсе университета, когда в руки Алексеева случайно попала красочная, но совершенно загадочная картинка из коллекции знаменитого ботаника В. Л. Комарова (маньчжурская экспедиция 1896 года). Нарисовано было «нечто совершенно невообразимое: какой-то старик с комично утрированным, уродливым огромным лбом едет на пестром олене, а рядом идут и стоят какие-то мандарины и держат в руках нечто невиданное. А вокруг круглолицые, румяные ребята со шкатулками, из которых вьется дым, а в дыму опять невесты что. Один из мальчуганов держит на ленте огромную лягушку, давящуюся медной деньгой, а двое других замерли в апофеозе... Все это было настолько непохоже на все то, что нам преподавалось, что не только ключа, но и подхода-то никакого не было». Тщетно студент Алексеев листал словарь Палладия, чтобы перевести надписи на картине: они читались, но оставались непонятными. Лектор-китаец, к которому он обратился за разъяснением, презрительно усмехнулся: «Это все грубые и глупые люди себе позволяют. Я не желаю и смотреть на это в университете».

Теперь, в Пекине, Алексеев с энтузиазмом бросился скупать все варианты лубочных картин, благо стоили они гроши. «Когда приближается праздник Нового года — настоящее событие в трудовой жизни китайца, которая не знает воскресений, — лавки и уличные лотки Пекина наводняются яркими, красочными картинками и их бойко распродают кипу за кипой. Возле лавок теснится народ, который рад случаю посмотреть, как торговец ловко разворачивает одну картину за другой, и послушать, как он ритмически расхваливает товар, передавая, как умеет, содержание картин (признаться, я тоже любил это)».

Одной из первых попала в коллекцию Алексеева как архитрадиционная та самая давняя знакомая — он хранил ее отдельно в конверте с надписью: «Картина, доставившая мне много мучений от 1898 по 1903 год». Стало быть, все университетские годы Алексеев искал решения этой «круто заправленной мешанины» из символов и ребусов. Однако истинное понимание и оценка содержания народной картины пришли только в Китае.

Алексеев понимал, что в этом живом и новом материале надо разобраться тут же, на месте, не надеясь на «литературу предмета», которая, как он уже знал, была скудна и ненадежна. Привлечь к этому делу сяньшэнов оказалось не так просто: как и тот университетский лектор, они не могли понять, зачем молодому человеку, причастному к высшей ученности, эти «грубые картинки». Алексеев старался объяснить, а когда не удавалось, шел на хитрость. Один его сяньшэн, занимавшийся немецким языком, как-то оказался не в состоянии справиться с массой немецких текстов, которую ему принесли для перевода, прослыша про его, очевидно, преувеличенное знание немецкого. Узнав об этом, Алексеев предложил свои услуги в обмен на письменное описание и толкование лубочных сюжетов и символов. Пришлось сяньшэну снизойти до этих вульгарных материй, но... тут же и признаться, что он далеко не все может понять. На помощь были призваны неграмотные старухи, которые с детства знали все эти хитрости не только по картинкам, но по вышивкам. Старухи с упоением рассказывали, сяньшэн, морщась, записывал. Листки, покрытые четкими иероглифами, Алексеев вкладывал в конверты и приобщал к делу: пока это было дополнение к теме об амулетах.

Определилось и еще одно, также расширяющее диссертационную тему, собрание —

бытовая эпиграфика, то есть те бесчисленные уличные каллиграфические надписи на желтых и красных листках, которые украшали косяки и балконы домов, храмов, присутственных мест. Алексеев либо списывал их, либо покупал у изготовителей — уличных писарей. И снова: собрать материал было проще, чем добиться толкования этих благовещих фраз, раскрыть содержащиеся в них намеки на перлы литературы и народные предания. Небольшая подборка изданий, которые Алексеев выискал по лавкам, оказывалась далеко не достаточна. Снова привлекались понимающее дело сяньшэны и их знакомцы. Работа не имела конца.

Наконец, в Пекине получила начало еще одна коллекция, собирать которую было, может быть, труднее всего: записи на слух устного фольклора. Алексеев записывал выкрики уличных торговцев, речетатив слепца, просившего подаяние, колыбельные песенки, которые пела по его просьбе нянька-китаянка, жившая в доме знакомых европейцев.

Добавляли материал и наблюдения загородных поездок в окрестные монастыри. Эти экскурсии Алексеев разрешал себе как отдых от зубрений. Один такой день был описан в статье, ставшей затем первой главой книги «В старом Китае». Очерк читается как образец художественной научной прозы, но вот оценка самого Алексеева в его аспирантском курсе НОТ: «Начитанность должна предшествовать опыту, в том числе и путешествию. К сожалению, я сам являл в Пекине жалкий пример обратного: шлялся по монастырям, делал снимки, списывал, записывал, не прочтя об этом предварительно ничего. Моя статья «День в кумирне Лазоревых облаков» — рельефный пример такого младенческого бесчинства. О ней существовала целая литература (впрочем, состоящая из таких же «открытий Америки»). Не в первый уже раз нам трудно принять сторону одного из Алексеевых — сторону молодой увлеченности или зрелого опыта. В каждой своя правота.

Представив себе всю обрушившуюся на Алексеева в Китае лавину занятий и наблюдений, не только разрешавших былые недоумения, но все время ставивших новые вопросы, можно понять, почему Алексеев испытывал, несмотря на стремительно растущие успехи, также нарастающее ощущение неодолимости стоящих перед ним задач. И своей перед их лицом одинокости. Легко понять поэтому бурную радость, охватившую Алексеева, когда он вдруг, неожиданно-негаданно встретил у городской стены, которую был обнесен Пекин, своего кумира — Шаванна.

Шаванн приехал с научной миссией, блестящий знаток и переводчик «Исторических записок» Сыма Цяня хотел на месте ознакомиться с памятниками ханьской эпохи. Маршрут экспедиции, разработанный Шаванном, был следующим: из Тяньцзиня на лодке по Большому (Великому) каналу до Дэчжоу, дальше по Северному Шаньдуну и Хэнани до Сиани, затем — снова на север по Шаньси до Тайюани. Алексеев попросил разрешения присоединиться к экспедиции, и Шаванн любезно согласился. Были наняты фотограф, мастер по снятию натерок с каменных стен и слуга. 16 мая 1907 года отряд выехал из Пекина в Тяньцзинь. Так началось для Алексеева путешествие, ставшее, по его словам, «школой, значение которой трудно переоценить».

Отправляясь в эту первую поездку по Китаю, Алексеев ставил перед собой цели пополнить материалы по фольклору, расширить наблюдения в области китайских религий. Главной целью Шаванна была эпиграфика археологическая, Алексеева же интересовала ежедневно-бытовая, но так как в надписях, которые списывал Алексеев со стен в городах и деревнях современного Китая, содержались нередко reminiscences древних классических канонов — тех самых, что и на памятниках, за которыми охотился Шаванн, — то интересы ученых нередко пересекались любопытнейшим образом. Однако и вне этого важнейшим приобретением для Алексеева были постоянные, питающие и направляющие его научные беседы с Шаванном.

Это была первая в истории русской китаистики экспедиция по Китаю профессионального синолога. Прежде всего следует напомнить, что поездки по Китаю в те годы были не похожи на нынешние моторизованные вояжи. Вместо туристских автобусов — телеги и мулы, а то и допотопные одноколесные тачки, которые тянут возчики «еще ужаснее, чем рикши». Путешественники, понятно, предпочитали просто шагать рядом по бесконечным дорогам или, что бывало часто, по отдаленным подобиям дорог.

«Мулы выбились из сил... Малейший подъем вызывает иступленные крики погонщиков: тига-тига, трр-трр. Ни с места. Приводят быков. Огромные туши тупо, горбом тащат телеги в гору по ужасающей дороге, которую даже трудно назвать таковой. Просто глыбы камней, никак не прилаженных друг к другу, и на то, что это не случайность,

указывает лишь бордюр да памятники, говорящие о чжисянях [уездных начальниках.— М. Б.], строивших дорогу. Можно расхохотаться, читая эти панегирики, если не принять во внимание, что китайское искусство бессильно против дождя».

За четыре с половиной месяца пути дорожные перипетии не один раз принимали серьезный оборот. При переправе через вздувшуюся от дождей реку Ло всем, включая Шаванна, пришлось по-бурлацки тянуть барку против неукротимого течения». Но и на самых лучших этапах пути комфорт был весьма относительный: «Едем, по теории, на осликах. Практически же — шагаем рядом, так как ослы не выдерживают нашей тяжести. Едем верхом по отличной дороге, сплошь усеянной памятниками, арками и храмами всякого рода... Впереди нас едут сопровождающие из ямыня [уездного правления, — М. Б.] в шапках с хвостами. Все выглядит внушительно, и было бы совсем хорошо, кабы китайское седло не съезжало подо мной».

Путешествие проходило по определенному маршруту, но без строгостей, и путешественники могли отклониться от него, чтобы, например, осмотреть частные коллекции в Вэйсяне. Однако все же постоянно давала себя чувствовать опека местных властей — и помощь и надзор. Не успевали усталые путники перевести дух, как в гостиницу уже являлись посланники с приглашением в ямынь. Эти обязательные визиты оборачивались то приятным и полезным разговором, то досадной потерей времени, ибо чжисянь мог быть «необыкновенно любезным и милым стариком, разговорчивым и простым», мог быть образованным на европейский манер, но сохранившим свое национальное достоинство интеллигентом (чжисянь в Цюйфу), мог быть просто циником, равнодушным ко всему, кроме своей карьеры, а мог быть и откровенным опиумистом. Официальное радушие приемов требовало соблюдения строжайшего этикета, сохранившего еще дух «китайских церемоний», но при этом надо было вести нужный разговор, расположить в свою сторону, заинтересовать задачами экспедиции и получить советы и помощь.

Вызывает удивление, что, несмотря на большой опыт Шаванна, который был свободным бесплатным атташе при французской дипломатической миссии в Пекине с 1889 по 1893 год, инициатива в ведении столь нелегких разговоров все более переходила к Алексееву. Шаванну мешала какая-то странная, по определению Алексеева, конфузливость. В самом начале путешествия, в Цзинани, во время трудного приема у губернатора «Шаванн улыбается и, хихикая, говорит. Сперва его никто не понимает. Мне мучительно обидно за него: образцовый оратор (на своем языке) превращается в жалкую посредственность. Воспроизводительная способность стоит далеко от настоящих знаний». Положение спасли присутствующие на приеме местные ученые и, по счастью, почему-то оказавшаяся тут коллекция новых монет. Пригодились занятия нумизматикой. «Читаю надписи, и все, разумеется, ахают... Шаванн, справившись с застенчивостью, хорошо говорит о Сыма Цяне. Это непререкаемый авторитет его». На следующий день на официальном обеде в компании шестерых академиков Алексеев, расхрабрившись, впервые сказал речь на китайском языке. «Сказал не слишком складно, но аудитория чувствовала, что с ней говорят на языке, весьма похожем на ее язык, а не на миссионерском волапюке. Мне отвечал чиновник министерства иностранных дел, быстрый и ловкий говорун. Обед был оживлен». «Рядом с важной персоной Шаванна» его молодой и нетитулованный спутник не стусевывался. Видимо, Шаванну это нравилось не всегда. «Шаванн упорно молчит, а я говорю. Потом он ворчит, если что не по нему. Должен бы понять, что без меня его слушатели соскучились бы смертельно», — без обиды записал Алексеев в дневнике. И с явной гордостью дописал: «Шаванн советует мне описать путешествие».

Через 11 лет, возвращаясь благодарной памятью к этим дням совместного пути и труда, Алексеев напишет в очерке-некрологе скоропостижно умершему Шаванну: «Когда я пробегаю свои дневники 1907 года, я восстанавливаю в памяти образ этого замечательного путешественника во всех деталях... Пробираясь с ним по бесконечным дорогам Северного Китая, настойчиво отыскивая в каждом археологическом углу, обозначенном в программе дня, какой-нибудь шедевр, эксплуатируя каждый момент, каждый памятник, каждое лицо для достойного выполнения задания, вовлеченный таким образом в поток грандиозной мысли, я являюсь свидетелем того, о чем Шаванн не успел поведать миру... Научное воодушевление, соединившееся с неукротимой страстью к собиранию всех документов, не покидало его ни на минуту. Мне не забыть той величавой эмоции, которая охватила его при виде грандиозных пирамид-могил

древних государей Ци и Лу на родине Конфуция в Шаньдуне,— могил, таящих недостижимое для несинолога археологическое откровение».

В дневниковых заметках эти научное воодушевление и величавые эмоции представлены, что называется, вживе: «Проезжаем по необъятной равнине, среди которой вздымаются огромные, поросшие травой пирамиды. Это гробницы циских князей (XII—III вв. до н. э.). Они, конечно, уже разграблены, но научно еще не исследованы. Археологическое «чувство» просыпается и создает сладкую мечту: вот бы раскопать!» «Смотрю, как накачивают воду из канала на поля, и вижу, что основным рычагом служит... древний каменнописный памятник IV в.! Археологические «мечтания» сменяются негодованием и отчаянием».

Негодование и отчаяние нарастали по мере накопления впечатлений: то и дело искомые памятники-плиты оказывались валяющимися в мусоре или вделанными в мостовую, в фундамент дома. на них стирали белье, потрошили рыбу. В сяотаншанском храме юаньский камень с тонкой резьбой украшал... стены уборной. Однако возмущение столь «варварским равнодушием» населения иногда давало и осечку, как это было в одной из деревень, когда «варвары» (которые, кстати, при всем равнодушии все-таки всегда знали, где есть «камень»), подняли настоящий бунт, узнав, что их жуликоватый односельчанин собирается продать Шаванну плиту с ханьской скульптурой. Алексеев, с самого начала не одобрявший идеи Шаванна купить и увезти плиту в подарок Лувру, ибо здесь ее все равно загонят в какой-нибудь фундамент,— был восхищен столь неожиданной после всего виденного реакцией.

На всем пути синологи с болью наблюдали эту картину (напомним, речь о Китае начала века) разрушения и уничтожения исторических памятников, расхищения их иностранными перекупщиками, грабящими все ценное отнюдь не «в подарок Лувру». На строительстве железной дороги в Хэнани, которое проводилось французскими и бельгийскими предпринимателями, путешественники ожидали найти большие археологические ценности. «Нам показывают огромные, полые внутри кирпичи с сильным и сложным геометрическим орнаментом. Это — облицовка гробниц. Шаванн слепляет орнамент. Больше — ничего. Все раскуплено, расхищено, попало в руки опытных скупщиков и утечет в Европу и Америку, как утекли уже туда величайшие ценности».

Одним из главных пунктов экспедиции был Лунмэнь, «Драконовы ворота» в Хэнани, где в гротах, усеявших наподобие сот склоны двух «ленивых холмов», находились буддийские фигуры — «центр наших археологических стремлений». Однако в особый восторг привел Алексеева небольшой эпиграфический музей в Сиани — Бэйлинь, «Лес стел»: «Это ряд павильонов, в которых натисканы черные от эстампировок памятники... Договариваюсь о покупке коллекции эстампажей с этих памятников. Это будет вторая по счету коллекция в Европе. Трепещу при мысли обладать ею, разыграла страсть коллекционера!»

Вот когда припомнились и откликнулись занятия — корпения над эстампажами в музеях Лондона и Парижа! Взыгравшая теперь страсть не ограничилась эмоциональной фразой: на материалах бэйлиньских эстампажей Алексеевым были затем написаны две статьи, а сама коллекция с собственноручными подробными описаниями пятисот эстампажей (целая картотека) была передана им в дар Азиатскому музею.

На всем пути každоневно встречались разные храмы, интересовавшие обоих ученых. Алексеева особенно занимал храмовый синкретизм — смешение религиозных культов. Этот религиозный сумбур, равно как и сама внешность китайских божеств, откровенно напоминающая театральные маски и жесты и никак не соответствующая «нашему представлению об иконописных ликах»,— все это не вызывало у воспитанного в православии Алексеева ни тени миссионерского пренебрежения. За «громоздкой и сложной внешностью религии» Китая он видел общее для всех религий начало — «то же проявление бессилия человеческого против зол жизни..., ищущее возможности от них заслониться. Всякий способ одинаково хорош: заклинание бесов профессиональными фокусниками, приношение Будде, даосской Троице, сонмам духов всех специальностей, какого бы происхождения они ни были. Как немного нужно для обоснования человеческой религии. Хорошее предупреждение против неосторожных синологических обобщений!»

В путевых заметках Алексеев запечатлел и быт китайских храмов, немыслимый для Европы: «На полу — кучи сена, через все помещение, от статуи к статуе (от божества к

божеству) тянутся веревки, сушится белье. Два страшилища с огненными волосами напрасно свирепо тарашат глаза: их присутствие не нарушает домашней обстановки, и в храме по-семейному спят, едят, просеивают хлеб».

Алексеев ехал по Китаю старому, в котором уже начинало неостановимо прорастать новое. Старое и новое иногда образовывало нечто среднее, но чаще было — хоть и рядом, да врозь. С храмами соседствовали школы, и в них также обязательно заходили путешественники, наблюдая вочию труднейшие проблемы реформы китайского образования. В школах старого образца — они были еще в большинстве — основой продолжало быть усвоение памятью совершенно непонятного текста. неистовое попугайное зубрение «в виде напевания самых прихотливых мелодий по загадочным нотам — иероглифам. При этом, конечно, каждый поет свое, ничуть не согласуясь с соседом, и образуется настоящий гвалт, слышный при приближении к школе». Но вот школа нового образца: по-европейски построенные классы, гимнастика с флагами, длиннокопые парни, марширующие по площадке. Алексеев, по своему обыкновению, «экзаменует» — задает вопросы по истории. Никто ничего не знает. «Неужели реформа приведет к подобному “образованию”? «Возле дома Конфуция стоит самое современное училище — постройка полуиностранного образца. Внутри грязно, пусто: сейчас вакации. По стенам висят карты европейского образца, доски. Элементарная европейская школа. Новый Китай вытесняет старый даже в самом его сердце!» Проблема образования, от решения которой зависит «будет ли Китай только частью Европы, Америки, говорящей и пишущей по-китайски, или сумеет сохранить свое лицо» непрестанно привлекала внимание, была темой постоянных разговоров с китайцами, которых она не могла не тревожить.

В каждом новом городе Шаванн и Алексеев бросались искать книжные лавки и рынки — охота за книгами была общей страстью, несмотря на чрезвычайно неравные покупательные способности. Алексееву, при скудности его средств, было за Шаванном не угнаться, но он мог учиться у опытного знатока отличать подлинное, отбирать нужное, не соблазняться второстепенным и отягощающим, не жалеть денег, но уметь и поторговаться, где надо. Легко представить, с каким азартом рылись они в книгах, небрежно набросанных на лотках. Шаванн отбирал прежде всего местные археологические и географические трактаты, Алексеев искал этнографическую литературу, помогающую осмыслению и истолкованию собираемых коллекций. Однако и издания классиков, часто в соблазнительных холщевых переплетках, были не только мило глазу и сердцу, но и чрезвычайно нужны для будущих исследований и преподавания. Так что было от чего приходиться и в восторг... и в уныние.

Научная одержимость, общая для обоих путешественников, выражалась в том, что они не уставали от науки: «Ученая болтливость Шаванна наплатила меня, как губку. Мы с ним все рассуждаем о Китае». «С огромным наслаждением слушаю его вдохновение и поучаюсь. В такие минуты Шаванн незаменим». «Разговор о прошлом — начале наших карьер, о положении нашей науки... так захватили меня, что я и уснул с трудом, несмотря на усталость». «Объясняю Шаванну планы моего университетского преподавания. Слушает, делает замечания. Восхитительное времяпрепровождение!» «Долго говорим о России. Говорю я, Шаванн внимательно слушает». «Я много рассказывал Шаванну о русской литературе (в частности, о Леониде Андрееве). Только в России могут так писать. Я горд моим чудесным языком, я счастлив, что в моей стране растет нечто невероятное великое в умах ее лучших сынов... Скоро наступит переоценка всех ценностей. Слышны удары прибоя, прибоя новой жизни! Шаванн довольно безучастен к подобным темам. Историю, по его мнению, делают выдающиеся личности (к коим он, по-видимому, причисляет и себя). С Шаванном надо говорить только о Китае. Здесь он просто великолепен. Наши длительные беседы буквально по всем вопросам изучения Китая — краса путешествия».

В городах, где не было ничего археологически интересного, Шаванн начинал отчаянно торопиться, рваться вперед («Полевая археология в Китае — единственное средство добычи материала!»), а Алексеева влекла жизнь городская: эпиграфика и все более разжигавшая азарт ученого-коллекционера китайская народная картина. Этот предмет научного увлечения сам в руки не давался — надо было охотиться, разыскивая лавочки, которые, имея своих покупателей, никаких реклам, конечно, не делали.

Сиань. «Бродил по улицам в сопровождении старика сторожа. Местный житель в роли проводника незаменим. Он делает более близким соприкосновение с населением,

усиливает доверие, становится связующим звеном. Старик словоохотливо рассказывает о своем житье. Наконец, заводит меня в темный, узкий переулок, где продаются лубочные картины всех сортов».

Стало быть, в каждом новом городе надо было найти такого проводника, отыскать с его помощью лавку, которая часто оказывалась и фабрикой этих картин, поговорить с продавцами, а если повезет, то и с самими художниками, записывая их ценнейшие объяснения.— дело, не терпящее суетливой спешки. Затем в гостинице надо было заботливо упаковать эти тонкие бумажные листы с яркими красками, которые от первого дождя превратились бы в пятно. И еще — Алексеев неустанно стремился завести нужные знакомства, прося прислать ему в Пекин новогодние лубки.

В отчете за год, посланном в Петербург, Алексеев особо отметил «услуги любезных людей во всех местностях, где я проезжал». «Обидно, до слез обидно, что приходится лететь сломя голову мимо интереснейших вещей... Все эти маленькие уездные городишки, через которые мы проходим быстрым маршем, несомненно, имеют массу интересного. Как бы я хотел пожить в провинции, наблюдая и участь. А сейчас приходится наспех заносить заметки, списывать на ходу объявления и надписи (все для хрестоматии)».

«Все для хрестоматии» — той самой «Фонетической хрестоматии», которую Алексеев начал составлять в Пекине из разнообразных текстов, записанных транскрипцией для будущего безиероглифного преподавания и, одновременно, для дальнейших фонетических наблюдений. Наблюдения этого рода в изучаемой стране всегда под рукой, и Алексеев вел их во время путешествия между делом, особенно в дни вынужденного безделья:

«Сегодня разразилась гроза, сидим дома. Я занялся фонетикой со слугой, местным жителем. Все вверх дном, тоны улетели в лету. Изучать китайский язык можно только по частям, сравнивая эти части по мере изучения. Никаких обобщений делать нельзя, пока не исследованы отдельные части огромного целого».

В заметках Алексеева не может не удивлять та легкость, с которой он вступает в контакты с самыми разными представителями населения: «разговорчивость, отмеченная Шаванном как главная статья моего лингвистического прихода».

Как видим, подготовка Алексеева к «профессорскому званию» порой отходила далеко от кабинетных штудий.

(Продолжение следует)

Сердцем зрячий

(Новое о В. Я. Ерошенко)

Предисловие

В конце января 1922 г. в предисловии к сборнику сказок Василия Ерошенко, изданному в Шанхае, Лу Синь признался, что это было его давнее желание — выпустить сказки русского слепого писателя на китайском языке. Некоторые из них перевел он сам, другие — Ху Юйчжи и Фу Сянь. Чем руководствовался Лу Синь при своем выборе? И главное, почему обратил внимание на творчество русского писателя, жившего в Японии, а затем перебравшегося в Китай? Лу Синь пояснял, отвечая на эти вопросы, что в сказках Ерошенко ему открылась наивная, красивая и вместе с тем реальная мечта. Он понял трагедию человека, который страдал, чтобы люди любили друг друга, но не мог осуществить свою мечту. Гуманисту Лу Синю были близки эти мысли, пусть несколько наивные, но прекрасные.

Еще раньше фигура Ерошенко привлекла внимание Тянь Ханя, впоследствии выдающегося китайского драматурга. В начале двадцатых годов он жил в Японии в одно время с Ерошенко. Здесь Тянь Ханем была написана первая пьеса «Ночь в кафе» (Токио.— 1920). В ней просматриваются мотивы сказки Ерошенко «Рассказ бумажного фонарика», опубликованной в 1916 г. в журнале «Кибо». Присутствует в пьесе и сам Ерошенко, правда, не названный по имени. Автор говорит лишь, что в кафе нередко заглядывает слепой русский писатель, который немало побродил по свету, побывал в Сиаме, Бирме, Индии. Теперь он живет за стеной, при этом кафе. Вечерами «со слезой» поет под гитару свои задушевные национальные песни. «Вот и сейчас доносится мелодия в его исполнении», — отмечает автор в ремарке.

Помимо Лу Синя и Тянь Ханя, с Ерошенко были знакомы Мао Дунь, Ху Юйчжи и другие видные китайские мастера слова. Но самое, пожалуй, примечательное в том, что Лу Синь и Ерошенко стали друзьями. Их встреча произошла после того, как русский литератор был выслан из Японии за революционную деятельность. Он прибыл в Пекин, поселился по приглашению Лу Синя в его доме, и тот посвятил своему русскому другу новеллу «Утиная комедия». В ней рассказано о жизни Ерошенко в доме Лу Синя, где вместе с ним тогда проживали его братья с женами и детьми. Вскоре Ерошенко уехал на родину¹. Но память о нем в Китае не канула в лету. Так же, впрочем, как и в Японии, где он сошелся и дружил со многими выдающимися писателями и общественными деятелями.

В наши дни имя Ерошенко часто возникает на страницах японских и китайских изданий. До сих пор здесь интересуются его жизнью и творчеством. Еще сравнительно недавно в китайском журнале «Сулянь вэньсюэ» вновь публиковались сказки Ерошенко, а журнал «Бэйцзин шифань дасюэ сюэбао» поместил исследование профессора Гэ Баоцюаня «Лу Синь и Ерошенко», содержащее некоторые новые данные и уточнения о жизни Ерошенко в Китае. В 1981 г. незадолго до смерти Ху Юйчжи выпустил в Пекине на китайском и эсперанто книгу «Рассказы засохшего листка» со своим предисловием. В нее вошли три новеллы Ерошенко.

Такой же интерес, если не больший, проявляют к Ерошенко и в сегодняшней Японии. Профессор Такасуги Ичиро, так много сделавший для популяризации творчества русского писателя, выпустил в 1982 г. книгу «Песнь на рассвете. Жизнь слепого поэта Ерошенко». Это расширенная биография писателя, ранее включенная в трехтомник сочинений Ерошенко, изданный в Токио в 1959 г. Новый вариант создан на основе материалов, собранных автором во время пребывания в нашей стране. Поясняя популярность Ерошенко в Японии, особенно в те годы, когда он там жил, Такасуги Ичиро подчеркивает, что русский писатель «оказал большое влияние на японскую интеллигенцию

эпохи Тайсё» (1912—1926) и был одним из тех, тогда еще немногих, кто нес в Японию духовные богатства русской культуры, знакомил с ней и стал в глазах японцев представителем новой России, когда, по словам Акита Удзюку, «русская революция произвела изумительный сдвиг в умственной жизни Японии»².

Творчеству Ерошенко посвящает свои работы и профессор Каваками Кюдзю (город Отару). В 1969 г. в журнале «Дзиммон Кэнкю» (№ 38) была опубликована его статья «Поздние годы Ерошенко», основанная на фактах, почерпнутых в моих работах, о чем автор упоминает в тексте.

Пишут о Ерошенко и ученые из ФРГ, Венгрии, Югославии и других стран. По-прежнему материалы о нем появляются на страницах эсперантистских изданий, в журналах для незрячих.

И вновь задаешься вопросом: чем и сегодня привлекает личность Ерошенко? В чем секрет, можно сказать, всемирной его популярности?

В истории известны случаи, когда пораженный слепотой человек становился деятельным членом общества, достигал высокого положения, широкой известности. Таким был, скажем, древний ученый богослов Дидим, живший в IV в. Слепой, он более пятидесяти лет управлял училищем в Александрии. Или Н. Саундерсон, лишившийся зрения на втором году жизни — крупный английский математик, возглавлявший кафедру в Кембриджском университете и, что совсем уж удивительно, написавший труд по оптике! Рано ослеп и Конрад Пфедфель (род. в 1736 г.), и он превозмог недуг, стал известным баснописцем, автором поэтических рассказов. А великий Мильтон, творец «Потерянного Рая», а русский поэт Иван Козлов!? Не пал духом и английский писатель И. Дизраели: ослепший в 1839 г., он продолжал творить. Были, конечно, случаи, когда человек, потерявший зрение, впадал в отчаяние. Так, лишил себя жизни в 1864 г. французский писатель Ш. Дадье. Но в большинстве незрячие не склоняли головы перед горькой судьбой и одерживали победу над мраком. В их числе следует упомянуть и известного арабского поэта и литературоведа Таха Хусейна. Он родился в один год с Ерошенко (1890) и, как и тот, потерял зрение четырех лет от роду. Но если у Таха Хусейна была возможность получить блестящее образование, то Василию Ерошенко, выходящу из крестьянской среды, приходилось всего добиваться собственным трудом и упорной работой над собой. Он проходил свои университеты, путешествуя по городам и странам, встречаясь и беседуя с такими выдающимися мыслителями и учеными, как П. Кропоткин и Сэн Катама, Лу Синь и Рабиндранат Тагор, Альберт Эйнштейн и Бертран Рассел.

Размышляя сегодня над поразительной судьбой Василия Ерошенко, мне думается, прежде всего следует отметить присущую ему истинно прометеевскую любовь к людям. Ею проникнуты все его произведения, зовущие к добру. Написанные вдали от родины, они близки нам именно этим — своей человечностью. Это же чувство — любовь к людям, стремление познать мир — побуждало его и странствовать по свету.

И когда однажды на Международном конгрессе поэтов-эсперантистов Василию Ерошенко вручали награду, прозвучали справедливые слова о том, что «приз получает не только его поэзия, но и вся подвижническая жизнь Ерошенко». И зал встретил эти слова овацией.

Да, подвижническая жизнь Ерошенко не может не вызывать восхищения, он служит своего рода ориентиром мужества, примером, который учит преодолевать жизненные невзгоды, не падать духом в трудные минуты, учит побеждать недуг, быть стойким в несчастье.

Чтут память о нем и его земляки. У нас в стране вышли сборники его произведений — два на русском, один на украинском, были созданы две документальные повести. Правда, после того, как в Японии появился трехтомник собрания сочинений и биография писателя. А это означает, что за рубежом о Ерошенко как о самобытном литераторе знали гораздо раньше, чем на родине. Дело вовсе не в том, что он будто бы был эмигрантом. Нет, он никогда им не был и при первой возможности вернулся домой. Причина в том, что мы ужасно не любопытны и равнодушны. Рядом жил скромный человек удивительной судьбы и таланта, а о нем никто ничего не знал. Так и умер в безвестности, едва ли не в бедности. И только теперь, накануне столетия со дня рождения, исполняющегося в начале января 1990 г., фигура Ерошенко, наконец, встает перед нами в полный рост. В связи с юбилеем утверждён оргкомитет. На родине писателя в Старом Осколе и в селе Обуховка, где он родился и умер, намечено провести ряд мероприятий. Это комплектование фонда о жизни и творчестве Ерошенко, изучение его наследия,

создание дома-музея в селе Обуховка, установка здесь бюста писателя, выпуск нового путеводаителя-буклета, разработка тематических экскурсий по Старому Осколу и его окрестностям. «Работники учреждений культуры,— говорит заведующий Отделом культуры горисполкома А. А. Калачев,— полны решимости донести до каждого старооскольца, до каждого гостя нашего города яркий жизненный подвиг нашего земляка, на его примере показать силу духа и мужество человека, который победил самого себя, свою судьбу — человека с большой буквы».

Оргкомитет обратился ко всем на родине и за рубежом, кто знал или встречался с Ерошенко, с просьбой сообщить о нем сведения или передать в дар музею свои воспоминания, опубликованные работы, другие документы и материалы, связанные с именем писателя.

В поиск включились многие энтузиасты: и работник ВОС О. А. Богданова из Москвы, и ветераны эсперантистского движения Б. Г. Колкер из Уфы, Т. А. Коптягина из Миасса, В. Ф. Буюк из Минска, И. Р. Тригулов из Казани, Л. Б. Вульфович из Москвы. Поисковую работу ведут целые эсперанто-клубы: москвичи во главе с Д. А. Перваловым и В. В. Мельниковым, красноярцы во главе с В. С. Сапожниковым. Оказывают помощь президент Ассоциации советских эсперантистов М. И. Исаев, члены правления этой Ассоциации. В сборе материалов активно участвует директор музея Ерошенко в Обуховке Л. П. Жимурина, старооскольцы И. Н. Гладков и В. Д. Шеховцев, литератор Б. И. Осыков, белгородцы журналист С. Ю. Киценко и библиотечный работник Т. В. Петрова. Московский скульптор В. И. Дудник работает над композицией «Лу Синь и Ерошенко», она пополнит ряд скульптурных портретов Ерошенко, созданных отечественными мастерами Н. Блажке, Э. Дзиндром и др. Ростовская киностудия выпускает документальный фильм о жизни незрячего писателя.

Много лет назад Ерошенко призывал японскую молодежь не отчаиваться, не терять надежду, уповал на то, что весна не может не наступить. Сегодня пришла весна и для самого Ерошенко, весна его возрождения на родине как самобытного, сердцем зрячего литератора и личности редкого дара,— говоря словами Чехова, наделенной «талантом человеческим».

Когда думаешь об этом, о том, что у могилы Ерошенко зацветет по весне японская сакура, которую намечено посадить, и по тропке к надгробию пойдут люди, мне вспоминается стихотворение поэта Константина Гусева, переводчика с эсперанто некоторых стихов Ерошенко. Оно было написано тридцать лет назад и посвящено автору этих строк.

Мы встретились
на тропке Ерошенко —
слепца,
чей взгляд был зорок и широк...
И зрячие,
подумав хорошенько,
усвоят навсегда
его урок
О том,
что мир
огромен и неведом,
и неисхожен за чертой Европ,
и нам,
поэтам и китаеводам,
несет дары
своих заветных троп!

Ниже публикуются воспоминания тех, кто знал и встречался с Ерошенко, в чьей памяти он оставил след. Полагаю, они будут интересны не только нашим отечественным, но и зарубежным читателям журнала, японским и китайским, желающим узнать, как сложилась жизнь Ерошенко на родине. Эти воспоминания как штрихи портрета, который с запозданием дорисовывает время.

Р. С. БЕЛОУСОВ

С НИМ БЫЛО ИНТЕРЕСНО

Федор Петрович Солдатов: Наши дома находились на одной улице, Базарной. Дом Ерошенко был прямо напротив церкви, а наш — чуть пониже, ближе к мосту через Котёл. Рано утром, когда еще только рождался в легком тумане ясный летний день, мимо нашей яблоньки с полотенцем через плечо проходил Василий Яковлевич. Миновав мост, он сворачивал налево, в сторону нашего Обуховского пруда...

Однажды я решил проследить за ним. Уж очень сильно разбирало меня мальчишеское любопытство: как же слепой может плавать? А о том, что он плавал замечательно, по Обуховке ходили настоящие легенды. В одно утро, увидев в окно Василия Яковлевича, я оделся не спеша (знал, что если пойду следом за ним, то он наверняка это услышит) и вышел за порог. Пруд был недалеко, поэтому через несколько минут я уже был там. Обежал пруд кругом и устроился в кустах. Василий же Яковлевич разделся и скорым шагом вошел в воду.

Плавал он действительно прекрасно! Быстро, легко и свободно. В его походке все-таки была едва заметная неуверенность, скованность, что ли. В воде же он преобразился. Чувствовалось, будто он здесь свой, а вода — его стихия. Он проплыл с десятков метров «саженками», перевернулся на спину, сделал несколько взмахов руками и остановился. Раскинув широко руки, он лежал прямо посередине пруда, слегка покачиваясь на легкой волне...

Честное слово, я на это смотрел с восхищением. Ведь мы, мальчишки, на этом пруду проводили многие дни напролет, и я считался неплохим ныряльщиком, но тут меня разобрала зависть.

Василий Яковлевич вышел из воды, растерся полотенцем. А затем занялся гимнастикой. Минут 15—20 он приседал, наклонялся, делал активные движения руками и ногами. Затем оделся, взял полотенце и пошел, по-моему даже насвистывая какую-то мелодию.

Кстати сказать, с музыкой у Василия Яковлевича были отношения особые. Дома у него были пианино и гитара. Иногда на улицу доносились звуки различных, к сожалению, мне незнакомых мелодий. А однажды, гуляя по лесу, я услышал где-то впереди чей-то голос, он пел. Думаю, что такое? Подошел поближе и увидел: прислонившись спиной к березе, сидит Василий Яковлевич. В руках у него гитара, он перебирает пальцами струны и вытягивает во весь голос «Распрягайте, хлопцы, коней!...

Таких обрывочных воспоминаний о В. Я. Ерошенко моя память сохранила несколько. Но, к сожалению, это лишь фрагменты. Так произошло, наверное, потому, что я не знал, как, впрочем, и все остальные мои земляки, о том, что Василий Яковлевич, мой сосед, — выдающаяся личность. Для меня он был просто односельчанином. Но образованным, начитанным, много повидавшим. С ним было интересно!

Вот как-то вечером сидели мы с моим отцом на скамейке у дома. Видим, Ерошенко идет. А надо сказать, что у отца и Василия Яковлевича была крепкая дружба. Отец часто бывал у него дома — просто так и по делу. Василий Яковлевич не раз обращался к нему с просьбой соорудить что-нибудь из мебели (тот считался в Обуховке лучшим столяром). Стол, несколько стульев, вешалка в доме Ерошенко были сделаны руками моего отца.

Так вот, не доходя нескольких шагов до нашей скамейки, Ерошенко поприветствовал отца своим высоким голосом: «Петр Иванович, здравствуйте». «Здравствуйте, Василий Яковлевич, — ответил отец. — Что-то вас давненько мы не видели?» «Да я, знаете, только что вернулся. Побывал я с экспедицией на Чукотке. Ох, и интересное получилось путешествие». Он присел рядом на скамейку и рассказал нам с отцом некоторые эпизоды своей поездки. Многого, конечно, уже выпало из памяти. Осталось, с его слов, лишь ощущение далекой, диковинной и удивительной страны, где живут добрые и немного наивные люди.

И еще одна картинка, связанная с Ерошенко, запечатлелась в моей памяти навсегда. Случилось это однажды жарким летом. Помогал я отцу стеклить окна в нашем доме. Отец встал на завалинку и вставлял стекла в раму, аккуратно забивая гвоздики, а я подавал ему инструменты и стекла. И вот, поднимая на вытянутые руки очередное стекло, я не рассчитал силы и чуть-чуть разжал пальцы. Стекло мигом соскользнуло вниз и, «проехавшись» по моей переносице краем, со страшным звоном упало на землю. Кровь хлынула сразу, потекла обильно, затекая в рот, ручейками сбегая по шее. Рубашка вибрировала в красный цвет. Отец перепугался не на шутку. Куда бежать? Кто поможет?

Первая мысль, которая пришла в голову, была — к Ерошенко! У него найдется все необходимое, чтобы остановить кровь и закрыть рану.

Василий Яковлевич встретил нас, к огромному нашему удивлению, очень спокойно. Он не испугался, не засуетился, а спокойно меня усадил, дал мне приложить к носу мягкую тряпочку. Потом достал баночку с йодом, обжег пораненное место и сменил тряпочку на большой кусок ваты. А потом, слегка улыбнувшись, сказал: «Федя, я думаю, что до свадьбы это должно зажить». Этот случай, наверное, в моей памяти останется на всю жизнь, как и шрам на переносице.

Думаю, что помог вам штрихами своего рассказа представить Василия Яковлевича Ерошенко как человека увлеченного и образованного, с открытым и добрым сердцем, внимательного к своим землякам.

ТРИ ДУБА

Александра Васильевна Бычкова: Из раннего детства у меня осталось лишь одно стойкое воспоминание, связанное с В. Я. Ерошенко. Это то, что он дружил с моей старшей сестрой Марией. Как я сейчас понимаю, они любили друг друга. Помню я также, что наша мать почему-то всячески пыталась разрушить их отношения. Почему?

Сама я ближе познакомилась с Василием Яковлевичем в Харькове. Я тогда училась там на ветеринарного врача и жила у своих земляков-обуховцев. Ими была семья Марии — сестры Василия Яковлевича.

В каждый свой приезд в Харьков Ерошенко вел нас в театр. Однажды там давали японскую пьесу «Микадо». По ходу действия я специально для Василия Яковлевича описывала декорации, костюмы артистов. Он же оставался очень недовольным обстановкой, которую на сцене создал режиссер спектакля. Говорил, что многое из этого придумано, что Япония того времени — совсем другая. А на сцене получились мешанина времен и стилей. Помню, что тогда я очень удивилась его памяти и образованности.

Спустя три-четыре года снова довелось встретиться с Ерошенко, и вот при каких обстоятельствах. Мне нужно было ехать из Старого Оскола, где я жила, в Москву на курсы повышения квалификации. Никого из знакомых у меня в столице не было, и я спросила у Марии Ерошенко адрес ее брата. Она дала.

Только я приехала в Москву, сразу отправилась на поиски указанного дома. Но дело в том, что точного адреса мне дать не смогли, поэтому я сначала пошла по Первой Мещанской до школы слепых. У школьного сторожа спросила о Ерошенко и, услышав в ответ, что такого не знают, ушла. В одном из магазинов на этой же улице я обратилась за помощью к людям — спросила, не знает ли кто, где здесь дом для слепых? К моему счастью, в очереди оказался один слепой покупатель, который знал Василия Яковлевича, он-то и отвел меня к нему на квартиру.

Хорошо помню этот дом. Он находился прямо на углу, где ныне пересекаются улицы — Гиляровского и Трифоновская.

Однако Василия Яковлевича там не оказалось. Соседи мне объяснили, что он уехал в Ташкент, а свою квартиру оставил молодой паре слепых — Коле и Наташе. Это была крохотная комнатка в шесть квадратных метров на первом этаже многоэтажного дома. Меня она поразила своей затхлостью и какой-то угрюмостью. Но деваться было некуда: спросив разрешения, я осталась жить вместе с молодоженами.

Довольно скоро мы подружились и даже начали вести общее хозяйство. И вскоре приехал Ерошенко. Он долго меня расспрашивал о моих делах, об Обуховке. Мы вместе гуляли по Москве, он встречался со своими друзьями, приглашал их к себе в гости. Но я замечала, что все это время он был чем-то озабочен. Тень с его лица не сходила.

Вдруг он снова засобирился. Сказал, что отправляется в Кушку. Когда я его проводила на вокзал, Василий Яковлевич сказал: «У меня большие неприятности. Меня сняли с должности директора школы для слепых, в чем-то подозревают, — помолчал, а потом, будто спохватившись, добавил, — а впрочем, зачем тебе это?»

Однажды он прислал мне письмо, где говорил, что очень хочет приехать в Обуховку на масленицу. Я отправила ему ответ, где сообщала, что встречу его на вокзале в Старом Осколе.

В условленный день я взяла в сельсовете лошадь с телегой и поехала на станцию встречать Ерошенко.

Он вышел из поезда, и мне показалось, что приехал человек из какого-то другого

и очень далекого мира. Он был в большом овчинном тулупе с белым воротником и манжетами. Я подошла к нему, поздоровалась. Затем посадила на телегу, и мы поехали в Обуховку. Когда мы подъехали к нашему лесу, я сказала ему об этом. Василий Яковлевич попросил остановиться. Сошел с телеги, снял шапку, отвернул высокий воротник и с восторгом стал вслушиваться в звуки леса. Так он простоял несколько минут, а потом сказал: «Нет, ты послушай!.. Это замечательно. Эх, не зря я приехал сюда». Надо сказать, что лес, природу Ерошенко любил необыкновенно. Были у него и свои, известные только ему места, куда он любил уединяться.

В Обуховку мы приехали только вечером. А в селе с понедельника по воскресенье все пекли блины на масленицу. Этот запах Василий Яковлевич услышал, как только мы въехали на мост, что рядом с селом. «Знакомый запах», — улыбнулся он.

Однажды пригласил Василий Яковлевич меня на прогулку. Мы с ним долго бродили, а потом он спросил о моей сестре Марии. Где она сейчас? Я ответила, что работает в магазине, в селе, что неподалеку от нас. «Давай сходим к ней», — предложил он. Я не возражала. Мы отправились в путь, а по дороге возле лесничества стояли три больших дуба — «друзья» Ерошенко. Он подошел к одному из них, обнял, потом прижался к дереву и замер. Я тогда подумала, что так можно встречаться только с настоящим, близким и долгожданным другом.

Уж не помню сейчас чего-либо примечательного в той встрече Ерошенко с Марией, но зато очень хорошо помню его в тот день, когда она умерла. Как он плакал на ее могиле, приговаривая: «Что же ты не дождалась меня?»

В последние годы своей жизни Василий Яковлевич жил очень бедно. Случалось, я приносила ему и племяннице его Вере Ивановне что-нибудь поесть, молока. Сестра его Неонила иногда присылала посылки с фруктами.

А как-то я зашла к нему в дом, поговорили мы с ним, и неожиданно Василий Яковлевич сказал: «Саша, если мне придется умереть зимой, достань мне, пожалуйста, живой цветок». Я тогда очень растерялась. Как же мне такое пообещать, ведь зимой живых цветов не найти. Ничего я тогда ему не сказала, только слезы на глаза навернулись.

Умер Василий Яковлевич рано утром, в конце декабря. Узнав об этом, я отправилась в медпункт сообщить о случившемся. Открываю дверь, захожу и вдруг вижу — на столе стоит цветок в горшочке. И весь в цвету. У нас в деревне этот цветок называли «звездочка». Вот его я и принесла к могиле Василия Яковлевича. Добр он был к людям, и мы старались платить ему тем же.

ПРОПАВШАЯ БИБЛИОТЕКА

Таисия Петровна Науменко: Как же все-таки удивительно устроены люди! По своей натуре Василий Яковлевич Ерошенко был человеком открытым, добрым и отзывчивым. Вокруг него всегда собирались обуховцы, он им много рассказывал, если нужно, что-то советовал. Учителя приглашали Василия Яковлевича в школу, где он иногда проводил уроки. К нему приходили домой просто за добрым словом, и он никому никогда не отказывал. А доброта, как известно, имеет свойство возвращаться. И односельчане платили ему тем же. К Ерошенко мы питали очень теплые чувства и, я бы даже сказала, возвышенную любовь.

Но замечали мы и другое — очень холодное и пренебрежительное отношение к нему со стороны местных властей. Люди старшего поколения помнят, какими тяжелыми и голодными были те годы. Конец 40-х — начало 50-х. В Обуховке многие продукты выдавались по карточкам. Скажем, на человека существовала месячная норма муки — 400 граммов. За нею обычно ходила племянница Василия Яковлевича. Случалось, что она возвращалась только с одной своей пайкой. Объясняли, что Ерошенко не успел зарегистрироваться в сельсовете.

По делам и просто так я часто заходила в дом Ерошенко и видела то очень тяжелое материальное положение, в котором находился Василий Яковлевич. В те годы он уже серьезно болел. Болезнь отнимала немногие силы, а восполнить их было нечем — в доме не всегда и хлеб-то был. Многого я тогда не замечала, кое-что считала в порядке вещей. Спустя несколько лет после его смерти мне в руки попала последняя фотография Ерошенко. На ней он запечатлен сидящим в кресле: руки спрятаны под пледом, рубашка с застегнутым на все пуговицы воротом. Но это все детали — меня поразило его лицо. Очень худое, изможденное, перерывтое морщинами, жидкие волосики. Тяжелое впе-

чатление произвела эта фотография. Ведь я запомнила Василия Яковлевича молодым — выше среднего роста, с белокурыми волосами, высоким лбом, приятным, очень мелодичным голосом.

Ежемесячно он получал пенсию — 250 рублей, сумма ничтожная. Скажем, пара хороших ботинок стоила тогда 300 рублей. Конечно, во многом ему приходилось себе отказывать.

Это невнимание к Ерошенко со стороны официальных лиц нас, обуховцев, в глубине души возмущало. Сегодня мое возмущение еще больше. Ведь тогда мы об этом человеке, кроме того, что он изъездил много стран, ничего не знали. Мы и не подозревали, что наш земляк — писатель, филолог, общественный деятель. Но ведь тем людям, от которых зависели его быт и питание, было это известно! Как же они могли, зная о популярности Ерошенко за рубежом, о любви к нему обуховцев, допустить такое, мягко говоря, пренебрежительное отношение к нашему земляку.

Даже когда умер Василий Яковлевич, никто из нашего сельсовета палец о палец не ударил, чтобы помочь в организации похорон. Почти все сделали мы, учителя. Нашли в селе слабенькую кобыленку, запрягли ее в сани. Обмыли и одели покойника, местный столляр наскоро сколотил гроб. А по пути на кладбище к траурной процессии присоединились все, кто был в тот день в селе. С трудом, вгрызаясь в смерзшуюся землю, мужики отрыли могилу. Она и сегодня ничем не отличается от десятков других, где похоронены обуховцы. Разве что к ней тропинка пошире, да поутоптанней.

Вернулись домой с кладбища, а помянуть нечем. Нашли немного картошки, я принесла квашеной капусты. Посидели, поплакали. Жалко его.

А через несколько дней к дому Ерошенко подкатил грузовик. Какие-то люди, забравшись на чердак, начали сносить оттуда книги, рукописи. На наши просьбы показать какой-либо документ, разрешающий эту погрузку, отвечали грубо. Уехали они, лишь убедившись, что чердак пуст. Нетрудно предположить, что за книги были собраны в библиотеке Ерошенко — поистине уникальные. Ведь свозил он их со всего света. Потом еще долго по нашим обуховским огородам летали, как белые птицы, потерянные листы из книг и тетрадей. Прошло время, и до нас стали доходить слухи, что эта библиотека пропала. Одни говорили, что в здании Старооскольского районного отделения Всероссийского общества слепых, где хранилась библиотека, случился пожар. Все тогда сгорело дотла. Другие говорили, что был приказ: библиотеку Ерошенко уничтожить. Об этом говорили немногие и только на уху.

Поэтому, когда сегодня приезжает кто-нибудь к нам в Обуховку и начинает интересоваться жизнью Василия Яковлевича, мне это не очень приятно. Сейчас о нем вспомнили, беспокоятся о его памяти. Но ведь его-то больше нет, и это беспокойство ему уже не нужно. Ему нужны были внимание и забота тогда. Может быть, это и смерть его как-то оттянуло бы.

ОБУХОВСКИЕ СОЛОВЬИ

Анастасия Ивановна Алехина: С Василием Яковлевичем Ерошенко судьба свела меня лишь дважды. Но, наверное, это были самые памятные встречи в моей жизни. Судите сами, почти 50 лет прошло, а помню все, как будто это было вчера.

Итак, познакомились мы весной 1944 года. Работала я тогда учительницей русского языка и литературы в средней школе села Волоотово, что в Чернянском районе. Однажды я пришла в гости к Неониле Яковлевне Сосуневой — главному врачу местной больницы. В этом доме я бывала частенько и всю ее семью знала довольно хорошо. Но в тот раз я увидела человека, которого раньше здесь не встречала. Это был уже немолодой человек с русыми вьющимися волосами. В руках у него был какой-то странный станочек в виде небольшой рамки. Я обратила внимание на то, что он по этой рамке быстро бегаёт пальцами. Меня это немного удивило и заинтересовало. Мне и в голову не пришло, что человек этот слепой. Ведь до этого незрячих я никогда не видела.

Неонила Яковлевна заметила мое смущение и поспешила нас познакомить. «Вот, Анастасия Ивановна, это мой брат Василий. Сегодня приехал ко мне погостить. Вася, а это учительница нашей школы, моя хорошая знакомая». Мы посидели, немного поговорили. Точнее, говорил брат Неонилы Яковлевны. Я, видимо, своим приходом оборвала его рассказ, поэтому он продолжал говорить о своем путешествии в Китай и о поездке

в Финляндию. Запомнилось мне, что в Финляндии он принимал участие в шахматном турнире.

Но все это я слушала невнимательно. Во-первых, потому что я никак не могла себе объяснить некоторые странности в поведении рассказчика, во-вторых, я чувствовала, что зашла некстати.

Под каким-то предлогом я через некоторое время ушла. Неонила Яковлевна вышла проводить меня на крыльцо. Тут-то она мне и сказала, что брат ее — слепой. Я поинтересовалась рамкой, которую он держал в руках. Она объяснила, что это специальный прибор для письма и чтения у слепых. Неонила Яковлевна успела сказать, что брат вообще очень много читает.

Примерно через год Неонила Яковлевна из Вологово уехала. Казалось, что уже никогда не увижу ни ее, ни ее брата. Но в 1946 году произошла еще одна встреча с Василием.

Я с мужем училась на заочном отделении Старооскольского учительского института. Приехала сдавать экзамены. Поселилась у хозяев одного дома по улице Коммунистической. И вот однажды возвращаемся мы с занятий и слышим, что из окон нашего дома доносится звук какой-то до удивления знакомой мелодии, исполняемой на балалайке. Мы вошли в дом, и я из любопытства заглянула в хозяйскую комнату. Каково же было мое удивление, когда я увидела знакомое лицо — Василия, брата Неонилы Яковлевны. Я вошла в комнату и поздоровалась, уже хотела объяснить, что это та самая Анастасия Ивановна, которая знает его еще по Вологово. Не успела я эти слова произнести, как Василий сказал: «Узнал я вас, Анастасия Ивановна. Вы из Вологово. Рад вас снова встретить». Я обомлела. Как же так, ведь он слепой, разговаривал со мной несколько лет назад, всего несколько минут, и сразу узнал. Чудеса! Но все равно мне это было приятно.

Хозяйка предложила нам с мужем присесть, объяснила, что Василий Яковлевич ей доводится родственником. Мы разговорились. Я рассказала о последних вологовских новостях, о своей работе, о школе. Потом как-то незаметно речь зашла о музыке. На эту тему муж готов был говорить бесконечно. Он был музыкант-самоучка: нот не знал, но довольно свободно играл на пианино, мандолине, гармонии. Они говорили, говорили, и вдруг Василий Яковлевич взял балалайку-трехструнку и заиграл. Мы молча слушали и долго не могли уйти от этой музыки, от этого обаятельного человека.

Так прошла моя вторая и последняя встреча с Ерошенко. Я благодарна судьбе за знакомство с таким интересным человеком.

Однажды, спустя много лет, мне в руки попала книга «Сердце орла», выпущенная белгородским издательством в 1962 году. Я ее полистала, потом взглянула на обложку и прочитала: «В. Я. Ерошенко». Я глазам своим не поверила, тот ли это Ерошенко, которого я знала? Перевернула страницу и прочитала в предисловии: «Василий Ерошенко родился 31 декабря (по старому стилю) 1889 года в селе Обуховка Старооскольского уезда...» Вот вам, пожалуйста, еще одна встреча! И опять как снег на голову. Оказывается, Василий Яковлевич — писатель! А я ничего-то и не знала, ведь он никогда об этом не говорил.

«Проглотила» эту книжку буквально за час. Меня восхитили эти коротенькие рассказы, где главные герои — цыпленок, орел, часы... Они показались тогда немного странными, местами даже непонятными, но я чувствовала, что каждая из этих новелл — результат напряженной работы души и мысли автора. Все, о чем там написано, вы встречаете чуть ли не каждый день в жизни, но не всегда об этом задумываетесь.

На следующий день мы эту книжку читали вслух с ребятами на уроке литературы. Она им тоже понравилась. И мы решили разузнать больше об этом человеке. Тем более, что жил он всего в нескольких километрах от нас.

И мы отправились в поход в Обуховку. Но как оказалось, к тому времени Ерошенко уже не было в живых. Мы гуляли по селу, разговаривали со старожилками, побывали в тех местах, где Василий Яковлевич любил отдыхать, гулять. Заглянули на погост и с удивлением нашли могилу Ерошенко в страшно запущенном состоянии, заросшую сорняком в человеческий рост. На гранитной плите буквы выцвели. Свои впечатления мы записали в путевой дневник.

На обратном пути мы заехали в Старый Оскол. Дело в том, что я решила найти Неонилу Яковлевну, мою старую знакомую. К удивлению, сделать это мне удалось довольно быстро, мне сразу указали на ее дом.

Поначалу она меня не узнала. Прошло-то с тех пор, как она уехала из Вологово, почти четверть века. Я назвала себя. Неонила Яковлевна вспомнила, обрадовалась и пригласила

в дом. Мы поговорили о том о сем, а затем я попросила ее кое-что рассказать о брате, объяснив, зачем мне это нужно. Она как-то вмиг помрачнела, нахмурилась и замолчала. Я ничего не спрашивала. Но, помолчав, Неонила Яковлевна с упреком сказала: «Трудно мне это вспоминать. Ты же не знаешь, как умирал Василий. В настоящей нищете. Он тяжело болел и недоедал, в доме лишней крошки не было. И никому до этого и дела не было. А теперь все будто опомнились. Когда его уже нет... Поздно».

Я напомнила ей, что жизнью Василия Яковлевича интересуются мои ученики, дети. Для них, может так статься, его судьба станет тем примером, по которому они будут сверять свои поступки. По-моему, это ее убедило. От Неонилы Яковлевны тогда я услышала, что он, узнав о том, что болен раком желудка, решил остаться доживать свои дни в родной Обуховке. «Никуда уже отсюда не уеду, буду умирать здесь, где родился. Умирать и слушать обуховских соловьев. Сколько смогу, столько и проживу», — сказал он однажды. Но он не просто доживал. Ерошенко очень много работал в последние месяцы. Писал что-то, подолгу сидел в своей комнате за столом. Любил оставаться далеко за полночь, ложился, когда первые петухи кричать начинали. Но однажды встать с постели уже не смог.

Рассказала Неонила Яковлевна такой любопытный эпизод. Случилось это в Ленинграде. Василий Яковлевич был там с ней и еще с одной сестрой — Полиной. Пошли они гулять. Бродили по ленинградским улицам целый день, а когда пришло время возвращаться, поняли, что заблудились. Сестры Ленинград совсем не знали, дороги назад найти не могли. И тогда Ерошенко им сказал: «Я докажу вам сейчас, что слепые вы, а я — зрячий». Он попросил отвести их до какого-то магазина. Они, спросив у прохожего дорогу, выполнили его просьбу. И от этого места, не мешкая, быстро Василий Яковлевич довел сестер до квартиры, где они остановились.

Рассказала Неонила Яковлевна и о необычной доброте своего брата. Для себя он не берет ни копейки. Если узнавал, что кому-то из его родственников туго приходится, немедленно помогал — деньгами, посылкой, просто теплыми письмами. Очень много раздавал совершенно чужим людям — одежду, обувь, хлеб.

Мы долго беседовали. Потом обо всем этом я рассказала своим ребятам. А через некоторое время Неонила Яковлевна не стало. До сих пор жалею, что так и не приехала к ней больше, как пообещала...

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ РАССКАЗЧИК

Раиса Павловна Лопатченко: Это было давно. Мне тогда было всего-то 9 лет. С Ерошенко меня познакомило несчастье, так уж, видно, было угодно судьбе. Мой младший брат, Ваня, заболел тифом. По тем временам, да еще в глухом селе, каким считалась Обуховка, болезнь эта признавалась очень опасной. Переживали за Ванечку в нашем доме все. И, как оказалось, не напрасно. Тиф отступил, оставив после себя мальчику недуг на всю жизнь. Ваня перестал видеть.

Родители мои испугались и растерялись: как быть, что делать? И, конечно, первым человеком, к кому они обратились за советом, был Василий Яковлевич. Как смог, он успокоил родителей, рассказал, к какому врачу в Старом Осколе лучше всего обратиться. Вернулись они домой, уже зная, как следует поступать, и от этого казалось, что они вновь обрели душевное равновесие. Мне же мама вечером сказала, что Василий Яковлевич был очень внимателен и добр, что благодаря ему у нее появилась некоторая надежда. Кстати сказать, спустя несколько лет она действительно оправдалась: Иван, конечно, плохо, но стал видеть.

А потом мне довелось увидеть поближе Ерошенко, того человека, о котором так много говорили. Рядом с нами жили его родственники, их дом славился на всю Обуховку, на все близлежащие села своим великолепным яблоневым садом. Очень любил, особенно весной, в мае, Василий Яковлевич приходить в этот сад. Мы же, местные девчонки и мальчишки, из-за забора наблюдали, как бродит между деревьями слепой. И вот что запомнилось больше всего. Мы знали, что перед нами — слепой, и поэтому не понимали, как может он любоваться цветущими деревьями, нежными листками, ослепительно голубым небом! Он запрокидывал голову и смотрел, именно — смотрел, вслед пролетающим птицам. Это вызывало наше особое восхищение.

Прошли годы. Я окончила институт и вернулась работать учительницей в обуховскую школу. Вышла замуж. Пока своего дома у нас не было, поэтому муж, зная,

что Василий Яковлевич живет далеко от Обуховки, спросил разрешения у его племянницы Веры Ивановны, хозяйничавшей в то время в доме, поселиться временно в комнате Ерошенко. Вера Ивановна свое согласие дала. И мы въехали в эту светлую и просторную комнату. Помнится, что обстановка в ней была очень скромной: два или три стула, плетеное кресло, небольшой столик, койка. И на стене — большой портрет нашего земляка, выполненный каким-то иностранным художником, как мне потом объяснили. В этой комнате мы прожили больше года. Потом пришло письмо из Москвы от Василия Яковлевича. Он сообщал, что скоро придет. Мне с мужем пришлось комнату освобождать.

Но к этому времени мы успели познакомиться с Верой Ивановной и поэтому могли часто приходиться даже тогда, когда здесь уже жил Ерошенко. Впрочем, побаивались мы его, как оказалось, совершенно напрасно. Он был очень гостеприимным, хлебосольным и приветливым хозяином. Его всегда интересовали школьные дела, наши личные трудности, вместе с нами искренне радовался нашим удачам.

Когда я его просила рассказать что-нибудь интересное из жизни в тех странах, где он побывал, то Василий Яковлевич никогда не отказывал. А поскольку рассказчик он был замечательный, то каждая из его маленьких устных новелл становилась истинным наслаждением. Образность, сочность и точность его языка меня, учительницу литературы, просто поражали.

Однажды, в один из наших визитов, Ерошенко неожиданно предложил моему мужу сыграть партию в шахматы. Тот сначала растерялся: как же со слепым-то играть? Но виду не подал, согласился. Расставили они фигуры. Василий Яковлевич еще раз ощупал их пальцами и двинул вперед пешку. На некоторое время я и Вера Ивановна увлеклись разговором, а потом вдруг я услышала: «Раечка, ты знаешь, а ведь мне мат!» Запомнилось мне то, что в голосе мужа не было ни капли обиды или сожаления о проигранной партии. По-моему, он даже слегка восхищался талантом своего односельчанина.

Наши разговоры иногда заканчивались далеко за полночь. Мужа интересовало практически все. Как идет переписка с людьми из далеких стран? Над чем сейчас работает Василий Яковлевич? Ерошенко подробно рассказывал, показывал фотографии, которые он привозил с собой. В то время, я помню, он переводил на японский язык роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Я поинтересовалась, почему он обычно работает по ночам? Василий Яковлевич ответил, что так он привык. «Конечно, мне все равно, что день, что ночь... Но вот ночью работается мне лучше. Тихо кругом, только ветер деревья под окном шевелит. Этот шум помогает сосредоточиться».

Потом он опять уехал — в Туркмению, оттуда в Москву. Вернулся неожиданно. Как-то враз сильно изменился — похудевший, поседевший. «Веруша, я серьезно заболел. Постарайся мне сейчас поменьше мешать. Уж очень много нужно сделать» — такими были его первые слова племяннице. «Да что вы, Василий Яковлевич», — попробовала она его успокоить. Но он лишь резко ее оборвал.

А потом выяснилось, что в Москве, когда совсем уже стало невмоготу от болей в животе, он обратился к врачам. Те долго его обследовали, совещались друг с другом, и один неосторожно обронил по-латыни — «канцер». А того не знал этот врач, что пациент знаком немного с этим языком. Он понял, что надо спешить.

Как сейчас помню студный день 23 декабря 1952 года. Вера Ивановна вбежала в здание школы и, не успев отдышаться, проговорила: «Василий Яковлевич умер...» В тот день уроков в школе не было.

Литературная запись С. Ю. КИЦЕНКО

¹ Подробнее об этом см.: Р. С. Белоусов. Русский писатель В. Ерошенко — друг Лу Синя // Проблемы Дальнего Востока. — 1975. — № 4. — С. 125—136; его же: Землепроходец Василий Ерошенко // Там же. — 1985. — № 4. С. 160—170.

² Цит. по «Информационный бюллетень ВОКС». — 1927. — № 46, 47. — С. 4, 11.

ПО ГОРОДАМ И СТРАНАМ

На Великом шелковом пути: прошлое и настоящее Дуньхуана

С глубокой древности известна была караванная дорога, по которой широким потоком везли товары из Европы в Китай и с Дальнего Востока в Европу. Дорогу эту называют Великим шелковым путем.

Недавно ЮНЕСКО был объявлен международный проект комплексного изучения Великого шелкового пути, мирных контактов между народами Востока и Запада, осуществляемый в рамках программы Всемирного десятилетия развития культуры.

Более 30 стран пожелали принять участие в проекте. Состоятся международные экспедиции ученых и журналистов. В Москве создана советская рабочая группа, в которую входят востоковеды, географы, этнографы, деятели культуры. «Организация экспедиций по древнему маршруту с участием специалистов более тридцати стран мира,— сказал журналистам научный руководитель проекта «Шелковый путь» Д. Томпсон,— может полнее изучить и понять древние культурные и торговые связи между Востоком и Западом».

Проект рассчитан на 5 лет, планируются 15 международных семинаров, на которых будут обсуждаться проблемы философского, религиозного, этнографического характера. Заключительное мероприятие — конференция — состоится в Париже в 1992 г.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» предполагает опубликовать ряд материалов, связанных с этой акцией ЮНЕСКО и посвященных прошлому и настоящему древнего пути, который сегодня стал как бы символом единения народов на основе согласия, сотрудничества и добрососедства.

Великий шелковый путь, буддийский монах Сюань Цзан, венецианский путешественник Марко Поло, английский археолог Аурел Стейн, дуньхуанские пещеры, фрески, скульптуры и рукописи, «поющие пески» и пагода «Белой лошади», международный семинар ученых — дуньхуановедов. Однако обо всем по порядку.

Развитие торговых и культурных связей со странами Центральной и Южной Азии, Среднего и Ближнего Востока, Средиземноморья — одна из самых ярких страниц древней и средневековой истории Китая. Возникшие в III—II тыс. до н. э., эти связи приобретают устойчивый характер к середине I тыс. до н. э. В 138 г. до н. э. император династии Хань У-ди направляет своего посланника Чжан Цяня на Запад. Во время своего тринадцатилетнего путешествия (из них около 10 лет он провел в плену у сюнну) Чжан Цянь собрал богатейшие сведения о странах, находившихся к северо-западу от ханьской империи, и людях их населявших. Именно по его предложению император У-ди отдает приказ об образовании на землях, отвоеванных у сюнну, четырех округов: Увэй (Лянчжоу), Чжан'е (Ганьчжоу), Цзюцюань (Сучжоу) и Дуньхуан (Шачжоу). В этот же период к западу от Дуньхуана строятся фортификационные сооружения Янгуань и Юймэнгуань. Четыре округа образовали так называемый коридор Хэси («Ганьсуйский коридор»), т. е. «коридор, расположенный к западу от реки Хуанхэ». Много еще здесь произойдет исторических событий, жестоких битв, немало прольется крови, но отныне Великий шелковый путь от древней столицы Чанань (ныне город Сиань) к Средиземному морю становится реальностью.

Шелк, естественно, был главным товаром, который везли китайские купцы в соседние страны. Он исключительно высоко ценился в Восточном Туркестане и Средней Азии, Индии и Парфии, Риме и Александрии. Так, в 408 г. н. э. король вестготов Аларих при осаде Рима потребовал от горожан в качестве выкупа 4 тысячи шелковых туник¹. А сколько сил и энергии было потрачено на то, чтобы узнать секрет производства шелка! Буддийский монах Сюань Цзан рассказал легенду о том, как был завезен шелкопряд в Хотан, расположенный на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного райо-

на. Правитель Хотана никак не мог заполучить из Китая желанный шелк. Тогда он решил схитрить: попросил в жены китайскую принцессу. Когда предложение было принято, посланец хотанского правителя шепнул принцессе, что в Хотане нет шелка и, если она хочет носить такую же красивую одежду, как и в Китае, ей следует привезти с собой яйца шелкопряда и семена тутового дерева. Трудно предположить, что принцессу одолевали сомнения: выдавать или не выдавать государственную тайну. Все, что требовалось, она привезла в Хотан, спрятав яйца и семена в прическе, которую пограничная стража не решилась проверить. Согласно другой легенде, в 550 г. н. э. византийский император Юстиниан уговорил двух монахов привезти ему из Китая драгоценные яйца шелкопряда. Монахи спрятали их в пустотелой бамбуковой палке. Им грозила смертная казнь, если бы китайцы узнали об этом.

Наряду с шелком из Китая в «западные страны» (имеются в виду, естественно, государства, расположенные к западу от Китая на Великом шелковом пути) везли бронзовые зеркала, изделия из металла. Найденные археологами документы и частные письма, написанные на бумаге и датированные II—V вв., свидетельствуют о том, что бумага, появившаяся в Китае не позднее I в. до н. э., уже через 200—300 лет широко применялась в странах Центральной Азии. Технология ее производства, вероятно, стала известна здесь позднее, в танский период (618—907 гг.). В Китае большим спросом пользовались хотанский нефрит и бодахшанский лазурит, средиземноморские стеклянные изделия, парфянские гобеленовые ткани, североиндийские ковры, ферганские скакуны и многое, многое другое.

Но не только товары шли по шелковому пути. Происходил обмен культурными и духовными ценностями, «дороги торговли и войны вскоре превратились в каналы распространения культурных, языковых и религиозных влияний»². По шелковому пути пришел в Китай и буддизм. В середине I в. н. э. первые буддийские монахи из Индии прибыли в Лоян, в то время столицу Китая. Там же возникли и первые буддийские общины. Яркую страницу в историю проникновения и развития буддизма в Китае вписал танский монах Сюань Цзан, совершивший

уникальное для своего времени (первая половина VII в.) путешествие в Индию за буддийской литературой. Он пристально изучал жизнь городов и поселений Центральной Азии, Индии и оставил после себя знаменитые «Записки о западных землях». Реальный Сюань Цзан, очевидно, не имеет ничего общего с персонажем романа У Чэнэня «Путешествие на Запад», слабым и полностью зависящим от своих спутников и помощников. В действительности буддийский монах для многих исследователей стал образцом верного служения идее и долгу, символом духовного единения народов мира. Не случайно известный археолог А. Стейн называл его своим «ангелом-хранителем».

По Великому шелковому пути прошел и другой знаменитый путешественник — венецианец Марко Поло. Вместе с отцом и дядей в 1271—1275 гг. он находился в Китае, где в течение многих лет был на службе у великого хана Хубилая. В 30-е годы XI в. на северо-западной границе Китая возникло мощное государство тангутов Си Ся, занимавшее территорию нынешних провинций Цинхай, Ганьсу и части Шэньси. Путь на Запад по суше для Китая оказался закрытым. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в «Книге» Марко Поло мы не находим упоминаний о «безостановочно движущихся караванах», о многочисленных иноземных купцах, о богатых восточных базарах. Во времена Марко Поло все это было уже в прошлом. Тем не менее рассказ венецианского путешественника — один из первых источников знаний средневековой Европы о Китае и других странах. Великий шелковый путь не представлял больше интереса для торговцев, но продолжал играть связующую роль между Востоком и Западом.

...Наш скорый поезд № 143 Сиань — Урумчи уже проследовал через административный центр провинции Ганьсу город Ланьчжоу, переехал мост через Хуанхэ в местечке Хэжоу, а сейчас заметно сбавил скорость и стал медленно карабкаться в гору. Мы въехали в Хэйсийский коридор. Впереди древние города-оазисы, стоявшие на шелковом пути: Увэй, Чжан'е, Цзюцюань и, наконец, главная цель путешествия — Дуньхуан.

Удивительная страна, удивительная история! Практически каждый город — это часть древней, зачастую очень древней истории, духовной жизни, культурных традиций великого народа. В городе Увэй

(прежний Лянчжоу) в центре города стоит пагода в честь буддийского монаха Кумарадживы, построенная в VII в. В течение многих лет он проповедовал в «западных странах», а в период династии Поздняя Лян* был приглашен в Увэй, где прожил 17 лет, с 386 по 403 г. Кумараджива перевел около 300 канонических рукописей с санскрита на китайский язык, был широко известен как буддийский проповедник.

В городе Чжан'е (прежний Ганьчжоу) в одном из храмов сохранилась, пожалуй, самая большая в Китае статуя лежащего Будды, датируемая 1098 г. Ее длина составляет 34,5 м. Именно эту статую Марко Поло в свое время назвал «большим идолом». Кстати, венецианцы «прожили целый год в этом городе по делу, о котором не стоит говорить». По словам Марко Поло, Чжан'е — «самый главный и важный город в целой области. Народ — идолопоклонники, есть и мусульмане: есть здесь и христиане: у них в этом городе три больших прекрасных церкви; а у идолопоклонников, по их обычаю, много монастырей и аббатств; идолов у них многое множество, есть и десяти шагов в высоту; есть деревянные, глиняные и каменные, все вызолочены и хорошо сработаны»³.

Город Цзюцюань (прежний Сучжоу) привлекает прежде всего своим названием. В переводе с китайского — «винный источник». Легенд, объясняющих необычное название города, несколько, но одна из них наиболее интересна и привлекательна. Талантливый полководец императора У-ди Хо Цюйбин, проживший всего 23 года, сумел одержать ряд блестящих побед над сюнну, в результате чего кочевники были потеснены на север. После одного из сражений император среди прочего пожаловал полководцу десять кувшинов вина. Хо Цюйбин хотел выпить вино вместе со своими солдатами, но вина было явно недостаточно. Тогда он вылил его в небольшой местный источник, и все воинство с удовольствием отведало разбавленного вина⁴. Источник сохранился до наших

дней, но вина, похоже, в нем уже не осталось.

До Дуньхуана железной дороги нет. Ближайшая от города железнодорожная станция — Лююнь. Поэтому приходится выходить из поезда и пересаживаться в автобус. Через 2—2,5 часа мы уже будем в Дуньхуане.

Дуньхуан на протяжении многих веков являлся центром, через который в обоих направлениях осуществлялась сухопутная торговля Китая с Западом. Вот как описывает караванные пути из Дуньхуана династийная хроника эпохи Суй (589—621 гг.): «От Дуньхуана к Западному морю идут три дороги, и у каждой дороги имеются ответвления. Северная дорога из Хами проходит у озера Баркуль, племя Тэле, ставку тюркского кагана (близ оз. Иссык-Куль), идет через Люэхшуй, доходит до Византии и достигает Западного моря. Средняя дорога из Турфана через Карашар, Кучу, Тэле и далее через Памир проходит через Кабудан, Ура-Тюбе, Бухару, Самарканд и Мерв, доходит до Ирана и достигает Западного моря. Южная дорога из района Лобнора идет через Хотан, Каргадык, Ташкуртан, Памир и далее через Вахан, Тохаристан, эфталитов, Бамиан, Газни ведет в Северо-Западную Индию и достигает Западного моря. От каждой страны также отходят дороги, которые в свою очередь пересекаются на юге и севере. Таким образом, следуя (по этим дорогам), можно попасть в любое место»⁵.

Расположенный на границе пустынь Гоби и Такла-Макан, Дуньхуан («Сверкающий холм»), или Шачжоу («Песчаная область»), был одним из немногих оазисов-маяков на пути отважных купцов и путешественников. Тысячи людей, измотанных пустыней, стремились достичь города, однако удавалось это не всем. Сюань Цзан так живописует эти места: «Пески, подобно широкому потоку, растекаются далеко вокруг, ветер то наносит, то размывает их. Никаких следов не остается после путника, а часто путь теряется, и тогда они растерянно кидаются из стороны в сторону, утратив всякое представление о направлении. Нигде ни воды, ни травы, и часто дуют горячие ветры. Когда поднимается ветер, человек и зверь теряют голову и доходят до полного изнеможения. Временами слышатся печальные, заунывные звуки, жалобные крики, и от вида и звуков пустыни люди приходят в замешательство и не

* В IV—V вв. н. э. на территории района Хэси существовало пять династий Лян: Ранняя Лян (345—376) и Поздняя Лян (385—403) со столицей на территории современного города Увэй; Южная Лян (397—414) со столицей Лоду, близ современного города Синин; Западная Лян (400—420) со столицей в Дуньхуане; Северная Лян (307—439) со столицей на территории современного Чжан'е.

знают, куда они идут. Вот почему столько народу гибнет в пути»⁶. Не меньше драматизма и в рассказе Марко Поло: «А пустыня та, скажу вам, великая; в целый год, говорят, не пройти ее вдоль; да и там, где она уже, еле-еле пройти в месяц. Всюду горы, пески да долины; и нигде никакой еды. Как пройдешь сутки, так найдешь довольно пресной воды, человек на пятьдесят или на сто хватит ее; так по всей пустыне: пройдешь сутки и найдешь воду. В трех-четырех местах вода дурная, а в других хорошая, всего двадцать восемь источников. Ни птиц, ни зверей тут нет, потому что нечего им там есть.

Но есть там вот какое чудо: едешь по той пустыне ночью, и случится кому отстать от товарищей, поспать или за другим каким делом, и как станет тот человек нагонять своих, слышит он говор духов, и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи заводят его туда, откуда ему не выбраться, так он и погибает. И вот еще что, и днем люди слышат голоса духов, и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах, словно на барабане»⁷.

Конечно, с позиции человека последней четверти XX в. все эти страхи кажутся изрядно преувеличенными. За шумом мотора автомобиля не очень-то услышишь «печальные, заунывные звуки», «голоса духов», но вот если ты сбился с дороги, мотор заглох и запас продуктов минимален, многое становится понятным, а главное, есть время оценить мужество людей, которые еще две тысячи лет назад смело вступали в единоборство с пустыней.

Уже во II—I вв. до н. э. Дуньхуан играл важную роль в торговых связях Китая со своими соседями. После падения ханьской империи (220 г. н. э.) район коридора Хэси становится ареной ожесточенных и длительных войн, когда ненадолго возникали и быстро исчезали государственные образования. Династии разного этнического происхождения сменяли друг друга через каждые 20—30 лет, а Дуньхуан назывался то Шачжоу, то Гуачжоу, то вновь получал старое название.

В начальный период династии Тан открывается новая страница в истории города. Можно утверждать, что именно в этот период Дуньхуан достигает своего наивысшего расцвета: строятся жилые дома, гостиницы, постоянные дворы, возводятся

уникальные памятники духовной культуры. Когда осматриваешь достопримечательности, путешествуешь по пустыне или покупаешь памятные книги и сувениры, неизменно возникают образы, навеянные «Записками» Сюань Цзана, танской трехцветной керамикой и воплощенные в живописи, скульптуре и рукописях Дуньхуана.

С 781 г. в течение почти 70 лет (до 848 г.) город находился под властью тибетцев. VII—VIII вв. — период расцвета Тибетского государства. Его правители расширили свои границы за счет присоединения Сиккима, Бутана, Непала и других территорий. Тибет оказывал решающее влияние и на обстановку в Центральной Азии. В это время Дуньхуан оказался оторванным от территории собственно Китая. В середине IX в. здесь вспыхнуло народное восстание под руководством Чжан Ичао. В 848 г. Дуньхуан был освобожден. Местное население обратилось за поддержкой к танским правителям Китая, однако территории, расположенные восточнее Дуньхуана, оставались в руках тибетцев. Таким образом, город «оказался в еще более изолированном положении, чем это наблюдалось в один из ранних периодов его истории, в момент существования на территории коридора Хэси пяти династий Лян»⁸. В 1036 г. при династии Сун он был захвачен тангутами и вошел в состав государства Си Ся. Дуньхуан теряет свое значение в торговле Китая со странами Запада. Марко Поло, описывая город в XIII в., отмечает: «Народ здешний не торговый, хлебопашеством занимается»⁹.

В начале XX в. Дуньхуан оказывается в центре внимания ученых-историков и филологов всего мира. Английский археолог А. Стейн, длительное время работавший в Центральной Азии, в 1907 г. по совету своего друга, венгерского профессора Л. де Лоцци, побывавшего в Дуньхуане в 1879 г., направляется в район буддийского храмового комплекса — пещер Могао, расположенных в 25 км к юго-востоку от города. В дороге Стейн узнал о даосском монахе Ван Юаньчжуане — слуге храма, который в 1900 г. обнаружил здесь десятки тысяч уникальных рукописей. Монах, сделавший, без преувеличения, великое открытие, попытался заинтересовать местных чиновников, однако цинское правительство «не захотело израсходовать 10 тыс. лянов се-

ребра на транспортировку находок в Ланьчжоу»¹⁰.

В ходе длительных переговоров и уговещиваний А. Стейну удалось склонить Вана к продаже части рукописей. В общей сложности (второй раз англичанин посетил Дуньхуан в 1914 г.) Стейн приобрел около 10 тыс. фрагментов, являющихся в настоящее время собственностью Британского музея.

Следует сказать, что современные китайские ученые с двойственным чувством относятся к роли Ван Юаньчжуаня в истории с рукописями. Так, директор Академии дуньхуанских исследований Дуань Вэньцзе считает, что Ван, с одной стороны, «обнаружил погребенные сокровища и сообщил об этом официальным лицам», но, с другой стороны, «он также использовал свои находки в личных интересах»¹¹.

В 1909 г. в Дуньхуан с целью приобретения уникальных материалов приехал известный французский синолог Поль Пельо. Тщательно отобрав интересные его рукописи, Пельо, хорошо владевший китайским языком, смог убедить Вана продать ему около 3,5 тыс. единиц дуньхуанской библиотеки. Вслед за Пельо в Дуньхуане оказались японские археологи, которые также стали владельцами некоторой части рукописей. И лишь в 1910 г. после настоятельных требований китайских ученых власти решили перевезти все, что осталось от библиотеки, в столицу. Всего было собрано около 10 тыс. фрагментов, однако в результате злоупотреблений чиновников многие рукописи так и не дошли до места назначения. По свидетельству очевидцев, «бесценные связки танских рукописей, несомненно изъятые из пещер, предлагались на продажу в Дуньхуане, Туркестане и на всем его пути к Ганьчжоу»¹².

Русская экспедиция С. Ф. Ольденбурга, работавшая в Дуньхуане во второй половине 1914 — начале 1915 гг., также смогла увезти большое число фрагментов (более 12 тыс.), однако эта коллекция, составляющая в настоящее время Дуньхуанский фонд АН СССР в Ленинграде, «уступает другим собраниям по количеству крупных и цельных рукописей»¹³. По данным китайских исследователей, в музеях и хранилищах различных стран мира насчитывается около 40 тыс. единиц дуньхуанской библиотеки¹⁴. Открытие рукописей послужило основой для зарождения нового направления в источниковедческой науке — дуньхуановедения.

...Автобус плавно затормозил и остановился у подножия горы. Дверь открылась, и шумная группа туристов-иностранцев покинула «насиженные» места и устремилась к выходу. Сквозь деревья просматривались контуры Могаоку, или Могаокских пещер (в литературе их часто называют Цяньфодун — «Пещеры тысячи будд»). По преданию, в IV в. н. э. один буддийский монах пришел сюда в поисках уединенного места для чтения сутр и медитации. Стало смеркаться, и монах решил заночевать. Внезапно он увидел над горами золотистое свечение, тысячи освещенных будд и других святых буддийского пантеона. Монах расценил это видение как волю неба и решил воздвигнуть стацию золотого Будды, а на месте своей стоянки построить храм. Так старая легенда описывает историю появления Могаоку.

Согласно танским источникам, первые пещеры в Дуньхуане были построены в 366 г., а во время правления танской императрицы У Цзэтянь (691—705) их уже насчитывалось более тысячи. К настоящему времени сохранились 492 пещеры, построенные в IV—XIV вв. В пещерах насчитывается более 2 тыс. скульптур и около 45 тыс. кв. м фресок¹⁵.

Что представляет собой храмовый комплекс снаружи? На крутом склоне горы шириной более 1,5 км на различных уровнях видны темные точки входов в пещеры. Сейчас входы соединены добротными лестницами и переходами, двери в пещеры герметичны и закрываются на ключ. Впечатляюще выглядит многоярусная центральная часть храма, высеченная в скале. В начале века перед глазами путника открывалась несколько иная картина: «По краю широкой бесплодной долины тянулся ... конгломератный по своему геологическому строению откос ... он был источен ... отверстиями, зиявшими в лицо путешественнику, как множество разинутых ртов. Некоторые отверстия располагались у самой вершины утеса. Трудно было представить себе, как можно было забраться в них снизу, с земли»¹⁶. Ни в одной из осмотренных пещер не удалось обнаружить хозяйственных построек. Очевидно, жилищем для служителей храма они не служили.

Первая неудача. Фотоаппарат в обязательном порядке надо сдавать в камеру хранения. В Китае со съемкой в храмах и монастырях действительно трудно, но в пещерах требование безапелляцион-

ное. Жаль! Через месяцы и годы, вспоминая Могаоку, можно будет лишь перебирать открытки и буклеты. Но до этого еще далеко, а сейчас перед нами уникальный памятник истории и культуры Китая.

В 1974 г., обучаясь на III курсе Московского университета, мы с товарищем впервые пошли на конференцию «Общество и государство в Китае», проходившую в синологической библиотеке, которая тогда находилась в Хохловском переулке. Среди многих интересных докладов запомнилось выступление Л. Н. Меньшикова о дуньхуанских находках. К тому времени мы прослушали курс «Экономическая география КНР», но там ничего не было сказано об этом городе, а тем более о его памятниках. Понадобилось почти пятнадцать лет, чтобы встреча с Дуньхуаном состоялась.

И вот мы у стен его главной сокровищницы. Экскурсовод много и увлеченно говорит об истории, пещерах, фресках, скульптурах, но в потоке специфической информации на китайском языке легко захлебнуться, поэтому многое, увы, остается непонятным. Есть экскурсии с английским языком (с русским в Дуньхуане работы пока практически нет), но примкнуть к такой группе как-то несолидно. Продолжительность экскурсии около трех часов. У каждого экскурсовода свой набор ключей от дверей, и нам остается всецело довериться его выбору. Конечно, за отведенное время невозможно обойти все пещеры, тем не менее о наиболее ярких впечатлениях хотелось бы рассказать.

Дуньхуанские фрески поражают разнообразием сюжетов, динамичностью ситуаций, экспрессивными и колоритными персонажами, удивительной внутренней гармонией. В пещерах темно, но луч фонарика выхватывает грозные и добродушные лики святых, парящие фигуры небожителей, серьезные лица императоров и их сановников, веселящихся царедворцев, искусных музыкантов и танцоров, измученных пустыней купцов и паломников, сюжеты из жизни простого люда. В пещерах 249 и 285 представлены эпохи Западная Вэй (535—556), 296 — Северная Чжоу (557—581), 23 и 445 — Тан и 61 — Сун (960—1279). Здесь можно видеть сцены охоты, пахоты, жатвы, молотбы, строительства домов, рыбной ловли и т. п. Повозки, лодки, цепи, плуги, рыболовные снасти, ткацкие станки изо-

бражены на фресках пещер 45, 165 и 445 периода Тан и пещеры 98 — Пяти династий (907—979). Эти фрагменты расширяют представления о том, как жили и трудились китайцы на разных этапах своей истории.

Основное содержание росписей — религиозные сюжеты, связанные с жизнью Будды, его учеников, многочисленны изображения буддийских святых. Исторических тем, связанных с конкретными событиями, немного, но они довольно интересны. В частности, в пещере 323, расписанной в эпоху Тан, одна из фресок запечатлела императора У-ди и отправляющегося в западные страны Чжан Цяня. На фреске в пещере 45, также относящейся к танскому периоду, изображены грабители с мечами, нападающие на купцов из Центральной Азии, — это уже история Великого шелкового пути. Повозка, запряженная верблюдом (пещера 302 эпохи Суй), подтверждает сведения о широком распространении и высокой степени интенсивности караванных путей в Северо-Западном Китае в IV—VII вв. Фреска в пещере 156 периода Тан запечатлела китайскую армию на марше.

Своеобразными художественными символами Дуньхуана стали музыканты и летящие небесные феи — такие, например, как в пещерах 290, 299 и 428 периода Северная Чжоу. Многие сюжеты как бы наполнены музыкой. По мнению китайского ученого Чжэн-Жучжуна, в росписях 200 пещер используются музыкальные мотивы. На их стенах изображены 3346 музыкантов, 490 музыкальных коллективов, 4330 музыкальных инструментов¹⁷. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в центре современного Дуньхуана стоит скульптурное изображение небесной феи, играющей на национальном инструменте пипа.

Бесспорный интерес представляют и скульптуры Могаоку. Правда, здесь особого разнообразия в сюжетах нет. За редким исключением, это многочисленные изображения будд и бодхисатв. Большие многоцветные известняковые статуи почти вплотную подступают к зрителю, входящему в пещеру. Это несколько неожиданно, и в условиях ограниченного пространства подавляет. Невольно ощущаешь скоротечность собственной жизни в сравнении с тысячелетними исполинами. Впечатляют две грандиозные статуи Будды в пещерах 96 и 130, сооруженные при Танах. Высота од-

одной из них около 30 м, другая чуть ниже — 26 м. Очевидно, эти скульптуры должны были подчеркнуть величие буддийского учения и его расцвет в Китае в VII—VIII вв. Поражает точность пропорций и плавность линий огромных статуй, высокое техническое мастерство и глубокое философское мироощущение их создателей.

Одна из самых интересных статуй — изображение лежащего Будды. Ее длина 115,8 м. Приходилось видеть много аналогичных по сюжету скульптур (смерть основателя буддизма) в различных районах Китая. Представляется, что эта одна из лучших. Спокойствие и умиротворение на лице умирающего. Скорее, это глубокий сон, а не смерть. По мнению исследователей, скульптор изобразил красивую женщину, лежащую в безмятежной позе и предающуюся приятным сновидениям.

К сожалению, не только восторг и восхищение испытываешь в пещерах Могао. Кое-где на стенах можно увидеть надписи на русском языке сомнительного содержания, а также подписи их «авторов»: есаулы, поручики, прапорщики. В этих пещерах, как правило, черны от дыма потолки, повреждены фрески и скульптуры. (Известно, что в 1920 г. несколько сотен белогвардейцев, преследуемых Красной Армией бежали из Сибири в этот район Китая и прожили в пещерах Дуньхуана несколько месяцев. Надо признать, что памятнику был нанесен серьезный ущерб. Стыдно за своих соотечественников.)

Особое волнение испытываешь в пещере 12, где Ван Юаньчжуань почти 40 лет назад нашел ныне всемирно известную дуньхуанскую библиотеку. Именно здесь в XI в., вероятно накануне тангутского нашествия, буддийские монахи спрятали рукописи, чтобы через 800 с лишним лет даосский монах ее обнаружил. При входе в пещеру виден узкий проход, идущий в сторону. Он-то и был замурован, скрывая от людей нищу с драгоценным кладом. «Можно ли было вообще изобрести место, — писал А. Штейн, — более пригодное для сохранения такого рода реликвий, чем камера, вырубленная прямо в камне этих чудовищно бесплодных холмов и герметически изолированная даже от того ничтожного количества влаги, которое могло находиться в этой пустынной долине? Даже в самой сухой почве на месте

развалин какого-нибудь поселения эти сокровища не могли бы настолько избежать разрушения, насколько это удалось им здесь — в предусмотрительно выбранной для этой цели скальной камере, где скрытые за кирпичной стеной и защищенные также толщей песчаных наносов эти массы рукописей пролежали непотревоженными целые века»¹⁸.

Естественно, что большинство рукописей оказались буддийскими текстами. К памятникам религиозного характера следует отнести конфуцианские и даосские произведения, некоторые документы, связанные с манихейством, несторианством и зороастризмом, одно время распространенными в Центральной Азии. Светская литература составляет небольшую часть дуньхуанской библиотеки. К ней можно отнести документы, знакомящие с социально-экономическими проблемами служителей храма и обитателей города, произведения художественной литературы, повествующие о быте и условиях жизни дуньхуанцев. В ряде произведений живописи нашли отражение сюжеты на исторические и светские темы.

Собрание содержит многочисленные сведения по истории, географии, экономике и культуре Китая со времени Северных династий (386—581) до начального периода династии Сун. Подлинным шедевром библиотеки можно считать китайскую версию «Алмазной сутры». Это первая известная в мире печатная книга. Думается, нелишне в этой связи вспомнить, что первое полнообъемное печатное издание в Европе было создано Иоганном Гутенбергом в Майнце в середине XV в.

В пяти километрах от города расположены так называемые Поющие пески и источник «Серп луны». Поющие пески, или по-китайски Минша, тянутся на многие километры. Многочисленные песчаные горы и дюны под воздействием ветров находятся в постоянном движении: меняют свою форму, разрушаются и снова восстанавливаются. В это время со всех сторон слышится однообразный, довольно резкий звук, то усиливающийся, то затихающий. Если резко всей подошвой ботинка провести по песку, то и под ногой раздается тот же звук. Легенда гласит, что много лет назад одна армия расположилась здесь лагерем. Внезапно налетел страшный смерч и заживо похоронил все войско, насыпав целую гору песка. С тех пор, когда начинает дуть

ветер, слышны плач и стенания погребенных воинов. Хотя здравый смысл пытается объяснить все законами физики, становится немного не по себе. Невольно оглядываешься и ищешь глазами своих спутников.

У подножия самой большой, пожалуй, в округе горы находится источник. Дорога к нему несколько необычна. Туристские службы предлагают увлекательное небольшое путешествие на верблюдах. За 10 юаней можно взгромоздиться на «корабль пустыни» и в сопровождении погонщиков, покачиваясь в такт поступи животного, отправиться в путь. Состояние восторга в этот момент трудно описать. Чувствуешь себя и Чжан Цянем, и Сюань Цзаном, и Марко Поло, и... Как и две тысячи лет назад, наш караван движется вперед, стремясь достичь оазиса. Если не знать заранее, трудно представить, что среди бесконечных песков может сохраниться маленькое озеро. Оно возникает совершенно неожиданно, восхищая своей простотой и непостижимой естественностью. Источник длиной примерно в 150—180 м (с запада на восток) и шириной около 30—40 м (с севера на юг) действительно напоминает по форме серп луны, поэтому название не удивляет. На одном из берегов растут деревья, сохранились жилые постройки. Вода в озере чистая и чуть теплая. Говорят, тут водится рыба. «Серп луны», о котором знали еще во II в. до н. э., хранит удивительные легенды и предания. Однажды якобы сюда прилетела даже Богиня Луны, приняв по ошибке источник за свой дом.

По мере развития торговых отношений Китая с западными странами вопрос об охране караванов становился все более актуальным. Купцы нередко становились объектами нападений со стороны кочевников и грабителей. Поэтому при ханьской династии строительство Великой Китайской стены продолжалось уже далеко на западе. Самый отдаленный ее участок не сохранился, но под Дуньхуаном остались руины двух проходов (Янгуань и Юймэньгуань), входивших в систему Великой стены и игравших важную роль на Великом шелковом пути. Янгуань расположен в 62 км к юго-западу от Дуньхуана. Время и пески не пощадили творения человеческих рук. Сейчас это всего лишь остов сигнальной башни, когда-то указывавшей путь караванам и предупреждавшей о нападении врага. Луч-

ше сохранился Юймэньгуань, построенный в 80 км к северу-западу от города. Площадь его руин составляет 630 кв. м, высота — около 10 м. Именно здесь проходили караваны с нефритом из Хотана, что и нашло отражение в названии прохода (Юймэнь переводится как Нефритовые врата). От Янгуаня началась северная дорога Великого шелкового пути, от Юймэньгуаня — южная.

Несколько слов хотелось бы сказать еще об одной достопримечательности Дуньхуаня — пагоде «Белая лошадь». Рассказывают, что у буддийского монаха Кумарадживы, направлявшегося в город Увэй, в Дуньхуане пала белая лошадь. Она была захоронена, а на этом месте решили построить пагоду. В дальнейшем пагода неоднократно перестраивалась. В настоящее время она сохраняет архитектурный стиль минского периода (XIV—XVII вв.) и органично вписывается в облик города.

Современный Дуньхуан — крупный туристский центр. В 1986 г. его посетили более 20 тыс. иностранных туристов, в 1987 г. эта цифра резко возросла — до 250 тыс.¹⁹ Для многих иностранцев остановка в Дуньхуане — неперемное условие путешествия в Китай. У меня в памяти остался разговор с тремя молодыми женщинами из Англии, Швеции и Норвегии. Меня удивил необычный маршрут, выбранный для знакомства с Китаем. Приехав в Пекин, они почти месяц путешествовали по Синьцзяну, а из Дуньхуана направлялись в Тибет через Голмуд. Там планировали пробыть еще месяц, а затем хотели перебраться в Непал. Тот, кто живо интересуется историей и культурой древнего Китая, кого влечет романтика труднодоступных мест и суровой природы, обязательно направляется в этот район. Поэтому нет никаких сомнений, что число туристов в Дуньхуане с каждым годом будет увеличиваться.

Естественно, что и развитие города связано с перспективами туризма. Вспоминается еще одна легенда, рассказанная Сюань Цзаном. Однажды в этих местах более 10 тыс. купцов, следовавших с караванами, были застигнуты песчаной бурей и погибли. Живший неподалеку архат (в буддизме — это человек, достигший состояния высшего совершенства) собрал товары и драгоценности погибших и на месте трагедии основал гостиницы и постоялые дворы. Если необходимость и целесообразность

строительства гостиниц для приезжих не подвергалась сомнениям много веков назад, трудно допустить, чтобы нынешние жители Дуньхуана не смогли оценить преимуществ, связанных с развитием туризма.

В центре города находится хорошая современная гостиница «Дуньхуан». После палящего солнца попадаешь в прохладный, уютный холл со скромным но изящным фонтаном. Гостиничное дело в Китае (для иностранцев) поставлено на достаточно высокий уровень, поэтому отлаженному сервису и хорошему ресторану в пустыне уже не удивишься. Плата несколько высока, но экзотика того стоит!

В городе бросаются в глаза современные невысокие здания (население Дуньхуана в настоящее время — около 14 тыс.). Удачно спланирован центр города с государственными, правительственными учреждениями и оригинальными магазинами, где невозможно удержаться от покупки майки со стилизацией в духе дуньхуанских фресок и соответствующей надписью. На базаре много мусульман, торгующих миниатюрными (в нашем представлении), но дешевыми шашлыками из баранины. Очень хотелось увидеть фрукты (как в Средней Азии), но за ними надо ехать дальше, в район Хами.

Великий шелковый путь возрождается, но не как караванные тропы с купцами, разбойниками, кочевниками и верблюдами (хотя без верблюдов, как мы видели, дело не обходится), а как дорога, объединяющая народы Китая и всего мира в едином стремлении — жить в мире и дружбе.

В мае 1987 г. на экраны кинотеатров Китая вышел новый исторический фильм «Посланник в пустыню». Сложный сюжет, захватывающие интриги, таинственные похищения и убийства, мастерски сделанные батальные сцены вызвали большой интерес у китайской аудитории. Фильм, сюжет которого построен на исторических событиях, о которых отчасти уже говорилось выше, интересен по многим причинам.

Время действия — 847 г. Танский император Сюань Цзун получает сообщение о смерти тибетского правителя, антитибетском восстании под руководством Чжан Ичао в Шачжоу (Дуньхуане) и междоусобной борьбе внутри тибетского государства. Чжан Ичао просит направить китайские войска и с их помощью разбить тибетцев. Однако по совету мудрых

чиновников император решает отправить в Шачжоу буддийского монаха Вэнь Хуэя, знающего несколько языков народов западных стран и пользующегося большим авторитетом среди буддистов. Через трудности и лишения лежит путь монаха, но Вэнь Хуэй глубоко убежден: только мирным путем можно решить все проблемы, уважая честь и достоинство народов, населяющих эти земли. Одна из ключевых сцен фильма — церемония жертвоприношения в Шачжоу, во время которой восставшие хотят казнить пятерых тибетцев, попавших в плен. Вэнь Хуэй в решающий момент обращается к собравшимся: «...Начиная с императора Тай Цзуна, танское правительство сохраняло хорошие отношения с западными странами. Восстание освободило вас от тех страданий, которые обрушились на вас. Император испытывает симпатию к вам, но не нужно творить зло в ответ на зло. Нам нужен долгий мир между странами. Больше не надо кровопролития. Люди различных племен должны жить в мире и наслаждаться им...»

Нельзя не согласиться со словами монаха. Они актуальны и для танского Шачжоу, и для современного Дуньхуана, и для развития отношений нынешнего Китая со всеми странами мира. Видимо, не случайно картина стала первым фильмом совместного производства китайских и тайваньских кинематографистов.

В сентябре 1987 г. в Дуньхуане состоялся международный семинар по изучению дуньхуанских пещер. В нем приняли участие около 40 зарубежных ученых из 10 стран и регионов. На семинаре были заслушаны более 50 докладов по искусству, эстетике, археологии, религии, истории, архитектуре, музыке, танцам и внешним связям Дуньхуана²⁰. Особый интерес вызвали сообщения китайских исследователей.

На протяжении многих лет китайские ученые из Академии дуньхуанских исследований (основана в 1945 г. и до 1986 г. называлась Институтом дуньхуанских исследований) ведут работы по реставрации и изучению памятников Дуньхуана. С 1957 по 1984 г. осуществлялась работа по укреплению стен пещер Могао, были отреставрированы почти 4 тыс. кв. м фресок, решена проблема их укрепления. С 1976 г. велись сложные работы по очистке фресок от сажи, в 100 пещерах установлены стеклянные щиты, их предохраняющие. Благодаря реставрационным

работам в 1983—1985 гг. пещеры могут выдерживать землетрясения силой до 7 баллов по шкале Рихтера²¹. Значительное внимание уделяется созданию копий дуньхуанских сокровищ для ознакомления с ними широкой аудитории. Эта работа начата еще в 1940 г. В последние годы около 1400 кв. м фресок были воспроизведены на полотнах, копии неоднократно экспонировались не только в Китае, но и за рубежом.

У Дуньхуана уникальное прошлое, яркое настоящее и блестящее будущее. Сотни тысяч людей со всего мира ежегодно приезжают и будут приезжать сюда, чтобы увидеть исторические и культурные ценности мирового значения. Ученых-дуньхуановедов ожидают кропотливый труд и удивительные находки. Возможно, мы станем свидетелями и новых археологических открытий на древнем Великом шелковом пути.

Н. АХМЕТШИН

¹ См.: Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шелковый путь // Вопросы истории.— 1985.— № 9.— С. 98.

² Дойель Л. Завещанное временем.— М., 1980.— С. 496.

³ Книга Марко Поло.— М., 1955.— С. 83—84.

⁴ См.: Ван Чжун. Путешествие по Шэньси.— Гуанчжоу, 1984.— С. 63 (на кит. и англ. яз.); China Reconstructs.— Beijing.— 1986.— Vol. XXXV.— N 1.— P. 50.

⁵ Цит по: Лубо-Лесниченко Е. И. Указ. соч.— С. 93—94.

⁶ Цит. по: Шинашанкара Менон К. П. Древней тропой (путевые заметки).— М., 1958.— С. 101.

⁷ Книга Марко Поло.— С. 79—80.

⁸ См.: Китайские документы из Дуньхуана.— М., 1983.— С. 17—18.

⁹ Книга Марко Поло.— С. 80.

¹⁰ China Reconstructs.— 1987. Vol. XXXVI.— N 5.— P. 11.

¹¹ Ibid.

¹² Дойель Л. Указ. соч.— С. 541.

¹³ Китайские документы из Дуньхуана.— С. 24.

¹⁴ In: Beijing Review.— Beijing, 1988.— Vol. 31.— N 9.— P. 27.

¹⁵ См.: Справочник памятных мест Китая.— Шанхай, 1987.— С. 1072 (на кит. яз.).

¹⁶ Дойель Л. Указ. соч.— С. 526.

¹⁷ In: Beijing Review.— 1988.— Vol. 31.— N 12.— P. 23.

¹⁸ A. Stein. Ruins of Desert Cathay. Personal Narrative of Explorations. In: Central Asia and Westwornost China.— L., 1912, Vol. 11.— P. 176.

¹⁹ In: China Reconstructs.— 1988.— Vol. XXXVI, N 3.— P. 12.

²⁰ In: Beijing Review.— 1988.— Vol. 31.— N 11.— P. 23—24.

²¹ In: China Reconstructs.— 1987.— Vol. XXXVI.— N 5.— P. 9—10.

Е. БОНДАРЕНКО

Стихия часто бывает жестокой. Такой, как в Армении в 1988 году, когда мощные подземные толчки практически мгновенно разрушили десятки городов и сел. Такой, как в Японии в 1923 году, когда землетрясение и последовавший за ним тайфун практически стерли с лица земли Токио и Иокогаму. Стихия жестока и часто непредсказуема, но когда она бушует, на помощь друг другу приходят люди.

Узнав о землетрясении в Армении народ Японии собрал более миллиарда иен на безвозмездную помощь пострадавшим. В район бедствия были отправлены предметы бытового назначения на сумму 100 млн. иен. Еще 60 млн. иен было выделено для помощи по линии ООН¹.

Тысячи японцев в декабрьские дни 1988 года обращались в Советское посольство в Токио с предложениями о помощи. Причем, принося сбережения, многие из них отказывались называть свои имена. Они искренне сострадали нашему горю. «Так живая душа одного народа отзывается на боль и муки другого», — отмечал на советско-японских переговорах в Токио в декабре 1988 года министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе².

Народ Японии хорошо знает, что такое землетрясения, сколько разрушений и горя приносят они. Здесь живы люди, которые помнят 1 сентября 1923 года «Сильных толчков испытывалось до десяти, через каждый час толчки возобновлялись, — сообщала японская пресса. — Сразу же возникли пожары, раздуваемые сильным ветром. Город Токио горел в 47 местах и пожарные команды бессильны были что-либо сделать»³.

Землетрясение 1923 года разрушило 11 японских городов. Погибла значительная часть бумагопрядильной промышленности страны (700 тыс. веретен), была уничтожена практически вся суконная промышленность (в огне сгорело 3500 кардных машин). Стихия уничтожила два судостроительных завода и доки, были разбиты все морские суда, стоявшие на рейдах Токио и Иокогамы. Насчитывались сотни тысяч человеческих жертв⁴.

По сообщению градоначальника Иокогамы, свыше 900 тыс. жителей Японии находились на грани голодной смерти, негде было достать воды, так как водопровод был разрушен. «Требуется срочная помощь!» — кричали заголовки японских газет⁵.

Узнав о национальном бедствии японского народа, советские люди протянули трудящимся Японии руку помощи. В первые же дни после катастрофы Нарком Иностранных Дел СССР Г. В. Чичерин от имени Советского правительства отправил японскому народу телеграмму соболезнования, в которой, в частности, говорилось: «Советское правительство глубоко сожалеет о страданиях японского народа и ужасных испытаниях, которые ему предстали. Оно решило прийти на помощь страдающему народу...»⁶.

В Москве была создана Центральная комиссия по оказанию помощи японским трудящимся под председательством члена Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР П. Г. Смидовича. В ее распоряжение государство выделило 200 тыс. руб. золотом для закупки продовольствия, в фонд помощи японскому народу. «Мы никогда не считали японский народ врагом, — писала в те дни «Правда», — японский народ, полный сил, трудолюбивый, культурный, мы всегда считали другом и братом трудящихся и России, и СССР...»⁷.

Бондаренко Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР

Призывы к пожертвованиям в фонд пострадавших от землетрясения в Японии звучали по всей стране. В советских городах и селах проходили кружечные сборы, ярмарки, благотворительные концерты, доходы от которых передавались в фонд помощи японскому народу. Отчисления шли из Баку и Тифлиса, Киева и Одессы, Ростова и Симферополя, Нижнего Новгорода и Читы. В первые же дни сборы по стране составили свыше 125 тыс. руб.⁸

Горячо откликнулись на трагедию японского народа трудящиеся Москвы. Московские кооперативные организации собрали в общей сложности 1850 червонцев, организовали комитет помощи. Московский Биржевой комитет ассигновал на помощь японским рабочим 25 тыс. золотых руб. Президиум Моссовета собрал для народа Японии 10 тыс. золотых руб. Центральный комитет горняков страны отчислил пострадавшим 500 руб.⁹

Особо следует сказать о помощи, шедшей в Японию из Сибири и с Дальнего Востока. Четыре года — с 1918 по 1922 — сибиряки и дальневосточники находились под гнетом японских интервентов, но в тяжелые для народа Японии дни они не остались в стороне.

«В тяжелых условиях складывались отношения Японии с Советской властью, — отмечал в своем обращении к населению Сибири Сибирский революционный комитет. — Жуткими картинами интервенции омрачены были все наши искренние попытки к установлению с Японией связей на почве взаимных интересов в торговле, промышленности и других областях общественной жизни. Но не время сейчас думать о прошлом — сейчас, когда с окрестностей затонувшей Иокогамы и пылающего в пламени Токио доносятся стоны и мольбы о помощи. Российский пролетариат хорошо знает цену народных бедствий, на себе самом испытал весь ужас пятилетней разрухи. Он не может не протянуть руку помощи японскому народу, сознательная часть которого не раз поддерживала в нас дух бодрости и надежды»¹⁰.

С призывом помочь японскому народу в его беде к трудящимся Приморского края обратился Губернский исполнительный комитет. «Приморье пока еще бедно, — говорилось в этом обращении. — Но, несмотря на нашу бедность, наш долг, наша обязанность прийти на помощь нашим братьям — рабочим и крестьянам Японии. Нашей первой заботой должна быть забота о детях Японии, пострадавших от землетрясения»¹¹. «Скорей на помощь рабочим и крестьянам Японии, выделяйте из своих скудных средств кто сколько может и вносите в фонд пострадавших!» — прозвучал на весь край призыв коммунистов Приморья¹².

В Приморском крае был создан Комитет по оказанию помощи японскому народу под руководством председателя Губернского профессионального совета Д. Трофимова. Приморцы перечислили в фонд помощи пострадавшим от землетрясения японцам однодневный заработок, что составило около 30 тыс. руб.¹³. Жители Камчатской области, также понесшие значительные убытки от удара стихии в сентябре 1923 года, тем не менее немедленно откликнулись на трагедию японского народа. Рабочие Петропавловска-Камчатского, отчислив в фонд пострадавшим двухдневный заработок, собрали 4360 золотых руб.¹⁴

Мизерны были взносы многих, но велико желание помочь пострадавшим. В целом трудящиеся Дальневосточного края перечислили народу Японии 100 тыс. руб. золотом¹⁵.

5 сентября 1923 года было решено, что доставка продуктов и медикаментов в Японию будет осуществляться из Владивостока. Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинин отправил Дальневосточному революционному комитету во Владивосток следующую телеграмму: «Немедленно отдайте распоряжение о посылке пароходов с продовольствием для оказания помощи населению Японии»¹⁶.

На материальную помощь, отправляемую на пароходе «Ленин» в Японию, было отпущено 200 тыс. золотых руб.¹⁷. Японцы нуждались в строительных материалах и одежде, продуктах и медикаментах. На борт парохода было погружено 4400 мешков муки, 140 мешков крупы, 63 ящика мясных и молочных консервов, 115 бочек рыбы, сахар, свечи, керосин, бензин, древесный уголь, строительные материалы. Стоимость продуктовых и промышленных товаров, погруженных на пароход, исчислялась в 130 904 руб. Кроме членов экипажа на пароходе находилось свыше 90 медицинских работников — добровольцев, которые составили 11 санитарных отрядов¹⁸.

Пароход был загружен в кратчайшие сроки. По свидетельству очевидцев, «грузчики прониклись сознанием возможно скорее послать страдающим от стихийных бедствий японским рабочим посильную помощь...»¹⁹. Интерес к погрузке проявили и представители японского генерального консульства во Владивостоке. Они поднимались на пароход,

осматривали трюмы. Репортер краевой приморской газеты «Красное знамя», описывая отношение горожан к погрузке парохода, подчеркивал: «...нет у владивостокцев злорадства над горем восточного соседа, есть сочувствие, желание помочь в беде, хотя не прошло еще и года с тех пор, как Владивосток был освобожден от жестокой власти японских оккупантов...»²⁰.

9 сентября пароход «Ленин» вышел из Владивостока и 12 сентября прибыл на рейд Иокогамы. Советский пароход стал первым судном, пришедшим в Японию с грузом медикаментов и продовольствия. Его прихода ждали пострадавшие. По свидетельству участников экспедиции, запасами с корабля можно было в течение двух месяцев прокормить до 10 тыс. человек²¹. Однако совсем по-иному отнеслись к приходу советского судна японские власти. Они предпочли возможную гибель своих сограждан от голода и отсутствия медикаментов помощи из «красной» России. В своем дневнике один из участников рейса на пароходе «Ленин» пишет:

«Мы вошли на рейд Иокогамы под флагом РСФСР. При входе нам встретилось маленькое пассажирское судно, с которого нам замахали шляпами — по виду это были рабочие-японцы и корейцы. Однако когда к нам подошел катер с портовым надзирателем и чиновником, в их поведении нужно было отметить довольно некорректное, придиричливое, чисто полицейское отношение к нам, как будто на допросе. Создавалось впечатление, что мы являемся нежелательными гостями, и сразу вкралось сомнение в благополучном исходе нашей экспедиции.

Приходившие на пароход простые японские моряки были голодны, очень плохо одеты. С некоторыми из них велись разговоры. Разговоры сводились к объяснению, что находится на пароходе, кто мы, кому хотим оказать помощь и т. д. Японские моряки говорили, что начальство им по-своему объяснило наш приход. Власти говорили, что в трюмах советского судна спрятаны солдаты и оружие, что мы привезли кипы коммунистической литературы...

Морякам было объяснено, что все это неправда. Старший офицер Хамада пожелал осмотреть пароход. Ему и нескольким морякам было разрешено пройти по всему пароходу, осмотреть трюмы. Это их окончательно убедило в том, что мы приехали помочь пострадавшим, а не воевать и не агитировать. Когда моряков уводили от нас, они дружно замахали шапками»²².

Три дня простоял советский транспорт на рейде Иокогамы. Японские власти запретили разгружать пароход и заявили советским морякам, что рабочие Японии не нуждаются в их помощи. «Ленин» вынужден был вернуться с грузом обратно.

¹ См.: Правда.— 1988.— 17 декабря.

² Там же.— 1988.— 21 декабря.

³ Красное знамя (орган Приморского Губернского комитета РКП(б) и Губернского исполнительного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).— 1923.— 4, 7 сентября.

⁴ Там же.— 1923.— 7, 8 сентября.

⁵ Там же.— 1923.— 7 сентября.

⁶ Там же.— 1923.— 6 сентября.

⁷ Правда.— 1923.— 5, 19 сентября.

⁸ Вопросы истории.— 1966.— № 7.— С. 54.

⁹ Красное знамя.— 1923.— 11, 16, 20 сентября.

¹⁰ Центральный Государственный Архив РСФСР Дальнего Востока (г. Томск) — далее ЦГА РСФСР ДВ.— Ф. 2422.— Оп. 1.— Д. 708.— Л. 18.

¹¹ Красное знамя.— 1923.— 5 сентября.

¹² Там же.

¹³ Там же.— 1923.— 6 сентября.

¹⁴ ЦГА РСФСР ДВ.— Ф. 2422.— Оп. 1.— Д. 708.— Л. 41.

¹⁵ Красное знамя.— 1923.— 11 сентября.

¹⁶ Там же.— 1923.— 8 сентября.

¹⁷ Вопросы истории.— 1966.— № 7.— С. 54.

¹⁸ ЦГА РСФСР ДВ.— Ф. 2422.— Оп. 1.— Д. 708.— Л. 8; Вопросы истории.— 1966.— № 7.— С. 54.

¹⁹ ЦГА РСФСР ДВ.— Ф. 2422.— Оп. 1.— Д. 708.— Л. 1.

²⁰ Красное знамя.— 1923.— 11 сентября.

²¹ Там же.— 1923.— 22 сентября.

²² ЦГА РСФСР ДВ.— Ф. 2422.— Оп. 1.— Д. 708.— Л. 1, 2.

Встречное движение

В. СОРОКИН

Вряд ли в истории можно встретить феномен столь же бурного и разностороннего развития литературных связей с внешним миром, столь интенсивного усвоения богатства мировой культуры, как в Китае в десятилетие, последовавшее за движением «4-го мая», 1919 г.

Слов нет, знакомство китайской публики с иностранной литературой началось за одно-два десятилетия до этого движения, но столь же очевидно качественное различие между тем, что было «до» и «после». Изменилось все — мотивация обращения к чужим культурам, подход к ним, принципы отбора авторов и произведений, рекомендуемых китайскому читателю, их восприятие и оценка. Огромно в этом плане значение перехода на байхуа — общедоступный язык. И дело не только в том, что если произведения романтического и сентиментального характера, с острым сюжетом и бурными эмоциями еще можно в какой-то степени передать на вэньяне — древнем литературном языке, — то для книг реалистических, психологических это практически исключено. Важно то, что переводы на вэньяне гораздо легче вписывались в китайскую литературную традицию, в которой тоже встречались описания чужих краев (реальных или фантастических), не вызвали ощущения принципиальной новизны и не звали к ее осмыслению.

Характер этих изменений в общем соответствовал изменению отношения к отечественной литературе — от «литературы как средства развлечения» при проповеди средневековой идеологии («вэньи цзай дао» — «литература должна нести Учение») к «литературе во имя жизни» и преобразования этой жизни. Из такого подхода проистекало стремление популяризировать те иностранные литературы и тех писателей, которые лучше содействуют цели познания жизни и преобразованию ее. Для значительной части молодой интеллигенции периода «4 мая» такой литературой стала русская — сначала в лице классиков XIX и начала XX столетий, а затем и литература, рожденная Октябрьской революцией.

Тема «русская классика в Китае» подробно раскрыта в одноименной книге М. Шнейдера, в работах Гэ Баоцюаня и других ученых. Здесь мне хотелось бы отметить лишь несколько моментов. Хотя и переводы, и оценки русской литературы, причем оценки высокие, появились на страницах китайских изданий за много лет до «4 мая», все же до широкой публики они по-настоящему дошли лишь в 20-е годы. Скажем, известная статья Лу Синя «О силе сатанинской поэзии» с ее большой «русской» частью занимает, вне сомнения, заметное место не только в процессе духовного развития автора, но и в истории общественной и эстетической мысли Китая тех лет. Но говорить, как мы это порой делаем, что она «имела важное значение для ознакомления китайского читателя с творчеством Пушкина, Лермонтова и Гоголя» вряд ли правильно: опубликованная в студенческом журнале («Хунань цзачжи»), не подкрепленная в то время переводами, она могла иметь лишь весьма ограниченный читательский резонанс. В студенческом журнале «Сюэшэн» появилась и первая литературоведческая работа Мао Дуня «Толстой и сегодняшняя Россия». Правда, то был уже 1918 год, «канун», да и Толстой был уже известен в Китае.

Начиная с 1919 г. переводы и статьи о русской литературе начинают заполнять ведущие журналы и литературные приложения к газетам. Неизмеримо расширяется круг пишущих и переводящих, причем в их числе виднейшие представители нарождающейся новой литературы — помимо Лу Синя, Чжоу Цзожэнь, Ба Цзинь, Тянь Хань, Чжэн Чжэньдо... Увы, никто из них не владел русским языком, не имел личных контактов с русской культурой и ее представителями (исключение — дружба Лу Синя со слепым поэтом В. Ерошенко). Да и среди остальной массы переводчиков знатоков языка почти не было. Разбирая перевод рассказа Толстого, сделанный известным впоследствии Гэн Цзичжи, русистом по образованию, В. Алексеев находил в нем достоинство — естественность,

разговорность интонации, но отмечал многие неточности, неверно понятые или приблизительно переданные места. Возможно, ученый был слишком требователен и не все русские реалии могут быть переданы по-китайски достаточно точно без громоздких комментариев. Но в главном он был прав — дело перевода с русского нуждалось в значительном улучшении, которое было немыслимо без прихода людей не с книжным, но и с практическим знанием языка и России.

Первым среди таких людей был Цюй Цюбо. Еще до отъезда в Москву в 1920 г. и вступления в КПК он говорит о всемирном значении Октябрьской революции и связывает с нею распространение русской литературы в Китае. «Поскольку в китайском обществе так много мрачного и трагичного, люди искали новых путей в жизни, их сердца не мог не взволновать доносившийся до них неслыханный доселе грохот крушения старого общества. Поэтому и у нас все заинтересовались Россией, а русская литература стала ориентиром для китайских писателей. Вообще говоря, материал для создания у нас новой литературы не обязательно брать из литературы русской, но ситуация в Китае и России во многом сходна, поэтому пропагандировать ее необходимо».

Статьи Цюй Цюбо, написанные в Москве и сразу по возвращении — результат первого живого контакта между литературами и литераторами двух стран. Результаты эти в чисто литературном плане не слишком велики — автор статей надолго ушел в политику и вернулся к литературе (не по своей инициативе) лишь в начале 30-х годов. Он успел лишь рассказать о некоторых общих тенденциях в литературе послереволюционной России, кратко охарактеризовать основные литобъединения, их ведущих представителей, включая Маяковского, издаваемые ими журналы. Подробнее рассказал он о двух рано умерших «пролетарских» писателях — Федоре Калинине и Павле Бессалько. Но то были первые непосредственные и достоверные свидетельства в условиях затрудненности и ненадежности получаемой в Китае информации о России.

За ними последовали другие, весьма разного характера — и благоприятные по отношению к русской революции, и резко негативные (книга Цзян Канху). К свидетелям первого рода принадлежал поэт Цзян Гуанцы с его книгой стихов «Новые сны», написанной во время учебы в Москве. Вернувшись, он в 1927 г. вместе с Цюй Цюбо пишет книгу «Русская литература», в которой — в отличие от вышедшей тремя годами раньше «Краткой истории русской литературы» Чжэн Чжэньдо — есть и написанный Цзяном большой раздел о послеоктябрьской литературе. Таким образом, читатель получил надежный в основном путеводитель по русской словесности от фольклорных истоков до современности, позволяющий ориентироваться среди множества появившихся и продолжавших появляться переводов. К этой работе подключились еще два переводчика, учившихся в Москве — Вэй Суюань и Цао Цзинхуа, члены созданного Лу Синем «Вэймин шэ».

Этим обществом выпущены и первые переводы послеоктябрьских советских писателей — «Сорок первый» Лавренева, рассказы Эренбурга, Сейфуллиной, Иванова, Неворова (знакомство с более крупными и представительными произведениями относится уже к началу 30-х годов), которые показали отдельные стороны революционной действительности — гражданскую войну, классовую борьбу, возникновение новых этических ценностей, отнюдь не во всем совпадавших с надеждами и предвидениями русских классиков. Одновременно началась и популяризация советской литературной теории. Так, в 1925 г. вышли сборник «Дискуссия в литературе Советской России» с предисловием Лу Синя (там представлены главным образом статьи ЛЕФ'а), большая статья «О пролетарской культуре» (как недавно выяснилось, это сделанный Мао Дунем перевод с английского брошюры А. Богданова), два сборника статей Луначарского в переводе Лу Синя и т. д.

Все эти переводы, естественно, оказали значительное влияние на зарождающуюся теорию и практику китайской революционной культуры, что отчетливо проявилось как в литературной дискуссии 1928—1929 гг., так в еще большей степени в деятельностилевой лиги. Но это уже особая тема.

Почти все первое десятилетие после «4 мая» перед глазами китайских читателей была главным образом литература второй половины XIX и начала XX в. Следует подчеркнуть широту выбора литературных тенденций и направлений, которая представлялась им переводчиками — от Толстого и Чехова до Арцыбашева, от горьковской «Матери» до «Коня бледного» Ропшина-Савинкова. При таком богатстве стилей и точек зрения, характеров и тем каждый мог найти и то, что его привлекает, и то, что отталкивает. Поначалу, наверное, возникало ощущение пестроты и противоречивости (как и от

всей западной культуры, хлынувшей тогда в Китай), но постепенно картина прояснилась, симпатии и антипатии определились.

Общезвестны слова Лу Синя о русской литературе, которая помогла китайцам осознать «одну великую вещь — что в мире существуют два рода людей: угнетатели и угнетенные», которая дала возможность «увидеть добрую душу угнетенного, его страдания, его отчаянную борьбу» и что это было равносильно открытию Прометея. Продолжая мысль Лу Синя и переходя от сферы идейно-социальной в план собственно художественный, можно сказать, что русская литература в 20-е годы учила не только видеть, но и изображать человеческую душу в ее сложности, в многообразии ее связей с окружающим миром. Она показывала, что, лишь сочувствуя своим героям, сопереживая с ними, художник может вызвать ответные чувства у читателя. Разумеется, эти качества не были достоянием одной лишь русской литературы, но в ней они — из-за специфики российской действительности — проявлялись отчетливее, обнаженнее, разительнее.

* * *

Если культурные связи тогдашнего Китая с другими странами уподобить улице с двусторонним движением, то неравномерность движения по противоположным сторонам магистрали не может не броситься в глаза; она не вполне устранена и поныне. Между тем в том же 1919 г. в Советской России была предпринята, причем с самыми серьезными намерениями, попытка устранить эту неравномерность и придать небывалый по силе импульс делу изучения и популяризации литератур как Запада, так и Востока. Речь идет о деятельности созданного по инициативе М. Горького издательства «Всемирная литература», выпустившего каталог произведений, намеченных к переводу и изданию.

Составленный В. М. Алексеевым список произведений китайских писателей и мыслителей насчитывал 45 названий (64 выпуска) — каноны, исторические сочинения, поэзию, драму, новеллы, романы, трактаты, эпиграфику, народную словесность (странным образом отсутствует эссеистическая проза, переводу которой В. М. Алексеев позднее отдал столько сил). В следующем году он опубликовал очерк «Китайская литература», являющийся своего рода развернутым — хотя и крайне сжато написанным — пояснением к каталогу.

Выделим из него два важных момента. Во-первых, признание китайской литературы как мировой. «Она не влияла на весь мир, но ведь и великие литераторы Запада не влияли на весь мир, и, например, китайская поэзия разрослась до невероятных размеров, совершенно не подозревая о западной... (Китайская литература) на протяжении, может быть, четырехтысячелетней непрерывной своей истории питалась гением одного своего народа, но сумела без помощи насильственных вторжений завоевать умы разных восточных народов». Во-вторых, — это критическое отношение к существовавшим в ту пору европейским переводам (русские почти отсутствовали) и призыв «сделать натиск в будущее», создать «изобилие достойных переводов наилучше отобранных китайских произведений».

Призыв не утратил своего значения и поныне: еще не все отобранные 70 лет назад произведения воссозданы по-русски и не все переводы можно считать вполне достойными (правда, переведено и многое сверх того перечня). «Всемирная литература» успела выпустить лишь три китайских тома — «Антологию китайской лирики VII—IX вв.» в переводах Ю. Щуцкого и два сборника новелл из «Ляо чжай чжи и», виртуозно воспроизведенных самим Алексеевым. В конце десятилетия прибавились первые восемь глав «Жулинь вайши» в переводе А. Ивина и два рассказа из «Цзинь гу ци гуань». Скромное начало, но важное в том смысле, что была приоткрыта завеса к подлинным ценностям и установлен высокий стандарт перевода и комментирования, на который должны были ориентироваться последующие старатели. И если в 20-е годы еще встречались переводы китайской классики с европейских изданий («Месть молодого Ме, или Чудо вторичного цветения слив» по Ф. Куну и несколько других), то в дальнейшем это уже не повторилось.

Как видно из отдельных высказываний В. М. Алексеева в журнале «Восток», выпускавшемся тем же издательством в 1922—1925 гг., то некоторое из новейшей литературы на байхуа, что доходило до Петрограда, восторга у него не вызывало (в частности, «Опыты» Ху Ши). Видимо, не изменилось его отношение и после поездки в Китай в

1926 г. (такое изменение произошло уже в 30-е годы, особенно применительно к творчеству Лу Синя). Однако его ученик Б. Васильев, находившийся в Китае в качестве переводчика при советских советниках, к этому времени уже перевел повесть об А-Кью и получил от Лу Синя специально для русского издания написанное предисловие.

До этого Лу Синь общался с советским литератором С. Третьяковым (участником группы ЛЕФ, в которую входил и Маяковский). Третьяков в течение полутора лет преподавал русскую литературу в Пекинском университете. Но из его книги очерков «Чжунго» мы не узнаем ни об этих встречах, ни о состоянии китайской литературы. В них есть лишь глава о театре, где наряду с рассказом о цзинцзюй есть описания представления студенческих агитколлективов. Третьяков, как известно, написал также пользовавшуюся в свое время шумным успехом пьесу «Рычи, Китай» и повесть («биоинтервью») «Дэн Шихуа»¹.

В том же 1926 г. в Китае побывал Б. Пильняк. Он имел поручение организовать «китайско-русское общество культурных связей», но обстановка не была благоприятной. Пильняк в «Китайской повести» упоминает о «своих друзьях Цзян Гуан-ши и Ти-Ен Хане», о посещении «левофронтового журнала» «Южная страна» и киностудии, но существенных сведений о них не приводит. Да их и трудно ожидать, коль скоро автор с самого начала предупреждает: «Я не знаю, не понимаю и никогда не пойму китайцев и Китая» (с. 8). Правда, вскоре выясняется, что «из всех стран, мною виденных, Китай больше всего похож на Россию, даже кушаньями (?)» (с. 28). Дальше мы читаем и такое: «У России никогда и не было своей культуры... Это дало право России первой пойти на строительство наднациональной культуры, мировой». Учитывая огромный интерес советской общественности к происходящему в Китае, Пильняк, как и Третьяков, большую часть своей книжки посвящает наблюдениям политического и социального характера, которые приводят его к выводу: «Идет российский осьмнадцатый год, смерть и голод, победы и побег» (с. 54).

Но история в точности не повторяется: вместо советского восемнадцатого пришел китайский двадцать седьмой. В советском обществе на смену энтузиазму по поводу побед народно-революционных сил (в литературе знаменитые стихи Маяковского были лишь одним из многих его проявлений) пришла горечь и стремление понять причины случившегося. Так возникает и ширится интерес к современной литературе Китая.

В 1927—1929 гг. в таких журналах, как «Вестник иностранной литературы», «Новый Восток», «Революционный Восток» и других, появляется ряд статей, полностью или в основном посвященных литературе современного Китая². Почти одновременно (1929) выходят два сборника переводов, названных почти одинаково: «Правдивая история А-Кью» (с предисловием Б. А. Васильева) и «Правдивое жизнеописание» (вступление А. Хархатова, послесловие В. Колоколова). Туда, кроме двух произведений Лу Синя, вошли рассказы и повести Юй Дафу, Чжан Цзыпина, Цзянь Сянья, Тэн Гу и еще четырех менее известных писателей. Знакомство, можно считать, состоялось.

Два мотива повторяются в большинстве названных публикаций: подчеркивание важности литературы как «лучшего средства для понимания жизни соседнего с нами народа» (Васильев) и сетование на то, что знакомство с ней началось с запозданием. Правда, пишет Хархатов, «последние два-три года обостренной национальной и классовой борьбы не могли еще найти полного художественного отражения. Для выражения в художественных образах социальной динамики необходим хотя бы минимальный срок, особенно когда речь идет о Китае, где процессы ломки старых устоев, привычек отношений, идей наиболее сложны». Тем не менее, продолжает автор, «социальное содержание помещенных в сборнике произведений полны для нас самого жгучего интереса» (с. 3).

По мнению Иванова (Ивина), для литературы конца 20-х годов «ясна линия разрыва с прошлым, революционные события и революционные идеи находят яркое выражение в литературных образах» («Новый Восток», 1927, № 16—17, с. 151). Прежде же господствовали «два-три популярных писателя — Лу Синь, Го Можо, Ю Дафу», для которых характерно слабое отражение современных, особенно революционных событий, преувеличение степени модернизированной интеллигенции.

Известное расхождение в оценках связано прежде всего с тем, что находившийся в Пекине Иванов имел возможность ознакомиться с журналами левого направления («Тайян» и др.). Оттуда заимствована и его характеристика Лу Синя, которого он аттестует «выразителем больших сторон национального характера», которому «недоступны светлое будущее, борьба и все, что с нею связано». Лу Синь-де «стоит перед стеной и у его ног

могила» (Там же, 151—2). Васильев же подчеркивает наличие у Лу Синя двух линий — бытописательско-психологической и сатирической, направленной «против старо-китайской культуры и старо-китайского общества... Сочувствие писателя всегда на стороне униженных и обездоленных» (с. 6).

Из художественных особенностей современной литературы обычно выделяются искренность, правдивость тона, отход от свойственной старой литературе усложненности стиля. В то же время осуждается «уснащение произведений малопонятными и плохо переведенными европейскими образами» (Колоколов, с. 363). Завершая предисловие к «Правдивому жизнеописанию», Харахотов пишет: «Не все помещенные в настоящем сборнике художественные произведения обладают безукоризненными достоинствами. Некоторые рассказы... слишком мало сконцентрированы в своем изложении, чтобы дать безошибочный художественный эффект. Навивно страстный тон не всегда доходит до нас. Но даже оставаясь холодными, мы все же любопытствуем этим новым для нас бытом ввиду нашего повышенного интереса к Китаю и ввиду своеобразия этого быта, ломающегося в обстановке многогранной и отчаянной борьбы, — той борьбы, которая должна вывести этот величайший по размерам человеческий массив на лучший путь будущего» (с. 15).

Этими словами можно закончить и это сообщение, ограниченное рамками первого десятилетия после «4 мая», добавив лишь, что последующие годы дали советскому читателю возможность более широкого знакомства с литературой Китая, хотя все еще — вплоть до 1949 г. — в весьма скромных размерах.

¹ Подробнее см. статью Р. С. Белоусова «Китайская тема в творчестве С. М. Третьякова» // Проблемы Дальнего Востока. — 1977. — № 1. — С. 136—146.

² А. Иванов. Новое в современной китайской литературе // Революционный Восток. — 1929. — № 6; Я. Чэнь. Современная китайская литература // Вестник иностранной литературы. — 1928. — № 7; А. Ивин. Китайский язык и китайская литература // Новый Восток. — 1927. — № 16—17 и др.

ГОД ЛОШАДИ

В последние десятилетия появился большой объем литературы, анализирующей взаимоотношения Человека и Космоса, не только медицинской, биологической, но и философской, исторической, публицистической. В этой связи можно вспомнить книгу А. В. Голованова «Созвучье полное в природе» («Мысль». — М., 1977) и статью В. Я. Далина «К познанию космических факторов антропологической эволюции», в которой, в частности, в 1978 году писалось: «Настало время произвести переоценку ценностей в нашем отношении к былым представлениям о влиянии Космоса на Человека и Человечество в целом. И здесь напрашивается аналогия: как алхимия «породила» современную теоретическую и прикладную химию, синтезирующую новые элементы без мистики «философского камня», так и у современной гелиобиологии есть своя предшественница — астрология.

Поэтому представляется очевидным, что назрела необходимость и потребность окончательно избавления былой астрологии от мистического флера, а факты и стихийные наблюдения астрологов, накапливаемые тысячелетиями (гороскопы, астрологические календари) поставить на службу строгой науки, прообразом которой является гелиобиология с ее теоретической основой... А. Л. Чижевского.

В журнале «Проблемы Дальнего Востока» (№ 1 за 1989 год) была опубликована статья «Год Змеи» (рассказ о китайском календаре). Нам хочется дополнить эту тему некоторыми особенностями китайского календаря, а также рассказать о празднике Весны в Китае — Новом годе.

В ясную ночь весь небосвод усеян неисчислимым количеством звезд. Их можно увидеть до шести тысяч даже невооруженным глазом. Еще в древности звезды объединяли в созвездия и давали им определенное наименование. На фоне звезд путь видимого годовичного перемещения Солнца называется эклипстикой (от греческого «эклипсис»). Пояс неба, лежащий по обе стороны эклиптики, древние астрономы разделили на 12 частей и назвали их 12 знаками зодиака (греческое слово «зодиак» — «небольшое животное»). Двигаясь по эклиптике, Солнце в течение года проходит 12 знаков зодиака, то есть в каждом знаке зодиака оно пребывает на протяжении одного месяца.

Древние китайцы, так же как и древние греки, обозначали знаки зодиака названиями животных (домашних, диких и мифических). Ниже приводится таблица циклических знаков двенадцатиричного цикла и названия животных, соответствующие каждому циклическому знаку.

Китайские знаки зодиака	Древнегреческие знаки зодиака
1. Мышь	Овен
2. Вол	Телец
3. Тигр	Близнецы
4. Заяц	Рак
5. Дракон	Лев
6. Змея	Дева
7. Лошадь	Весы
8. Овца	Скорпион
9. Обезьяна	Стрелец
10. Петух	Козерог
11. Собака	Водолей
12. Кабан	Рыба

О приведенном порядке китайских зодиаков существуют различные легенды. Приведем одну из них. Некий владыка повелел согнать к реке тварей и посмотреть, кто из них быстрее переплывет на другой берег. Первой оказалась мышь. Вслед за ней переплыли реку вол, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух, собака и кабан. В таком же порядке даны и названия двенадцатилетнего цикла (чтобы легче их запомнить).

Для летосчисления в старом китайском календаре применялся 60-летний цикл. Годы были сгруппированы в пять циклов, каждый из которых объединял 60 лет. Пять циклов, следовательно, охватывают 300 лет.

Ниже дается полная таблица 60-летнего цикла, повторенного пять раз (1744—1803; 1804—1863; 1864—1923; 1924—1983; 1984—2043), и соответствующие им годы по европейскому летосчислению с 1744 по 2043 год.

Зная год рождения, по этой таблице можно легко определить, какой китайский зодиак приходится на этот год. Например, вы родились в 1924 году. По приведенной таблице этот год приходится на «год Мыши» — значит, вы родились в «год Мыши».

1990 год является «годом Лошади». Предположим, вы родились в 1930 году, что также по таблице значится как «год Лошади». Хорошо это или плохо? По лунно-солнечному календарю китаец находил соответствующие ответы. Мы далеки от утверждения, что они непременно верны. Но в силу веками сложившихся традиций в такой гороскоп верили. Что же говорится в гороскопе о «годе Лошади» и о родившихся в этот год?

«Люди, родившиеся в год Лошади, обладают веселым характером, умеют обращаться с деньгами, умны, талантливы, проницательны, иногда слишком много говорят, у них все ладится. Они самоуверенны, знают себе цену, равнодушны к женщинам, любят развлечения, очень независимы и редко прислушиваются к советам других. Эти люди любят зрелища, концерты — словом массовое сборище людей. При этом стремятся управлять, что делают с завидной легкостью.

Лошадь эгоцентрична, так как честолюбива, но она с удовольствием живет в семье, если сама ее создает. Ее присутствие сказывается благотворно, все будет вращаться вокруг ее положения, ее проблем, глажения рубашек, складок на брюках и т. д. Она является хранителем семьи. Если она исчезнет, все здание рухнет, как картонный дом.

Она может иметь любую специальность, не требующую одиночества и созерцания.

В своих отношениях с противоположным полом Лошадь проявляет слабость. Она готова всё бросить ради любви. Страсть влюбленной Лошади настолько велика, что она может стать безразличной ко всему остальному. Поэтому она часто терпит неудачи в своей жизни, несмотря на неоспоримые качества, а если ей удастся погасить эту слабость и если ее ум будет выше ее страсти, она сможет быть счастливой и иметь детей.

Первая и вторая части жизни Лошади будут беспокойными, она может покинуть семью, и это не обойдется без неприятностей. Третья часть жизни будет мирной.

Каждые 60 лет бывают «годами огненной Лошади» (1846, 1906, 1966, 2026), которые особенно неблагоприятны ни для Лошади, ни для членов ее семьи. Характеристики «огненных Лошадей» усилены как в хорошем, так и в плохом отношениях. Они несут в себе возможность быть знаменитыми как через добро, так и через зло».

ЗНАКИ ЗОДИАКА НА 300 ЛЕТ, с 1744 по 2043 г.

Элементы стихий	Китайские знаки зодиака	Пять циклов по 60 лет				
дерево	мышь	1744	1804	1864	1924	1984
»	вол	1745	1805	1865	1925	1985
огонь	тигр	1746	1806	1866	1926	1986
»	заяц	1747	1807	1867	1927	1987
земля	дракон	1748	1808	1868	1928	1988
»	змея	1749	1809	1869	1929	1989
металл	лошадь	1750	1810	1870	1930	1990
»	овца	1751	1811	1871	1931	1991
вода	обезьяна	1752	1812	1872	1932	1992
»	петух	1753	1813	1873	1933	1993
дерево	собака	1754	1814	1874	1934	1994
»	свинья	1755	1815	1875	1935	1995
огонь	мышь	1756	1816	1876	1936	1996
»	вол	1757	1817	1877	1937	1997
земля	тигр	1758	1818	1878	1938	1998
»	заяц	1759	1819	1879	1939	1999
металл	дракон	1760	1820	1880	1940	2000
»	змея	1761	1821	1881	1941	2001
вода	лошадь	1762	1822	1882	1942	2002
»	овца	1763	1823	1883	1943	2003
дерево	обезьяна	1764	1824	1884	1944	2004
»	петух	1765	1825	1885	1945	2005
огонь	собака	1766	1826	1886	1946	2006
»	свинья	1767	1827	1887	1947	2007
земля	мышь	1768	1828	1888	1948	2008
»	вол	1769	1829	1889	1949	2009
металл	тигр	1770	1830	1890	1950	2010
»	заяц	1771	1831	1891	1951	2011
вода	дракон	1772	1832	1892	1952	2012
»	змея	1773	1833	1893	1953	2013
дерево	лошадь	1774	1834	1894	1954	2014
»	овца	1775	1835	1895	1955	2015
огонь	обезьяна	1776	1836	1896	1956	2016
»	петух	1777	1837	1897	1957	2017
земля	собака	1778	1838	1898	1958	2018
»	свинья	1779	1839	1899	1959	2019
металл	мышь	1780	1840	1900	1960	2020
»	вол	1781	1841	1901	1961	2021
вода	тигр	1782	1842	1902	1962	2022
»	заяц	1783	1843	1903	1963	2023
дерево	дракон	1784	1844	1904	1964	2024
»	змея	1785	1845	1905	1965	2025
огонь	лошадь	1786	1846	1906	1966	2026
»	овца	1787	1847	1907	1967	2027
земля	обезьяна	1788	1848	1908	1968	2028
»	петух	1789	1849	1909	1969	2029
металл	собака	1790	1850	1910	1970	2030
»	свинья	1791	1851	1911	1971	2031
вода	мышь	1792	1852	1912	1972	2032
»	вол	1793	1853	1913	1973	2033
дерево	тигр	1794	1854	1914	1974	2034
»	заяц	1795	1855	1915	1975	2035
огонь	дракон	1796	1856	1916	1976	2036
»	змея	1797	1857	1917	1977	2037
земля	лошадь	1798	1858	1918	1978	2038
»	овца	1799	1859	1919	1979	2039
металл	обезьяна	1800	1860	1920	1980	2040
»	петух	1801	1861	1921	1981	2041
вода	собака	1802	1862	1922	1982	2042
»	свинья	1803	1863	1923	1983	2043

Таковы важнейшие качества человека, родившегося в год Лошади. Насколько это верно, пусть каждый родившийся в этот год проверит на себе или на своих близких...

Многие восточные гороскопы, характеризую год, дают и советы. Так читаем: «Год Лошади. Работы для всех!». Подумайте о себе. Занимайтесь политикой, спортом, театром, участвуйте в собраниях, митингах. Что бы ни произошло, дипломатия восторжествует... В конечном счете все устроится».

Новогодние гороскопы, связанные в Китае с праздником Весны (китайским Новым годом), были обязательным атрибутом самого популярного народного праздника.

После Синхайской революции 1911 года, свергнувшей маньчжурскую династию Цин (1644—1911), было покончено с монархическим строем — Китай назвал себя республикой. В том же году здесь был принят Григорианский (общеевропейский) календарь, а традиционный китайский Новый год стал праздноваться как становление Весны (*ли-чунь*), приходящийся на 1-й день первой луны по китайскому старому календарю, что и считалось ранее началом года. По Григорианскому же календарю этот праздник приходится на конец января — начало февраля (в 1990 году он начнется 27 января.)

Праздник Весны — самый радостный, яркий и веселый традиционный праздник в Китае. В течение многих веков его отмечали все слои населения, но особой популярностью он пользуется среди китайских крестьян. И это вполне объяснимо, так как в основе праздника лежит стремление отметить окончание зимы и начало пробуждения природы, что имеет непосредственную связь с началом полевых работ.

В феврале с появлением солнца приходит конец холодным, зимним дням, начинаются теплые и вместе с ними — три периода весны, как писал замечательный русский писатель М. М. Пришвин, — весна света, весна воды и весна цвета. Земледелец задумывается о будущем урожае. Неслучайно в древности этот праздник был связан с молебствием о победе животворного тепла над смертоносным холодом, о плодородии: тучных нивах и обильном урожае, о богатом приплоде домашних животных, о непренном и благополучном рождении в семье мальчика — продолжателя рода. И здесь фантазии народа нет конца, а вместе с ней рождается оби-

Гранаты
Работа шаньдунских умельцев

ли ассоциаций и символов.

Символом пробуждения природы и наступления весны считается *мэй-хуа* — дерево, которое первым пробуждается от зимней спячки и покрывается прекрасными цветами, имеющими то же название. Китайский народ издревле питает особую любовь к этому растению: земля пребывает еще во власти стужи, а цветы *мэй-хуа* уже появились, возвещая о приходе теплых дней, доставляя людям радость своим ароматом и цветением, которое, не боясь холода, первым побеждает его. Причудливо узловатые ветви растения очень красивы. По традиции *мэй-хуа* ставится в один ряд с вечнозелеными сосной и бамбуком. Эти деревья называют «тремя зимними друзьями». Однако *мэй-хуа* зимой является самым популярным декоративным растением, так как имеет до 300 разновидностей с розовыми, пурпурными или белыми цветами и зелеными чашечками. Исползуемый в качестве орнамента стилизованный рисунок цветка встречается повсеместно в Китае. Во все времена года, особенно зимой, часто можно встретить веточки *мэй-хуа* в вазочках на письменном столе или на окне, а на севере Китая это растение держат в комнате в цветочных горшках — в праздник Весны *мэй-хуа* распускается и покрывается нежными цветами.

На юге Китая в эти дни не меньшей популярностью пользуются также нарциссы и орхидеи. Цветы нарцисса за их необыкновенную нежность, красоту и аромат ставят в красивые фарфоровые вазы, когда китайская семья садится за праздничный стол. Орхидею же выращивают в Китае более 3 тыс. лет, поэтому этот цветок прославлен не только художниками, но и поэтами, которые за нежный аромат и изящную форму воспевают орхидею как символ чистоты, благородства, целомудрия и супружеского согласия. Искусственные цветы из бумаги, шелка и бархата особенно популярны во время праздника Весны среди женщин, которые украшают ими свои головные уборы. С праздником Весны

связаны и другие приметы и суеверия, некоторые из которых перешли в традиции.

Так, начало сельскохозяйственных работ отмечалось торжественными жертвоприношениями (чаще в виде убитого вола), связанными с поклонением духам Земли. Позже живого животного заменили глиняным и бумажным изображениями. Бумажный вол, разрисованный пятью цветами — красным, черным, желтым, белым и зеленым, — представлял пять первоэлементов Природы: огонь, металл, дерево, воду и землю.

Изображения весеннего вола и его погонщика делали из жесткой бумаги. Их украшения определялись приметами, изложенными в китайском календаре. Если голова вола была разрисована желтой краской, то это служило предупреждением о предстоящем жарком лете; зеленой — об обилии заболеваний в предстоящую весну; красный — предвещал засуху; черный — обилие дождей; белый — сильные ветры и ураганы.

Погонщик также считался молчаливым пророком сезона. Если он был в шляпе, это предвещало засушливый год; если без головного убора — жди дождей. Наличие ботинок обещало сильные ливни; отсутствие обуви — засуху; обилие одежд на погонщике символизировало страшную жару; легкая одежда — холодную погоду и т. д.

Изображение вола хлестали ивовыми ветками (символ весны, солнца) — так мысленно стимулировалась энергия животного, изгонялась зима с ее морозами.

После завершения церемоний изображения вола и погонщика предавались огню, а пепел от сожженного собирали и хранили как талисман.

Мы уже рассказывали в первом номере журнала, что подготовка к празднику Весны начиналась прежде всего с уборки жилья. Тщательно подметали полы, мыли стекла. Если окна не застеклены, а заклеены бумагой (как это широко принято в сельских районах), то старую бумагу заменяли новой.

Счастье и долголетие
Работа художника И Мина

Праздничному настроению способствовало обилие красного цвета, символизирующего радость, счастье. На дверях наклеивали узкие красные бумажные листы с написанными на них мудрыми изречениями или вырезанные из красной бумаги иероглифы, имеющие счастливое значение: *шун-си* (двойное счастье) символизировало большое радостное событие, благополучие человека, *шоу* — долголетие, *фу* — счастье. Изображение рыб — пожелание материального достатка. Обычно рисовали двух рыб, расположенных симметрично, или только малыша, державшего в руках большую рыбу. Картина с девочкой, пускающей воздушного змея, символизировала пожелание обильного урожая пяти видов зерновых: риса, проса, ячменя, пшеницы, соевых бобов. Пять летучих мышей означают пять сторон счастья: удачу, почет, долголетие, богатство, радость. Символом долголетия считались изображения персика, сосны и журавля; плод граната означал обильное потомство; пион — богатство. Апельсин почитался символом изобилия и счастья за красивый цвет его кожуры. Кар-

тинки с изображением многочисленных мальчиков, продолжателей рода, раскрашивались в яркие, рельефные тона, подчеркивая новогоднюю праздничную атмосферу.

Куски бумаги с написанными на них иероглифами «дракон» (символ богатства) и «тигр» (гроза злых духов) наклеивали на дверях домов. Изображение ножниц обещало смерть нежеланным в доме существам: скорпиону, сороконожке, змее, ящерице.

Вход в дом украшали ветками ели, кипариса или сосны (символами бессмертия и моральной чистоты). Женщины, мечта продлить свою жизнь, украшали головы ветками сосны. Обязательной принадлежностью новогоднего убранства дома были масляные фонари, которые своим светом отгоняли нечистую силу. Разнообразные по форме декоративные фонари считались обязательным атрибутом встречи Нового года. Особенно популярными были четырех- и шестигранные газовые фонарики, обтянутые цветной материей с символическими рисунками, которые в канун Нового года развешивались в каждом доме. Очень любят в Китае на фонарях, которые держат в руках во время танца, изображать драконов.

Огонь был символом торжества света и жизни над мраком и смертью. С этой целью существовал обычай на Новый год зажигать во дворе большой костер или жаровню, жечь ветки кипариса, дым от которых якобы угоден божествам и продлевает срок жизни.

Сосна и журавли
Работа художника И Мина

Новогодним яствам также придается конкретное, то или иное значение. Так, новогодние сладкие вареники издревле символизировали семейное единство. Пельмени, пампушки, лапша и другие мучные изделия округлой формы (ассоциация с полным достатком) до сих пор составляют основную часть новогоднего застолья в Северном Китае. По стародавнему обычаю Новый год встречают оглушительными взрывами хлопушек: так провожали и встречали духа домашнего очага *Цзаована*. Их треск продолжается в нарастающем темпе до рассвета.

Хлопушки существовали в Китае с незапамятных времен, и их предшественниками были отрезки бамбука, которые в старину бросали в огонь, чтобы их треском отпугивать злых духов. Это предание передавалось из поколения в поколение. Впервые о хлопушках упоминается в литературных произведениях времен династии Тан (618—906). Позже, когда в Китае был изобретен порох, отрезки бамбука стали начинять им, снабжая фитилями. Взрывы таких хлопушек были намного сильнее, чем треск на огне пустых звеньев бамбука. Хлопушки имели разнообразный вид: раздельные и соединенные, которые давали возможность производить непрерывные взрывы. Наряду с треском хлопушек бушевали фейерверки, и звучали удары в гонги.

Особое значение в ритуалах праздника имеет танец — дракона, льва, традиционные древние танцы, которых существует множество, хождение на ходулях и др. Но большее число зрителей всегда привлекает танец дракона. Его исполнители — несколько десятков человек — несут на шестах длинное тело дракона. В такт музыки они приводят в движение тело этого чудовища-божества, заставляя его извиваться, чем создается впечатляющая иллюзия вечно живого дракона. Перед его пастью несут шарик, символизирующий солнце. Дракон все время пытается проглотить солнце, но ему это никак не удается.

Вызывает интерес и танец льва. Он по воле исполнителей то ложится в типичной для этого животного позе на землю, то поднимается и делает грациозные прыжки... Мужчины, ряженные, в театральных костюмах, и в наши дни праздника разгуливают по улицам на высоких ходулях под музыку. Раньше у многих участников таких карнавалов к груди были приколоты букетики рисовых колосьев. Ряженные наклонялись, избравшая рассадку ростков риса по полю, предвещая начало полевых работ на юге сразу же после встречи Нового года.

Большим традиционным новогодним развлечением остается запуск воздушных змеев, которых делают с большой фантазией, придавая им облик как реальных, так и мифических существ. Наибольшей популярностью пользуются поделки в виде птиц и насекомых.

Воздушный змей — символ вредоносных сил, от которых следует избавиться в Новый год, поэтому всегда стараются, чтобы он взлетел как можно выше. Падение такого змея на дом считалось плохой приметой. Игра с бумажным змеем в весенний период известна в Китае более двух тысяч лет.

Новый год в старом Китае обычно праздновался по раз и навсегда заведенному ритуалу в следующем порядке: 1) сначала совершались молитвы семейным божествам; 2) жертвоприношение Небу и Земле; 3) молитвы усопшим предкам; 4) челобитье перед живыми родителями; 5) встреча Нового года.

Перед совершением перечисленных ритуалов обязательно предпринимались различные меры по изгнанию злых духов из жилища. Хозяйка дома наливала уксусный раствор в кастрюлю с длинной ручкой и ставила ее на глиняную печку с горящими древесными углями. Испаряясь, уксусный раствор наполнял воздух едким дымом. Хозяйка брала за ручку кастрюлю, размахивала ею, словно кадиллом, по углам комнаты, под столом и другими предметами обихода, изгоняя злых духов.

Специально приглашались буддийские и даосские монахи. Одеты в яркие халаты, они обходили жилые помещения и произносили различные заклинания. Особенно усердно боролись с наводнениями в тех семьях, которые в старом году больше других страдали от несчастий. Облачившись в красный халат и черную шапочку, монах становился с мечом из персикового дерева перед импровизированным алтарем, на котором горели

восковые свечи и тлели благовонные палочки. Положив меч на алтарь, монах сыпал золу в чашу, наполненную весенней водой, затем брал в правую руку меч, в левую — чашу, произнося заклинания:

«Духи Неба и Земли! Доверьте мне небесную печать, чтобы я мог изгнать злых духов из жилых домов».

Получив «полномочия» от божеств, заклинатель обращался к демонам: «Покиньте обитель людей со скоростью света!» — при этом, погружая пучок ивы в чашу, он кропил восточный, западный, южный и северный углы дома. В конце церемонии заклинатель громко произносил: «Смерть земным духам, которые прибыли с несчастливых звезд, пусть они убираются восвояси». Подходя к каждому углу, он говорил: «Смерть красным огненным духам» — в южном углу; «Смерть белым духам» — в западном углу; «Смерть желтым духам» — в центре комнаты.

Под аккомпанемент гонга и барабана заклинатель выкрикивал: «Злые духи Востока, отправляйтесь на Восток; злые духи Юга и Севера, отправляйтесь на Юг и Север. Пусть все злые духи немедленно исчезнут!» Завершив такой ритуал, заклинатель подходил к двери дома, произносил таинственные заклинания, размахивал в воздухе мечом, препятствуя этим жестом возвращению злых духов. Поздравив жителей дома с изгнанием непрошенных гостей, монах получал соответствующее вознаграждение.

Перед Новым годом со стен снимались все старые бумажные талисманы, вместо них наклеивались новые. С приходом весны, возрождением света и тепла в сознании далеких предков начиналось очищение Вселенной от темноты и холода, к которым относился и мир привидений. На исходе старого и в начале Нового года принимались все меры помешать влиянию злых духов и расположить к себе добрых. В первый день Нового года запрещалось бросать что-либо на пол, нельзя было пользоваться ножом или иглой, так как эти предметы острые и могут причинить зло; нельзя было произносить такие слова, как «черт», «болезнь», «смерть» и другие «темные» слова. Если кто-нибудь по неосторожности разбивал чашку, это омрачало общее настроение: считалось, что весь год может оказаться невеселым. Для устрашения нечистой силы на ворота домов наклеивали не только изображения воинов, но и зверей, чаще — тигра.

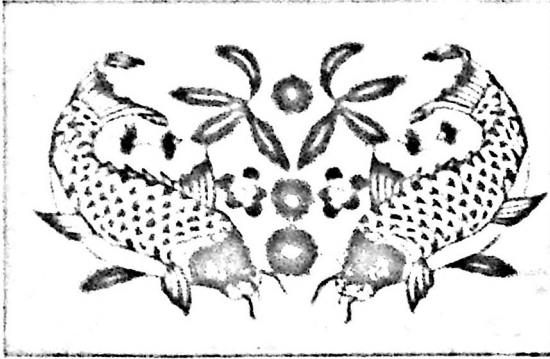
Цвету также придавалось большое значение. Зеленый цвет олицетворял мир и покой, красный, как уже говорилось — счастье и радость, желтый — могущество государя и богатство, белый — скорбь, черный — страх, ужас.

Существовало поверье, что злые духи боятся красного цвета, поэтому перед Новым годом не только на двери, но и на многие другие предметы—домашнюю утварь, сельскохозяйственный инвентарь (плуг, ярмо буйвола, борону, мотыгу) — наклеивали красные полоски бумаги. Крестьяне за несколько дней до Нового года приобретали квадратные листки красной бумаги с написанными золотом пожеланиями счастья и богатства. Ворота заклеивали крест-накрест полосками красной бумаги, чтобы не выпустить счастье Нового года и уберечь дом от злых духов. Подарки также обертывались в красную бумагу, визитные карточки и поздравления, посылаемые знакомым, были такого же цвета. Красные шнурочки даже в самых бедных семьях вплетали в косички девочкам с пожеланием расти здоровыми. Лоскутки красной материи часто носили в карманах.

В деревнях Северного Китая многие женщины и дети одевались во все красное, вплоть до чулок и обуви, носили на голове красные цветы из бархата или шелка.

Среди подношений божествам в Новый год особое место занимали продукты из бобов, одной из древнейших сельскохозяйственных культур Китая, которую возделывают более пяти тысяч лет. Бобы наделялись свойством оберегать людей от нечистой силы: лепешки из красных бобов отпугивали демонов болезней, божествам — покровителям дома — подносили большую чашу с кашей из красных бобов. В некоторых местах на Новый год маленькую чашку с бобовой кашей выносили на улицу, разбрасывая бобы по земле, чтобы умилостивить и прогнать демонов болезней.

В ночь накануне Нового года наиболее важным ритуалом считалось жертвоприношение предкам — так объединялись живые члены семьи с их памятью об усопших. Таблички духов предков ставили на видном месте и перед ними раскладывали жертвоприношения: горячие кушанья. Примерно две недели духи предков «получали» еду и питье, горячие полотенца, чтобы «обтереть их лица» и ярче воспронизвести в памяти. На стол ставляли пять видов кушаний, пять чашек вина, столько же чая и десять пар палочек для еды. Все делалось так, чтобы предки пяти поколений могли провести новогодний праздник вместе с живыми.

Карпы
Работа художника Сунь Цидуна

ву (вместо целой свиньи), чашки с чаем и вином, печенье, фрукты. После ритуала живого сазана пускали в реку, а остальные угощения использовались молящимися в качестве трапезы, при которой живые символически соединялись с духами умерших. Интересным был ритуал сжигания особых жертвенных денег, а также записок с пожеланиями блаженства в раю, что напоминало живущим членам семьи о непременно посещении духами предков живых родственников. Новый год встречать вместе считалось обязательным.

Почести предкам не только служили выражением уважения к усопшим, но и символизировали конец ссорам в семье, желание сплотить всех под эгидой старшего. Не пригласить предков разделить новогоднюю трапезу считалось грубым нарушением благоприличия — позор ложился на всю семью, ради своего удовольствия забывшую ушедших из жизни родственников.

После жертвоприношений усопшим совершалось поклонение старшим: родители становились у алтаря предков, а дети во главе с первым сыном отвечивали им земные поклоны, чем выражали свое почтение к родителям.

Для совершения молитв Небу и Земле во дворе дома ставился алтарь в виде небольшого столика, на котором размещали таблички духов Неба и Земли, жертвенные блюда, восковые свечи и благовонные палочки. В Южном Китае в центре алтаря ставили деревянную лодочку, наполненную рисом, вокруг которой расставляли яркие цветы, ветки кедра. На севере рис заменяли просом. Злаковые жертвоприношения служили выражением благодарности Небу и Земле за богатый урожай в уходящем году и пожелания хорошего урожая в Новом.

Глава семьи, а за ним и все остальные, держа в руке одну или три благовонные палочки, подходили к столу, становились на колени и совершали три челобитья, благодаря Небо и Землю за благодеяние и помощь, прося защиты от болезней в Новом году. Поднявшись, втыкали благовонные палочки в курильницу на алтаре.

Среди домашних наиболее популярным были духи богатства (*Цай-шэнь*), счастья (*Фу-шэнь*) и долголетия (*Шоу-син*).

И если названные добрые духи «навещали» китайскую семью время от времени, то дух домашнего очага *Цзаован* имел «постоянную прописку». Его изображение в течение всего года оставалось в семье.

Опишем одно из них. В центре крупным планом нарисован сидящий старик со свисающими усами и бородой. У него в руках — памятная дощечка из слоновой кости, которую в древние времена сановники держали перед собой во время аудиенции у правителя. Перед духом на маленьком столике — жертвенные свечи и курильница для благовонных палочек. Чуть ниже столика — лошадка, на которой в новогоднюю ночь дух отправится к Верховному владыке — Нефритровому императору (*Юй-хуану*) на Небо. Рядом — два стражника с копьями в руках, третий держит меч самого духа, четвертый — деревянную коробку, в которой хранится божественная печать. На красных полосках бумаги — различные просьбы к духу домашнего очага вроде: «Поднимешься на Небо, докладывай о наших хороших делах», «Когда спустишься на Землю, даруй нам спокойствие».

Дух домашнего очага Цзаован

Не было ни одного дома, бедного или богатого, где бы отсутствовал дух домашнего очага. Чаще всего деревянная статуэтка (Цзаован в сидячем положении) помещалась вместе с другими духами на домашнем алтаре в главной комнате. В других случаях над очагом вешали красную полоску бумаги с изображением или именем духа домашнего очага.

Празднование Нового года длилось от 3 до 15 дней и включало разнообразные обряды, но наиболее важными из них считались проводы Цзаована к Нефритовому императору. В благоприятный час для отбытия Цзаована на Небо перед его изображением зажигали свечи и благовонные палочки, ставили подношения, главным образом сладкие блюда: конфеты, засахаренные фрукты, жареные бататы, пирожные из клейкой рисовой муки, а также вино, цыплят, свинину, баранину, рыбу.

Иногда сахар заменяли опиумом — дух домашнего очага, отведав его, впадал в дремоту перед своим отъездом на небеса и забывал все плохое. Иногда бумажное изображение Цзаована погружали в вино для хорошего настроения при встрече с Нефритовым императором. Губы деревянной статуэтки смазывали медом или липкой жидкостью, чтобы Цзаован вообще не смог открыть рта и сообщить Нефритовому императору что-либо неблагоприятное. При этом глава семьи отбивал поклоны и произносил молитву: «Будешь на Небе, говори побольше хорошего и поменьше плохого». Затем алтарь Цзаована торжественно выносили во двор, где предавали огню вместе с «жертвенными деньгами» под непрерывные взрывы хлопушек.

Не забывали задобрить и лошадку духа домашнего очага: для нее ставили два блюда — с водой и мелко нарезанным сеном. На сено обычно клали красный шнурок — узду для священной лошади. В это же время бросали горох и бобы на крышу кухни, имитируя звуки удаляющихся шагов Цзаована или стук копыт его лошади. Подразумевалось, что эти подношения должны обеспечить в будущем году изобилие корма для скота.

Проводами духа домашнего очага на Небо знаменовали наступление праздничного периода Нового года. От имени всех домоладцев глава семьи молился Небу и Земле, духу домашнего очага и духам предков дважды, вечером — в знак расставания с Цзаованом, и в полночь — в честь его возвращения.

Наступала новогодняя ночь. Между 3 и 5 часами утра Нового года, до пения петухов, во дворе разбрасывали кипарисовые и сосновые ветки, а глава семьи срывал печать на воротах, плотно прикрытых от злых духов накануне, до наступления темноты.

Как и при проходах духа домашнего очага, при его возвращении снова ставили на стол в главной комнате жертвоприношения: чашку отваренного риса с овощами, десять тарелок с овощами, три чашки чая, три рюмки вина, благовонные палочки и свечи. Глава семьи становился на колени и совершал три раза земные поклоны перед столом, выражая почтение духу домашнего очага, который снова вернулся в семью.

Первый день Нового года по-китайски называется *юань-дань* — утро Нового года. Он охватывал период времени от 11 часов вечера накануне Нового года и до утра следующего дня. Всю эту ночь горят благовонные палочки и взрываются хлопушки.

В первый день Нового года нельзя было тратить деньги (чтобы целый год не пришлось делать больших расходов); нельзя выливать воду (это означало потерю имущества); нельзя подметать в доме (семья могла лишиться всего); запрещалось пользоваться ножами. На Севере Китая во время новогодних праздников выпускали на волю голубей, которых до этого держали дома в клетках.

Непременным правилом новогоднего праздника считалось полное прекращение трудовой деятельности. Простолюдины не занимались своим повседневным трудом по крайней мере накануне и в день Нового года; состоятельные люди отмечали Новый год две недели, а иногда и целый месяц.

Непременным правилом новогоднего праздника считалось полное прекращение трудовой деятельности. Простолюдины не занимались своим повседневным трудом по крайней мере накануне и в день Нового года; состоятельные люди отмечали Новый год две недели, а иногда и целый месяц.

Декоративный фонарь
Работа художника Сунь
Цидина

Первый день Нового года, особенно в состоятельных семьях, посвящался визитам и приемам гостей, посылались поздравительные и визитные карточки красного цвета с черными или золотыми иероглифами или белые с красными иероглифами. На улицах произносились доброжелательные приветствия: «Хорошо ли празднуете Новый год?»; «С Новым годом, с новым счастьем»; «Желаю вам разбогатеть». Верили: если первый день Нового года пройдет счастливо, то и весь год будет таким; если нет, то и дальше не будет удачи.

Эта традиция связана с тем, что в старом Китае праздник Весны приносил с собой немало бед и страданий простому народу. Настоящим праздником он был для помещиков, купцов, ростовщиков, арендодателей и других богачей. Закрытие счетов (по китайским обычаям это делалось перед праздником Весны) проводилось этой категорией лиц безжалостно. Не считаясь ни с чем, они требовали от своих должников, в основном бедноты, уплаты всех долгов, чем разоряли сотни тысяч семей.

Многие крестьяне-арендаторы (подобно крестьянину Ян Байлао в кинофильме «Седая девушка») за неимением средств на уплату долгов были вынуждены перед праздником бросать свои дома, уходить в зимнюю стужу в леса, горы, скрываясь от преследователей, или отдавать помещикам в рабство своих детей вместо долгов. Многие рабочие были вынуждены увольняться с работы, так как срок найма также кончался перед праздником. Недаром китайская беднота с горечью говорила о празднике Весны (Новом годе): «Пережить Новый год — все равно что перейти через пропасть».

После образования КНР многие суеверия, связанные с праздником Весны, постепенно исчезают. Утратил свою популярность ритуал, связанный с проводами духа домашнего очага на небо и его возвращением на землю, уходит в прошлое церемония жертвоприношения домашним духам и предкам, не пишутся новогодние надписи, имеющие религиозно-мистический характер, отброшены ритуалы, пронизанные различными суевериями.

Однако многие обычаи, связанные с праздником Весны, сохранились, наполнившись новым содержанием. По-прежнему всюду слышны взрывы хлопушек в дни встречи Весны: они создают праздничную обстановку, не везде утратив свой прежний суеверный смысл. Танцы дракона и льва остаются для китайцев любимым зрелищным представлением, дополняясь и другими развлечениями: художественной самодеятельностью, спортивными состязаниями.

Двойное счастье
Работа художницы Чжоу
Даосао

Вместо наклеивания на видных местах новогодних картинок мифического содержания с именами божеств, призванных изгонять нечистую силу, пишутся добрые пожелания. Родственники и друзья, как и прежде, навещают друг друга с поздравлениями, но дети при оказании почестей родителям не бьют челом, а просто кланяются. Вошло в традицию перед праздником Весны на улицах устанавливать разноцветные арки. Сохранился обычай накануне Нового года тщательно убирать свое жилище, нарядно одеваться, готовить обильный праздничный стол.

Пожелаем и мы в Новом году, в год Лошади, всем нашим читателям счастья, здоровья, благополучия и дальнейшего плодотворного продвижения по пути обновления и улучшения жизни.

В. СИДИХМЕНОВ

Как встречают Новый год японцы

Япония богата народными традициями и праздниками, общенациональными и местными, насчитывающими много веков и сравнительно молодыми. Но самый главный, самый важный праздник в жизни японцев — встреча Нового года. Считается, что он приносит обновление, причем в лучшую сторону, всей жизни, сопровождается выражением надежды на счастье в наступающем году. Все, что связано с праздничными днями, несет на себе печать символики, национальной философии. Почти в каждом регионе обычаи сохраняют свои нюансы, но большинство являются общими для всех японцев. Так, с давних времен Новый год для японцев — день рождения, и с его наступлением прибавляется год к возрасту, независимо от фактической даты рождения.

Новогодние празднества проводятся в Японии на общенациональном уровне, так же, как, например, праздник Рождества в западных странах. Длятся они с 28 декабря по 5 января и в это время деловая жизнь в стране практически замирает. Подготовка к празднику начинается с конца ноября, когда торговые ряды и универмаги разворачивают предпраздничные базары с новогодней атрибутикой, сувенирами, подарочными наборами. Особенно разнообразны и обильны прилавки с детскими игрушками.

В декабре компании и фирмы, учреждения выплачивают своим рабочим и служащим годовые вознаграждения, бонусы. Добрая половина из них тратится японцами на новогодние подарки. Дарят всё и всем, начиная с сигарет и мыла, простых сувениров, до кино и даже автомобилей, в зависимости от состояния. Широко распространены подарки в виде оплаченных в магазинах чеков, на которые получивший их может купить предметы по своему усмотрению. Дарят родственникам, друзьям, соседям, начальству, учителям своих детей. Сохраняется обычай, когда отцы дарят детям на Новый год монетку в специальном конверте как символ счастья и благополучия.

К Новому году полагается завершить все намеченные, но незаконченные дела, обязательно рассчитаться со всеми долгами, накопившимися за год. Это относится и к деловой сфере общества, и к жизни каждой семьи, каждого человека. В домах перед Новым годом проводится генеральная уборка. Квартира, дом тщательно убираются и украшаются. Чистятся и моются все предметы и вещи, устаревшее обновляется или заменяется.

Встреча Нового года — это прежде всего семейный праздник, который проводят в тесном кругу родных за праздничным столом. Блюда по случаю новогодних торжеств готовятся особые, и почти каждое из них имеет свою символику. Накануне Нового года принято есть лапшу из гречневой муки — она сулит людям долголетие. Блюдо из фасоли обещает здоровье, икра сельди — богатство и большое потомство, корневище лотоса — прозорливость, особым способом приготовленные рыбки (*тай*) — новогоднее поздравление и т. д. Неизменным атрибутом праздничного новогоднего стола японцев являются рисовые лепешки (*моги*) с душистым овощным бульоном. Тесто для *моги* готовят заранее, этой целый ритуал, в котором участвуют от мала до велика. Перед подачей на стол *моги* отваривают, а бульон готовят из морской капусты, бобовой пасты и редьки.

О наступлении Нового года оповещают 108 ударов колоколов буддийских храмов. Считается, что с каждым ударом отходят в небытие все грехи и несчастья минувшего года. Ранним утром первого дня Нового года молодые люди взбираются на холмы и горы, чтобы наблюдать восход новогоднего солнца — предвестника счастливых перемен в жизни. В этот день все японцы посещают храмы и отдыхают у себя дома.

Традиционно символично и красиво новогоднее оформление помещений растениями. Основная роль при этом отводится сосне, символизирующей силу и долголетие. В композициях она выражает пожелание здоровья, радости и счастья. Чаще всего сосновые ветки ставятся вместе со стволами бамбука. В природе под натиском порывов ветра он гнется, но не ломается. Отсюда и его символика — выносливость, жизнестойкость, изобилие и богатство. Третье растение, которое ассоциируется с новогодними праздниками — слива, цветущая в это время в южных регионах страны вопреки холодам. Она символизирует надежду, вечное обновление, напоминает о грядущей весне.

У каждого входа в дом или квартиру можно видеть в это время типичное новогоднее украшение — *кадомацу*, что значит «сосна у входа». Оно сооружается из трех срезанных наискось сверху стволов бамбука, у основания которых крепятся ветки сосны. Вверху к бамбуку привязываются полоски бумаги, на которых написано пожелание счастья. *Кадомацу* устанавливают в какую-нибудь емкость или прикрепляют к стене. Нередко ставят два *кадомацу*: с гладкокорой сосной (женщина) и шероховатой (мужчина).

Кадомацу начинают готовить после 15 декабря. В городах, около гостиниц, учреждений, магазинов ставят в кадки крупные композиции. Для квартир горожане покупают их готовыми, небольшого размера.

Над дверью, на стенах, перилах вешают украшения несколько иного типа — *симанова*, представляющие собой канат из рисовой соломы, к которому крепятся морские раки (омары), листья папоротника, мандарин или другой цитрусовый плод. Папоротник обещает нарастающее счастье в новом году, омар — долгую жизнь и молодость души, а цитрус означает непрерывность жизни многих поколений. Все это вместе выражает пожелание входящему в дом богатства, а хозяину дома — надежную защиту от темных сил.

Практически в каждой японской семье к новомуднему празднику готовится специальная *икэбана*. Чтобы выразить ощущение новогоднего торжества, в композициях используются те же главные растения — сосна, бамбук и слива, совместно или порознь, но в сочетании с другими растениями. Интересно отметить, что в композициях *икэбаны*, устраиваемых по случаю бракосочетания, также за основу берут эти три растения, но их значение при этом несколько иное. Так, используемая в этом случае сосна с парной хвоей символизирует супружескую любовь и верность, цветы сливы — стойчивость и длительное счастье, а бамбук — преданность. Ветки в таких композициях связываются шелковым шнуром.

В новогоднюю *икэбану* могут включаться разные цветы, например хризантемы, фрезии, нарциссы, гвоздики, розы, белые лилии, предпочтительней в бутонах, пуансеттия. Почти непременно присутствуют веточки с красными мелкими плодами.

Вообще сочетание сосны и хризантемы — одно из наиболее любимых у японцев. Вечнозеленая сосна с ее здоровой крепостью контрастирует с нежными цветами хризантемы, демонстрируя сочетание непрерывной и энергичной жизни с коротким мигмом человеческого бытия, это ассоциируется с идеей, что «каждый должен планировать жить вечно, но быть готовым умереть завтра».

Древовидный пион, зацветающий к Новому году на юге страны — один из самых почитаемых цветков в Японии. Бывает достаточным одного цветка пиона и небольшой веточки сосны, чтобы создать атмосферу новогоднего праздника. Очень часто наряду с сосной или вместо нее в новогоднюю аранжировку включают ветки плакучей ивы.

Японцы, исповедующие христианство, устраивают и рождественские композиции. В этом случае в качестве основного растения берут пихту или ель, падуб с кожистыми листьями и дополнительно веточки с красными ягодами. Используются и атрибуты рождественской елки: елочные украшения, мишура, свечи, преимущественно красные, а также традиционные бумажные журавлики, символизирующие долголетие и счастье.

Характерное цветовое сочетание новогодней и рождественской *икэбаны* — красного, белого и зеленого. Недостающие из этих колеров среди растительного материала компенсируются соответствующей окраской вазы (белая или красная). Композиции в низких вазах (*морибана*) соответственно зимнему сезону не должны обнаруживать большую поверхность воды, и поэтому на наколке устанавливается много мелких веточек.

Путь самурая

(часть 1)

А. ДОЛИН

I. История возникновения и традиции воинского сословия самураев.

До недавнего времени о самурае на Западе судили прежде всего по японским историческим кинобоевикам *тямбара* да по рекламным брошюрам наподобие «Бусидо» Инадзо Нитобэ — работы, появившейся в 1899 году и ставшей знаменем воинствующего национализма. Лишь в последние годы вышло несколько серьезных трудов, прояснивших представление о самураях. Это «Классические будзюцу» Д. Дрэгера, «Воинские искусства и дух будо» М. Рандома, «Самураи» А. Б. Спешаковского. Отсылая читателя к специальным исследованиям за дополнительной исторической информацией, мы остановимся лишь на некоторых аспектах, связанных с образом самурая и культом воинских искусств.

Идеальный самурай на протяжении всех тринадцати веков становления, развития и упадка этого воинского сословия должен был служить воплощением канонических конфуцианских добродетелей, наделенным, однако, силой и свирепостью *нио* — «стражей ворот» в буддийской храмовой скульптуре. Возращенные в среде пантеистических синтоистских обрядов и празднеств, впитавшие с молоком матери конфуцианские догмы, прошедшие суровую школу дзэнского психофизического тренинга, самураи уже в отрочестве становились рыцарями без страха и упрека, готовыми «идти на горы мечей» и сложить голову на поле брани. Жизнь и смерть самурая были подчинены единственному непререкаемому закону — закону чести (*гири*). Перед ним отступали на задний план любовь и ненависть, нежность и сожаление, страх и тщеславие — все те естественные человеческие чувства (*ниндзё*), что испокон веков привлекали писателей мира. Настоящий самурай должен был стать и порой действительно становился сверхчеловеком в нищезанском понимании этого слова. Душой его был меч, профессией — война, постоянным занятием — воинские искусства, а нередко также изящная словесность и живопись. Философия входила в его плоть и кровь под сводами дзэнских храмов в долгие часы медитации и упражнений с оружием. Физическое совершенство, моральная чистота, возвышенность помыслов — таким представлял себе простолудин настоящего самурая, о таком самурае слагали песни, легенды, героические сказы. «Меж цветов красуется сакура, меж людей — самураи», — гласила пословица.

Самурайство зародилось в VIII в. на востоке и северо-востоке Японии. Его основу составили беглые крестьяне и вольные отходники, искавшие землю и волю на тревожной границе с айнами. Подобно донским и запорожским казакам, они проводили жизнь в непрерывных походах и стычках с мятежными аборигенами, верой и правдой защищая государственные границы. Лишь в X—XII вв. в процессе незатихавших феодальных междоусобиц окончательно оформились владетельные самурайские роды, предводительствовавшие могучими дружинами, которые лишь номинально числились на императорской службе. К тому времени сложились и устои неписаного морального кодекса самурая «Путь лука и скакуна» («Кюба-но мити»), позже превратившегося в грозный свод заповедей «Путь самурая» («Буси-до», где *буси* представляет собой китаизированный вариант слова самурай). Величайшим испытанием принципов самурайской морали стала затяжная война между кланами Тайра и Минамото, закончившаяся в XII веке поголовным истреблением большинства рыцарей дома Тайра. В преданиях об этой войне мы находим бесчисленные примеры верности вассальному долгу и бескорыстного самопожертвования, беззаветного мужества и военной хитрости наряду с примерами жестокости, коварства и беззастенчивого лицемерия. Все вместе взятое

позволяет судить о некоторых типических чертах японского национального характера в его феодальной ипостаси. Не случайно сюжеты из истории падения дома Тайра легли в основу *сотен*, а может быть, и тысяч литературных произведений, услаждая воображение читателя и зрителя на протяжении почти пяти столетий.

В гражданской войне XII в. вызревали предпосылки, необходимые для установления *сёгуната* — правления самурайского сословия с верховным военачальником (*сёгуном*) во главе. Разгромив Тайра и составив лишь для проформы императорский двор в Киото, Ёритомо Минамото перенес свою «Полевую ставку» в город Камакура, ставший подлинной столицей страны. Минамото, талантливый политик и блестящий полководец, отличавшийся незаурядной личной храбростью, впервые сумел объединить под своим знаменем разрозненные дружины самурайских кланов. Усмирив одних, подкупив других и снискав бескорыстную преданность третьих, он самовластно назначал и снимал государственных чиновников, раздавал феодалы, выплачивал содержание дружинникам в рисовых пайках и даже контролировал заключение брачных союзов. От своих вассалов *сёгун* требовал прежде всего верности и соблюдения закона чести. Трусость и предательство, а также заносчивость карались смертью, стойкость в бою, усердие и скромность в личной жизни щедро вознаграждались. Так, жертвой своей гордыни пал Хироцунэ Тайра, один из самых могущественных ленников Минамото. Как-то раз он отказался сойти с коня в присутствии *сёгуна*, затем посмел противоречить властителю Камакуры — и поплатился головой. Железной рукой укрепляя свое правление, Минамото не пощадил даже сводного брата, Ёсицунэ, отважного полководца и первого рыцаря дома Минамото. Заподозренный в измене, Ёсицунэ в сопровождении великана-слуги Бэнкэя вынужден был бежать от преследования и в конце концов погиб, оставив после себя многочисленные романтические легенды и предания.

Воинская доблесть почиталась в камакурском *сёгунате* за величайшее достоинство. Немало *буси* было пожаловано чинами и почестями за виртуозность в обращении с мечом, копьем или луком. В XII—XIII вв. окончательно оформились все основные нормативы воинских искусств (кроме *дзю-дзюцу*): роды холодного оружия, методика тренировок, правила поединков и этика поведения на поле боя. К тому времени пышным цветом расцвели и две японские ветви *дзэн-буддизма*, Сото и Риндзай, давшие религиозно-философскую опору сословию *буси* и породившие неповторимую специфику самурайской культуры.

В годы регентства дома Ходзэ (1199—1333 годы) самураям впервые в истории довелось столкнуться с внешним врагом. На Японские острова обрушилась гроза монгольских нашествий 1274 и 1281 годов. Великий хан Хубилай, завершивший покорение Китая и фактически овладевший Кореей, горел желанием подчинить своей власти последний независимый клочок суши в Восточном море — Японскую империю. Дважды объединенные монголо-китайские силы пытались совершить высадку на юге архипелага, и оба раза беззаветная храбрость самурайского ополчения, поддержанная силой тайфунов-*камикадзе* (божий ветер), одерживала победу. Особенно кровопролитным было второе сражение на острове Кюсю, длившееся сорок девять дней и закончившееся полным разгромом интервентов. Монголы в тот период были, несомненно, носителями самой передовой в мире военной техники, заимствованной чуть ли не во всех странах Азии и Европы. Их короткие луки были более дальнобойными по сравнению с огромными японскими *юми*, легкие доспехи и сабли позволяли лучше маневрировать в бою. Они использовали пушки и катапульты с пороховыми снарядами. Их тактика конных атак была отработана до мелочей в бесчисленных завоевательных походах. Немалый урон причиняли самурайским дружинам и китайские копейщики, завербованные в экспедиционной корпус.

Но наибольшим шоком для *буси*, привыкших к определенному военному церемониалу, было полное отсутствие уважения к противнику. Обычно в междоусобных баталиях рыцарю надлежало выбрать себе достойного противника и после обмена приветствиями, а также соответствующими галантными поношениями, с оным сразиться. Поле боя подчас превращалось в сплошные «парные турниры» на выбывание участников. В общем не принято было нападать сзади, не окликнув предварительно жертву, прибегать к помощи слуг и оруженосцев (если к тому не понуждали чрезвычайные обстоятельства). Отрезанная голова противника, которая потом демонстрировалась сюзерену и выставлялась на всеобщее обозрение, была не просто варварским трофеем, а самым достоверным сертификатом на личное участие в схватке с равным. Монголы же при-

меняли исключительно тактику массовой атаки и набрасывались на горделивых *буси*, как стаи голодных собак. Известно, что и «трофеи» они брали анонимные, указывающие лишь на количество жертв, — а именно, уши врага.

Тем не менее интересно, что японские воины, одержав победу и захватив множество пленных в полном вооружении, даже не подумали воспользоваться опытом пришельцев. Разве что приемы владения копьем были несколько усовершенствованы. Все прочие виды воинских искусств без изменений благополучно дожили до XVI в., когда с появлением португальцев в армии стало широко внедряться огнестрельное оружие — мушкеты, пушки, отчасти пистолеты. Появились даже специальные части пехотинцев-мушкетеров, которые сильно поколебали престиж непобедимых конных рыцарей. Но верность традиции снова возобладала. *Буси* вплоть до середины XIX в. пренебрегали «огненным боем», профанирующим высокие идеалы *будзюцу* (воинского искусства). Два меча, копье и длинный лук по-прежнему составляли джентльменский набор самурая, и это нельзя назвать слепым консерватизмом, ибо школы воинских искусств не просто занимались военной подготовкой, но прививали определенное мировоззрение и формировали личность. Отказаться от традиционных воинских искусств значило для *буси* отказаться от привычного типа личности, от всего комплекса этических и эстетических приоритетов, сложившегося в течение веков. Такая реформа индивидуального и общественного сознания стала возможна лишь после буржуазной революции Мэйдзи 1868 года.

Каждый период в бурной средневековой истории Японии знал своих героев, увеселителей или иные самурайские добродетели. В начале XIV в. по всей стране гремело имя Масасигэ Кусуноки, сражавшегося против дома Ходзэ и не знавшего поражений в боях. Кусуноки выступал в защиту императора, утесненного заносчивыми временщиками. С горсткой бойцов ему удалось отстоять небольшую крепость Тихая и обратиться в бегство нападающих. Последним примером вассальной верности Кусуноки стала битва при Минатогава, где мужественный полководец пал смертью храбрых, прикрывая отход своего сюзерена.

Личной храбростью и стратегическим талантом отличался Такаудзи Асикага, ниспровергнувший власть Ходзэ в 1533 году и на два века установивший правление новой династии сёгунов Асикага. Около полутора столетий непрерывных феодальных распри, известных в истории как «эпоха враждующих государств» (XV — начало XVI века), выдвинули целый ряд драматических персонажей. Самым популярным из них был князь Сингэн Такэда, чье имя нередко связывается с кодификацией Бусидо. Такэда (родился в 1521 году) победоносно сражался против коалиции родов Ходзэ, Ода, Имагава и Уэсуги. Из тридцати восьми баталей, в которых ему пришлось участвовать, Такэда не проиграл ни одной. Постоянным, хотя и не слишком удачливым противником Такэда был Кэнсин Уэсуги, *даймё* провинции Этиго. Оба полководца использовали в качестве вспомогательных сил непрофессиональных наемных солдат из крестьянских семей (*нобуси*). Еще более подорвали систему традиционного самурайского ополчения законы о вербовке, введенные Нобунага Ода (1534—1582 годы) при объединении страны после долгих лет смуты. Однако при Тоётоми Хидэёси (1536—1598 годы), преемнике Нобунага на посту канцлера, размытие самурайского сословия было временно приостановлено. Хидэёси особыми эдиктами подтвердил привилегии *буси* и наложил запрет на отходничество крестьян. Указом от 1588 года простолюдинам было строго запрещено владеть оружием, которое после многовековых войн имелось в каждом доме. Последовала так называемая «охота за мечами». Крестьяне были разоружены. Именно в ту пору достиг апогея сословный гонор *буси*, получивших право опробовать фамильный меч на голове любого простолюдина. Хидэёси был также первым из правителей Японии, пытавшихся направить воинственные устремления самураев на стезю внешней экспансии. Дважды в 90-е годы XVI века он инспирировал «конкисту» Корейского полуострова, и хотя оба завоевательных похода окончились неудачно, они явно способствовали консолидации клановых дружин под стягом центрального правительства. В среде *буси* все глубже укоренялись идеи национального единства на прочной сословно-иерархической основе.

257 лет правления последней династии сёгунов Токугава, конец которой был положен революцией Мэйдзи в 1868 году, знаменовались закрытием страны для иностранцев. В условиях жесткой централизованной власти и относительно мирного развития, лишь иногда нарушавшегося восстаниями крестьян, самураи оказались в двойственном положении. С одной стороны, они составляли оплот государственной системы. По

сравнению с тремя прочими сословиями простолудинов — крестьянами, ремесленниками и купцами — самуран пользовались огромными привелегиями. С другой стороны, их практическая деятельность сводилась лишь к несению караульной службы или в лучшем случае к участию в парадных процессиях. В то же время рост производительных сил в связи с развитием мануфактурного производства и усиление городской буржуазии приводили к постепенному экономическому вырождению самурайства. Все больше и больше буси и даже влиятельных *даймё* попадало в долговую зависимость от купцов и ростовщиков.

Своего рода комплекс неполноценности, порожденный в самураях их странным положением, находил выражение в обостренной тяге к традиционным моральным ценностям. Повсюду, словно грибы после дождя, возникали разнообразные школы воинских искусств, привлекавшие тысячи и тысячи адептов. С новой силой вспыхнул угасший на время междоусобных войн интерес к философии, чайной церемонии, живописи и гравюре, изящной словесности. Славное прошлое призвано было утешать и вдохновлять буси в эпоху всеобщего падения нравов, когда неоконфуцианты чжусианского толка тщетно пытались наставить на путь истинный погрязших в греховных забавах горожан. Надо ли удивляться, что именно в этот период, с благословения правительства, были предприняты попытки пересмотреть, усовершенствовать и канонизировать изрядно обветшавший кодекс чести самурая.

По указанию Иэясу Токугава (1542—1616 годы) в первые же годы после его прихода к власти было составлено «Уложение о самурайских родах» («Букэ сё хатто»), определявшее нормы поведения самурая на службе и в личной жизни. Вторым сочинением, посвященным воспеванию догматов *Бусидо*, было житийное описание подвигов князя Сингэн Такэда «Коё гункан» в двадцати томах. Несколько позже появился труд Юдзан Дайдодзи (1639—1730 годы) «Начальные основы воинских искусств» («Будо сёсин сю»). И наконец в 1716 году вышли одиннадцать томов книги «Сокрытое в листе» («Хагакурэ»), ставшей священным писанием буси. Это любопытное произведение принадлежало кисти Цунэтомо Ямамото, монаха, а в прошлом самурая клана Сага на южном острове Кюсю. После смерти своего господина, *даймё* Наосигэ Набэсима, которому он верно служил 10 лет, Ямамото принял постриг и всю оставшуюся жизнь посвятил обобщению догматов самурайской чести.

Четко и довольно вразумительно требования *Бусидо* сформулированы в «Начальных основах воинских искусств» Ю. Дайдодзи:

— Истинная храбрость заключается в том, чтобы жить, когда правомерно жить и умереть, когда правомерно умереть.

— К смерти следует идти с ясным сознанием того, что надлежит делать самураю и что унижает его достоинство.

— Следует взвешивать каждое слово и неизменно задавать себе вопрос, правда ли то, что собираешься сказать.

— Необходимо быть умеренным в еде и избегать распушенности.

— В делах повседневных помнить о смерти и хранить это слово в сердце.

— Уважать правило «ствола и ветвей». Забыть его — значит никогда не постигнуть добродетели, а человек, пренебрегающий добродетелью сыновней почитательности не есть самурай. Родители — ствол дерева, дети — его ветви.

— Самурай должен быть не только примерным сыном, но и верноподданным. Он не оставит господина даже в том случае, если число вассалов его сократится со ста до десяти и с десяти до одного.

— На войне верность самурая проявляется в том, чтобы без страха идти на вражеские стрелы и копья, жертвуя жизнью, если того требует долг.

— Верность, справедливость и мужество — суть три природные добродетели самурая.

— Во время сна самураю не следует ложиться ногами в сторону резиденции сюзерена. В сторону господина не подобает целиться ни при стрельбе из лука, ни при упражнении с копьём.

— Если самурай, лежа в постели, слышит разговор о своем господине или собирается сказать что-либо сам, он должен встать и одеться.

— Сокол не подбирает брошенные зерна, даже если умирает с голоду. Так и самурай, орудуя зубочисткой, должен показывать что сыт, даже если он ничего не ел.

— Если на войне самураю случится проиграть бой и он должен будет сложить

голову, ему следует гордо назвать свое имя и умереть с улыбкой без унижительной поспешности.

— Будучи смертельно ранен, так что никакие средства уже не могут его спасти, самурай должен почтительно обратиться со словами прощания к старшим по положению и спокойно испустить дух, подчиняясь неизбежному.

— Обладающий лишь грубой силой недостоин звания самурая. Не говоря уже о необходимости изучения наук, воин должен использовать досуг для упражнений в поэзии и постижения чайной церемонии.

— Возле своего дома самурай может соорудить скромный чайный павильон, в котором надлежит использовать новые картины-*какэмоно*, современные скромные чашки и нелакированный керамический чайник.

В целом кодекс *Бусидо* сводится к пяти ключевым установкам, повторяющим и поясняющим основную догму конфуцианской морали.

I. ВЕРНОСТЬ

Это понятие включает три важнейших положения:

1. Верность государю и любовь к отечеству.

Верноподданный должен гореть искренним чувством почитания государя и чувством патриотизма, не иметь частных интересов.

2. Любовь к родителям и привязанность к братьям.

Следует почитать своих предков, любить родственников и детей.

3. Усердие.

Следует быть усердным и прилежным, иметь чувство ответственности.

II. ВЕЖЛИВОСТЬ

Также включает три положения:

1. Уважение и любовь.

Следует уважать и почитать вышестоящих, служить им с искренностью и быть дружным с собратьями по оружию.

2. Скромность.

Не следует кичиться своими заслугами и хвастаться своими способностями.

3. Утонченность.

Следует быть любезным и элегантным, любить книги и изящные искусства, иметь великодушие, уметь чутко относиться к чужим чувствам.

III. МУЖЕСТВО

Включает четыре положения:

1. Храбрость.

Следует быть храбрым в исполнении долга и смелым в опасности, уметь действовать в трудной обстановке.

2. Твердость и хладнокровие.

Следует быть отважным и невозмутимым, никогда не поддаваясь страху.

3. Терпеливость и выносливость.

Следует побеждать свои чувства, пренебрегать своими интересами, быть терпеливым в нужде и лишениях, быть стойким и выносливым, стараться достигнуть цели, преодолевая все затруднения.

4. Находчивость.

Следует быть сообразительным, проявлять смекалку, обладать предприимчивостью и инициативой в любых трудных случаях, уметь верно рассчитать момент для действия.

IV. ПРАВДИВОСТЬ

Включает три положения:

1. Прямота и искренность.

Следует держать обещания, быть верным слову, ненавидеть хитрость и раболепство, твердо следовать своим убеждениям.

2. Честь.

Следует всегда дорожить своей честностью и авторитетом.

3. Справедливость.

Следует всегда уметь отличать личное от общего, понимать, что соответствует принципам нравственности.

V. ПРОСТОТА

Включает два положения:

1. Простота.

Не подобает гнаться за роскошью, следует избегать бесполезных трат.

2. Скромность и чистота.

Не подобает гнаться за дутой славой. Следует во всем соблюдать простоту и умеренность, не быть тщеславным.

Однако *Путь самурая* не означает слепого выполнения обязанностей и механического следования долгу. Идея долга, ответственности перед своим родом и кланом, перед памятью предков и грядущими поколениями должна явиться результатом упорной работы над собой, вдумчивого осмысления различных учений, иначе говоря — вершины духовного роста. «Всю энергию следует отдать *Пути самурая*, ни к чему стремиться больше не нужно. То же можно сказать и о *Пути* вообще. Те, кто изучал конфуцианство и буддизм, могут счесть, что *Путь самурая* неразумен. Только если вы глубоко постигнете все *Пути*, сумеете понять, в чем истинная разумность», — гласит «Сокрытое в листе».

Одним из ключевых требований *Бусидо* является, безусловно, личная храбрость, негибкое мужество самурая. Так, Инадзо Нитобэ, основываясь на указанном выше жизнеописании Такэда, приводит типичный случай из биографии великого полководца. Как-то раз заклятый враг князя, Кэнсин Уэсуги, пробился к шатру, где восседал Такэда в окружении нескольких телохранителей. Занеся меч над головой Непобедимого, Кэнсин саркастически спросил, что тот собирается делать перед лицом смерти. Такэда хладнокровно отразил меч противника своим боевым железным веером и тут же, нисколько не изменившись в лице, сложил лирическое пятистишие. Подоспевшая охрана вынудила пристыженного Кэнсина удалиться. Мужество подобного рода, впитавшееся в плоть и кровь самурая, не покидало его в самых трудных ситуациях. Оно было плодом физической закалки, психической уравновешенности и спокойного презрения к смерти.

Отношение самурая к смерти, многократно воспетое в литературе и неоднократно подтвержденное историческими примерами, отнюдь не являлось чем-то исключительным для народов Дальнего Востока. Наоборот, оно было совершенно естественно для всей даосско-буддийской системы мировоззрения, определяющей жизнь человека как звено в бесконечной цепи перерождений, или, пользуясь термином экзистенциализма, как «бытие к смерти». Самоценность земной жизни для ревностного буддиста любого толка была очень невелика. Дзэнский монах, крестьянин, верующий в милосердие будды Амитабы, священник секты Тэндай и нищий отшельник, исповедующий тантрическое учение Сингон, в равной степени считали жизнь иллюзорным кратковременным эпизодом в бесконечной драме Бытия. Буддийский тезис о непостоянстве всего сущего (*мудзэ—кан*) лежит в основе всей японской культуры.

С чем же сравнить
тело твое, человек?
Призрачна жизнь,
словно роса на траве,
словно мерцанье зарниц.

В этом стихотворении дзэнского мастера Роана отражен не субъективный его взгляд на действительность, но универсальная истина, не требующая, по мнению поэта, никаких подтверждений. Именно такое, весьма ординарное представление о смерти было присуще и самураям, которые видели свое предназначение в том, чтобы «уподобить-

ся опадающим лепесткам сакуры», погибнуть в бою, словно «яшма, разбивающаяся об утес».

Впрочем, известно, что между набожностью и подлинной верой пролегает глубокая пропасть. От первой — рукой подать до ханжества, от второй — до фанатической самоотдачи. Так же по-разному воспринимали идею смерти собратья по вере — преуспевающий купец, посвятивший жизнь наживе, сакэ, певичкам, и суровый воин, закаливший тело и дух в бесчисленных схватках. Самодисциплина, усугублявшаяся изощренными социальными регламентациями, заставляла самурая всегда и во всем следовать закону чести, что, согласно убеждениям верующего буддиста, благотворным образом влияло на карму и обеспечивало счастье в следующих рождениях.

Однако до сих пор речь шла не о презрении к смерти, а о равнодушном отношении к ней, о естественном приятии небытия, ожидающего «по ту сторону добра и зла». Самурай же превратили тривиальную религиозную догму в средство воспитания сверхчеловеческого бесстрашия. Примеры достижения фантастических результатов путем культивирования и доведения, казалось бы, до абсурда вполне заурядных свойств человеческой физиологии и психики мы встречаем почти во всех воинских искусствах. Самурай же по долгу службы становился носителем целого комплекса *будзюу* (*воинское искусство*), и применение их на ратном поле зависело прежде всего от глубины презрения к смерти и стремления к смерти. Юдзан Дайдодзи писал:

«Для самурая наиболее существенной и жизненно важной является идея смерти — идея, которую он должен лелеять днем и ночью, с рассвета первого дня года и до последней минуты последнего дня. Когда понятие смерти прочно овладеет тобой, ты сможешь исполнять свой долг в наилучшем и наиболее полном виде: ты будешь верен господину, почтителен к родителям и тем самым сможешь избежать всех невзгод. Таким образом ты не только сможешь продлить свою жизнь, но поднимешь собственное достоинство в глазах окружающих. Подумай, как непрочно жизнь, особенно жизнь воина. Уразумев это, ты будешь воспринимать каждый день как последний в своей жизни и посвятишь его выполнению важнейших обязательств. Не позволяй мыслям о долгой жизни завладеть собою, иначе погрязнешь в пороках и беспутстве, окончив дни свои в позоре бесчестья».

Едва ли нуждается в доказательстве тезис о том, что воин, начисто лишенный страха смерти и выдающийся в смерти лишь дело чести, обладает в бою всеми преимуществами над воином, судорожно преодолевающим естественные человеческие эмоции — чувство страха и инстинкт самосохранения.

В *Бусидо* идея смерти стоит в центре всех представлений о чести и долге самурая:

«*Бусидо* — Путь воина — означает смерть. Когда для выбора имеется два пути, выбирай тот, который ведет к смерти. Не рассуждай! Направь мысль на путь, который ты предпочел, и иди!..

Каждое утро думай о том, как надо умирать. Каждый вечер освежай свой ум мыслями о смерти. И пусть так будет всегда. Воспитывай свой разум. Когда твоя мысль постоянно будет вращаться около смерти, твой жизненный путь будет прямым и простым. Твоя воля выполнит свой долг, твой щит превратится в стальной щит» («Хагакурэ»).

Для битвы *Бусидо* предписывает самураю безумную отвагу, граничащую с безрассудством:

«Ты никогда не сможешь совершить подвиг, если будешь следить за ходом сражения. Только тогда ты достигнешь многого, когда, не обращая внимание на окружающее, станешь биться отчаянно, как бешеный. *Бусидо* запрещает увлекаться рассуждениями. Рассуждающий воин не может принести пользу в бою» (там же).

В то же время при несении службы самурай должен проявлять неизменную бдительность, осмотрительность и расчетливость. Однако и храбрость, и верность, и благородство самурая в основе своей содержат слепой фанатизм, который низводит высокие стремления до уровня чисто механических действий:

«Никогда не следует задумываться над тем, кто прав, кто виноват. Никогда также не следует задумываться над тем, что хорошо и что плохо. ...Вся суть в том, чтобы человек никогда не вдавался в рассуждения».

Цунэтомо Ямамото в своем пространном, хотя и весьма сумбурном труде «Хагакурэ» многократно возвращается к идее смерти, вознося хвалу беззаветной ре-

шимости умереть: «Все мы предпочитаем жизнь смерти, все наши мысли и чувства, естественно, влекут нас к жизни. Если ты, не достигнув цели, останешься в живых, — ты трус. Это важное соображение не следует упускать из виду. Если же ты умрешь, не достигнув цели, может быть, смерть твоя будет глупой и никчемной, но зато честь твоя не пострадает... Когда решимость твоя умереть в любой момент утвердится окончательно, знай, что ты в совершенстве овладел *Бусидо* — жизнь твоя будет безупречна и долг будет выполнен».

Дзэн воспитывал в самураях не просто равнодушие к смерти, но даже своеобразную любовь к смерти как к верному средству самоутверждения. Такому подходу нельзя отказать в рационализме. Не случайно выдающиеся полководцы средневековой Японии воспитывали себя и своих солдат в традициях самопожертвования. Кэнсин Уэсуги, бывший, как и его извечный соперник Такэда, обращенным послушником (*нюдо*), ревностным адептом Дзэн, поучал вассалов в таких словах: «Те, кто держится за жизнь, умирают, а те, кто не боится смерти, живут. Все решает дух. Постигните дух, овладейте им, и вы поймете, что есть в вас нечто превыше жизни и смерти — то, что в воде не тонет и в огне не горит».

Со временем смерть во имя долга стала восприниматься в самурайской среде как довольно трудный, но не лишенный эстетического наслаждения этап самосовершенствования. О смерти много и прочувственно рассуждали, смертью восторгались, к красивой смерти стремились.

Умение абстрагироваться от мирской суеты, от прозы, от жестокостей военного времени высоко ценилось в самурайской среде. Способность видеть «вечность в чашечке цветка» с ранних лет заботливо пестовалась в юношах и девушках родителями, учителями, всем их окружением. В подражание китайским классикам такой образ жизни, при котором человек может даже на грани между жизнью и смертью наслаждаться красотами пейзажа, называли в Японии «фурю», что означает «ветер и поток». Подобное мировоззрение давало неизменное восприятие жизни как «ветра и потока» во всей ее эфемерной полноте. Наиболее совершенным воплощением философии «ветра и потока» стал широко распространенный среди самураев обычай слагать перед смертью «прощальное» стихотворение — чаще всего в жанре пейзажной лирики.

Вспомним еще раз, что конкретная земная жизнь для буддиста была всего лишь звеном в длинной цепи перерождений, обусловленных *кармой*, и потому не существовало стены между бытием и небытием, жизнью и смертью. В то же время, согласно учению Дзэн, человек способен облагородить каждое мгновение жизни, осознав и прочувствовав первозданную красоту окружающего «бренного мира», красоту непостоянства.

Парадоксально, что именно в смерти идеологи самурайства усматривали дополнительный источник силы, почти сверхъестественного могущества и одновременно — гражданской добродетели: «Путь самурая есть одержимость смертью. Подчас десятеро противников не в силах одолеть одного воина, проникнутого решимостью умереть. Великие дела нельзя совершить в обычном состоянии духа. Нужно обратиться в фанатика и пестовать страсть к смерти. К тому времени, когда разовьется в человеке способность различать добро и зло, может быть уже слишком поздно. Для самурая надо всем довлеют верность господину и сыновняя преданность, но единственное, что поистине нужно ему — одержимость смертью. Если одержимость смертью достигнута, верность господину и сыновняя преданность придут сами собой» («Хагакурэ»).

Смерть превратилась в *ultima ratio* добродетели. Оскорбивший добродетель должен погибнуть. Не сумевший отстоять добродетель тоже должен погибнуть. Это так же нормально, как восход солнца и наступление ночи, как любой закон природы. Поэтому кровавая вендетта и массовые избиения вражеских солдат были для самурая так же естественны, как и массовые самоубийства в связи с поражением или индивидуальное *харакюри*.

Жизнь врага в глазах самурая не стоила ломаного гроша, поэтому в пылу сражения и речи не могло быть о пощаде и сострадании. Помиловать побежденного можно было лишь из тактических соображений или в расчете на богатый выкуп. Наоборот, каждое новое убийство на поле брани должно было стимулировать личную храбрость самурая — таким образом, враг приобретал свойства некоего пассивного стимула отваги. Вот откуда берет начало и людоедский обычай *кимо—тори*, воскрешенный фанатичной военщиной в годы второй мировой войны. По синтоистским поверьям, ис-

точником смелости в теле человека служит печень (*кимо*). Считалось, что, съев сырую печень поверженного противника, получаешь новый заряд смелости.

О ритуальном вспарывании живота *харакири* (или же *сэппуку*) писали многие исследователи, видя в нем пережитки варварских обрядов, синтоистских жертвенных мистерий и шаманских культов айну. Все вышеперечисленное совершенно справедливо с точки зрения формы. Но содержание этого обряда парадного самоубийства не вызывает сомнений. Здесь мы снова сталкиваемся с тезисом «добродетель, подтвержденная смертью». Ведь не случайно самурай, погрешивший против заповедей *Бусидо*, но не совершивший низменного по характеру проступка, был избавлен от постыдной церемонии казни. Сюзерен присылал ему приказание совершить *сэппуку*, чтобы таким образом восстановить честь имени. Семья осужденного в таком случае не подвергалась преследованиям.

Зачастую и сами *буси* охотно вспарывали живот с единственной целью доказать чистоту своих помыслов, как сделали, например, герои знаменитой исторической драмы «Сокровищница вассальной верности» («Тюсингура»), отомстив за смерть своего господина.

Поучительная эпопея о сорока семи верных ронинах* иллюстрирует и еще один широко распространенный обычай — смерть «вслед за господином» (*дзюнси*). Если следовать фактам, то некоторые из сорока семи героев с самого начала предлагали покончить с собой — так часто поступали самурай в случае неожиданной и незаслуженной смерти сюзерена. Считалось, что это обеспечивает прежние отношения между господином и слугой в последующих перерождениях. Идея *дзюнси* наложила отпечаток и на нравы горожан в эпоху Токугава, когда страну захлестнула эпидемия двойных самоубийств влюбленных (*синдзю*).

В самоубийстве торжествовала пресловутая Добродетель, высший принцип существования. Но какова же должна была быть добродетель, ради которой тысячи и тысячи людей по собственной воле расставались с жизнью?

Японские исследователи склоняются к тому, что базой всей традиционной этики японского народа служит идея «отплаты за благодеяния». Отсюда берут начало все иерархические связи и отношения между людьми. Действительно, в космогонических воззрениях всех племен дальневосточного региона Вселенная предстает как гигантский единый организм, порождение животворной биоэнергии (*ци*, или *ки*), бесконечно членящейся на несметное количество частей, образующих всевозможные органические и неорганические соединения. Человек, будучи одним из таких соединений, не может пребывать вне соединения высшего порядка, каким является коллектив — семья, род, клан, государство — и далее соответственно Азия, Мир, Вселенная. Человек является порождением всех соединений высшего порядка и порождающим для своих потомков и подчиненных. Таковы, разумеется, в самом приблизительном звучании постулаты, общие для синтоизма, буддизма и конфуцианства.

Участник подобного миропорядка должен был априори испытывать чувство благодарности ко всем «порождающим» и, следовательно, проявлять пиетет к своим родителям, предкам и божествам рода, вышестоящим, правителю, далее к императору как к началу, скрепляющему нацию, и к его божественным предкам, формообразующим Вселенную. Синтоистская доктрина «государства как единого тела» (*кокутай*), главой которого является император (*тэнно*), прекрасно дополнялась конфуцианским учением о «мировой семье», где классическая триада — Небо и Земля, порождающие Человека, — сподчиняла по убывающей все звенья социальной структуры.

Практическим путем к осуществлению «долга благодарности» для самурая было следование пяти классическим «постоянствам»: гуманности, справедливости, благонравию, мудрости и правдивости. Все эти добродетельные свойства, как известно, по конфуцианскому канону призваны были регламентировать нормы пяти важнейших отношений (*горин*): между господином и слугой, отцом и сыном, мужем и женой, старшим и младшим и, наконец, между друзьями.

Самурайская мораль предъявляла к *буси* серьезные требования, развивающие абстрактные этические положения в стройную практическую систему. Прежде всего воин должен был воспитать в себе отрешенность от личного блага. Далее следовало претворить

* Ронин — одно из названий самурая.

эту отрешенность в дух сознательного самопожертвования ради интересов долга. Личность, проникнутая духом самопожертвования и усвоившая закон чести (*гири*) вместе с законом гуманности (*ниндзэ*), должна была направить все силы на достижение всеобщего блага в рамках своего рода, клана и т. д. Здесь вступал в действие принцип взаимной защиты и поддержки.

Идеалы *Бусидо*, хотя и сводятся в первую очередь к апологии фанатизма, в общем противоположны идеалам тупого армейского солдафонства. Даже изощренное владение оружием само по себе в отрыве от духовности не может служить подтверждением личных достоинств самурая.

«Человек, который завоевывает репутацию благодаря чисто техническому совершенству в воинских искусствах, просто глуп. По неразумию своему он все силы сосредоточивает на одном и добивается в этом деле успехов, отказываясь думать обо всем остальном. Такой человек ни на что не годен!» — утверждает Цунэтомо Ямамото.

Самурайская доблесть должна проявляться не в заносчивости, не в пустом фанфаронстве и безоглядной слепой храбрости, а в упорной ежедневной работе над собой, в тщательной шлифовке мастерства и стремлении подняться на новую ступень.

«Молодые люди должны совершенствовать свои качества воина так, чтобы у каждого была твердая уверенность: «Я лучший в Японии!» С другой стороны, юный самурай должен ежедневно здраво оценивать свои занятия и быстро ликвидировать обнаруженные проблемы и недостатки. Кто не будет именно в таком смысле понимать самурайскую доблесть, ничего не сможет добиться», — поясняет «Сокрытое в листе».

Гордость и заносчивость самурая, вошедшие в поговорку, на первый взгляд противоречат принципам *Бусидо*, но классические трактаты называют гордость одним из краеугольных камней самурайской чести:

«Есть два вида гордости — внутренняя и внешняя. Ничтожен тот самурай, который не обладает обоими видами гордости. Можно уподобить гордость клинку, который следует наточить, прежде чем вложить в ножны. Время от времени клинок вынимают, поднимают на уровень глаз, начисто протирают, затем снова прячут в ножны. Если самурай постоянно размахивает обнаженным мечом, все сочтут, что приближаться к нему не следует, и у него не будет друзей. В то же время, если меч никогда не вынимался из ножен, лезвие потускнеет, и люди перестанут считаться с хозяином».

Гордость и самоуважение самурая должны были проявляться не только в храбрости на поле боя, но и в стойкости, столь необходимой каждому в повседневной жизни.

«Даже в случайном разговоре самурай не имеет права жаловаться. Он должен постоянно контролировать себя, чтобы случайно не проронить словечка, уличающего в слабости. По малозначащему замечанию, произнесенному невзначай, можно догадаться об истинной природе человека», — пишет Цунэтомо Ямамото.

Не приходится удивляться, что в феодальной клановой системе, где благополучие *буси* и его рода целиком и полностью зависело от расположения сюзерена, главной из всех *горин* — пяти видов человеческих отношений — раз и навсегда стала связь между господином и слугой. Хотя самураи воспитывались на дидактических конфуцианских хрестоматиях вроде «Двадцати четырех почтительных сыновей Китая», верность господину часто превалировала над сыновней почтительностью и постоянно — над родительской любовью, относящейся к сфере «чувствительности». Предания о знаменитых самураях и литературные произведения, в которых правда переплетается с вымыслом, изобилуют примерами торжества вассального долга над узами родства и дружбы.

Сюжет заклания собственного сына (дочери, внука) ради спасения жизни или чести членов семьи сюзерена получил повсеместное распространение. Нечего и говорить о том, с какой готовностью самурай приносил свою жизнь на алтарь служения великому закону *гири*. Защита господина и его же в своем лице — в этом видели *буси* свой долг и единственную возможность следования своему Пути (*До*). Что же могло служить гарантией наилучшего выполнения долга, предначертанного самураю в его земной жизни? Разумеется, овладение тайнами воинских искусств и через их посредство — тайной мироздания, гармонического единства Неба, Земли и Человека. Но об этом в следующей части.

(Продолжение следует)

В. МОЛОДЯКОВ

Весной 1926 года в Японию по приглашению общественности приехал один из известнейших в ту пору советских писателей — Борис Андреевич Пильняк (Воган). Он стал первым советским писателем, посетившим Японию. Пильняка встречали восторженно, но не официальные лица, а коллеги-писатели, активисты Японо-русского литературно-художественного общества. Сам Пильняк в книге «Корни японского солнца», написанной сразу по возвращении из Японии, правда, оговорился: «Все, что выпало мне в Японии, я принимаю никак не на мой счет, а на счет нашей советской общественности, представителем которой я был там». Но он вызвал к себе всеобщий интерес и уважение не только как «советский». Автор «Голого года», «Третьей столицы», «Расплеснутого времени» уже активно переводился и издавался в Японии.

Между тем только год назад были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Японией, только-только начали развиваться различные контакты. Однако в начале 20-х годов международный авторитет Советской России стал очень высоким, интерес к ней распространился на все крупные капиталистические страны. Конечно, не могла остаться в стороне и Япония, активно выходящая в те годы на мировую арену. 20 января 1925 года в Пекине была подписана советско-японская Конвенция об основных принципах взаимоотношений между двумя странами. Советским полпредом в Токио был назначен В. Л. Копп, помогавший Пильняку в Японии и упомянутый в его записках.

В Японию писатель приехал в весьма благоприятное время экономической стабилизации после кризиса 1920—1922 годов. Были успешно решены многие внутренние проблемы, активнее становилась деятельность страны в мире, а не только в региональных рамках. В сфере культуры продолжался процесс интернационализации, Япония активно приобщалась к мировым ценностям, пропагандируя и свои национальные. В это время усиливается и принимает организованные формы рабочее движение: создается первый левый профцентр Хёгикай, ведется борьба за воссоздание коммунистической партии.

Но напрасно было бы искать «политику» в изящно изданной книжечке «Корни японского солнца», выпущенной ленинградским издательством «Прибой». Трудно с уверенностью сказать, что на самом деле увидел Пильняк и чего не увидел. Он общался преимущественно с представителями интеллигенции — как аристократической, так и прогрессивной. В 1926 году он увидел Японию глазами писателя, не пленявшегося дешевой экзотикой в стиле Клода Фаррера, но тем не менее захваченного стихией «живописной Японии», как назвал свою знаменитую книгу путешественник прошлого века Э. Гюмбер. «Япония № 2» (так названы глоссы Романа Кима о рабочем классе Японии и его положении, которые приложены к тексту книги Пильняка), по сути дела, прошла мимо Пильняка, отразившись разве что в случайной цитате из грустной песни работниц шелкопрядильной фабрики.

Главное чувство, переполняющее «Корни японского солнца», — удивление. Удивляло то, что «сверстница Греции, племянница Ассирии и Египта» — простым автору некоторую хронологическую вольность — еще существует. И не просто существует, а, будучи, по европейским понятиям, на краю земли, рвется в будущее. Но больше удивляло то, что эта страна, «имеющая супердредноуты, газеты с миллионными тиражами и вертикальные тресты, одной ногой еще стоит в средневековье». «Евро-

пейское» в Японии, пусть порой и переделанное на местный лад, вряд ли могло чем-то поразить изъездившего всю Европу Пильняка. Восток же просто не мог поразить приезжего европейца. Как поражал всегда, как поражает и сейчас.

Пильняк много ездил по Японии, даже летал из Токио в Осака на самолете газеты «Асахи». Он не только посещал театры и чайные домики (традиционный набор развлечений для туриста-иностранца), но и много общался с представителями творческой интеллигенции, побывал в университете Васэда и даже на торжественном, многолюдном приеме у министра иностранных дел. Но он смотрел на все это не с высокомерием барина-европейца или американца, в душе глубоко презирающего «этих желтых», а с чувством братской, живой заинтересованности и восхищения. Конечно, и за это полюбился японцам советский «Пириняку-сан».

Как настоящий писатель, оказавшись в чужой стране, он записывал не только свои впечатления, но и рассказы сопровождавших его людей, поверья и предания. В отличие от многих своих предшественников он почти ничего не напутал. Лишь в редких случаях Роман Ким поправлял или дополнял его в специально написанных глоссах. Для нас сегодня интереснее всего непосредственные личные впечатления Пильняка-писателя, ибо «Корни японского солнца» можно без колебаний отнести к числу его лучших произведений.

Как ни сильна была в восприятии Пильняка традиционная экзотика, новое брало верх. Он замечает, что «старые народы, имеющие многовековую культуру, многовековой быт, не способны к новаторству». «Старость» Японии для него несомненна, но «Япония нашла в себе силы стать молодой страной,— силы, указывающие, что у этой страны очень много молодости» (разрядка Б. Пильняка.— В. М.).

Неполных шесть десятилетий прошло после буржуазной революции Мэйдзи ко времени приезда Пильняка в Японию. Для человека, знавшего Японию преимущественно по Гончарову, перемены были разительны. Впрочем, Пильняку удивляться не приходилось — девять послеоктябрьских лет в России были куда богаче метаморфозами и потрясениями, как социально-политическими, так и духовными.

Молодость Японии, «корень» ее «солнца» (сквозной образ книги — от иероглифического написания Японии), по Пильняку, прежде всего в преобладании у японцев духовной культуры над материальной. Он пишет о свободе японцев от вещей², утверждает, что «материальной культуры у японского народа не было». Думаю, и тогда было трудно согласиться со столь категоричным выводом, не говоря уже о сегодняшнем дне. Но о духе японцев, их «воле и организованных нервах» пишет он в целом верно. Заезжий иностранец типа Пьера Лоти, неотделимый от материальной культуры, этого бы просто не понял. Русскому же человеку вопрос о духе свойствен, русскому писателю — тем более. Пильняк для японцев был европейцем, но Россия — это Россия, а не только Европа.

Многое Пильняку видится в Японии «наоборот» по отношению к привычному для него порядку вещей. И главное, конечно, не в написании имени после фамилии и не в улыбке японца в ответ на рассказ о своих горестях. Самым непонятным было для него то, как эта обращенная в прошлое страна, «где командуют мертвецы», смогла разбить Россию и экономически сравняться с Европой, войдя в число первых держав мира.

Взор Пильняка в 1926 году обращен в прошлое. В прошлое он смотрел не только в Японию, но и в России. Революции и революционные преобразования казались ему тектоническими сдвигами, когда на поверхность выходит глубокое прошлое, прокладывая путь в будущее. Пильняк старательно фиксирует черты традиционного быта: от сёдзи — бумажных стенок почти невесомого для европейца дома, до фуру — купания в бочке с горячей водой. Даже японская полиция (эти «никтошки», которыми просто наводнена его книга), плотным кольцом сопровождавшая «красного» гостя буквально повсюду, казалась ему чем-то средневековым, а потому вполне естественным.

Теми же настроениями проникнуты и два рассказа — «Олений город Нара» и «Рассказ о том, как создаются рассказы» — произведения совсем иного жанра, написанные Пильняком о Японии.

Оказавшись в древней столице Японии, сохранившейся в неприкосновенности до наших дней, — городе Нара, писатель не чувствует никакого диссонанса с тем, что видел в Японии до сих пор. «Тысячу триста лет тому назад город Нара был

японской столицей. Ныне от этих столетий в городе остались сосновая тишина и сосновое — кажется — светит над городом солнце. И ныне, должно быть, это единственный в мире город, который состоит не из домов, а из древнейшего парка и населен, кроме богов, памяти и людей, — теснее всего населен священными оленями, в честь которых — многие уже столетия стоят храмы... Людей, кроме бонз и паломников, в этом городе нету. Чтобы проехать в этот город, надо ехать длиннейшими горными тунелями, — и вокруг города — горы, в зелени лесов сначала, а выше там — в холоде камней. Сосновая тишина, олени да боги — горный ветер, бег оленей, да буддийские колокола — нарушают тишину этого города».

Приводим эту обширную цитату, поскольку в ней воочию видно все мастерство Пильняка-прозаика, особенности его своеобразнейшего, неповторимого стиля. Сам автор считал рассказ «Олений город Нара» одним из лучших своих произведений и неоднократно включал его в сборники. К сожалению, с 1935 года в нашей стране он не переиздавался.

В древнем городе писатель, наверно, сильнее всего почувствовал это удивительное единение прошлого и настоящего, традиций и новаций, которое и определило его впечатления. Описание туристов-иностранцев, пивших виски в баре «Нара-хотэру», соседствует у него с поэтичнейшим описанием пейзажа, открывавшегося ему из окна той же гостиницы. «За моим окном было озеро, за озером — парк, парк уходил в оленьи горы, к храмам, откуда шли звоны буддийского колокола».

Пильняка переполняет почти мистическое настроение (это его-то, скептика и рационалиста). В каждом факте ему видится нечто особое. И даже о встрече с писателем П. Гиршбейном, о которой он мельком пишет в путевых заметках, говорится здесь совершенно по-особому.

В целом же оба рассказа и тематически, и стилистически очень близки «Корням». «И можно предать, как по осени дуют с океана ветры, и как одиноко около хибаты — домашнего камелька, — сидеть двоим — часами, днями, неделями» («Рассказ о том, как создаются рассказы»).

Всматривался Пильняк и в философию, и в религию — с пытливостью европейца, но и с неизбежным европейским скепсисом. Его собеседник, профессор, говорил ему, что у японского народа никогда не было своей большой философии и что японцы из всех философских учений берут только практические сентенции. О практицизме японцев Пильняк пишет много — о практицизме нации, закаленной землетрясениями и вулканами (это тоже сквозной образ в книге). Бедствия вроде Токийского землетрясения 1923 года, столь красочно описанного им с чужих слов, отучили японцев дорожить имуществом и личной жизнью. Можно соглашаться или не соглашаться с этим. Важно понять одно — как это все непонятно и удивительно для русского европейца, ставящего во главу угла свою великую индивидуальность и бессмертную душу. И это — едва ли не главная причина изумления Пильняка.

Однако средневековая экзотика не могла заслонить от писателя поступательного движения страны. Так и воспетый им «шум гэта» не мог заглушить «шум трамвайных, автобусных и автомобильных рожков». Бернгард Келлерман, тоже европеец и тоже писатель, побывавший в Японии за несколько лет до Пильняка, увидел в ней почти то же самое. Но его главное впечатление было принципиально иным: так было — так будет и ничего не изменится.

Переживший, по-своему принявший и понявший Октябрьскую революцию, Пильняк увидел прорыв в завтра, даже при отголосках и пережитках средневековья. Он отметил удивительное внутреннее единство нации и посмеялся над европейцами, для которых все японцы на одно лицо. «Япония больше всех сохранила свои национальные черты — и больше очень и очень многих стран, виденных и знаемых мною, Япония готова выйти из-за заборов национальной своей культуры на большую дорогу — культуры не национальной, а человеческой Земного Шара».

И в Японию, и из Японии Борис Андреевич ехал через Китай. На обратном пути он задержался в Китае, где прожил несколько месяцев. В «Корнях» он выписывает свой обратный маршрут: «Токио — Кобэ — Симоносэки — Фузан — Дэйрэн (бывший Дальний, около Порт-Артура) — Тянцизин (морем) — Пекин — Ханькоу — Нанкин (пароходом по Янцзы-Цзян) — Шанхай — Владивосток (морем)». Китайские впечатления, в частности от жизни в Шанхае, отразились в его «Китайской повести» (1927).

Впоследствии она была переиздана в собрании сочинений под общим названием «Повести с Востока» (1928) вместе с «Корнями».

Китайские впечатления Пильняка значительно отличались от японских. Здесь изумление сменяется тревогой и — порой — негодованием. То, что он написал о Китае, гораздо острее. Здесь он ярче увидел подлинное лицо милитаризма. «Весь Китай прошит японцами... И по всему Китаю, сшивая его нервами железных дорог, банков, торговых контор, фабрик, концессий, — сидят японцы... Япония! — на Востоке звучит страшно». Пильняк сталкивается с ненавистью к японцам в Китае, однако делает весьма любопытные наблюдения о том, что в жизни китайской интеллигенции «японская общественность, японская литература, японское искусство, японские книги и журналы, японский язык — занимают такое же место, как у нас в России у интеллигенции до революции все французское». И в этом тоже — а не только в железных дорогах и дредноутах — видит писатель силу Японии на Дальнем Востоке.

Однако и здесь Пильняк-публицист не вытесняет Пильняка-писателя. «Ночь, трещит сверчок, — неизвестно, когда китайцы спят, — прилив и на реке шум проснувшихся на сампанах китайцев. На диване передо мною, на полке стоит улыбающийся китайский бог, которого я купил на Ян-Цзы», — характернейшие лирические строки из рассказа «Орудия производства», вошедшего в сборник «Рассказы с Востока».

Книги Пильняка о его путешествии на Дальний Восток сыграли немалую роль в деле ознакомления советского читателя с жизнью и Китая, и особенно Японии. Нельзя сказать, что тогда у нас издавалось мало литературы о Японии, но в первое послереволюционное десятилетие это была в основном политическая и экономическая литература. Она больше повествовала о японском милитаризме, чем о повседневной жизни Японии, о нравах и обычаях наших дальневосточных соседей. Немало книг о Японии издавалось и до революции, но большая их часть рисовала исключительно «живописную Японию», а то и вовсе была переполнена дешевой экзотикой вроде романов Лоти. Русские в Японию ездили редко, и после «Фрегата „Паллада“» Гончарова столь же значительных отечественных книг у нас не появлялось.

Пильняк был не просто первым советским писателем, поехавшим в Японию. В то время он был одним из самых популярных и самых читаемых в СССР авторов. Ежегодно он выпускал по несколько книг — как новых, так и переизданий, двумя изданиями выходило собрание его сочинений. Авторитет Пильняка был очень высок как среди читателей, так и среди коллег по перу. К тому, что он говорил и писал, внимательнейшим образом прислушивались. Его книги о Японии читались по всему Советскому Союзу. Недаром уже первые издания имели высокий по тем временам тираж: «Корни японского солнца» — 8 тыс. экземпляров; «Рассказы с Востока», вышедшие в популярной серии «Библиотека „Огонек“» — 15 тыс. экземпляров. И в последующие годы эти произведения переиздавались, вызывая неизменный интерес и неоднозначные отклики. Именно Пильняк начал знакомить советского читателя с Японией, давая в своих книгах не справочные данные и не прописные истины, а живой, талантливый рассказ о повседневной жизни малознакомой, но интереснейшей страны с богатой и своеобразной историей и культурой.

Вторично судьба привела Бориса Пильняка в Японию в 1932 году. И о втором путешествии написал он книгу — «Камни и корни». Она разительно отличается от первой — прежде всего по характеру того, что увидел и описал автор. «Камни и корни» полемически заострены против «экзотических» писаний о Японии Лоти, Фаррера, Келлермана. Писатель резко критикует и свою первую книгу, но... выписывает из нее целые главы вместе с глоссами Кима. Определенные изменения, конечно, произошли за эти годы и в Японии. Началась агрессия в Маньчжурии. По японской экономике больно ударил мировой экономический кризис, последствия которого Пильняк воочию наблюдал в США в 1931 году. Ответной реакцией на ухудшение положения трудящихся стал подъем рабочего и крестьянского движения в Японии в 1930—1931 годах. В 1932 году правительство нанесло мощный удар по руководству рабочего движения, многие его лидеры были арестованы и погибли в тюрьмах. Но все эти перемены были не столь велики, сколь велика была разница между двумя книгами одного и того же автора. Главную метаморфозу пережил сам автор этих книг.

Конец 20-х годов был временем, крайне неблагоприятным для Пильняка. Разгорелся скандал вокруг напечатанной, но тут же запрещенной «Повести непогашен-

ной луны» (1926)³, в которой нашли отражение обстоятельства загадочной смерти М. В. Фрунзе наряду с достаточно определенными политическими обвинениями. В ней автор «прозрел некоторые черты культа личности, его так сказать, еще нарождающуюся стадию, но уже не безобидную»⁴.

Немедленно развернулась травля писателя, умело организованная РАППовской критикой. Его, в частности, обвиняли в клевете, на что он отвечал: «Я являюсь писателем, имя которого рождено революцией и вся судьба которого связана с революционной нашей общественностью»⁵. Его формальное «покаяние» по сути явилось бескомпромиссным отстаиванием своей точки зрения. Он ни в коей мере не признавал справедливость обвинений в клевете или «оскорбительности повести для памяти Фрунзе»⁶.

Поутихшая немного травля разгорелась с новой силой в 1929 году, когда в берлинском издательстве «Петрополис», печатавшем произведения многих советских авторов, вышла его повесть «Красное дерево». Интересно, что в этой повести Пильняк характеризует русский провинциальный город (место действия) словами: «Город — русский Брюгге и российская Камакура». Это еще одно свидетельство того, как глубоко были японские впечатления писателя.

Пильняк рукопись за границу не передавал. Тем не менее это не помешало его врагам объявить факт издания «антисоветским поступком» и «вылазкой классового врага на литературном фронте». На сей раз критики усердно сокрушали произведение, которого не читали. Травля продолжалась около двух лет, до апреля 1931 года. Критике попутно подвергся и напечатанный в СССР роман «Волга впадает в Каспийское море» (1930). Однако эта кампания не завершилась категорическими оргвыводами, скажем в виде запрещения печататься.

В первой половине 30-х годов проза Пильняка претерпевает значительную эволюцию. До «Созревания плодов» (1936) и «Соляного амбара» (1937; не опубликован) она почти вся очерковая. В этом жанре написана и вторая книга о Японии. В ней много познавательного, интересного, злободневного материала. И довольно редки места, напоминающие о бесподобной манере Пильняка-прозаика. Такие, например, как это, столь характерное для него «смешение стилей»: «В 1932 году в Камакура... я ходил по монастырям. Места великолепны. Кипарисовая тишина благоуханна... Пришли в таинственную, прохладную, санталовую, сиречь пахнущую ладаном пещеру. Там друг против друга, двумя рядами сидело восемь оболтусов лет восемнадцати, с закрытыми глазами, семинаристы, поджали под себя ноги, как будды, положили руки на пуп, прижав ладонь к ладони, — "совершенствовались"».

Во второй приезд внимание писателя больше привлекала «Япония № 2» — Япония экономики и политики, бедных крестьян и бастующих рабочих, национализма и агрессивности. В 1926 году он заявлял: «Политика — не моя область». В 1935 году (книга окончена в мае 1935 года) он приводит десятки выписок из газет на политические и экономические темы и даже... таблицы распределения земельных богатств и расходов на обработку единицы сельскохозяйственных площадей. Отношение Б. А. Пильняка к политическим проблемам его времени — вопрос сложный и неоднозначный. Он никогда не чуждался политики и ни в коей мере не был эстетом, сознательно отгородившимся от общественной жизни. Свидетельство тому — его статьи, в частности «Отрывки из дневника» 1924 года. Другое дело, что в первой половине 20-х годов он неохотно «пускал» политику в область художественного творчества. Со второй половины 20-х годов его творческие установки претерпевают определенную эволюцию, и писатель в своих произведениях уже непосредственно высказывается по поводу волнующих его политических проблем и вопросов.

В «Корнях японского солнца» национализм — еще вполне отвлеченное понятие. В главе «Дневники с Синсю», служащей вступлением к книге, автор даже с некоторой сентиментальностью рассказывает о своей поездке к «писателю-крестьянину Тития-сан». За обедом выяснилось, что отец хозяина погиб в русско-японскую войну и Тития-сан поклялся убить первого русского, которого встретит. Им оказался Пильняк, но Тития-сан смирился с этим, ибо знал, что «искусство — над кровью». Во второй книге советский писатель пишет совсем о другом, но бросившемся ему в глаза с не меньшей силой: призывы к войне с СССР со стороны реакционного офицера да своего рода лубочные картинки, на которых нарисован писатель Новиков-Прибой, тонущий в Цусимском проливе.

Даже если бегло перелистать вторую книгу Пильняка, ощущаешь тревожность и нестабильность тогдашнего положения. Обильно цитируемая записная книжка писателя беспристрастно фиксирует:

«32-й и 31-й годы. Десять процентов всех японских человеческих смертей — самоубийства».

«Порицали сочувствие большевикам».

«31 мая арестовано шесть человек представителей издательского отдела Союза пролетарских художников и конфискована литература».

«Иные фашистские организации принимают религиозную окраску. Раньше этого никогда не было. За церковь взялись, как папа за капитализм».

«Армия (подразумевается реакционное офицерство.— В. М.) сейчас превращается в партию, в политическую партию».

Попадают и занятые записи, впрочем, не слишком веселые:

«В парламенте на столах нет чернильниц — убраны, дабы ими не бросались. Бросаются плевательницами... Были случаи, когда депутатов выносили с заседаний на носилках».

«Начальник полиции — содержатель публичного дома. Газетная истина».

Достоин внимания приведенная автором таблица пребывания у власти глав кабинетов начиная с 1914 года. Графа «причина ухода» пестрит словами «свергнут» или «убит». Далее в книге ярко описан офицерский путч 15 мая 1932 года, свидетелем которого оказался и сам автор. В ходе путча был убит премьер-министр, ранено несколько других крупных государственных деятелей. Это интересовало и в то же время тревожило Пильняка гораздо сильнее, нежели прежние размышления о японских суевериях и гейшах.

«Камни и корни» порой производят впечатление торопливого черновика к не-написанной книге, «материалов к роману». Но атмосфера времени — предгрозовая и беспокойная — передана в книге верно. Беллетрист Пильняк 20-х годов рассуждал о «развещественности» японцев и примате волевого начала, ища его истоки в глубоком прошлом. Шесть лет спустя он увидел страну, где прошлое чтилось, а настоящее рвалось в будущее. Рисуемые им картины бедности и нестабильности впечатляют — но нигде ни у автора, ни у читателя не возникает ощущения «упадка и разрушения».

Уже второй год шли военные действия в Маньчжурии. Они окончательно развеяли все иллюзии и рассеяли все сомнения. Япония вела самую настоящую колониальную войну. Пильняк много пишет о ней. И уже воздерживается от широковещательных деклараций о «презрении к индивидуальной смерти». Он приводит почерпнутую из газет историю некоего подпоручика Нисю, попавшего в Китае в плен. Вернувшись на родину, он покончил с собой, хотя «военными властями к харакири приговорен не был. В харакири его загнали быт и родственники». И далее ироническое замечание в адрес своей первой книги: «Сюжеты очень пригодились бы "Корням"».

Отметим еще одну важную деталь. Со страниц «Камней и корней» во весь рост встает рабочая Япония, которую прежде автор как бы не замечал. Нет смысла пересказывать все то, что Пильняк выписывал из газет или записывал на основе собственных впечатлений о жизни крестьян, которую наблюдал вблизи, и — меньше — о жизни рабочих. Тогда эти факты и цифры могли пригодиться хоть бы и политпросветовскому кружку, а сейчас они заинтересуют разве что специалистов по истории сельского хозяйства или рабочего движения. Впрочем, специалист воспользуется более авторитетными и достоверными источниками. Ценность книги Пильняка, конечно, не в цифрах и не в фактах. В народном движении писатель видит сознательную политическую силу, а не стихию, не «метель», как он воспринимал революционные события в годы своей молодости.

Заслуживают внимания в этой книге страницы об интересе ко всему русскому у революционно настроенной японской молодежи. Роман Ким в глоссах к первой книге Пильняка писал о популярности в Японии произведений Кропоткина и Ленина. Полицейский террор начала 30-х годов этот интерес не погасил — напротив, только усилил. Велик был интерес и к прошлому русского революционного движения — нигилистам и народникам. Стриженные волосы у девушек, длинные волосы и русские рубашки у юношей невольно вызывают в памяти «каракозовцев», «чайковцев», народо-

вольцев. И конечно, героев Тургенева, столь популярного в те годы в Японии. Недаром разговоры и беседы в рабочих кружках, где, по словам Пильняка, разбирали социалистические и анархистские книги и спорили о сроках японской революции, заканчивались чтением «Отцов и детей» или «Нови». Так же как и на их русских предшественников, на них обрушивались репрессии. В частности, Пильняк пишет об изуверской расправе в 1911 году над революционером Котоку и его товарищами.

Но «живописная Япония» не отпускала Пильняка. Он не перестал быть блестящим прозаиком — одновременно с «Камнями и корнями» писалось «Созревание плодов», сразу вслед за ними — «Соляной амбар». И за описанием визита к министру народного просвещения Хатояма и рассуждениями о маньчжурских событиях следуют поэтические, но в то же время сдобренные чисто пильняковской иронией описания похорон некоего виконта (буддийские бонзы казались автору «похожими на российских батюшек») или Процессии тысячи лиц в Никко⁵ в годовщину перезахоронения в этом городе Токугава Изясу — основателя последнего японского сёгуната.

Две поездки в Японию, безусловно, на всю жизнь остались в памяти писателя. Пильняк много видел, проехав всю Европу и Америку, не говоря уже о России, которую изъездил вдоль и поперек. «Целями своих бродяжеств» он считал стремление познать душу того или иного народа, «корень его солнца». И еще — чтобы не омертвел духовный мир без новых представлений и понятий, чтобы не закоснеть в самом себе. «Писателям нашей эпохи, — говорил он, — нельзя обходить историю и нельзя отставать от нее». Пильняк видел, что история творится на его глазах и что он сам со своими книгами становится историей. Стараясь не отстать от времени, он порой торопил его. И не переставал удивляться — везде и всегда.

К моменту написания «Камней и корней» Борису Пильняку исполнилось сорок. Древние греки называли этот возраст «акмэ» — расцвет. Пора волнений и тревог вроде бы осталась позади, и в печати уже не встречались статьи с угрожающими названиями типа «Уроки пильняковщины». Пильняк принимал деятельное участие в организации Союза советских писателей, много выступал и ездил по стране. «Камни и корни» были в целом неплохо приняты критикой. Время травли прошло, время трагедии еще не наступило.

Через два года после выхода книги в свет Япония в третий раз вошла в жизнь Бориса Андреевича Пильняка. Среди обвинений, предъявленных ему при аресте, был и шпионаж в пользу Японии. 21 апреля 1938 года он был расстрелян. Но книги его после долгих лет замалчивания возвращаются к нам. Написанные много десятилетий тому назад, они сегодня помогают «узнать, какую мудростью сочетались в японском народе старое и новое, как примирились они, почему, — како корень солнца у этой страны».

¹ Книги Б. А. Пильняка «Корни японского солнца» (Л., 1927), «Рассказы с Востока» (М., 1927), «Камни и корни» (М., 1935) цитируются по этим изданиям без сносок. В СССР они позднее не переиздавались.

² С этим полемизирует Вс. Овчинников в книге «Ветка сакуры». Примечательно, что именно в первом издании этой книги (1971) впервые появились большие цитаты из книг Пильняка, реабилитированного к тому времени юридически, но не литературно.

³ Опубликована в: Знамя. — 1987. — № 12.

⁴ Андроникашвили-Пильняк Б. Б. О Моем отце. — Дружба народов. — 1989. — № 1. — С. 149.

⁵ Там же. — С. 150.

⁶ Там же.

⁷ Опубликована в: Дружба народов. — 1989. — № 1.

⁸ Ежегодный праздник в городе Никко.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Этнические процессы в Камбодже

И. Г. Косиков. Этнические процессы в Кампучии. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. — 230 с. — Илл. — Табл.

Рецензируемая монография посвящена исследованию актуальной проблематики национальных отношений и национальной политики в Камбодже, к событиям в которой сегодня приковано внимание мировой общественности в связи с наметившимися перспективами политического урегулирования так называемой камбоджийской проблемы — затяжного регионального конфликта, подрывающего стабильность на Индокитайском полуострове.

Широко известно, что страны Юго-Восточной Азии отличаются сложным, полиэтничным составом, а весь комплекс национальных проблем играет важную роль в их социально-экономическом развитии. Не исключение и Камбоджа, где наряду с основным этносом — кхмерами — проживает около 30 малых народов и инонациональных групп, находящихся на разных стадиях социально-экономического развития. Однако до сих пор этой стране «не везло»: советские работы, посвященные специально этнографии и демографии Камбоджи, относятся к 50—60-м годам, самое позднее — к началу 70-х годов, причем подобные издания крайне редки, а в монографиях по Юго-Восточной Азии сведения о населении Камбоджи чаще всего фрагментарные, неполные. Подобная ситуация во многом объясняется значительной трудностью изучения этнических и демографических процессов в стране при отсутствии самых необходимых первичных статистических данных. Между тем опыт, накопленный Камбоджей в национальном развитии за достаточно длительный период независимого существования — с 1953 года и до наших дней, дает обширный исследовательский материал. Использование его в книге И. Г. Косикова восполнит явный пробел в советском востоковедении. Данная монография выигрышно отличается от всех прежних немногочисленных советских публикаций по указанной теме. Во-первых, комплексностью подхода, детальным рассмотрением многих конкретных сторон этнических процессов и большого числа факторов, определяющих эти процессы в Камбодже, что позволяет прогнозировать некоторые

тенденции в ее этносоциальном и этнополитическом развитии. Работу характеризуют фундаментальность и самостоятельность анализа, привлечение не только литературных, но и разнообразных статистических, картографических материалов, результатов собственных полевых исследований в стране, данных, полученных в последние годы из камбоджийских источников. Автор свободно владеет кхмерским языком, много лет работал в странах Индокитая, тщательно собирал многочисленные материалы по данной проблематике, включая редкие издания камбоджийской прессы разных лет, законодательные акты и документы, данные переписи населения, демографические анкеты. Благодаря этому в книге удалось избежать многих неточностей, свойственных даже справочным изданиям о Камбодже, появившимся в 80-е годы, преодолеть компилятивность, вторичность целого ряда описательных работ, где авторы порой некритично используют данные из зарубежной литературы, притом не кхмерской, а европейской, американской, австралийской.

Книга И. Г. Косикова — оригинальное исследование этнических процессов в Камбодже, первое подобного рода в советской литературе, содержащее ценный этнографический, демографический и картографический материал, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот. Не останавливаясь на традиционном обзоре книги по главам (в монографии их шесть, имеются интересные примечания), считаем необходимым особо подчеркнуть новизну работы, ее оригинальные стороны, определяющие научный вклад автора в исследование национальных процессов в современном мире. Прежде всего — это характеристика этнического состава населения Камбоджи (глава II). Именно в данной работе впервые столь подробно разработан этот вопрос, устранены имевшиеся неточности и ошибки, приведена полная этнолингвистическая классификация народов Камбоджи, притом с оценками численности разных этносов на середину 60-х и середину 80-х годов XX века (с. 88—89). Подробное описание состава и расселения народов прекрасно дополнено авторскими картами, наглядно показывающими размещение по провинциям и городским центрам кхмеров (вместе с другими малыми кхмероязычными народами), тямов, малайцев, таи, лао, бирманцев, китайцев и вьетов. Картографические материалы имеют большую самостоятельную ценность для изучения этнического состава населения Юго-Восточной Азии, тем более, что после известной «Карты народов Индокитая», составленной С. И. Бруком (1959), ничего подобного не издавалось. Приданюю большей наглядности рассказу о населяющих Камбоджу народах способствует также публикация многочисленных фотографий, сделанных автором во время пребывания в стране.

Безусловной новизной отличается подраздел главы II «Межэтнические отношения» (с. 65—90), читаемый с огромным интересом.

Автор привлек к его написанию колоссальное количество источников, «расцетил» изложение многими бытовыми пословицами и поговорками, живо характеризующими народы Камбоджи и их соседей, а также эволюцию их взаимных контактов на протяжении веков. Описание многих бытовых стереотипов, сложившихся в отношении друг к другу и к соседним народам у жителей современной Камбоджи, анализ их исторических корней, проливают свет на политическую подоплеку этнических конфликтов. Подобные исследования практически отсутствуют в советских работах по этнографии зарубежных стран, тем ценнее их значение.

Следует особо отметить и заслугу И. Г. Косикова в изучении демографии Камбоджи. В этой области до сих пор оставалось немало «белых пятен». Автор сумел, благодаря тщательности сравнительного анализа, преодолеть нехватку официальных источников и систематизировать разрозненные данные о численности, динамике естественного прироста, возрастно-половой структуре населения, составе занятых, урбанистической структуре за весь период независимого существования страны. Приведенные в I главе таблицы и схемы — итог огромного исследовательского труда: ни одна из них не заимствована автором в готовом виде, критически использованы в международные издания ООН. В итоге получилась интересная аналитическая глава с элементами прогно-

за, впервые дающая полную картину демографического и социально-экономического фона, на котором происходят этнические процессы в Камбодже. Заново переосмыслен сложный для изучения, неоднозначный период гражданской войны и полпотовского геноцида (1970—1978), скорректированы цифры потерь и другие сведения о населении страны, публиковавшиеся ранее применительно к этому временному отрезку.

Интересными и насыщенными получились главы, посвященные периодизации этнических процессов в стране в зависимости от государственного устройства и политики властей в области национального строительства. Здесь читатель найдет также немало новых сведений.

Актуальность темы, комплексный, неординарный подход к ее раскрытию, насыщенность работы новыми данными, их теоретическое осмысление, а также убедительность основных выводов автора, позволяют в целом положительно оценить монографию И. Г. Косикова «Этнические процессы в Кампучии». Нет сомнения, что она привлечет внимание широкого круга специалистов, занимающихся как этническими процессами в современном мире, так и новейшей историей стран Юго-Восточной Азии.

Р. Ф. ИТС.

доктор исторических наук

Совместный труд советских и американских исследователей

Советско-американские отношения в бассейне Тихого океана: прошлое и будущее / Общая редакция В. П. Чичканова и Дж. Стефана. — М.: Прогресс. 1987. — 254 с.

В еще не очень далекие годы так называемого застоя, когда все быстрее соскальзывал вниз уровень советско-американских отношений, в нашей стране, вдали от Москвы, сформировался интересный научный коллектив. Ядро его составили ведущие сотрудники Хабаровского института экономических исследований ДВО АН СССР. Этот коллектив поставил перед собой благородную задачу: своими, пусть и скромными, но искренними усилиями, внести вклад в развитие советско-американских отношений, опубликовав совместно

с американскими учеными монографию об экономических взаимоотношениях двух стран на Тихом океане.

В США идея советских ученых нашла поддержку прежде всего у специалистов Гавайского университета. Их возглавил известный исследователь истории России и Советского Союза профессор Дж. Стефан. В результате настойчивых поисков и напряженной научной работы всех членов советско-американского коллектива и вышла в свет рецензируемая монография сначала в США, а затем в нашей стране.

Ознакомление с книгой оставляет приятное впечатление с различных точек зрения. Однако, в первую очередь, хотелось бы отметить высокую меру такта, умение найти общее, избежать дежурной полемики: ведь коллектив объединил столь разных по взглядам ученых. Вместе с тем в каждой главе просматривается собственная позиция автора, его метод научного анализа, стиль изложения. В ряде случаев научные взгляды авторов не совпадают. Однако монография не оставляет впечатления эклектичного исследования, объединившего несовместимое. Ей присущи внутренняя логика, увлекательность и компактность изложения.

Для понимания общей тональности монографии многое дают два эпиграфа к ней, взятые из работ американского поэта У. Уитмена и русского революционера А. И. Герцена. У. Уитмен писал: «Вы — русские, и мы —

американцы! Россия и Америка, такие далекие и такие несхожие с первого взгляда... и все же в некоторых чертах, в самых главных, наши страны так схожи...» (с. 3). Реализуя свой замысел, авторский коллектив выделил «таким схожим» и общим в истории двух стран их взаимоотношения на Тихом океане. И сделал это весьма квалифицированно и доброжелательно, выполнив таким образом свою главную научную задачу.

Прежде всего необходимо отметить комплексный подход авторов к исследуемой теме. В монографии дается ее географический аспект (что представляет собой советский Дальний Восток и американский Дальний Запад), экономический — (рассказывается об экономическом развитии западных штатов США и нашего Дальнего Востока и торговле между ними, американско-советском научном сотрудничестве в бассейне Тихого океана), исторический — (Россия на Тихом океане, русско-американские экономические отношения в регионе и т. д.).

Совместное исследование позволило вести в научный оборот немало первоисточников из американских архивов, использование которых значительно обогатило наши представления об истории отношений России и США на Тихом океане. В частности, небезынтересно отметить, что связи между двумя странами в регионе, установившиеся в конце XVIII — начале XIX в., были с самого начала довольно интенсивными. Заслуга в этом принадлежит предприимчивым деловым людям двух стран и местным властям, в то время как правительства зачастую придерживались осторожной или выжидательной политики. Любопытно в связи с этим такие факты. По рекомендательным письмам губернаторов Камчатки и Сибири американский предприниматель П. Добелл добился титула русского инверального консула в Маниле в 1817 г. (с. 5). Весьма успешно американские купцы торговали в Кантоне русские меха (с. 99).

Есть сведения, что американские официальные чиновники, с симпатией относившиеся к России во время Крымской войны (1853—1856), предоставили последней информацию о планируемом англо-французском нападении на Петропавловск-Камчатский, тем самым позволив защитникам города принять меры к отражению нападения (с. 102). В это же время американские китобои регулярно высаживались на побережье Сибири, занимались там охотой и торговлей, а некоторые зимовали. Один американский исследователь обнаружил в самых глухих деревушках Камчатки и Чукотки различные американские товары (кухонную утварь, белье, журналы), слышал здесь американские песни (с. 104). Эти и другие примеры русско-американских связей, приведенные в монографии в соответствующем историческом обрамлении, воспринимаются с большим интересом.

В совместной советско-американской монографии содержится и много других инте-

ресных сведений, фактов и выводов. Хотелось бы остановиться на тех, которые играют особую роль в свете новых веяний в тихоокеанском регионе в последние годы. Представляется, что их возникновению, при самообытном вкладе каждой тихоокеанской страны, главный импульс дали владивостокская и красноярская инициативы Советского Союза.

Под этим углом зрения большая нагрузка ложится на главу о перспективах развития советско-американской торговли в Тихом океане. В главе справедливо подчеркивается основная мысль о ее больших возможностях. Относительная географическая близость советского Дальнего Востока и американского Дальнего Запада, «удобство сообщений, а также дополняющая отраслевая структура импорта и экспорта открывают широкие возможности для роста товарооборота. Важно отметить и значительный потенциал использования тихоокеанских портов США и СССР для обмена товарами между глубинными районами обеих стран» (с. 210). Думается, что эта часть работы могла бы выиграть еще больше, если бы автор в своих предположениях о развитии советско-американских торговых связей более смело вышел за рамки устоявшихся представлений. В частности, активное поле деятельности открывается в области совместного предпринимательства, налаживания прибрежной торговли, участия в региональных организациях, в коммерческой деятельности в третьих странах.

Интересная и полезная информация к размышлению содержится в главе об американско-советском научном сотрудничестве в бассейне Тихого океана. Живо и непосредственно американские ученые рассказывают о конкретных проектах указанного сотрудничества. Одним из них являются совместные научные эксперименты АН СССР с Гавайским университетом на чувствительных оптических детекторах нейтринно-частиц, которые, как полагают, высвобождаются при звездных взрывах. Соответствующие приборы были установлены в Тихом океане недалеко от Гавайских островов на глубине 30 тыс. футов и в озере Байкал на глубине 5250 футов. Без показного оптимизма, открыто авторы говорят о существенных трудностях, стоящих перед совместными работами в будущем. В этом смысле точка зрения американских специалистов не может не представлять интереса. Авторы считают, что нужна известная осторожность, понимание нужд и трудностей друг друга, образа мыслей партнера, его способ ведения научных исследований и хорошее знание языка (с. 235).

В монографии упоминается любопытный эпизод истории, когда более века назад в Иркутске в кабинете генерал-губернатора Н. Н. Муравьева собирались молодые русские офицеры и обсуждали перспективы создания Соединенных Штатов Сибири, которые могли бы образовать федерацию с Соединенными Штатами Америки (с. 12). Авторы данной кни-

ги таких предложений не выдвигают. Однако они отмечают, что в период углубления экономических и культурных контактов между странами Тихого океана СССР и США представляется возможность установить взаимовыгодные отношения в регионе; отношения, основанные на географической близости, исторических традициях торговли и сотрудничества, а также хозяйственной взаимодополняемости. Это одна из первых советско-американских работ, которая может служить реальной основой для будущего сотрудничества, стимулировать на новые совместные

исследования ученых не только СССР и США, но и других стран региона. В этом смысле рецензируемая работа займет свое достойное место и может быть расценена как удачный пример взаимодействия ученых разных стран в области гуманитарных наук в духе нового мышления.

*Ю. С. СТОЛЯРОВ,
кандидат экономических наук*

Романы Н. Задорнова в Японии

Никораё Дзадорунуфу. Кита-кара кита курофунэ (Черные корабли с севера. 3 тт.), — Токио, «Асахи симбунся», 1977—1982 гг.

Особое место в современной советской литературе принадлежит известному историческому беллетристу Николаю Павловичу Задорнову. В своем творчестве он обратился к истории освоения Россией Дальнего Востока, выходу русской дипломатии в прошлом веке на тихоокеанские рубежи.

Серия исторических романов Н. П. Задорнова обнаруживает характерную последовательность, определяет то, что совершенно очевидно, географической направленностью движения русских на Дальнем Востоке. Все дальше продвигаясь вслед за своими героями, как правило реально существовавшими историческими личностями, Н. П. Задорнов создал трилогию о заключении в 50-х гг. прошлого века первого договора между Россией и Японией — Симодского трактата (7 февраля 1855 г.), а также роман «Гонконг», во многом являющийся продолжением этой трилогии и «мостиком» к новому, владивостокскому циклу.

Неудивительно, что широкое художественное отображение Н. П. Задорновым дипломатической истории Дальнего Востока прошлого столетия, многие события которой вплоть до наших дней продолжают оказывать существенное воздействие на межгосударственные отношения в этом регионе, не могло остаться незамеченным за рубежом, в первую очередь в тех странах, о которых идет речь в романах писателя. Можно назвать китайское издание двухтомного романа «Капитан Невельской»¹. При этом особое место в ряду произведений Н. П. Задорнова, переве-

денных на иностранные языки и изданных за пределами нашей страны, занимает фундаментальное японское издание трех его романов «Цунами», «Симода» и «Хэда», которые вышли под общим названием «Черные корабли с севера». Оно было предпринято в конце 1970-х — начале 1980-х гг. крупнейшим газетно-книжным издательством «Асахи».

Японская трилогия Н. П. Задорнова повествует о втором этапе русско-японских переговоров 1854 г. (первый проходил в предыдущем году, когда Е. В. Путятин — глава русской миссии — прибыл в Нагасаки с эскадрой из пяти военных кораблей), землетрясении небывалой силы, разрушившем японский город Симода, о гибели русского фрегата «Диана» и высадке его экипажа на побережье Японии (роман «Цунами»). В романе «Симода» рассказывается о строительстве русскими с помощью японских ремесленников в деревне Хэда на полуострове Идзу шхуны для возвращения на родину, о продолжении русско-японских переговоров и заключении первого в истории отношений между Россией и Японией договора о мире — Симодского трактата. В заключительной части трилогии — «Хэда» — идет речь о завершении строительства шхуны и возвращении русских на родину.

В японском цикле Н. П. Задорнова отчетливо выделяются два пласта. Первый — это показ сложной дипломатической борьбы между Россией, США и Англией вокруг «открытия» Японии, вывода ее из многовековой изоляции от внешнего мира. Второй — живописание уникального контакта простых русских людей и японцев в ходе совместной работы по строительству нового корабля «Хэда» взамен погибшей «Дианы».

Как беллетрист-историк Н. П. Задорнова отличает крайняя скрупулезность в изучении сопутствующих материалов, бережное отношение к мельчайшим деталям описываемого им быта и нравов другой страны. Необходимо упомянуть, что во время работы над трилогией писатель дважды (в 1969 и 1972 гг.) по несколько месяцев находился в творческой командировке в Японии, где тщательно изучал архивные материалы и реалии мест своего повествования.

Сам факт того, что примечания и ком-

ментарии вместе с фотографиями, схемами и картами составили в издании «Асахи» около десяти печатных листов, свидетельствуют о тщательности работы японских редакторов и переводчиков над выпуском трилогии. Знакомство с весьма подробными комментариями к японскому изданию показывает практическое отсутствие — за исключением незначительных погрешностей при транслитерации японских имен собственных и географических названий — сколько-нибудь существенных искажений при описании картин жизни старой Японии. Это весьма выгодно отличается Н. П. Задорнова от, например, снискавшего значительную известность американского писателя Джеймса Клэвелла, творчество которого, в частности объемистый роман «Сёгун», отмечено погоней за «японщиной» — стремлением создать экзотический, «совершенно непохожий на наш» мир, нередко весьма далекий от реальности. Показательно, что интерес к историческим романам Н. П. Задорнова проявили такие признанные на Западе авторитеты — специалисты по Дальнему Востоку, как Дж. Ленсен и Дж. Стефан.

Трилогия Н. П. Задорнова пронизана пафосом необходимости сближения народов разных стран, невзирая на любые препятствия, которые могут встретиться на пути укрепления дружбы и взаимопонимания между ними. Особой притягательной силой обладают те страницы, которые рассказывают о сотрудничестве русских и японцев в строительстве корабля «Хэда» — первого судна европейского типа, созданного на территории Японии. Весьма характерно, что эпизод с пребыванием команды Путятин в деревне Хэда не изгладился из памяти японского народа — в деревне создан музей советско-японской дружбы памяти адмирала

Е. В. Путятин. Интересно, что несколько орудий с затонувшей «Дианы» в течение длительного времени в качестве «мемориальных пушек японо-русской дружбы» были выставлены в парке города Хакодатэ (остров Хоккайдо).

В справке о советском писателе Н. П. Задорнове многомное британское издание «Портреты выдающихся людей в СССР» дает ему следующую характеристику: «Задорново обладает редким даром — он умеет глубоко проникать в историю и использовать ее для текущих нужд КПСС»². Представляется, что таким образом авторы этого труда, выражая взгляд из Лондона на роль писателя в нашей стране, подчеркнули безусловную актуальность творчества Н. П. Задорнова, глубокую связь его исторических изысканий с проблемами сегодняшнего мира, народов азиатско-тихоокеанского региона. Получившие заслуженное признание далеко за пределами Советского Союза романы писателя об установлении отношений нашей страны со своим дальневосточным соседом, о возникновении не ослабевающих до наших дней чувств взаимного тяготения между русскими и японскими народами вносят свой вклад в важнейшее дело углубления и всестороннего развития отношений между СССР и Японией, являя собой пример народной дипломатии.

А. А. МАКАРОВ,
кандидат исторических наук

¹ Н. Задорнов. Капитан Невельской/Пер. на кит. яз. У Жэня).— Харбин, 1980.

² Portraits of Prominent USSR Personalities. London, 1970. Vol. 3, N 3, pp. 158—159.

на вселяет в нас большие надежды. Все более очевидно, что этот район через десяток с небольшим лет станет центром развития мировой экономики XXI века».

Сабура Окига, бывший министр иностранных дел Японии, председатель Японского национального комитета в Конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству — (с. 1).

Уверенность бывшего министра, после отставки вплотную занявшегося экономическими проблемами региона, разделяют и авторы книги «Эпоха тихоокеанского кольца» — японские профессора Юдзиро Эгути и Цутому Усуи¹.

За обоснование исключительной роли тихоокеанского региона в следующем столетии (а попутно и лидирующей роли Японии в самом регионе) взялись не новички-любители, а знающие проблему специалисты, мне-

XXI век — эпоха азиатско- тихоокеанского региона

Ю. Эгути, Ц. Усуи.
Эпоха тихоокеанского кольца-Кантайхэйкэн-но дзандай.— Токио, Аки сёбо, 1988.— 230 с. (на яп. яз.).

«Сегодня в быстроменяющемся мире экономическое развитие тихоокеанского регио-

ние которых, даже если его не разделять или разделять не во всем, может представлять интерес и для советских ученых и практиков при выработке подходов к развитию сотрудничества СССР и других социалистических государств со странами азиатско-тихоокеанского региона (АТР).

Ю. Эгуги и Ц. Усуи в книге рассматривают значение сотрудничества в районе Тихого океана в общемировом контексте, анализируют шаги по осуществлению этого сотрудничества с использованием благоприятных возможностей региона. Вниманию специалистов предлагаются наиболее важные концепции развития внешних связей стран, обращенных к Тихому океану, — Японии, США, АСЕАН, Океании и др. Авторы знакомят со своими соображениями о наилучших «сценариях» для политики стран бассейна Тихого океана в XXI в.

Цель работы, как отмечают сами авторы в предисловии, показать, что «прорыв в стремительно меняющейся мировой экономике невозможен без тихоокеанского сотрудничества», и произойдет он именно в тихоокеанском регионе, который станет одним из основных мировых центров будущего развития цивилизации.

Выводы авторов лежат в русле множества прогнозов экономистов и политологов о ведущей роли Тихого океана и Азии в следующем столетии. Прогнозы эти не случайны. Свыше трех из пяти миллиардов населения Земли живет в азиатско-тихоокеанском регионе. На АТР приходится половина всей земной суши. Здесь сконцентрировано около 60 % мирового промышленного производства и более трети мировой торговли. В этом регионе проявился «феномен» Японии, ставшей второй после США крупнейшей промышленной державой, уже превосшедшей США по ВВП на душу населения, а нас и по его объему (при меньшем более чем в 2 раза населении — Ю. Б.). В АТР делают стремительный рывок в сфере передовой технологии так называемые новые индустриальные страны (НИС) Азии — Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур. Среднегодовые темпы роста ВВП в этих странах составляли в 1961—1970 гг. 9,1 %, в 1971—1980 гг. — 8,9, в 1981—1985 гг. — 6,8, в 1986 г. — 10,4 %. Быстрыми темпами развивались также Индонезия (1971—1980 гг. — 8 %, 1987 г. — 3,5 %), Филиппины (1971—1980 гг. — 6,2 %, 1987 г. — 5,0 %), Таиланд (1971—1980 гг. — 6,9 %, 1987 г. — 7,0 %) и другие страны АСЕАН, дополняющие картину общего подъема в регионе (с. 6—7).

Характеристике процессов, происходящих сейчас в азиатско-тихоокеанском регионе, обоснованию закономерности повышенного интереса мирового сообщества к этой части земного шара, анализу действий и позиций отдельных участников тихоокеанского сообщества посвящена глава под названием: «Почему мы сейчас обратились к тихоокеанскому сотрудничеству!»

Авторы считают, что во многом благодаря устойчивому экономическому росту стран бассейна Тихого океана, «черный понедельник» в октябре 1987 г. (падение курса акций на Нью-Йоркской фондовой бирже) не развился в мировой финансово-экономический кризис. Новые экономические центры — Япония, НИС Азии, АСЕАН продержались до конца. «Страны тихоокеанского бассейна, преодолев первый и второй нефтяные кризисы, достигли в настоящее время наиболее впечатляющих в мировой экономике темпов роста. Короче говоря, динамизм экономики региона намного превышает другие районы» (с. 5—6).

Все это привлекло внимание мира к тихоокеанскому региону, повысил интерес, в том числе и в социалистических странах, к изучению различных концепций его развития, к непосредственному участию в региональных организациях, призванных эти концепции воплощать на практике. Как свидетельство этого в книге упоминается одновременное вступление в Конференцию по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству КНР и Тайваня на ее пятой сессии в Ванкувере в ноябре 1986 г. СССР присутствовал на сессии в качестве наблюдателя.

Если раньше, по утверждению авторов, концепции тихоокеанского сотрудничества воспринимались как оторванные от действительности, и в странах с сильно отличающимся уровнем экономического развития высказывались сомнения относительно путей достижения единства региона подобно Европейскому экономическому сообществу (ЕЭС), то опыт последних лет убедительно показал жизнеспособность этих концепций, их привлекательность для решения многих проблем и не только региональных.

Так, несомненно, очень важна в противовес расширяющемуся протекционизму поддержка системы свободной торговли через динамичную экономическую деятельность, и здесь, говорится в работе, роль тихоокеанского сотрудничества весьма велика. Создание глобальной торговой системы, охватывающей множество стран, станет ответом как США, стоящих, по мнению авторов, на позициях преимущественно изоляционизма или двусторонних отношений, так и тем кругам в мире, кто сомневается в возможности конструирования новой торговой системы. (Отметим, что сами авторы в этой возможности ничуть не сомневаются; обоснование неизбежности создания подобной структуры в мировом масштабе с центром в АТР и лидерством Японии в регионе — одна из задач исследования. — Ю. Б.).

В реализации концептуальных идей сотрудничества стран бассейна Тихого океана существенную роль играют две самостоятельные региональные организации — Конференция по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (КТЭС) и Тихоокеанский экономический комитет (ТЭК). История создания КТЭС восходит к маю 1980 г., когда группа по

изучению тихоокеанского пояса при тогдашнем премьер-министре Японии Охире подготовила доклад, обосновывающий так называемую тихоокеанскую концепцию (концепция тихоокеанского сообщества — Ю. Б. — с. 9). Во время визитов Охира в Австралию и Новую Зеландию, Австралия дала согласие, в качестве элемента будущего сотрудничества, на проведение семинара тихоокеанского сообщества. «Этот семинар создал благоприятные возможности для рождения Конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, ставшей колыбелью сил по воплощению идеи тихоокеанского сотрудничества» (с. 10).

К настоящему времени, подчеркивают авторы, тихоокеанское сообщество, объединяемое идеями сотрудничества, включает в себя Японию, НИС Азии, АСЕАН, США, Канаду и ряд других стран региона, присоединившихся в качестве участников или наблюдателей. Эта система становится все более приятельной и для государств Центральной и Южной Америки, имеющих выход к Тихоокеанскому побережью.

Свою лепту в воплощение идеи тихоокеанского сообщества вносит и отметивший в 1987 г. свое 20-летие Тихоокеанский экономический комитет (ТЭК), осуществляющий сотрудничество на уровне предприятий. Если КТЭС — консультативный региональный орган, состоящий из национальных комитетов стран-участниц, образованных видными представителями деловых кругов, ученых, высокопоставленных чиновников, то ТЭК — частная организация предпринимателей, стремящаяся завершить до начала XXI в. формирование стройной системы тихоокеанского сотрудничества и установить взаимовыгодные отношения в регионе на долгое время.

Несколько отличаясь статусом — КТЭС в силу влияния ее национальных комитетов можно оценивать организацией полуофициальной — и конференция и комитет, считают авторы рецензируемой монографии, руководствуются в своей деятельности принципом консенсуса, отвергающего диктат сильного над слабым, и стремятся к установлению основанных на сотрудничестве взаимовыгодных торгово-экономических отношений в азиатско-тихоокеанском регионе.

Анализируя послевоенную ситуацию в АТР, авторы выделяют пять основных причин, обусловивших опережающее развитие стран бассейна Тихого океана:

— глобальное открытие рынков США и становление Японии как крупной промышленной и торговой державы привели к тесной взаимозависимости этих стран, ставшей стержнем развития тихоокеанского региона. В его основе — американский рынок, японская промышленная мощь, качественная рабочая сила в НИС Азии, успехи менеджмента в тихоокеанских странах;

— постепенное установление политиче-

ской стабильности после окончания корейской и вьетнамской войн;

— выход на путь модернизации промышленности стран региона, добившихся независимости в результате второй мировой войны. Это касалось и разгромленной Японии. Индустриализация стимулировала привлечение новой техники, ускорение НТР;

— стремительное развитие транспорта (реактивизация), систем связи, информации;

— переход от импортозамещающей структуры внешней торговли к экспортообладающей во многих странах региона.

«Все эти факторы в совокупности, думается, и повлияли на создание в тихоокеанском регионе динамичного экономического организма», — (с. 15), делают вывод авторы.

Довольно подробно рассматривается в книге возможное место Японии в этом организме, прогнозируются различные «сценарии» отношений Японии с другими участниками тихоокеанского сообщества сейчас и в перспективе. На первое место авторы ставят сотрудничество Японии с США: «Несомненно, это будет основой дальнейшего экономического развития как для Японии, так и для США» (с. 18). Однако они далеки от оценки отношений между этими странами, как безоблачных, и считают, что рамки их сотрудничества постепенно сужаются. А как партнерами в Азии «Обретая новые формы, расширяется сотрудничество Японии в экономике и культуре. Можно назвать многие развивающиеся районы Азии и западной части Тихого океана, где продвигается сотрудничество Японии, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура, КНР, АСЕАН, Австралии, Новой Зеландии и других стран», — замечают авторы (с. 19). Однако и здесь не все ладно. Внешнеторговая экспансия начинает вызывать сопротивление в ряде азиатских стран, где, кстати, оживают воспоминания о довоенной «великой восточноазиатской сфере процветания». Чувство тревоги не дает азиатским странам пойти на признание сценария «Азия под руководством Японии», — высказывается опасение в монографии (с. 20).

Рассматривается и проект «закрытой страны», поворот к политике изоляционизма. Однако ввиду стремительного развития внешнеэкономических связей Японии, этот проект безоговорочно отвергается.

«Вот почему приходит в голову четвертый сценарий — тихоокеанский, как связующий США и Азию, или же сценарий тихоокеанского сотрудничества. По-видимому, это будет наиболее желательным для Японии выбором политики — роль своеобразного моста между Западом и Востоком» (с. 20). (Не в политическом смысле — Ю. Б.). Подходит это, по мнению авторов, и для США, которым в будущем уже будет недостаточно для гарантии существования также Североатлантического союза, поэтому идея тихоокеанского сотруд-

ничества может рассчитывать на все большее одобрение американцев.

Итак, с позициями Японии и США, пожалуй, все ясно. Их взаимоотношения посвящена целиком третья глава рецензируемого труда, суть которой выражена в заглавии — «Экономическое сотрудничество Японии и США — стержень тихоокеанского сообщества» (с. 101—138). Эта мысль проходит, как говорится, красной нитью через всю книгу. Однако советских читателей вполне резонно может волновать и место СССР, его союзников под «тихоокеанским солнцем». Авторы учли этот естественный интерес. Познакомимся с основными положениями раздела «Контакты с социалистическим лагерем» из последней пятой главы — «Для поддержания динамизма».

На советско-американской встрече в верхах (Вашингтон, 7—10 декабря 1987 г.) был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, предусматривающий, в частности, ликвидацию размещенных в Европе и Сибири советских ракет СС—20. «Очень большое значение имеет то, что США и СССР, осуществив поворот в стратегии, направленной на расширение политического влияния, движутся в направлении снижения расходов на обеспечение безопасности. В качестве прорыва в этой области подписан Договор по РСМД, чтобы всецело направить силы на оживление экономики (с. 213).

Все это, по вполне обоснованному утверждению Ю. Эгуги и Ц. Усуи, устраняет одну из основных причин ограничений, выразившихся в форме бойкота СССР и других социалистических стран со стороны участников тихоокеанского сотрудничества. Начинают создаваться американско-советские и иные совместные предприятия, СССР подал заявку о вступлении в Конференцию по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству.

Япония, страны Восточной Азии, АСЕАН рассчитывают на расширение торговли с СССР, стремясь, как считают авторы, несколько уменьшить их экономическую зависимость от США. К тому же, «в СССР поставлена политическая задача по освоению Сибири, для чего крайне важным представляется сотрудничество со странами западной части Тихого океана, в первую очередь — с Японией» (с. 213—214). Таким образом, установление в будущем тесных экономических отношений между всеми частями региона считается наиболее вероятным и естественным.

Однако авторы предлагают не спешить с признанием СССР в качестве полноправного участника КТЭС, ограничившись на предстоящих сессиях конференции обсуждением возможностей и условий его участия. Основным доводом в защиту подобной позиции выдвигается неразвитость взаимоотношений СССР со странами региона, в основе которых лежит торговля. В качестве контрастного примера приводится КНР, осуществляющая более половины своей торговли с западным

миром через Японию и Гонконг, и по мере развития открытой политики укрепляющая свои отношения в тихоокеанском сообществе. Выражаются также сомнения, которые, видимо, трудно опровергнуть, в способности Советского Союза, испытывающего валютные затруднения, быстро расширить инвестиционную, экономическую и торговую активность в АТР. В то же время у автора нет сомнений, что социалистические страны бассейна Тихого океана не могут не прийти к открытой политике и углублению своей деятельности в регионе.

В перспективе исторической целью тихоокеанского сотрудничества является создание условий для поддержания мира на Земле, прежде всего в бассейне Тихого океана. В основе концептуальной идеи тихоокеанского сообщества лежит принцип «открытого регионализма», ликвидирующий существующие отношения глобального вертикального господства (Север—Юг) и утверждающий основанную на равноправных горизонтальных отношениях независимость каждого государства, отвергающий диктат сверхдержав.

Последний раздел книги — «Построение нового «Моря мира» — это призыв к азиатско-тихоокеанскому региону оказаться на высоте задач, выдвигаемых историческим моментом. Авторы видят в уверенном экономическом развитии региона, смягчении международной обстановки в целом, перестроечных процессах в социалистических странах совокупность благоприятных условий для превращения бассейна Тихого океана в «Море мира» (выражение покойного премьер-министра Японии Дз. Судзуки), где «чрезвычайно важна возможность осуществить оживлен экономики и культуры на базе «истинно открытого регионализма» (с. 224).

Осуществление подобной региональной системы сотрудничества позволит, и в этом Ю. Эгуги и Ц. Усуи глубоко уверены, «устранить здесь войны и споры между нациями, скорее достичь через тихоокеанское сотрудничество великих целей совместного разума и будущего человечества и, возможно, открыть совершенно новую страницу истории» (с. 225). Предвосхищая потенциальных оппонентов, авторы не рекомендуют относиться к их идеям как к беспочвенным мечтаньям или «утверждениям абстрагирующих пацифистов» (с. 225). В подобном подходе они видят скорее разрушение прежних стереотипов «одностороннего видения». В основе внутренней и внешней политики Японии должно, по убеждению авторов, лежать осознание ее важнейшей миссии в XXI в. — преобразование бассейна Тихого океана в «Море мира».

Представляется уместным напомнить и о советском подходе к идее тихоокеанского сотрудничества. Радикальная экономическая реформа и перестройка политической системы в СССР призваны, в частности, обеспечить мощное развитие Сибири и советского Дальнего Востока. Это позволит — при до-

стижении взаимопонимания с нашими соседями и более отдаленными государствами — совместно заняться налаживанием прочных экономических, научно-технических, культурных, экологических и иных связей в регионе.

В СССР с интересом наблюдают за деятельностью Конференции по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, на самом высшем уровне выражалась готовность подключиться к работе этой региональной организации в любой форме, какую сочтут приемлемой ее члены. В марте 1988 г. создан Советский национальный комитет по азиатско-тихоокеанскому сотрудничеству. Его задача — содействовать расширению участия СССР в делах АТР и созданию на нашем Дальнем Востоке высокоразвитого народнохозяйственного комплекса. Комитет будет стремиться к установлению тесных контактов с КТЭС и ее национальными комитетами.

«Мы находимся только в начале пути в будущее великой азиатско-тихоокеанской части света», — отмечал в своем выступлении в Красноярске 16 сентября 1988 г. М. С. Горбачев. — Сделать предстоит много. Нас ждут

и трудности, и препятствия, и необычная новизна. Но будем упорно идти шаг за шагом, набираясь опыта и умения. Дело стоит того»².

Ю. Е. БУГАЕВ

¹ Ю. Эгути окончил Токийский пединститут, стажировался в Станфордском университете (США) и в Королевском институте международных проблем (Англия). В настоящее время профессор университета Сока Дайгаку, специализируется по проблемам международной экономики и менеджмента, 57 лет. Ц. Усуи — выпускник университета Васэда. Работал в крупнейшем газетном концерне «Майнити», возглавлял редакцию журнала «Экономисуто». Сейчас читает лекции по экономике в Сока Дайгаку и других университетах Японии, 60 лет. Самостоятельно и в соавторстве ими написаны такие работы, как «Международный вклад японской экономики», «Мировая экономика», «Перестройка мировой экономики», «Передовая техника и экономика Японии» и т. д.

² Правда. — 1988. — 18 сентября.

В первом номере журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 1989 г. была опубликована анкета для наших читателей. Редакция хотела поговорить о будущем журнала, узнать мнение о его содержании, определить наиболее интересные, с точки зрения читателей, публикации за 1988 г. Пришло время подвести итоги опроса.

Читатели активно откликнулись на нашу анкету. Письма с ответами на предложенные вопросы пришли из различных республик, городов, небольших населенных пунктов, отдаленных районов страны, в том числе из Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера. Пришли отклики из МНР, ГДР, Кубы и Австрии. К сожалению, до сих пор поступило мало ответов читателей иноязычных номеров журнала.

Подавляющее большинство ответивших на вопросы анкеты — подписчики журнала (80,6 %). Вторая по величине группа — те, кто регулярно покупает журнал (12,6 %). Таким образом, 93,2 % респондентов читают журнал регулярно и имеют реальную возможность составить представление о нем, сравнить публикации разных лет, проследить динамику развития журнала. Об этом же свидетельствует и средний срок подписки — около 5 лет.

При анализе социального состава участников опроса выяснилось, что самая большая группа наших читателей — сотрудники практических организаций (37,9 %), в том числе часто не связанных с восточной проблематикой. Следующая по величине группа — учащиеся школ и средних специальных учебных заведений (24,3 %). Студенты составляют 13,6 % (в том числе 5,8 % — со специализацией по Востоку), научные работники и преподаватели вузов — 11,7 %. Затем идет группа пенсионеров (10,7 %) и военнослужащих (3,9 %). Только 6,8 % респондентов имеют ученую степень доктора или кандидата наук.

Состав читателей, ответивших на вопросы анкеты, предопределил цели, с которыми читается журнал: большинство читает «ПДВ» «для получения знаний» (65,0 %) и «для того, чтобы узнать точку зрения специалистов» (41,8 %); одинаковое число читателей (по 10,7 %) ответили, что читают журнал с целью подготовки лекций или без специальной цели. На самом последнем месте те, кто читает журнал «для того, чтобы узнать точку зрения коллег-востоковедов» — всего 8,7 % респондентов. Столь незначительный отклик со стороны востоковедов может объясняться, видимо, тем, что они пользуются в основном библиотечными экземплярами журнала (нельзя вырвать бланк анкеты), либо тем, что их интерес к общественным опросам еще недостаточно высок. Причины этого явления станут предметом специального изучения редакцией.

Участники опроса в основном положительно расценивают материалы, публикуемые журналом, считают, что они помогают им в работе («да, очень» — 46,6 %; «да, но не очень» — 25,2 %). Отрицательно ответило на этот вопрос 15,5 % респондентов, при этом многие указали, что их специальность далека от восточной проблематики (инженеры, математики, геологи и т. д.).

Большинство читателей, принявших участие в опросе (69,9 %), выразили мнение, что в последнее время журнал изменился в лучшую сторону («заметно изменился» — 32,0 %; «изменился, но незначительно» — 37,9 %), 3,9 % респондентов считают, что изменения не произошли («незаметны»). У 25,2 % респондентов не сложилось своего мнения в связи с тем, что они стали подписчиками журнала совсем недавно: 24,1 % участвовавших в опросе читателей начали впервые подписываться на журнал в 1988—1989 гг.

Многие читатели ответили на вопросы о том, какие рубрики журнала их устраивают (84,5 % опрошенных) и не устраивают (19,4 %), назвали наиболее понравив-

шиеся или запомнившиеся публикации (71,8 %), а также внесли конкретные предложения по совершенствованию содержания журнала (73,8 %).

Самой популярной в 1988 г., судя по ответам участников опроса, была рубрика «Музей традиций и обычаев», ее назвали — 70,1 % ответивших на данный вопрос анкеты. Следующими по популярности рубриками были названы «Клуб Конфуция» (26,4 %) и «История и современность» (25,3 %). На четвертом месте рубрика «Белые пятна истории» (19,5 %). Пятое место поделили, набрав по 16,1 % голосов, рубрики «Прошлое: голос очевидца», «Исторические эскизы» и «Шаги китайской реформы». На шестом — «Пульс региона», «Круглый стол «ПДВ» и «Точка зрения ученого», каждую из которых назвали 9,2 % ответивших на данный вопрос.

Седьмое место заняла рубрика «Профили» (8,1 %). «Социологический барометр» и «Политика и экономика», набравшие по 6,9 % голосов — на восьмом месте. Девятое разделили рубрики «Сообщения и публикации» и «По страницам зарубежной печати» (по 5,8 %). На десятом — «Антология восточной классики» (4,6 %). Остальные рубрики набрали не более 1—2 % голосов.

Назовем три публикации, которые читатели отметили как наиболее интересные или запомнившиеся. Это:

«Исповедь хунвейбинки» (5,4 % назвавших);

В. Б. Воронцов.— «Наследник диктатора» (13,5 %);

А. А. Долин.— «Легендарный монастырь, или Традиции ушу» (63,5 %).

Отвечая на вопрос о том, какие рубрики не устраивают их, читатели «ПДВ» не только называли эти рубрики, но и вносили свои конкретные предложения. Читатели критикуют журнал за недостаточный уровень анализа и аргументации материалов рубрики «Пульс региона», за отсутствие в журнале иллюстративного материала (карт, фотографий и т. д.), а тов. Качановский И. И. из Киева вообще считает, что ПДВ отличают «консерватизм и догматизм», что «публикации за 1988 г.— пример того, как не надо писать». Многие читатели высказывают недовольство тем, что в журнале отводится большое место публикации официальных материалов и выступлений. Еще больше нареканий в связи с тем, что материалы, посвященные восточным единоборствам, не носят характера методических пособий.

Наибольший интерес вызывают рассказы о странах Востока, жизни, обычаях, национальных особенностях населения. Их хотят видеть на страницах «ПДВ» 76,7 % ответивших на вопросы анкеты. Подробными информационными данными по странам Дальнего Востока интересуются 44,7 % респондентов. В 34,0 % ответов содержится желание читать материалы, подготовленные иностранными учеными и специалистами, а 28,2 % читателей считают необходимым более широкое освещение вопросов, связанных не только с КНР и Японией, но и с другими странами Дальнего Востока. 18,5 % читателей интересуют материалы более дискуссионного характера, 16,5 % — беседы с политическими деятелями, сотрудниками практических организаций, непосредственно связанных с политической и внешнеэкономической деятельностью СССР и других стран, а 12,6 % — материалы «круглых столов».

Подавляющее большинство читателей (73,8 %) написали, какого еще рода материалы они хотели бы увидеть на страницах журнала: это модели одежды стран Дальнего Востока и восточная медицина, включая психотренинг и психотерапию; политические портреты и биографии политических деятелей и мыслителей; экономические обзоры по азиатско-тихоокеанскому региону и отдельным странам, традиционные ремесла. Словом, простое перечисление пожеланий читателей заняло бы слишком много места.

Думается, что читатели «ПДВ» в 1989 г. обратили внимание, что многие из перечисленных пожеланий уже учтены редакцией в своей работе.

Редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» благодарит читателей за активное участие в опросе. Свое мнение о нашей работе и о журнале Вы сможете высказать, отвечая на вопросы новой анкеты, которая будет опубликована в 1990 г.

*Итоги читательского опроса обобщил заведующий группой оперативного анализа ИДВ АН СССР, член Советской социологической ассоциации
Н. О. КАПРАЛОВ*

6 ноября 1989 г. видному советскому японоведу, доктору исторических наук, профессору Леониду Николаевичу Кутакову исполнилось 70 лет.

Труды Л. Н. Кутакова, ученого и дипломата, явились существенным вкладом в советскую историческую науку. Он автор четырнадцати монографий и более ста статей в основном о русско-японских и советско-японских отношениях. В его работах дана глубокая и обширная панорама дальневосточной политики нашей страны с XVII в. до сегодняшних дней, показан процесс формирования системы международных отношений в Азии и бассейне Тихого океана.

Один из наиболее известных трудов Л. Н. Кутакова — монография «История советско-японских отношений», изданная в 1962 г. Фактически это была первая новаторская работа по данной тематике в СССР и за рубежом. Книга впечатляет своей фундаментальностью: написана на основе изучения большого количества советских, американских и японских источников. Она вызвала большой интерес у советской и зарубежной обществности, была переведена и издана в Японии. Этот интерес объясняли стремлением автора по-новому взглянуть на советско-японские отношения — не с позиций «холодной войны» и конфронтации, а на путях поиска взаимопонимания.

Л. Н. Кутаков не оставляет эту тему, он продолжает более углубленную ее проработку, обращается к глубинным слоям, к истокам формирования отношений между двумя государствами, пытается найти там ответы на животрепещущие вопросы современности. В коллективной монографии «СССР — Япония К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925—1975)» им написана статья «Борьба за установление и развитие добрососедских отношений с Японией (1925—1939)». Более многоаспектный анализ отношений между двумя странами за период с 1917 по 1914 гг. сделан Л. Н. Кутаковым в книге «СССР — Япония», вышедшей в 1987 г.

Ученый не останавливается на этом, он идет дальше в глубь веков. В 1988 г. выходит в свет его монография «Россия и Япония», в которой отношения двух стран исследуются начиная с истоков в XVII в. и до 1917 г. В итоге многолетних научных изысканий Л. Н. Кутакова советское японоведение обрело целостную картину отношений между двумя государствами от первых контактов российских казаков с жителями Страны восходящего солнца и до наших дней.

Безусловно, можно высказывать различные суждения по тем или иным оценкам автора, по его характеристике определенных этапов в отношениях между двумя странами, но нельзя отрицать того, что усилиями советского ученого на основе обратного анализа первоисточников, как правило, впервые вводимых в научный оборот, удачно сделана первая попытка систематического изложения всей истории отношений между двумя государствами. Одно это и у нас, и за рубежом расценивается как важный вклад в историческую науку. Л. Н. Кутаков не занимает позицию стороннего наблюдателя и фиксатора событий, он выдвигает собственную оценку, концепцию. По его мнению, при отсутствии объективных глубинных противоречий, негативное воздействие внешних факторов и субъективизм как с той, так и с другой стороны, ошибочные оценки и предвзятые стереотипные представления о намерениях сторон стали главной причиной осложнений отношений между двумя державами.

Красной нитью через труды Л. Н. Кутакова проходит мысль о взаимодополняемости двух стран и народов в их историческом развитии, что действительно понуждает искать пути к сближению в силу исторического императива, не го-

вора уже о географическом, экономическом факторах, определяющих взаимосвязь двух государств на столь продолжительном историческом отрезке.

В своей творческой работе Л. Н. Кутаков не ограничивается исследованием русско- и советско-японских отношений. Круг его интересов значительно шире. Системный анализ истории Японии в новейшее время проведен в «Очерках новейшей истории Японии» (1965). Отношения Японии с ведущими капиталистическими странами, государствами Юго-Восточной Азии исследуются им в изданной в 1972 г. в США книге, которая вызвала там большой интерес.

В 1967 г. Л. Н. Кутаковым (в соавторстве) опубликовано исследование по истории японо-германо-итальянского блока с момента создания «антикоминтерновского пакта» до его развала. Здесь автор выступает как специалист-международник широкого профиля, который обращается к глобальным темам, проблемам, не потерявшим своей актуальности и в наши дни. Игнорирование «японского фактора» при рассмотрении договора «Молотова — Рибентрова» 1939 г., что часто наблюдается, представляется сегодня неоправданным, односторонним.

Работы Л. Н. Кутакова заметно отличаются от многих других исторических публикаций своей фундированностью, широтой постановки проблемы, комплексностью подходов, взвешенностью и продуманностью оценок. Конечно, они не лишены идеологического императива, довлевшего и еще продолжающего довлеть над советским обществоведением, в них имеются и известные стереотипы, продиктованные отнюдь не личными мотивами, но, безусловно, научные труды этого автора стали заметным достоянием отечественного и мирового японоведения.

Помимо фундаментальных исторических исследований, Л. Н. Кутаков не оставляет без внимания и иные жанры. Его перу принадлежат яркие научно-публицистические и, литературные очерки: «Вид с 35 этажа» (1975) — о деятельности автора на посту заместителя Генерального секретаря ООН; «От Пекина до Нью-Йорка» (1983) — о преподавательской и дипломатической работе в различных странах; «В центре политических бурь» (1986), «Москва — Токио. Очерки дипломатических отношений» (1988) и др., в том числе журнальные публикации. На основе как документов, так и личных встреч и бесед в этих работах Л. Н. Кутаков рассказывает о привлекавших внимание острых событиях международной жизни, о выдающихся политических деятелях.

Читая воспоминания Л. Н. Кутакова, убеждаешься, что история — это не свод документов, составляемых в канцеляриях, а пульсирующая жизнь, столкновения человеческих характеров. Нелегко работать в различных жанрах, но тем любопытнее, интереснее видение проблем с различных ракурсов. Именно такой подход дает наиболее полное и многогранное, контрастное изображение рассматриваемых явлений.

Советское японоведение, особенно изучение проблем советско-японских отношений — еще сравнительно молодая ветвь отечественного востоковедения, в котором стало хорошей традицией, пришедшей с Востока, с уважением относиться к старшим и первопроходцам. Добрые традиции следует беречь, ибо они создают преемственность поколений, несут стабильность в общество, даже переживающее бурные перемены. Критическое осмысление научного наследия сегодня актуально и просто необходимо. Бросая ретроспективный взгляд на научную деятельность наших видных востоковедов, можно уже сейчас четко определить реальный «взнос» каждого из них. За оценкой личностей, возможно, последует оценка концепций, их переосмысление и выработка новых взглядов на процессы, происходящие на Востоке.

*Г. Г. КАДЫМОВ,
кандидат исторических наук*

СОДЕРЖАНИЕ «ПДВ» ЗА 1989 Г.

Благородные цели науки. Токийская декларация, № 6

Москва — Пекин: потенциал сотрудничества, № 2

СЮЙ КУЙ. К новому типу отношений, № 2

ТИТАРЕНКО М. Л. Советское Китаеведение и перестройка, № 2

ТИТАРЕНКО М. Л. 40 лет КНР: достижения и уроки, № 6

К 40-ЛЕТИЮ КНР

Вспоминают ветераны, № 5

КУЛИКОВА Г. В. Мост взаимопонимания и дружбы, № 5

Поздравление ССОД и ОСКД, № 5

ТИТАРЕНКО М. Л. СССР — КНР: сорок лет спустя, № 5

СССР — КНР

Новая ступень сотрудничества. Интервью председателя ТПП СССР В. Л. Малькевича, № 3

Подведена черта под прошлым — открыт путь в будущее, № 3

ТИТАРЕНКО М. Л. Расширяются научные контакты, № 3

ПУЛЬС РЕГИОНА

АНДРИАНОВ В. Д. Почему преуспевают НИС? № 4

БОГАТОВА Е. Р., КОВАЛЕВ А. Ф. Новый вектор внешнеэкономической политики Вьетнама, № 6

ДАШДАВАА Г. (МНР). Монголия на пути обновления, № 4

ДАВЫДОВ О. В., МЕЛЬНИКОВ В. И. Сеул ищет партнеров, № 3

КАДЫМОВ Г. Г. Кампучия: не баланс сил, а баланс интересов, № 2

КОВАЛЕНКО И. И. Маршрутами Владивостока и Красноярска, № 4

КРУПЯНКО М. И. Япония — КОКОМ: двойной подход, № 3

ЛАРИН А. Г. Китайско-американские отношения в меняющемся мире, № 2

МУРАДЯН А. А. Приоритет — общечеловеческому («Панча шила» — 35 лет), № 2

МИХЕЕВ В. В. Новые индустриальные страны: уроки приватизации, № 6

МОИСЕЕВ В. И. Поучительный опыт (Экономическое сотрудничество между СССР и КНДР), № 3

ОГАВА К. Бассейн Японского моря — зона советско-японского сотрудничества, № 5

ТИМОНИНА И. Л. Природе — юридическую защиту, № 3

ЧАН ЮН БАН. Сеул — Москва: экономические связи и безопасность (Послеловие Воронцова В. Б.), № 5

ШИЛОВЦЕВ С. И. Особенности модернизации Южной Кореи, № 4

Международная встреча во Владивостоке

Приветствие М. С. Горбачева, № 1

Выступление И. А. Рогачева, № 1

Интервью Пу Шаня, № 1

СЛАВИНСКИЙ Б. Н., ЯКУБОВСКИЙ В. Б. Город международных встреч, № 1

Конференция в Улан-Баторе

СТОЛЯРОВ Ю. С. Актуальные проблемы АТР, № 1

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ПДВ»

Начальная стадия социализма в Китае: вопросы теории и практики, № 1

Советский Дальний Восток и АТР, № 3

Уровень, качество и образ жизни в условиях социализма, № 6

Диалоги, дискуссии

ВОРОНЦОВ В. Б., МУРАДЯН А. А. Безопасность в АТР: концепции и реальность, № 6

Поиск путей взаимодействия (Встреча советских и японских специалистов), № 2

Социализм и собственность («Круглый стол» ИДВ АН СССР), № 2

ПРОДОЛЖАЕМ ДИСКУССИЮ О СОБСТВЕННОСТИ

ПЕВЗNER Я. А., ШВЫДКО В. Г. Собственность и конкуренция в условиях современного капитализма, № 5

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

АВДОКУШИН Е. Ф. План и рынок, № 2
БОНИ Л. Д. Чрезвычайные меры и реформа, № 6

ВАН ХУНИН. Демократизация и политическая стабильность, № 5

ВОЛКОВА Л. А. Плюсы и минусы семейного подряда, № 3

ГИРИЧ Л. М. Наука и хозрасчет, № 4

ЕМЕЛЬЯНОВА Т. М. Самоуправление на селе, № 3

ЗОТОВ В. Е. Общественное производство в новых условиях, № 3

ИМАМОВ Э. З., ЯКОВЛЕВ М. А. Социально-правовые аспекты экономической преступности, № 2

ИМАМОВ Э. З. Традиции и право, № 6

КАРЛУСОВ В. В. Частное хозяйство: теоретические и правовые аспекты, № 4

КОНОВАЛОВ Е. А. Перед лицом экономической угрозы, № 6

КРУГЛОВ А. М. Частный сектор: масштабы и возможности, № 3

ЛЮ БИНЬЯНЬ. Прорыв (Публицистический очерк), № 1

МУГРУЗИН А. С. Феномен китайского крестьянства, № 4

МУРОМЦЕВА З. А. Индустриализация: каким путем идти? № 4

ОНИКИЕНКО А. Ф. Открытые порты — эффективное звено экономики, № 4

САВЕНКОВ Ю. Б. Киноэкран — зеркало перемен, № 3

ХО ДА. Кто защитит потребителя, № 2

ЦЭНЬ ЦЗУФЭНЬ. «Фанатик» (Публицистический очерк), № 5

ЧАН СЮЦЗЭ, ГЭ СЯОЮЙ (КНР). Новая стратегия «открытости», № 4

ЧЖАО АЙ, У МИН. Десять точек зрения китайских ученых, № 1

ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

АЛИЕВ Р. Ш.-А. Poleмические заметки, № 2

ГРАЧЕВ А. Ф. Можно ли предсказать землетрясение? № 2

ГУДОШНИКОВ Л. М. Политические реформы в СССР и КНР, № 1

МИХЕЕВ В. В. КНДР в региональных экономических отношениях, № 1

СИН ШУГАН. Некоторые особенности обстановки в АТР, № 1

СЛАВИНСКИЙ Б. Н. На пути к советско-японскому мирному договору, № 3

ХЭ ЦИНЬ (КНР). О понятии «национальная революция», № 3

ШИШКОВ Ю. В. Общественная собственность: исправление исторической ошибки, № 4

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АНОСОВА Л. А. Вьетнамцы во Франции, № 3

ВОРОНЦОВ В. Б. Наследник диктатора (окончание), № 1

ДЕЛЮСИН Л. П. Сквозь призму десятилетий (К 70-летию «движения 4 мая»), № 2

КАРТУНОВА А. И. Забытый участник I съезда КПК, № 2

ЛОБОДА И. Г. Из истории Общества китайско-советской дружбы в Харбине, № 5

НИКИФОРОВ В. Н. Трудные дороги китаеведения, № 3

СЕНИН Н. Г. Борец, мыслитель, гуманист (К 100-летию со дня рождения Ли Дачжао), № 6

СОФРОНОВ М. В. Движение «4 мая» и проблемы национального языка, № 3

СЮЙ ВАНЬМИНЬ (КНР). Ли Дачжао о китайско-советских отношениях, № 5 — № 6

ТАРТАКОВСКИЙ М. С. На весах столетий (Критика европоцентризма. Предисловие Ставинского Б. Я.), № 6

ЮРЬЕВ М. Ф. Год Победы, № 5

БЕЛЫЕ ПЯТНА ИСТОРИИ

БУХАРИН Н. И. Основные проблемы современного международного положения (Раздел из доклада на XV конференции ВКП(б), 1926 г.), № 1

ГЛУНИН В. И., ГРИГОРЬЕВ А. М. Коминтерн и китайская революция, № 1

КОЛЕСНИК А. Н. Каинном не родятся, № 6

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

ТАСКИНА Е. П. Поэты русского Харбина, № 3—4

ТИХВИНСКИЙ С. Л. Китай в моей жизни, № 3—4

ФЕДОРЕНКО Н. Т. Вспоминаю Чжоу Эньлая, № 5

ФЕДОРЕНКО Н. Т. Сталин и Мао. Беседы в Москве, № 1

ШИ ЧЖЭ. Сопровождая Председателя Мао, № 1

ПРОФИЛИ

БАНЬКОВСКАЯ (АЛЕКСЕЕВА) М. В. Китаем очарованный, № 6

БОРОХ О. Н. Сунь Ефан — видный теоретик-экономист, № 1

ЗАДОРНОВ Н. П. «...И призадумался великий», № 1

КУЗНЕЦОВ В. С. Секрет вечной жизни, № 2

ГРАНИ СОТРУДНИЧЕСТВА

ЧИЧКИН А. А. На трансконтинентальных магистралях Восток — Запад, № 6

АНТОЛОГИЯ КИТАЙСКОЙ КЛАССИКИ

ЛИСЕВИЧ И. С. «Весны и осени» — памятники китайской философской мысли, № 5

БИБЛИОТЕКА «ПДВ»

ЛЭ СИНЬ. Из жизни «красной императрицы», № 4—5

ПО ГОРОДАМ И СТРАНАМ

АХМЕТШИН Н. Х. На «Великом шелковом пути»: прошлое и настоящее Дуньхуана, № 6

ВОСТОК ГЛАЗАМИ ЗАПАДА

АНДРЕ МАЛЬРО. Испытание Запада (Предисловие Белоусова Р. С.), № 2

МОЛОДЯКОВ В. Э. В поисках «корней солнца» (Борис Пильняк о Японии), № 6

НАШ ВЕРНИСАЖ

ШИШКИНА Г. Б. Художник Цзян Шилунь из Ленинграда, № 5

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Встреча с китайским экономистом, № 4

ГАЛЕНОВИЧ Ю. М. Первый съезд Все-

союзной ассоциации китаеведов, № 2
МАСЛОВ П. Ю. Как повысить эффективность сотрудничества, № 2

СЕНИН Н. Г. К 100-летию Ли Дачжао, № 4

ДЕЛЮСИН Л. П. Дважды казненный (К 90-летию Цюй Цюбо), № 1

КОБЗЕВ А. И. Победа синих чертей (О Ю. К. Щуцком), № 4

Сердцем зрячий (Новое о В. Я. Ерошенко, Предисловие Белоусова Р. С.), № 6

СУНЬ ЮНЬИ. Разящее копьё Лао Шэ (Предисловие Абдрахмановой З. Ю.), № 5

СУХАРЧУК Г. Д. Ученый-интернационалист (А. Г. Крымов — Го Шаотан), № 5

ЦАО СУЛИН. Таким был мой отец, № 1

ЩУЦКИЙ Ю. К. Жизнеописание, № 4

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР

КАПРАЛОВ Н. О. Япония: проблемы «стареющего общества», № 1

КОНОВАЛОВ Е. А., СЕЛИВАНОВА Е. Ф. Демографическое завтра Китая, № 2

КЛУБ КОНФУЦИЯ

БЕЛОУСОВ С. Р. Конфуцианство и модернизация Китая, № 5

ЗИНОВЬЕВА Е. М., ПИСКАРЕВ С. Л. Постижение традиций, № 1

КОБЗЕВ А. И. «Чжоу и» — китайская библия, № 3

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

БОНДАРЕНКО Е. Ю. «Жестокий русский плен»? (Свидетельствуют японцы), № 3

БОНДАРЕНКО Е. Ю. Сострадание — чувство общечеловеческое, № 6

БУГАЕВ Ю. Е. СССР — Япония: подъем народной дипломатии, № 1

ВАСЬКОВ О. В. ЮНЕСКО и азиатско-тихоокеанский регион, № 3

ВОРОНЦОВ А. В. Южная Корея сегодня, № 2

КОРРАДИНИ П. (Италия). Рождение новой Ассоциации, № 3

ЛЕБЕДЕВ А. К. Небоскребы на тектонических разломах, № 3

МИРОВИЦКАЯ Р. А. Неизвестные свидетельства советско-китайского сотрудничества, № 4

ПОСПЕЛОВ Б. В. Форум «теологии мира», № 2

СОРОКИН В. Ф. Встречное движение, № 6

ТАЛИПОВ К. Т., ДЖАЛИЛОВ З. Г. Народное образование: синьцзянский опыт, № 2

ТЕЛЕШЕВСКАЯ А. М. Ученые КНР о национальной психологии китайцев, № 2

УСОВ В. Н. Кампании реабилитации в Китае, № 5

ХАНСЕН Р., БОГОЛЮБОВ Г. А. Кампунья: возрождение культуры, № 3

ЧИЖОВ Б. К. Лекция китайского ученого, № 1

ЧУДОДЕЕВ Ю. В. Советские летчики в Китае, № 4

ЮРЬЕВ Ю. Е. СССР — Япония: на пути к взаимопониманию, № 4

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

БОГАЧИХИН М. М. Цигун: невероятное и очевидное, № 4

ГУЛЬЕВ И. Л. Восточные единоборства: Этика и психология, № 5

ДОЛИН А. А. Легендарный монастырь, или Традиции ушу (окончание), № 1

ДОЛИН А. А. «Наука жизни» древних даосов, № 2—3

ДОЛИН А. А. Путь самурая (1 часть), № 6

ЗАВЬЯЛОВА О. И. Токио книжный, № 3

МАРКАРЬЯН С. Б., МОЛОДЯКОВА Э. В. Праздники в жизни японцев, № 4

НИКОЛАЕНКО Н. П. Икэбана. Школа «Согэцу», № 4

НИКОЛАЕНКО Н. П. Икэбана в Москве, № 2

НИКОЛАЕНКО Н. П. Как встречают Новый год японцы, № 6

НОЗДРЕВА Р. Б. Икэбана. Поэзия в цветах, № 1

НОЗДРЕВА Р. Б. Икэбана: школы и направления, № 3

СИДИХМЕНОВ В. Я. Год Лошади, № 6

СИДИХМЕНОВ В. Я. Сон разума рождает чудовищ (О суевериях в Китае), № 4

СИЛА-НОВИЦКАЯ Т. Г. Конец эры Сёва, № 2

СМОЛЕНСКИЙ А. А. Год Змеи, № 1

УШАКОВ Ю. А. Секреты китайской кухни, № 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

БОГДАНОВ В. В. Командор Алексей Чи-

риков (Неизвестные страницы биографии), № 2

ЗАДОРНОВ Н. П. «...И призадумался великий», № 1

КУЗНЕЦОВ В. С. Секрет вечной жизни, № 2

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

АРУНОВ В. В. Судьба китайского маршала, № 2

БУГАЕВ Ю. Е. XXI век — эпоха азиатско-тихоокеанского региона, № 6

ГАНШИН Г. А. КНР: четыре десятилетия развития, № 5

ИМАМОВ Э. З. Современное китайское право, № 3

ИТС Р. Ф. Этнические процессы в Камбодже, № 6

МАКАРОВ А. А. Романы Н. Задорнова в Японии, № 6

ОВЧИННИКОВ Ю. М. Исследования историков, № 2

ПАК В. К. Из истории советско-корейских отношений, № 2

ПЕРЕЛОМОВ Л. С. Социальная утопия в политической культуре, № 2

СТОЛЯРОВ Ю. С. Совместный труд советских и американских исследователей, № 6

ФЕОКТИСТОВ В. Ф. Полезное пособие по истории китайской философии, № 5

ЧИЧЕРОВ А. И. Трилоги Натх Кауль: размышления дипломата и ученого, № 4

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

О чем пишут читатели, № 3

«ПДВ» и его читатели (Итоги опроса), № 6

СТОЦЕНКО А. В. О «великих стройках» Дальнего Востока (Записки заслуженного деятеля науки СССР), № 3

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

70-летие Л. Н. Кутакова, № 6

НАША АНКЕТА

Анкета «ПДВ», № 1

Памяти Г. Ф. Кима, № 4

Памяти А. Г. Крымова (Го Шаотана), № 2

Памяти В. И. Рогова, № 2

Памяти Г. Ф. Салтыкова, № 4

Памяти Чжао Сюнь, № 2

НАШ ЖУРНАЛ В 1990 ГОДУ ДЛЯ ВАС, ЧИТАТЕЛИ!

— Экономика Китая: Чрезвычайные меры по «оздоровлению» или реформа? Труд и зарплата, проблема экономической преступности, борьба с инфляцией (китайский вариант).

— Мемуары политиков, дипломатов, военных.

— Визит Н. С. Хрущева в Пекин.

— Троцкий и Чан Кайши.

— Портреты политических деятелей: Чэнь Дусю, Фэн Юйсяна, Ху Ши, Накасонэ, Окита, Акихито, Макартура.

— Китайские писатели Ба Цзинь и Фэн Цицай о репрессиях в годы «культурной революции».

— Макс Вебер о китайской цивилизации.

— Из жизни советских востоковедов Алексеева, Невского, Вельгуса.

— Япония: экономика без военной промышленности; города будущего — технополисы: управление и повышение качества; менеджмент и бюрократия по-японски; синтоизм и понятие «малой родины».

— Южная Корея: механизм демократии, истоки «экономического чуда».

— Религии и оккультные науки Востока.

Журнал планирует открыть новые рубрики

— Тайное становится явным. Очерки, воспоминания, открытия.

— Дальневосточная политика царской России.

— Восточный детектив, фантастика и приключения.

Будут продолжены наиболее популярные у читателей рубрики

«КЛУБ КОНФУЦИЯ» («Ян» и «Инь» — мужское и женское начала в китайской философии, способы психовоздействия даосов и др.)

«МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ» (Прославленные мастера, единоборств и их методики, секреты китайская церемония, рецепты национальных)

Если Вы не хотите пропустить интересные материалы, обязательно подпишитесь на наш журнал. В редакционных отделениях связи, агентствах «Союзпечать» и «Союзинформ» подписка осуществляется с любого месяца и без ограничений. Цена 4 руб. 20 коп. Наш индекс 70758.

Технический редактор

Сдано в набор 22.09.89 Подписано в печать 21.11.89
офсетная. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 10
Тираж 14339 экз. Заказ №

Ордена Трудового Красного Знамени
Государственного комитета Совета Министров
полиграфии и книжной торговли 119817. ГС
Ордена Трудового Красного Знамени
комбинат Государственный
по печатному делу
142300, г. Чехов Московской области